

У медведя на бору

КНИГА СКАЗОК

Астрология. Метафора. Миф

Издательство Эдитус
Москва

2021

УДК 39:21
ББК 82:86.31
У52

Автор-составитель
Ирина Александровна Щукина

У медведя на бору : Книга сказок : Астрология. Мета-
У52 фора. Миф : 16+ / авт.-сост. И. А. Щукина. — Москва : Эди-
тус, 2021. — 560 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-00149-644-1

«Песни и сказки сочиняют морские цыганки, вроде русалок... — рассказывал поморский сказочник Филипп Господарёв. — А люди, такие спецы, сидят на берегу и слушают, и записывают...»

Но о чем они, наши сказки? Кто такая Баба-Яга? Каков смысл истории, называемой основным мифом, — истории о Змее, повергаемом Громовержцем? Почему древние так почитали хлеб, для чего строили пирамиды? Символом чего был для них календарь? И чем был символ?..

УДК 39:21
ББК 82:86.31

PDF-файл книги можно бесплатно скачать
с сайта <https://liveplanets.ru>.

ISBN 978-5-00149-644-1

© И. А. Щукина, текст, составление,
общая редакция, 2021
© Ф. О. Щукин, дизайн обложки, 2021

«**П**есни и сказки сочиняют морские цыганки, вроде русалок, — рассказывал поморский сказочник Филипп Господарёв. — Они в море сидят и песни поют и сказки сказывают. Зато без девушки ни одна песня не поется, ни одна сказка не сказывается. А люди, такие спецы, сидят на берегу и слушают и записывают: какой мотив песни и какая песня, и сказки записывают; и спускают написанное по свету. Вот один читает, а другой слушает, а этот передает другому, а другой — третьему, а третий — четвертому... Так они и идут своей дорогой, как мы скажем сейчас: есть у нас ряса, по всему свету растяглась, от конца до конца, куда ни иди — все тут она»¹.

Но о чем они, наши сказки? Кто такая Баба-Яга? Каков смысл истории, называемой основным мифом, — истории о Змее, повергаемом Громовержцем? Почему древние так почитали хлеб, для чего строили Пирамиды? Символом чего был для них календарь? И чем был символ?..

Мы отправляемся в дивный сад мифов и легенд, сказок и преданий, обычаев и обрядов наших предков... А ехать-то нам во путь, во дороженьку, ехать нам под кудрявые облака, под частые звезды, ехать нам чистыми полями, зелеными лугами, ракитовыми кустами да калиновыми мостами!

¹ Откудава начинаются песни и сказки // Сказки Филиппа Павловича Господарева. Петрозаводск : Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941. С. 59, № 1.

От автора-составителя

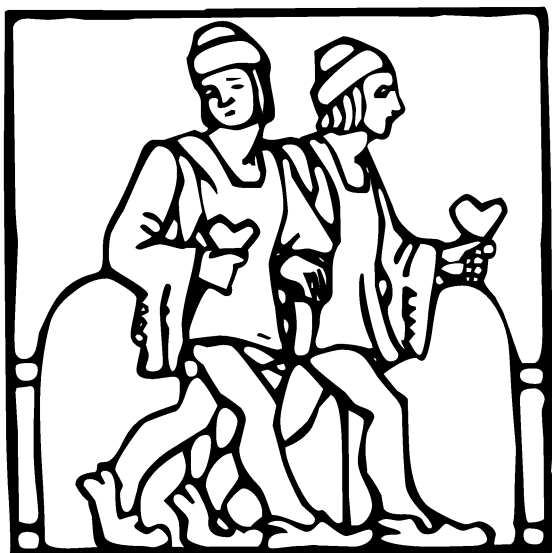
Начало книге положили мои статьи конца 1990-х годов, публиковавшиеся в журнале «Свет» («Природа и человек»). Они и составили первую, философическую, часть Книги сказок. Постепенно мои штудии обрастали плотью — историями, легендами, сказками. Существовавший поначалу как приложение к основному тексту справочный астрологический аппарат вырос в самостоятельный раздел. Так, к осени 2000 года, сложилась эта Книга сказок...

Тексты для книги отбирались таким образом, чтобы различные стороны народной жизни и творчества — сказки и игры, песни и странные рассказы — свидетельствовали об одном: жившие до нас люди обладали удивительной по красоте и цельности системой знаний о мире, где *все сущее вплеталось в единую ткань Творения, все дышало Единым, и Единый пребывал во всем...*

Астрологические и фольклорные материалы подготовлены к публикации мною, в последних по возможности сохранены лексические и фонетические особенности речи исполнителей. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным. В белорусских и украинских текстах — орфография оригинала. Тексты приводятся в современной графике. Географические названия соответствуют административному делению России на момент записи текстов. Для записей, сделанных до революции, приводятся губерния и уезд, для записей после 1917 года — область и район.

Ирина Щукина

**Часть I,
философическая.
Про Солнце, про Машу
да про заваренную
ими кашу**

Предисловие

Язычество... Что мы о нем знаем? Предки наши — славяне, что знаем мы о них? И что от них осталось?

Память народная сохранила нам волшебные сказки — кладезь народной мудрости. Мы имеем богатую языческую мифологию, нам знакомы имена языческих богов: Перуна, Велеса, Ярилы, Макоши... В народной среде и по сей день бытуют многие обряды, празднества, связанные с языческим культом и теряющие свое начало во глубине веков.

Какое же послание закодировали древние в сказках и преданиях, в стихах и песнях, что было положено в основу культовой обрядности и календарного цикла древних?

В народном творчестве нашли свое отражение вечные проблемы жизни человека, его выбора между Добром и Злом. Жизнь и Смерть, Земля и Небо, место человека в мироздании — этими вопросами издревле задавались люди. И свой взгляд на мироустройство древние передали нам языком мифа, языком символа. А могло ли оно дойти до нас иначе, как не через язык вечных образов, через иносказание?

Но утеряны ключики к ларцу знаний. Как писал Константин Бальмонт,

Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть,
Свет Луны они забыли, потеряли Млечный Путь.

Развенчав Царицу-Воду, отрекаясь от Огня,
Изменили всю Природу, замок Ночи, праздник Дня.

В тюрьмах дум своих, в сщепленье зданий-склепов,
слов-могил
Позабыли о теченье Чисел, Вечности, Светил...

Языческой мифологией занимается лишь горстка исследователей-специалистов. Тогда как наших предков мистерии их богов сопровождали на каждом шагу. Гремел гром, говорили: «Перун на колеснице проехал». Сейчас же мы задаемся вопросами: Какой смысл заключен в вязи бытового орнамента? О чем говорит узорчье русских вышивок? В наше время это стало предметом до-

гадок, изучения, «научного поиска». А ведь когда-то все это было неотъемлемой частью существования, частью повседневной жизни.

Воистину прав поющий старец:

Как же мне, старцу
Старому, не плакать.
Как же мне, старому, не рыдать:
Потерял я книгу золотую
Во темном бору,
Уронил я ключ от церкви
В сине море.

Но отвечает старцу Господь Бог:

Ты не плачь, старец, не вздыхай,
Книгу новую я вытку звездами,
Золотой ключ волной выплесну.

В этом провозвестии будем черпать мы силы и надежду на то, что раскроются перед нами кладовые мудрости наших предков. Ведь именно «звезды и круг» называл и Сергей Есенин в «Ключах Марии» «знаками той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования»¹.

Будем искать ключи, что обронила утренняя заря — денница, — ключи от старой церкви...

¹ Есенин С. А. Ключи Марии // Собр. соч. : в 3 т. М. : Правда, 1970. Т. 3. С. 136.

Глава первая. Громовержец Перун, огнекудрый наш Бог

Ох, бирюзовые золоты колечки
Да раскатились ой да по лужку.
Ты ушел, и твои плечики
Да скрылись в ночную тьму...

*Значение имени «Перун». — Лунные узлы — голова и хвост Дракона. —
Борьба Перуна и Велеса. — Брачный союз Неба и Земли. — Мировое древо. —
Прозерпина — владычица алхимии и трансмутации. — Иванов день. —
Кощей Бессмертный*

Начнем же читать странички вытканной звездами грамоты. Попробуем понять, кем же был для наших предков называемый сегодня главой языческого пантеона богов Перун.

Упоминание имени Перуна мы находим во множестве дошедших до нас письменных источников. Обширен также относящийся к нему фольклорный материал. Существует множество топонимов (географических названий), связанных с ним. Именем Перуна начинаются перечни богов, что позволяет считать его верховным божеством славян.

Культ Перуна мы наблюдаем и у других народов: у литовцев — Перкунас, у латышей — Перконс, у кельтов — Перкуния, у фракийцев — Перкун... У греков таким богом был Зевс, у римлян — Юпитер. В мифологии индийских «Вед» это — многоликий Индра.

Итак, Перун — верховный бог славян — повелевал громом и молнией, был подателем живительного для земли дождя.

Вот как представлен Перун в древнем гимне, приводимом Г. А. Глинкой в «Древней религии славян» (Митава, 1804):

Боги велики, но страшен Перун!
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он, в предшестве молний своих,
Мраком одеян, вихрьми повит,
Грозные тучи ведет за собою.
Ступит на облак — огни из-под пят,

Ризой махнет — побагровеет твердь,
Взглянет на землю — встрепещет земля,
Взглянет на море — котлом закипит.
Клонятся горы былинкой пред ним.
Страшне! Свой гнев ты от нас отврати!
Бросив горсть граду во тысячу мер¹,
Только ступил, уж за тысячу верст;
Лишь от пяты его облак зардел.
Тяжка стопа гул глухой издала,
Кой горы, море и землю потряс,
И лишь сверкнуло возкраие риз².

Непременным божественным атрибутом Перуна была палица, почитавшаяся еще скифами. Позднее Перунова палица стала символом власти вообще. Ее мы находим и в царском скипетре, и в жреческом и судейском жезлах.

По преданию, грозный славянский бог разъезжает по небу на колеснице и сыплет на землю стрелы-молнии. Его противником выступает другое славянское божество — ящероподобный Велес, крадущий у громовержца коров, или — в широком смысле — Змей, которого верховный владыка повергает в процессе циклической трансформации природы.

По описаниям, которые мы находим у Нестора в его «Повести временных лет» и в Густынской летописи, голова деревянного идола Перуна была серебряной, уши и усы — золотыми, а ноги — железными. В руке же он держал каменное подобие стрелы, осыпанной яхонтами.

Во «Владимириаде» Михаила Хераскова Перун описан несколько иначе:

Сей мрачный храм³ вмещал ужасного кумира,
На нем златый венец, багровая порфира.
Извитые в руке перуны он держал,
Которыми разить во гневе угрожал.
Златые на челе имел велики роги,

¹ Объяснение старых мер, встречающихся в тексте, см. в конце книги (с. 531).

² Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава : Тип. И. Ф. Штефенгагена и сына, 1804. С. 28–29.

³ В Киеве храм Перуна сооружен был на холме над Боричевым потоком.

Серебряную грудь имел, железны ноги.
Горел рубинами его высокой трон,
И богом всех богов именовался он.

Храмом Перуна славяне называли дуб, в ветвях которого он пребывал во время грозы. Отцу богов Зевсу посвящали также дуб греки и римляне. В особом почете были дубы и у кельтов.

Это — коротко то, что нам известно о Перуне. Сможем ли мы собрать все это воедино и придать дошедшим до нас мифологическим сказаниям вид цельной картины? Будем искать ключи.

Начнем с исследования собственно имени Бога-громовержца — Перун. Язык является знаковой системой:

Язык всем знаниям и всей природе ключ,
Во слове всех существ содержится картина.

Г. Р. Державин

Письмо — тоже знаковая система. Символическим является язык планет, используемый в астрологии. Для выведения же связанных с языком планетарных закономерностей исследуем язык с точки зрения числа: числовой метод основан на целостности мироздания, и число является абстрактной формой выражения единого космического закона.

Выберем 12-уровневую систему квантования алфавита — раскладки его по числам. Система эта имеет следующий вид:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	22
а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к
л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц
ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я			

Считаем.

Перун: $5 + 6 + 6 + 9 + 3 = 29 = 11$. Получаем число Заходящего узла Луны (29) и в сумме — число Прозерпины (11)¹.

Посмотрим имена других языческих богов. Выявим ли мы какие-либо закономерности?

¹ Планетарно-числовые соответствия см. в части II (с. 169), символические обозначения упоминаемых в книге небесных объектов — в части IV (с. 532).

Имя *Сварог* при нумерологическом суммировании дает число 25 (число Козерога). Понятно, что Сварог — Творец — и должен быть связан с вершиной Зодиакального круга.

Имя *Хорс* (ночное солнце) даст число Озириса (28).

Симаргл, имевший облик крылатого пса, не кто иной, конечно, как Анубис (31).

Суммируя числовые значения букв имени *Род*, получаем число Тельца (15).

Ярило даст нам, как и ожидалось, число Марса (3)...

Таким образом, мы видим, что система в целом работает, что, в общем-то, не может не удивлять. И описания богов, и цифровые корни их имен дают одни и те же результаты.

Заметим, что при поиске нумерологических соответствий важна изначальная чистота языка, а также подбор системы квантования алфавита. Система эта должна быть связана с природой определенного языка и задачами его изучения. Так, бытовой уровень функционирования русского языка хорошо описывается 7-уровневой системой — она задается Сатурном — управителем Водолея, знака, связываемого с Россией. Иной, потаенный, срез мы выявим по 12-уровневой системе, которая заканчивается Вулканом (22), скрытой за Солнцем планетой.

Вопрос, как мы уже сказали, и в том, является ли язык живой системой или «пустым звуком», передает ли он стоящие за ним метафизические реалии, сохранил ли он, наконец, свое магическое значение? И пусть утерян смысл каких-то слов, но имена богов должны что-то означать! И если не в современном языке, то на том языке, когда они были живы. Но мы видим, что жизнь языческих богов и в современном русском языке продолжается. Мы их хоронили, а они не померли.

А что же наш Перун? На первый взгляд в отношении Перуна мы получаем нечто выпадающее из хорошо работающей системы. Следуя стереотипу, мы ожидали бы увидеть здесь Юпитер, но его здесь нет. А где он есть? Он есть у Велеса — «противника» Перуна. Запомним это, а пока присмотримся повнимательнее к Перуну¹.

Обратимся к этимологии слова «Перун». Установлено, что ко-

¹ Интересно, что число Юпитера (5) дает как раз 7-уровневая система, выявляющая связи, лежащие на поверхности. Это же число мы получим и при суммировании числовых значений букв кириллического алфавита (ПЕРОУНЬ): 80 («покой») + 5 («есть») + 100 («рцы») + 400 («ук») + 50 («наш») = 635 = 14 = 5; буква «ер» (на конце слова) не имела числового значения.

рень этого имени означает в широком смысле «ударять, бить, наносить удар». Так не связано ли значение имени Перун (тот, кто ударяет) со значением Заходящего узла Луны? Связано. Влияние Заходящего лунного узла астрологами интерпретируется как зло-вредное, связанное с напряжением и лишениями, ударами.

Идем дальше. Истукан Перуна имел серебряную голову и золотые усы (или «золотые роги и серебряную грудь») — символические обозначения Луны и Солнца. В астрономическом же смысле Узлы и есть точки пересечения орбиты Луны с плоскостью эклиптики (видимым движением Солнца). Узлы есть точки пересечения Духа и Души человека.

И коли речь зашла об узлах Луны, нам, видимо, следует остановиться на них поподробнее и вспомнить связанные с ними мифологемы.

Кто-то мне судьбу предскажет?

Кто-то завтра, милый мой,

На груди моей развяжет

Узел, стянутый тобой?..

Узлы, как мы уже сказали, есть точки соприкосновения Солнца и Луны, Духа и порождаемой им Души. Точки, где перерезается своего рода небесная пуповина, где душа, опускаясь на землю, в проявленный мир, обретает самостоятельную жизнь.

Лунные узлы также всегда символически связывали с некими загадочными драконами, или змеями, которые, держа в пасти свой хвост, опоясывают земной шар множеством колец. Указание на эту связь мы находим и в названиях Северного и Южного узлов — Голова и Хвост дракона, и в таких понятиях, как драконический год, драконический период.

Если мы обратимся к мифологии различных народов мира, то найдем здесь множество легенд о том, как боги или герои сражаются с неким змеем, отрубая ему голову, разрубая его на известные нам голову и хвост дракона — Северный и Южный узлы. Это и Индра, борющийся со Вритрой, и Зевс, повергающий Тифона, в славянском язычестве это — Перун и противостоящий ему Велес.

Соотнося борьбу мифических персонажей с темой лунных узлов, приведем здесь языческое предание на этот счет.

Перун, в образе всадника на коне или на колеснице, преследует ящероподобного Велеса, крадущего у него коров (по другой версии — похищающего у него жену). Последовательно прячущегося от Перуна в дереве, камне, в человеке, животных, в воде Велеса бог-громовник рассекает молнией на части и разбрасывает их в разные стороны. После победы Перуна над змеевидным врагом освобождаются воды (скот, похищенная противником женщина) и проливается дождь.

О чем здесь идет речь? Правомерно допустить, что ящероподобный Велес и есть в нашем случае тот самый дракон, или змей, который оставляет свой хвост на земле: известна способность ящериц отбрасывать хвост. Интересно, что Заходящий лунный узел, называемый в индийской астрологии Кету, означает на санскрите именно «стрелу». Кету, тело Раху, упавшее на землю, создает царство драгоценностей, царство мудрости. К теме кладов, образуемых хвостом дракона, мы еще вернемся, а пока продолжим интерпретацию мифа о Перуне.

Перун представлен в образе всадника, а коня люди еще в глубокой древности символически связывали с Солнцем. Солнечный год с его 12 месяцами соотносили с конем, поскольку период беременности лошади составляет те же 12 месяцев.

Таким образом, мы можем предположить, что иносказательно речь здесь идет о смещении по Зодиакальному кругу оси Заходящий — Восходящий узел. Зодиак выступает здесь в роли Перунова лука, а узловая ось — Перуновых стрел.

Но помимо темы «солнечного коня» существовала также тема «лунного быка»: период стельности коровы равняется 10 лунным месяцам, как и период вынашивания плода у человека (обретения душою плоти). Корова, символически связываемая с Луной, представляет в мифологическом сознании древних душу человеческую.

Велес «крадет» у Перуна, таким образом, души. Кроме того, сказано, что он их пасет. Число нумерологического кода имени «Велес» — 23 (число Стрельца) и в сумме 5 (число Юпитера). То есть Велес выступает в роли некоего духовного пастыря. Не случайно в этой связи обращение автора «Слова о полку Игореве» к Бояну: «Вещий Бояне, Велесов внуче!» Интересно, что именно обитель Юпитера — Стрелец — является знаком экзальтации Заходящего узла.

Иначе Велеса называли медведем. А кто такой медведь в русских сказках? Медведь олицетворял собой Землю как одно из четырех начал. То есть, Земля, мир форм, «крадет» у Неба души людей.

Если мы обратимся к китайской культуре, то увидим, что именно пятерку (число Велеса) китайцы считали первым дэновским числом, числом абсолютного равновесия. Они утверждали, что в этом числе происходит взаимодействие всех частей астрала, и связывали его опять-таки со стихией земли. Именно пятерка находится в центре первого магического квадрата (три на три) — квадрата Сатурна:

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Центральное поле было символом земного, проявленного мира, в котором стихия земли является ареной взаимодействия четырех стихий¹.

А вот какую историю о том, как появился крокодил (Велес тоже им был), рассказывают папуасы маринд-аним (Новая Гвинея).

Дёмы² приплыли на лодке в деревню Киву, близ Иволье. Там они сошли на берег, а лодку привязали к бревну. Женщины развели огонь и стали жарить рыбу.

В это время с моря пришла большая приливная волна. Она раскачала лодку и вместе с бревном утащила в море. Бревно волны вскоре выбросили на берег и стали перекачивать по песку. Вдруг у него выросли четыре ноги, один конец его превратился в голову, другой — в хвост. Бревно стало крокодилом. Никто этого не заметил.

На берегу купались дети. Крокодил медленно подполз к ним, незаметно схватил одного из мальчиков и утащил в воду.

Только одна старая женщина увидела это. Она поскорее позвала мужчин, и те поспешили на берег с луками и стрелами. Но на берегу они увидели только бревно, которое перекачивали волны.

¹ Числа 1 и 6 относятся к стихии воды, 2 и 7 связаны со стихией огня, 3 и 8 — дерева, 4 и 9 — металла. Сумма чисел каждого столбца, каждой строчки и диагонали — 15 (число Тельца), сумма чисел по периметру — 40.

² Первопредки.

— Подождите немного, — сказала старуха. — Вот увидите, как только к этому бревну приблизится купающийся мальчик, оно опять превратится в крокодила.

В самом деле, едва к бревну приблизился купальщик, оно опять превратилось в крокодила. Но когда крокодил захотел схватить мальчика, люди стали стрелять в него из луков и бросать копья. Некоторые из них попали в крокодила. Тот быстро ушел под воду. На поверхность всплыло лишь несколько пузырьков воздуха.

Люди долго ждали, когда крокодил появится над водой опять, раненый или мертвый. Ведь в теле его застряли стрелы и копья. Но он не всплывал.

— Кто попробует нырнуть и накинёт на крокодила ротановую¹ петлю? — спросил наконец один из мужчин. — Мы тогда сможем вытащить его на берег.

Сделать это вызвался один из мальчиков, по имени Гуэра. Он взял петлю из ротановых стеблей и нырнул под воду. При нем была длинная трубка из бамбука с пробитыми перегородками. С ее помощью он мог дышать и оставаться под водой очень долго.

А крокодил устроил себе жилище на морском дне. Дом его был полон добытых голов. Это был не простой крокодил, а дема, поэтому он вовсе не умер, как думали люди, и Гуэра завел с ним разговор.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Меня зовут Угнемау, — отвечал крокодил. — Возвращаясь наверх и позови свою сестру Дамун. Скажи ей, пусть сделает саговую муку², захватит саговых листьев и спустится сюда, чтобы приготовить мне еду.

Пока он говорил, Гуэра сумел незаметно накинуть ротановую петлю на ноги крокодила и на его пасть. Потом он быстро вынырнул на поверхность и отдал людям концы ротановых петель. С большим трудом крокодила вытащили на берег и убили.

Целый день людям пришлось разделять крокодила, так он был велик. Потом они зажарили крокодилье мясо. А вечером старики затянули траурный напев — ярут — и пели его до утра. Юноши тем временем угощались жареным крокодильим мясом.

Кости крокодила сложили в сторонке. Наутро из них выросла саговая пальма, какой прежде не видывали. Женщины стали го-

¹ Из *ротанга* — одного из родов пальм. Ротанг относится к лазящим лианам. Стебли некоторых видов ротанга достигают в длину 200–300 м.

² Приготавливается из крахмалистой массы, извлекаемой из сердцевины саговой пальмы. Пальма эта — одна из основных продовольственных культур папуасов.

товить саговую муку. Это заняло несколько дней. Потом жители деревни и гости, приплывшие на лодке, стали готовить пироги из саго с крокодилим мясом.

На земле осталась лежать лишь верхушка саговой пальмы. Из нее собирались позднее приготовить тушеное блюдо. Однако на другое утро она вдруг тоже превратилась в крокодила ¹.

Крокодилийх пирогов мы поедим в следующей главе, а пока вернемся к Громовержцу.

С чем в первую голову ассоциируется Перун? С молнией, громом и изливающимся с неба плодородным дождем. Высек пламя Илмаринен ², говорили в Беломорской Карелии.

В физическом смысле молния — это электрический разряд между небом и землей, разряд скопившегося в атмосфере электричества. Насыщенные влагой горячие потоки воздуха, поднимаясь вверх, электризуются. Положительно заряженные градинки устремляются вверх, отрицательные скапливаются внизу облака — и притягиваются положительным зарядом земли. Вспыхивает молния, сопровождаемая громом.

Таким образом, молнией символически сопровождается брачный союз Неба и Земли, процесс нисхождения человеческой монады в мир форм. Дух засекает Землю. Проливается обильный дождь.

Схожий миф рассказывают в Новой Зеландии.

Все люди произошли от общих предков — от беспредельного Неба, простирающегося над нами, и от лежащей под нами Земли.

Предками всего, что существует, были Ранги (Небо) и Папа (Земля).

Сначала Ранги и Папа не были разделены и лежали, прильнув друг к другу. Поэтому на земле и на небе была тьма.

Сейчас же беспредельное Небо отделено от своей супруги Земли. Но их взаимная любовь продолжается. Нежные вздохи летят к Небу из земной груди, поднимаясь над лесистыми горами и долинами. Люди называют эти вздохи туманами. И беспредельное Небо, отделенное от своей возлюбленной, скорбит о ней долгими ночами и роняет слезы на ее грудь. А люди называют эти слезы каплями росы.

¹ Источники фольклорных текстов и комментарии к ним см. в части IV.

² В карело-финской мифологии — бог, выковавший небесный свод, «вековечный кователь».

Между небом и землей

Поросенок рылся

И нечаянно хвостом

К небу прицепился

Теперь мы сможем оценить всю красоту древнего поэтического языка, того, что вся эта живописная картина уподоблялась древними дубу с его кроной, напоминающей грозовые тучи. Дуб, как уже было сказано, славяне считали храмом Перуна. Именно из дубов, росших в священных рощах, делали идолов Перуна. Дуб, таким образом, выступает как Мировое древо, символизирующее развитие жизни. Вспомним народную загадку: «Стоит дуб, на дубу 12 гнезд...» Перуна же мы можем назвать **владыкой Зодиакального круга**, или, в переводе с греческого, Круга Жизни.

Дуб выступает своего рода точкой включения, точкой сборки гороскопа. Равно как пятая стихия — стихия дерева — является центральной, объединяющей противоположащие друг другу стихии. Пятая стихия есть универсальное начало, где сходятся между собой Небо и Земля, где движение по горизонтали и вертикали сворачивается в одной точке. Являясь вершиной четверки стихий, квадрата (фигуры на плоскости), пятая точка образует, таким образом, пирамиду.

К ветвям дуба древние подвешивали кости кабана, инкрустировали также его ствол. Так, в 1910 году при углублении русла Десны строители обнаружили на дне реки ствол дуба, а в нем — четыре челюсти дикого кабана, образовывавшие правильный четырехугольник¹.

Мир для нашего предка был целен. Животные, растения, все сущее вплеталось в единую ткань творения. Сознание было метафорично и связывало различные для нас уровни проявления. Так что же могло связывать Перунов дуб с кабаном?

Здесь сразу следует заметить, что система, бытовавшая повсюду в народе, не должна быть сложной. Она должна быть красивой и — очевидной. Иначе она бы не прижилась. Знание, лишённое поэзии, не станет столь распространенным.

Итак, кабан. Что мы о нем знаем? Природа наделила его недюжинной силой, выносливостью и неприхотливостью. Он мо-

¹ См. об этом: Болсуновский К. В. Памятники славянской мифологии. Вып. 2 : Перунов дуб. Киев : Типолитограф. С. В. Кульженко, 1914.

жет вступать в схватку с волком, медведем, тигром и выходить из нее победителем. Значительную часть пищи, примерно две трети, кабан достает из-под земли. Характерный способ добычи пищи для кабана — это рытье. Рыло зверя, клыки, челюсти представляют собой великолепный землеройный механизм.

Теперь становится понятным, почему челюсти именно этого животного были вделаны в ствол найденного на дне Десны дуба. Кабан и был для древних олицетворением Колеса Жизни числом спиц — 12 (именно столько у свиньи, как правило, и сосцов, и 12 знаков-месяцев — будто прильнувшие к мамке поросята). Колеса́, непрестанно опускающего и возносящего души. Колеса́, заставляющего нас рыть Землю носом, проходя ее школу.

У живущих на Кольском полуострове саамов Круг Жизни олицетворял Златорогий Олень — Мяндаш. Его, чьи золотые рога символизировали бегущее по Зодиаку Солнце, саамы называли своим легендарным предком¹.

Бежит Мяндаш, шелестят ему кормные травы и белые ягели, в родниках омывает копыта он, золотые рога на землю сбрасывает.

Великий Тьермес гонит грозовые тучи. Голова его в небо уходит — десять кражевых сосен его рост. Зеленый мох — его волосы, рвут их все ветры и никогда не сорвут. В руках его радуга, и мечет он молнии.

Собаки бегут впереди — каждая с ездового оленя.

Тьермес видит добычу, Тьермес смеется, и громы грохочут, и небо высоко уходит и падает вниз.

Охотится Тьермес. Он бежит; там, где стопы его коснутся земли, перевалами расступятся горы, полягут леса, два лога протянутся и потекут реки.

Из-за Норвегии, из-за Лимандров далеких, где не нашей жизни начало, гонит Тьермес добычу. Она впереди, никогда не видима богу, но близка ему для удара — вот-вот ударит молнией в сердце.

То бежит Златорогий Олень. Белый он, его шерсть серебристее снега. Черную голову держит высоко, закинул рога, летит на невидимых крыльях. Ветры вольные — его дыханье, они несут его

¹ Олени, переходя с летних пастбищ на зимние (и обратно), могут преодолевать свыше 1 тыс. километров. Они — одни из немногих млекопитающих, перемещающихся на столь значительные расстояния, — подобно совершающему свой путь солнцу.

в его пути. Глаза его полузакрыты, но не смотри в них, человек, — от силы их ты будешь слеп. Закрой свои уши, когда услышишь бег, — от той силы ты будешь глух. Опалит он тебя своим дыханием — и ты будешь нем.

Из-за Каменского, из-за Имандры, из нутра Матерой земли бежит Мяндаш — дикий олень. Мяндаш-пырре имя ему, он начало дикарьского кёгору¹. Мяндаш-пырре — начало жизни и краю. От края до края земли, от начала не наших пределов Мяндаш-пырре бежит.

Путь его — солнца путь, туда ему бег.

Когда великий Тьермес настигнет Мяндаш-пырре и первой стрелой ударит — весь камень гор раздастся и выбросит огонь, все реки потекут назад, иссякнет дождь, иссякнут все озера, море оскудеет. Но солнце будет.

Когда великий Тьермес второй стрелой вопьется в черный лоб меж золотых рогов, огонь охватит землю, горы закипят водой, на месте этих гор поднимутся другие. Сгорят они, как бородатый мох на старых елях. Сгорят полуночные земли, и лед вскипит. Ветер с Севера будет пламенем. Сгорит Старик с Севера.

Когда же на Мяндаш-пырре ринутся собаки и Тьермес вонзит свой нож в живое сердце, тогда конец: упадут с небес все звезды, потухнет старая луна, утонет солнце. На земле же будет прах.

Ты со вечера крестьянка, Завтра будешь госпожа...

Здесь к месту будет продолжить наши нумерологические разыскания. Вспомним получившееся у нас число Перуна — число Прозерпины (11). И здесь объединяются Солнце и Луна ($11 = 1 + 1 = 2$). Мы видим здесь дух, преобразованный в другой дух ($1 + 1$), что означает трансмутацию и видоизменение этого духа, прошедшего через разделение, но соединившегося совершенно на другом уровне. Здесь же и мистерия 11-го дома гороскопа, связанного с освобождением, которое дает единение двух светил, Солнца (1) и Луны ($1 + 1 = 2$). Число 11 связано с миром, который человек меняет под воздействием свободной воли и свободного выбора. Такова мистерия Прозерпины — владычицы алхимии и трансмутации.

Не это ли алхимический процесс превращения вещества в золото? Не здесь ли следует искать «освобождение вод», обретение

¹ Кёгоры — уголья, блага, даваемые оленем.

сказочными героями красавицы-невесты — одним словом, души, прошедшей через разделение и слившейся с Творцом на другом уровне?

Итак, «пароль знали двое» — Ваня и Маня, Солнце и Луна.

Не случайно в этой связи то, что именно 8 огней (число Урана — управителя 11-го дома) было обнаружено в святилище Перуна под Новгородом.

Остатки культового сооружения славян-язычников (капища) были обнаружены в урочище Перынь, что находится у самого истока Волхова близ Ильменского озера.

Во время раскопок, проводившихся в 1951–1952 годах, на небольшом плоском холме была обнаружена круглая, диаметром 21 метр (10 саженей) площадка, в центре которой была выявлена яма, где и стоял деревянный идол Перуна. Площадку окружал ров, представлявший в плане не простое кольцо, а громадный цветок с восемью лепестками. В каждом выступе на дне рва были обнаружены следы кострища.

С числом 8 связана роза ветров, 8 сторон света. В структуру этого числа заложена возможность выхода из линейного однонаправленного времени. Восьмерка — второе по счету дэновское число (после четверки — Меркурия)¹. Уран и есть удвоенный Меркурий. Меркурий — проводник, но проводник односторонний, а восьмерка, включающая в себя два Меркурия, являет собой образ уже двустороннего проводника: с земли на небо и с неба на землю. Не случаен древний символ Урана — две молнии. Молния — орудие смерти, и Уран экзальтирует именно в знаке смерти и преображения — в Скорпионе (здесь же находится и обитель Восходящего узла Луны).

Число 8 связано, таким образом, с освобождением, освобождением именно души, подсознания. Восьмерка содержит в себе 4 Луны ($2 \cdot 4$). Восемь — это Луна, возведенная в третью степень, в степень Марса. То есть душа освобождается посредством нарастающих (степень) волевых усилий.

Число 8 китайцы относили к стихии дерева, объединяющей в себе все стихии. Здесь мы опять приходим к понятию Древа жизни. И того древа, которое призван взрасти в себе человек.

¹ Речь идет о планетарных соотношениях; на стихийном срезе первое — пятавка.

Адам и Ева в райском саду. Уильям Блейк, 1808 г.

Это древо можно назвать и древом познания добра и зла, с которого библейский змей предложил вкусить Еве плод. Еве, сделанной из ребра Адама, образ которого (ребра) напоминает серпик Луны. Интересно, что плод этот связывают именно с яблоком: планета Земля, сплюснутая у полюсов, по форме напоминает яблоко¹. Отсюда и «наливные яблочки» русской поэтической традиции.

Ева дала попробовать плод Адаму, то есть душа-Луна и Солн-

¹ Есть планеты, похожие на груши. Жизнь там, должно быть, слаще.

це, сочетавшись браком, образовали Землю (Земля, являясь в астрологическом смысле дэновской планетой, занимает промежуточное положение между двумя светилами), мир одухотворенной материи, человека. Адам стал первочеловеком, его жена — это его «женская», лунная сущность, его душа¹.

Итак, кабан подбирает желуди с дуба, свинья-копилка собирает золото и серебро.

Жил дед с бабой. И были у них дочери — дедова дочка и бабина дочка. Дедову дочку звали Галя, а бабину — Юля.

Баба дочку свою родную любила да холила, а дедову в черном теле держала, все старалась ее со свету сжить.

Пошел раз дед на ярмарку, купил бычка-третьячка. Привел домой и говорит дочкам:

— Будете пасти его по очереди — одна день и другая день.

Погнала в первый день бычка на пастбище дедова дочка. Злая мачеха дала ей веретено и мешок кудели.

— Смотри, — говорит, — чтоб за день всю кудель спряла, холсты наткала, полотно выбелила, а вечером домой принесла. А не сделаешь — не жить тебе на свете.

Вывела Галя бычка из хлева, погладила его по шее и погнала на пастбище. Гонит, а сама горькими слезами заливается.

Бычок спрашивает:

— Девка-девица, русая косица, ты чего плачешь?

— Да как же мне, бычок, не плакать? Загадала мне мачеха этот мешок кудели спрясть, холсты наткать, полотно выбелить да вечером домой принести... Разве ж я за день с такою работой управлюсь?

— Не плачь, — говорит бычок, — гони меня на шелковую травушку, на свежую росицу, там мы что-нибудь да придумаем.

Пригнала Галя бычка на шелковую травушку, на свежую росицу. Наелся бычок, напасся, а потом и говорит:

— А теперь положи мне в правое ухо кудель и веретено. А сама дохни в левое ухо и смотри, что будет.

Положила Галя бычку в правое ухо кудель и веретено, дохнула в левое ухо и смотрит. А там и кудель уже прядется, и холсты ткуются, и полотно белится и в скаток скатывается...

Когда все было сделано, вынула Галя готовый кусок полотна и веселая погнала бычка домой.

¹ Адам в переводе с древнееврейского — человек (*ādām*). В женском роде это слово означает землю (*ādāmāh*). В латинском языке — та же связь: *homo* — человек и *humus* — земля.

Злая мачеха встречает ее на дворе:

— Ну что, спряла кудель?

— Спряла, — говорит Галя и показывает готовый кусок полотна.

Мачеха так за голову и схватилась: такую работу сделала ее падчерица! А тут и соседки пришли, смотрят, какое тонкое полотно выткала Галя. Все хвалят ее, не нахвалятся.

Пришел черед гнать бычка бабиной дочке Юле. Дала ей мать веретено и полмешка кудели.

— Спряди, — говорит, — доченька, эту кудель, да натки полотна еще лучшего, чем наткала твоя сводная сестра. Хочу, чтоб тебя люди хвалили, а не ее.

Взяла Юля толстую палку и погнала бычка. Гонит да все бьет его палкой. Начал бычок из стороны в сторону кидаться, а Юля за ним бегаёт, клянёт его на чем свет стоит. Бегала, бегала и веретено потеряла.

Пригнала она бычка кое-как на голый выгон, положила кудель, а сама спать завалилась. Бычок раскидал кудель ногами и в грязь втоптал.

Просыпается под вечер Юля, смотрит — кудель в грязь втоптана... Схватила она палку и давай бычка бить. Побежал бычок домой, и она за ним с криком.

Дома мать спрашивает ее:

— Ну как, доченька, сделала работу?

— Да нет, — говорит.

— Почему?

— Бычок виноват. Из-за него я и веретено потеряла, а потом еще и кудель мою в грязь он втоптал.

Обозлилась мачеха на бычка. Пошла к деду и говорит:

— Зарежь, дед, бычка!

— Ты что, одурела, баба? — удивился дед. — Зачем нам резать его?

А баба как затопает ногами, как накинется на деда с кулаками:

— Коли не зарежешь, то я тебя выгоню заодно с твоей дочкою! Ничего не поделаешь — согласился дед зарезать бычка.

Услыхала это Галя, побежала к бычку в хлев, обняла его за шею и залилась слезами.

— Девка-девица, русая косица, чего ты плачешь? — спрашивает бычок.

Рассказала ему Галя, что задумала сделать злая мачеха.

— Не плачь, девка, — говорит бычок. — Лучше послушай, что я тебе скажу. Как зарежут меня, возьми мою печень и найдешь в

ней золотое зернышко. Посади то зернышко в саду возле хаты. Вот и все.

Галя так и сделала, как сказал ей бычок.

И выросла из зернышка яблонька с золотыми яблоками.

Кто идет или едет мимо сада — все любуются золотою яблонькой.

Ехал раз с войны молодой пригожий гусар. Увидал яблоньку и остановился.

Протянул к ней руку, чтоб сорвать золотое яблоко. А яблонька — дзинь, дзинь! — и поднялась вверх.

Опустил гусар руку — стала яблонька опять на прежнее место.

Увидела это в окно Галя и говорит мачехе:

— Пойду я сорву этому пригожему гусару яблочко.

А мачеха как затопает на нее, как закричит:

— Я тебе голову оторву!

Схватила она Галю и посадила ее под корыто, а в сад Юлю послала: пускай, думает, лучше родная дочка сорвет этому гусару яблоко, может, он в нее влюбится.

Подошла Юля к яблоньке, а та — дзинь, дзинь! — и поднялась вверх. Разозлилась Юля на яблоньку, начала ее бранить дурными словами.

А тут как раз гулял по двору петушок. Вскочил он на плетень и закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку-у! Дедова дочка под корытом спрятана, а бабина хочет яблоки ее сорвать да замуж выйти за пана.

Услыхал это гусар, слез с коня и пошел в хату. Нашел там под корытом дедову дочку. Как глянул он на нее, так и глаз не может оторвать — очень она ему понравилась.

— Девка-девица, — позвал ее гусар, — сорви-ка мне золотое яблоко на память со своей яблоньки.

Подошла Галя к яблоньке — и все яблоки упали к ее ногам.

Собрала она их в подол, поднесла гусару. Подхватил ее гусар, усадил на коня рядом с собой и повез к своим родным.

Сыграли они дома свадьбу и стали жить-поживать в мире да согласии. Родился у них сын, да такой пригожий, что отец с матерью не налюбуются им.

А тем временем злая мачеха не спит от зависти, что гусар не ее дочку, а дедову замуж взял. И все думает, как бы ее со свету сжить.

Однажды говорит она своей дочке:

— Сходи-ка ты, доченька, к сестре в гости. Позови ее с собой купаться да утопи...

Юля послушалась, пошла к сестре в гости. Подговорила ее ку-

паться. А на речке и говорит ей:

— Садись, сестрица, на мостки, я тебе плечи помою.

Села Галя на мостки, а Юля столкнула ее в воду и домой убежала.

Ждут дома Галю — нету. Малый сын плачет, никто утешить его не может. Взяла его нянька на руки и пошла вдоль речки, кликая:

— Галя, Галюся, сынок твой плачет, есть хочет! Куры спят, гуси спят, один он не спит, матушки ждет не дожждется...

И слышит она голос из воды:

— Ой, тяжело мне выйти к сыну: камень ноги подбивает, вода очи заливают...

Услыхал сынок материн голос и еще пуще заплакал.

— Ой, иду, сынок, ой, бегу, — откликается мать. — Слышать плач твой, сынок, не могу.

Вышла мать из воды, накормила сына — он и уснул. А сама назад ушла.

Воротилась нянька домой, рассказала, что было возле речки.

Наутро взял сам отец золотое яблоко и сына и пошел на речку. Подошел к берегу и кличет:

— Галя, Галюся, твой сыночек плачет, есть хочет. Куры спят, гуси спят, один он не уснет, тебя ждет не дожждется.

Услыхала мать голос сына и отвечает:

— Ой, иду, сынок, ой, бегу; слышать твой плач, сынок, не могу.

Вышла она на берег, накормила сына — он и уснул.

Тогда муж вынул из кармана золотое яблоко и подал жене. И только надкусила она золотое яблоко — вмиг очнулась.

Обрадовался муж, привел ее домой. И стали они опять жить-поживать хорошо да счастливо.

А злую мачеху с ее дочкой больше к себе и на порог не пускали.

Итак, познание Добра и Зла, разделение Света и Тьмы — вот мистерия человеческой жизни на Земле. Ведь битва со Змеем — это и борьба с низменными проявлениями человеческой природы в собственной душе. Не случайно в связи с этим существование множества сказаний о том, как бог-громовник, а позднее Илья Пророк, преследуют черта молнией-бичом. В народном же эпосе это — Добрыня Никитич, бившийся со Змеем Горынычем «о трех головах, о двенадцати хоботах» (по числу знаков Зодиака), и Илья Муромец, пленивший Соловья-разбойника.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Иван Билибин, 1940 г.

Илья Муромец действует тем же оружием, что и Перун — все сокрушающими стрелами — и выезжает на таком же чудесном коне, как и бог-громовержец.

Конь его словно сокол летит, с горы на гору перескакивает, с холма на холм перемахивает, реки, озера и темные леса промеж ног пропускает, хвостом поля устилает. Окруженный разбойниками, Илья Муромец вынимает тугой лук, вынимает стрелу ка-

леную, натягивает тетиву и пускает стрелу по сыру дубу. Наезжает Илья Муромец на Соловья-разбойника, который свил себе гнездо на 12 дубах и свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом. Илья Муромец сшиб его каленой стрелой и повез с собой в Киев¹.

Таким образом, жизнь человеческая — это поле битвы. Отчего и ноги у идола Перуна были железные. Ноги, как корни дерева, связывают человека с землей. Твердо стоять на земле — значит сражаться: железо ведь металл Марса. Отдохнем, когда умрем. Заметим, что именно так называемые героические эпосы, в аллегорической форме повествующие о земной жизни, земном пути человека, стали теми книгами, которые различные народы пронесли через тысячелетия своей истории.

Голова же идола была серебряной: голова и связана с самостью, с человеческим «я». В Зодиакe же — со знаком Овна, где находится сокровенная обитель Прозерпины, иначе называемой Дазной, или Душой.

И совсем не случайным было то, что именно уши идола были золотыми. Посмотрите на свои уши. На что они похожи? Уши есть подобие человеческого эмбриона, который в зародыше содержит в себе все. Так вот в зародыше, в потенции человек может стать равным Богу, душа — слиться со своим возлюбленным, серебро — с золотом.

Мы видим, что антропоморфных идолов люди ставили себе в подмогу, в напоминание. Сами боги в этом не нуждались.

***Сон придет. Цветок волшебный,
Что блестит однажды в год,
Златоцветный и целебный,
На мгновенье расцветет...²***

Древнее, заповедное знание не было уделом избранных. Мистериями бога-громовика была пропитана вся жизнь народная. С его именем было связано множество календарных праздников, в

¹ Сокращенный пересказ былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», издаваемой А. Н. Афанасьевым в кн. «Поэтические воззрения славян на природу» (Т. 1. М. : Изд. К. Солдатенкова, 1865. С. 305–306).

² Константин Бальмонт, «Папоротник».

народной поэзии, обрядах, обычаях образ Перуна также необычайно «разработан».

Что такое цветок папоротника, называемый Перуновым цветом, как не Лунный узел, похожий на него по начертанию? Нераспустившийся бутон, склоненный книзу, — Восходящий узел Ω ; распустившийся, поднявший головку к Солнцу, — Заходящий U .

По древним поверьям, цветок распускается в тот момент, когда клады, выходя из земли, загораются синими огоньками. Раскрывающийся же с треском бутон папоротника распускается золотым или красным цветком (красным кровавым пламенем). Этот фантастический цветок, называемый в сказках «жар-цветом», — метафора молнии, символ брачного союза, заключаемого между небом, обозначенным здесь активным красным цветом, и землей, связываемой с пассивным синим цветом. (Не этот ли восьмилепестковый цветок мы находим и в капище Перуна?)

Зарытые же в земле клады есть символическое обозначение того, что жизнь на земле дает возможность алхимического преобразования, обретения сокровищ. Цветение папоротника никто никогда не видел: это тайнобрачное растение. Подобно тому, как никто не видит, как свершается таинство возникновения жизни.

Ночь цветения папоротника бывает летом, на Ивана Купалу. Праздник Ивана Купала отмечали в ночь с 23 на 24 июня ст. ст., и связан он был с летним солнцеворотом¹. С теми днями, когда Солнце вступало в знак Рака. Рак — водный знак, обитель Луны. Купальские праздники, таким образом, совершались в честь свадьбы бога солнца, огня, брачующегося с водой. Солнце купалось в воде, отсюда и название праздников — купальские. Те же мотивы мы находим в нашем песенном народном творчестве:

Утонешь ты, дева, в день свадьбы своей.

Поедешь венчаться — обрушится мост...

Кроме того, значение корня слова «купала» близко значениям корней слов «ярый» и «буйный» — белый, ярый, буйный (пышно и сильно растущий). Отсюда слова «купавый» — белый, «купава» — белый цветок, «купавка» — цветочная почка.

¹ Летние солнцестояния в старом летоисчислении приходились на середину июня. В христианской Руси празднество приурочилось к дню Рождества Иоанна Предтечи (24 июня ст. ст.) — Иванову дню.

Один парень пошел Иванов цвет искать, на Ивана на Купалу. Скрал где-то Евангелие, взял простыню и пришел в лес, на поляну. Три круга очертил, разостлал простыню, прочел молитвы, и ровно в полночь расцвел папортник, как звездочка, и стали эти цветки на простыню падать.

Он поднял их и завязал в узел, а сам читает молитвы. Только откуда ни возмись медведи, начальство, буря поднялась... Парень все не выпускает, читает себе знай.

Потом видит: рассветало, и солнце взошло, он встал и пошел. Шел, шел, а узелок в руке держит. Вдруг слышит — позади кто-то едет; оглянулся: катит в красной рубахе, прямо на него; налетел, да как ударит со всего маху — он и выронил узелок.

Смотрит: опять ночь, как была, и нет у него ничего.

Иванов день был величайшим праздником не только наших предков. Праздник Ивана Купала широко отмечался во всей Европе. Во Франции Ивановский костер зажигал сам король.

Какой же смысл закладывали древние в купальские празднества? Солнце, представляющее огненный принцип, и Луна — водный, сочетались браком. Что такое Огонь и Вода, осмысляемые как стихии мироздания? С Водой связано зарождение, возникновение жизни, порождает которую Огонь, возникающий в Воде. Огонь, таким образом, мыслится как движущая сила, Вода же связана с образованием жизни. Тайна рождения связана именно с Раком, другие водные знаки, завершая круг, хранят тайны смерти (Скорпион) и бессмертия, обретения вечности (Рыбы).

Вода и Огонь относятся к изменчивым, динамическим стихиям, с которыми связаны понятия очищения и трансформации. Не находим ли мы здесь объяснения купальским играм, когда парень и девушка, взявшись за руки, прыгали через костер? Когда на заре Иванова дня принято было купаться, а также устраивать баню и на весь год заготавливать веники? Этот день называли еще чистоплотным.

Другим важным элементом купальской обрядности были пускаемые по реке девичьи венки. Венки считались символом бессмертия, символом круга. На венки ставили горящие свечи, символизировавшие душу. Плывущие по воде в вечернее время венки с горящими на них свечами представляли очень красивое зрелище. Это была своего рода мистерия, плавание души по водам жизни.

Вместе воду и огонь мы находим в знаке Скорпиона. Число Скорпиона — 21. Двадцать один — число смерти и преображения, число выхода в иной мир. Именно через 21 день вылупляется из куриного яйца и цыпленок.

Я до тебя не добреду,
Цветок нетленный, цвет мой милый,
Я развожу костер в саду,
Огонь прощальный и унылый.

Цвети во тьме, лелея клад!
Тебя лишь ветер вольно склонит
Да волк, блуждая наугад,
Хвостом ленивым тихо тронет.

В лесу, пред ликом темноты,
Не станешь ты ничьей добычей.
Оберегут тебя цветы,
Да шум сосны, да окрик птичий...

А я у дымного костра
Сжигаю все, что было мило,
Огня бессонная игра
Лицо мне болью оттенила.

Но та же ночь, что сердце жмет
В неумолимых тяжких лапах,
Мне как святыню донесет
Твой несказанный, дальний запах.

Я жду. Рассветный ветерок
Золу рассыплет, дым разгонит,
Я брошу в озеро венок,
И как он медленно потонет!

Владислав Ходасевич, «Цветку Ивановой ночи»

Те же самые темы — темы смерти и бессмертия, обретения иного качества, мы видим и в приложении к Лунным узлам, к Змеям-драконам¹.

Греки называли змея, кусающего свой хвост, Уроборосом. Символически он представлял собой непрекращающийся цикл зарождения жизни, смерти и последующего возрождения. Символ вечности. Змей же, порубленный на куски, оставивший свой хвост на земле, был символом линейного времени, символом преходящей человеческой жизни в плотном мире. Хвост змея — своего рода небесная пуповина, упавшая на Землю. Небесная пуповина, перерезание которой разрывает Уробороса. Круг, таким образом, разомкнут, вечность утеряна.

Одна была девочка, 12-ти лет. Ходила она в пруд купацца, со своим подружкам. Подружки вышли, оделись, — у её одежды нет.

— Ну, идите, как-нибудь розыщете одежду.

Выходит жмей из воды:

— Вот ваша одежда; пойдите ле за меня взамуж?

— Как я пойду? Ведь мене нельзя итти!

— Ну, скажи слово, што «пойду»!

Она сказала, што «пойду». Оделась, приходит домой.

Назад тому проходит четыре года. За одново господина [ее] просватали. Про это дело жмей услышал. Пошел до её, украл ету девочку. Жоних приезжаёт — объёсняют ему. Потужили етому горю. Нехтё не мок пособить.

Прожила она в пруду три года, прижила себе мальчика и девоцьку. Выпросилась на госьти на родину — от жьмея. Отпустил он ее. Приходит блись дому своево; увидала мать в окно, стритила хорошо ее.

— Где, дочка, проживаешь?

— Там и там проживаю я.

— Как приходиш, розговариваш с ним?

— Я приду: «Жьмей, жьмей, отвори мене двери!» То вода раздваиваетца, оказываётца калидор; лисьница крутая.

Мати сжалилась, взяла шашку, дошла до пруда; голос подвёдила, как и дочька разговаривала:

— Зьмей, отвори мне двери, — говорит.

¹ Не случаен образ, выбранный в качестве символического обозначения Лунных узлов, — образ именно дракона, совмещающего в себе все 4 стихии. Пасть его изрыгает огонь. Он крылатый и перемещается по воздуху. Подобно змее, он стелется по земле. И, наконец, является водоплавающим, как крокодил, с которым часто соотносили и Велеса.

Отворил змей двери. Она шашкой все головы сънесла. Вода крѡвьей змутилась.

Приходит назать:

— Ну, я тепере от ётыё напасти тебя освободила! Не пойдешь тепере туда.

Доци услышала розговор, заплакала, не стала завтрику дожидать — взяла мальчика и девочку и потом она заревела: жьмей нѣ жив. Кричит:

— Сынок, будь ты несчастной на век тепере. Ударяйся о землю и делайся воденым раком. Отныне до веку ползай! А ты, дочка, ударяйся о зѣмлю, сделайся плішкой¹ — лети на век порхай. А я ударюся о землю — сделаюсь кокушкой, полетю на весь век коковать. Мы фсе будѣм в поминке. Тебя, сынок, будут дворяна поминать, а меня — хресьяна.

Змеи, таким образом, стали одновременно и символом смерти, и символом бессмертия.

Это же мы видим и в образе Кощея Бессмертного русских народных сказок. Кощей назван бессмертным, но вместе с тем сказочному герою, отыскивающему свою суженую, известно, что смерть Кощеева заключена в яйце. Яйцо есть символ новой жизни. Птенец, вылупляясь из яйца, обретает новое качество, перерождается и умирает для прежней жизни. Сковывавшая его прежде скорлупа отброшена, подобно тому, как, умирая, человек отбрасывает скорлупу своего тела, отбрасывает свой гороскоп и возвращается в вечность.

Это и есть мистерия Прозерпины, мистерия смерти для старого и перехода в иное качество². Прозерпины, чей нумерологический код и заключает в себе имя верховного владыки Неба Перуна, мчащегося по небу на пылающей колеснице и сыплющего на землю огненные стрелы.

Образ всадника, поражающего змея, оказался удивительно живучим — в наши дни мы можем видеть его на гербе Москвы; герб столицы

¹ Трясогузкой.

² Прозерпина экзальтирует в знаке Близнецов (знаке экзальтации *Восходящего* узла — нераскрывшегося цветка, или пустой, опрокинутой чаши) — 8-м знаке для Скорпиона, что означает смерть для смерти, то есть обретение бессмертия. Обретение бессмертия через восстановление целостности, слияние со своей половинкой (Близнецы). Падение Прозерпины (недостаток качеств) — в Стрельце, в знаке экзальтации *Заходящего* узла.

(основной миф) накладывается и на двух орлов герба Российского государства (их обращенные в разные стороны лики символизируют единство прошлого и будущего).

Георгий Победоносец и есть функциональный преемник Перуна и заместившего его с распространением христианства Ильи Пророка, которого народ наделял всеми качествами Перуна.

Итак, мы видим, что языческие боги не были для наших предков истуканами в современном смысле этого слова. Это не было «слепое поклонение»; чтя своих богов, совершая обряды, древние понимали, что делали. Перед битвой русские воины клялись Перуном и Велесом — этой связкой, олицетворяющей кармический долг человека на земле. Клятва, преклонение колен, — жест приятия посылаемых Господом испытаний. Слепыми-то, получается, следует назвать нас, их потомков, утративших свои корни.

Не может не поражать масштабность мышления древних людей, образность их взгляда на Вселенную.

Вернемся к есенинским «Ключам Марии», памятуя о том, что Марией Есенин называл душу:

«„Я не царь и не царский сын, — я пастух, а говорить меня научили звезды“, — пишет пророк Амос. Вот эти-то звезды — золотая книга странника — и вырастили наше вселенское символическое древо. Наши бахари орнамента без всяких скрещиваний с санскритством поняли его, развязав себя через пуп, как Гуатама. Они увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол туловища с ногами, обозначающими коренья, что мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает св. Троицу.

<...>

Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и назначению человека»¹.

В сознании древних людей вера и знание были слиты воедино, жизнь и творчество представляли гармоничное целое. Религиозные воззрения славян были неотделимы от астрологических

¹ Есенин С. А. Ключи Марии ... С. 137–138.

Чудо Георгия о змие. Икона. Новгород, конец XIV — начало XV в. Легенда, восходящая к дохристианским культам, рассказывает о воине Георгии, победившем Змея и спасшем от смерти царевну. На Руси была широко известна еще в домонгольский период. Змей выползает из бездны в нижнем левом углу, справа вверху — благословляющая рука Христа.

знаний. Звезды были «золотыми фонариками», светившими в ночи и указывавшими путь.

Религия и была Знанием, знанием Закона, знанием своей связи с Небом и своего происхождения, своих корней. Язычество ведь и есть: язык — народ — род — корень — исток. Язычество есть указание на наши истоки.

Заклячая рассказ о Перуне, вспомним наполненное мистериальным смыслом предание о низвержении идола бога-громовника. В Новгороде, будучи сброшен в Волхов, Перун поплыл против течения — подобно Узлам, идущим в противоположном направлении. А проплывая мимо моста, соединяющего Софийскую и Торговую части города, он выбросил на мост палицу, вскричав: «Это оставляю вам в память мою!» Долгое время потом в память об этом молодые люди на том мосту побивали друг друга палками в день Перуна¹.

Палица Перуна осталась с нами, мы не в силах побороть естественного хода вещей, Закона космического и земного, предписывающего нам изменять свою душу, стремясь к слиянию с Отцом своим небесным, со своим милым, завязавшим нам на память **узелки**, связывающие нас с Небом...

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далёко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

¹ Днем Перуна был *четверг*. *Воскресенье* было посвящено Дажьбогу. Хорс стоял над *понедельником*. *Вторник* был днем Стрибога. Мокошь владела двумя днями — *средой* и *пятницей*. *Суббота* принадлежала Симарглу.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?..

Яков Полонский, «Песня цыганки»

Глава вторая. Мать Сыра Земля

Культ Земли — богини-матери. — Обряд крещения. — Именины — праздник Матери Сырой Земли. — Значение корня «Мокошь». — Образ медведя. — Хлеб. — Миф о богине Деметре. — Смерть. — День памяти Параскевы Пятницы

...**В**ыросло Дерево от Земли до Неба, обнимая собою весь Мир... Широко раскинуло то дерево сень ветвей своих — прибежище Перуна, покрывая ими, подобно дождевым тучам, Землю... Небесными колодцами и реками называл наш далекий предок изливающиеся с Неба дождевые потоки. Потоки, путь которым отпирал по весне Громовержец Перун. Напоая Землю, они возвращали ей ее родящую силу, возвращали ее к новой жизни...

Егорий весну открывает, говорили. То есть настоящая земледельческая весна начинается лишь с Егорьева (Юрьева) дня, отмечаемого в начале мая, когда начинает греметь первый весенний гром: Егорий вешний, восходящий к языческому Перуну, отпирал Небо. Вот как рисуется лик Егория в народных рассказах: «Молодой Егорий — светлохрабрый. По локоть руки — в красном золоте; по колена ноги — в чистом серебре. И во лбу — солнце, и в тылу — месяц, по концам — звезды переходящие».

Обратимся же теперь к тому лону, которое принимает в себя семена Духа, взращивая их, к Матери нашей — Земле. Земле, которой издревле поклонялись люди, низко ей кланялись, припадали к ней после долгой разлуки, оберегали ее, когда она была «тяжела». Земля и Небо не противопоставлялись: они были супругами. С Земли никто не хотел бежать. Она была так же свята и так же божественна...

*Кáчи, кáчи, покачй,
Под подушкой калачи,
В руках прянички,
В ножках яблочки*

Великому женскому космическому принципу, и Земле — как его частному проявлению, поклонялись под различными име-

нами: египтяне почитали Владычицу Небесных Вод Изиду, персы — Ардвисуру Анахиту, у греков существовал культ богини плодородия Деметры, у римлян — Цереры... Культ Великой Космической Матери у разных народов сопровождался выделением той или иной ее ипостаси, с одной стороны, с другой — различением ее земной проекции. Отсюда — множественность женских божеств в пантеонах различных народов мира.

Славяне же, поклоняясь Матери Сырой Земле, чтили богиню, имя которой было — **Мо́кошь**. Урочища, связанные с именами Перуна и Мокоши, располагались по соседству. Равно как и связанные с ними культовые сооружения, места молений: на возвышенностях располагали святилища мужских богов, в низинах — женских. Характерной особенностью женского святилища было наличие источника, воды, бьющей из недр земли. Позднее поклонение священным источникам и колодцам стали связывать с именем св. Параскевы, явившейся продолжением образа древней языческой богини.

Поклонение Мокоши (Макоши) традиционно связывают с культом Земли, ее производительных сил, с темой урожая. На полотенцах для весенних обрядов ее изображали с воздетыми кверху руками, готовую принять в свое лоно животворное солнечное семя. К дням летнего солнцестояния — времени вызревания колосьев — Мокошь изображалась уже с опущенными к Земле руками, — покрывая, защищая взошедшее.

Почиталась Мокошь и как покровительница женских работ, таких, как прядение и ткачество. Этнографические данные, собранные на Русском Севере, рисуют Мокошь невидимой пряхой, тайком стригущей овец, а также запрещающей прядение в праздничные дни. Это позволило исследователям соотнести ее образ, в частности, с греческими мойрами, плетущими людям нити судьбы. Матерью счастливого жребия, определяющей судьбы людей, называют Мокошь и дошедшие до нас древнерусские источники.

Так кто же она такая, эта языческая богиня, прядущая людям нити жизни и заботящаяся о приумножении земных богатств, о плодородии земли нашей матушки? Как связаны судьба человеческая и плоды, даруемые нам Землей?

В астрологическом смысле Земля, являясь дэновской планетой, занимает промежуточное положение между Солнцем и Лу-

ной. Она есть результат слияния двух светил. Слияния, свидетелем которому стала Купальская ночь. Дни летнего солнцворота, когда Солнце бракуется с Луной, вступает в знак Рака, купается в воде. Возникает жизнь.

Русалки-то? Да, слыхивала. Сейчас уж никого не стало, а раньше много было всего, много рассказывали историй всяких.

Вот у одной женщины утонул сын. Он и плавал-то неплохо, хорошо плавал-то и вот вдруг утонул. А было летом, конечно. Ну, народ-то: «Водяной утащил!»

А потом, уж много времени прошло-то, пошла она стирать на реку и глядит: сидит на камне девушка, красивая, да голая, волосы черные, длинные. Она их чешет. Та [женщина] как увидела ее, и сердце захолонуло сразу. Спугалась сильно, стоит, не дышит аж. Забоялась шибко сильно. А как же, ошарашно¹ ведь! Что ты! Эта русалка как посмотрит на кого, как застывши человек стал, так и будет стоять, долго может так, да. Вот та и стоит. Вдруг русалка повертывается и говорит:

— Твоему сыну хорошо, иди домой и не ходи больше сюда.

И в воду прыгнула, а гребень оставила на камне. Женщина тогда опомянулась, бросилась домой, молилась долго, много. Снилось ей все долго еще, потом прошло. А сына тело так и не нашли, глубоко больно. А кто они? А кто знает. У нас иногда говорят, что это девушки, умершие перед самой свадьбой. Они вот и томятся всю жизнь, и людям жить мешают.

Земля имеет своим символом крест. И обряд крещения, связываемый с именем Иоанна Предтечи, праздник которого (Рождество Иоанна Крестителя) наложился на празднества Купалы, тоже состоял в окунании в купель, воду. Таким образом, смысл обряда для первоначальных христиан был тем же, что и для язычников: солнечное колесо падало в воду — земля давала жизнь новым детушкам. Родившегося язычники прикладывали также к Земле, причащая таким образом младенца его Космической Матери.

Днями Мокоши были пятница, пятый день (день, связанный с числом Земли как одной из стихий мироздания) и среда, середина, дэновское начало. Земля — косная стихия, потому в пятый день недели — петок — нельзя было начинать никакого дела, ибо

¹ Страшно, жутко.

дело это будет «пятиться». Пятница была нерабочим днем: по пятницам, говорили, мужики не пашут, бабы не прядут. Работавших же в ее день Пятница лишала своего покрова, покровительства — сдирала с них, по поверью, кожу.

Итак, Земля, как мы выяснили, есть планета-посредник, третья, дэновское начало, звено, связующее человека и Бога, Душу и породивший ее Дух. И именно на понедельник после *Троицы* приходится старинный праздник Матери Сырой Земли — ее Именины. В этот день, по поверью, она была сотворена. Солнце в эти дни находится в середине знака Тельца — в его кульминационной точке. Телец — обитель владычицы всех форм мироздания Венеры и знак экзальтации Луны. Он представляет собой нижние врата, через которые души приходят в этот мир. Вода наполяет мертвую землю, оплодотворяет ее, дает жизнь царству растений, и Душа-Луна, опускаясь в нижний мир, одухотворяет материю, делает ее живой. Таким образом, сотворение Земли символически связывают с понедельником — днем Луны, обитель имеющей в Раке — «живой» воде русских сказок.

Вот сказанье наших праотцев о том, как бог Ярило возлюбил Мать Сыру Землю и как она породила всех земнородных.

Лежала Мать Сыра Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движенья.

И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать Сыру Землю, хороша ль, пригожа ль она, придется ли по мысли нам?»

И пламень взора светлого Яра в одно мановенье пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшей землею. И где Ярилин взор прорезал тьму, тамо воссияло солнце красное.

И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света. Мать Сыра Земля ото сна пробуждалась и в юной красе, как невеста на брачном ложе, раскинулась... Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам ее.

Несутся в солнечных лучах сладкие речи бога любви, вечно юного бога Ярилы: «Ох, ты гой еси, Мать Сыра Земля! Полюби меня, бога светлого, за любовь за твою я украшу тебя синими морями, желтыми песками, зеленой муравой, цветами алыми, лазоревыми; народишь от меня милых детушек число несметное...»

Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, темными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озе-
ра́ми. Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из недр ее вылетали поднебесные птицы, из вертепов¹ выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывали рыбы, в воздухе затолклись мелкие мушки да мошки... И все жило, все любило, и все пело хвалебные песни: отцу — Яриле, матери — Сырой Земле.

И вновь из красного солнца любовные речи Ярилы несутся: «Ох ты гой еси, Мать Сыра Земля! Разукрасил я тебя красотою, народила ты милых детушек число несметное, полюби меня пуще прежнего, породись от меня детище любимое».

Любы были те речи Матери Сырой Земле, жадно пила она живоносные лучи и породила человека... И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжой — яркой молнией. И от той молоньи ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громáми, потоками молний. И от тех громóв, от той молнии вся живая тварь в ужасе вострепелась: разлетались поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на речь отца громóвую отвечал вещим словом, речью крылатою... И, услыша то слово и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки перед ним преклонились, звери, птицы и всяка живая тварь ему подчинилась.

Ликовала Мать Сыра Земля в счастье, в радости, чаяла, что Ярилиной любви ни конца, ни края нет... Но по малом времени красно солнышко стало низиться, светлые дни укорóтились, дунули ветры холодные, замолкли птицы певчие, завывали звери дубравные, и вздрогнул от стужи царь и владыка той твари дышащей и недышащей...

Затуманилась Мать Сыра Земля и с горя-печали оросила по-
блекшее лицо свое слезами горькими — дождями дробными.

Плачется Мать Сыра Земля: «О ветре, ветрило!.. Зачем дышишь на меня постылою стужей?.. Око Ярилино — красное солнышко!.. Зачем греешь и светишь ты не по-прежнему?.. Разлюбил меня Ярило-бог — лишиться мне красоты своей, погибать моим детушкам, и опять мне во мраке и стуже лежать!.. И зачем узнавала я свет, зачем узнавала жизнь и любовь?.. Зачем спознавалась с лучами ясными, с поцелуями бога Ярилы горячими?..»

Безмолвен Ярило.

«Не себя мне жаль, — плачется Мать Сыра Земля, сжимаясь от

¹ Пещер.

холода, — скорбит сердце матери по милым по детушкам».

Говорит Ярило: «Ты не плачь, не тоскуй, Мать Сыра Земля, покидаю тебя ненадолго. Не покинуть тебя на-время — сгореть тебе дотла под моими поцелуями. Храня тебя и детей наших, убавлю я на-время тепла и света, опадут на деревьях листья, завянут травы и злаки, оденешься ты снеговым покровом, будешь спать-почивать до моего приходу... Придет время, pošлю к тебе вестницу — Весну Красну, следом за Весною я сам приду».

Плачется Мать Сыра Земля: «Не жалеешь ты, Ярило, меня, бедную, не жалеешь, светлый боже, детей своих!.. Пожалей хоть любимое детище, что на речи твои громовые отвечал тебе вещим словом, речью крылатою... И наг он и слаб — согнуть ему прежде всех, когда лишишь нас тепла и света...»

Брызнул Ярило на камни молоньей, облил палючим взором деревья дубравные. И сказал Матери Сырой Земле: «Вот я разлил огонь по камням и деревьям. Я сам в том огне. Своим умом-разумом человек дойдет, как из дерева и камня свет и тепло брать. Тот огонь — дар мой любимому сыну. Всей живой твари будет на страх и ужас, ему одному на службу».

И отошел от Земли бог Ярило... Понеслись ветры буйные, застилали темными тучами око Ярилино — красное солнышко, нанесли снега белые, ровно в саван окутали в них Мать Сыру Землю. Все застыло, все заснуло, не спал, не дремал один человек — у него был великий дар отца Ярилы, а с ним и свет и тепло...

Так мыслили старорусские люди о смене лета зимою и о начале огня.

Оттого наши праотцы и сожигали умерших: заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А после стали отдавать мертвецов их матери — опуская в лоно ее.

Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники те совершались в долгие летние дни, когда солнце, укорачивая ход, начинает расставаться с землею. В память дара, что даровал бог света, жгут купальские огни. Что Купало, что Ярило, все едино, одного бога звания.

И доньне в Иванову ночь пылают на Руси купальские огни, и доньне по полям и перелескам слышатся веселые песни:

Купала на Ивана!
Где Купала ночевала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана!
Ночевала у Ивана!

Накануне Аграфены Купальницы, за день до Ивана Купалы, с солнечным восходом по домам суета поднимается. Запасливые домовитые хозяйки, старые и молодые, советуются, в каком месте какие целебные травы в купальские ночи брать: где череду от золотухи, где шалфей от горловой скорби, где мать-мачеху, где зверобой, ромашку и девясил... А ведуны да знахарки об иных травах мыслят: им бы сыскать радужный, златоогненный цвет перелет-травы, что светлым мотыльком порхает по лесу в Иванову ночь; им бы выкопать корень ревенки, что стонет и ревет на купальской заре; им бы через серебряную гривну сорвать чудный цвет архилина да набрать тирлич-травы, той самой, что ведьмы рвут в Иванову ночь на Лысой горе; им бы добыть прыг-травы да огненного цвета папоротника.

Добро тому, кто добудет чудные зелья: с перелетом всю жизнь будет счастлив, с зашитым в ладанку корешком ревенки не утонет, с архилином не бойся ни злого человека, ни злого духа, сок тирлича отвратит гнев сильных людей и возведет обладателя своего на верх богатства, почестей и славы; перед прыг-травой замки и запоры падают, а чудный цвет папоротника принесет счастье, довольство и здоровье, сокрытые клады откроет, власть над духами даст.

Молодежь об иных травах, об иных цветах той порой думает. Собираются девы во един круг и с песнями идут вереницей из деревни собирать иван-да-марью, любовную траву и любисток. Теми цветами накануне Аграфены Купальницы в бане им париться, «чтобы тело молодилось, добрым молодцам любилось». А пол, лавки, полки в бане на то время густым-густехонько надо устлать травой купальницей. После бани сходятся девы к одной из подруг. С пахучими венками из любистка на головах, с веселыми песнями, с криками, со смехом толкут они где-нибудь на огороде ячмень на обетную кашу, а набравшиеся туда парни заигрывают каждый со своей зазновой... На другой день варят обетную кашу и едят ее у речки аль у озера, бережно блюдя, чтобы каши не осталось ни маковой росинки. Съедают кашу, за другие исстари уставленные обряды принимаются: парни возят девок на передних тележных колесах, громко распевая купальскую песнь:

Иван да Марья
В реке купались:
Где Иван купался,
Берег колыхался,

Где Марья купалась,
Трава расстилалась.

Купала на Ивана!
Купался Иван
Да в воду упал.
Купала на Ивана.

По́д вечер купанье, в одном яру плавают девушки с венками из любистка на головах, в другом — молодые парни... Но иной молодец, что посмелее, как почнет отмахивать руками по сажени, глядь, и попал в девичий яр, за ним другой, третий... Что смеху, что крику!.. Таково обрядное купанье на день Аграфены Купальницы.

Надвинулись сумерки, наступает Иванова ночь... Рыбаки сказывают, что в ту ночь вода подергивается серебристым блеском, а бывалые люди говорят, что в лесах тогда деревья с места на место переходят и шумом ветвей меж собою беседы ведут... Сорви в ту ночь огненный цвет папоротника, поймешь язык всякого дерева и всякой травы, понятны станут тебе разговоры зверей и речи домашних животных... Тот «цвет-огонь» — дар Ярилы... То — «царь-огонь»!..

Немного часов остается до по́лночи, когда на одно мановенье тот чудный цветок распускается. Только что наступит полно́чь, из середины широколистного папоротника поднимается цветочная почка, шевéлится она, двигается, ровно живая, и вдруг с страшным треском разрывается, и тут является огненный цвет... Незримая рука то́тчас срывает его... То «цвет-огонь», дарованный богом Ярилой первому человеку... То — «царь-огонь»...

Страшно подходить к чудесному цветку, редко кто решится идти за ним в Иванову ночь. Такой смельчак разве в несколько десятков лет выищется, да и тот не добром кончает... Духи мрака, духи хлада, духи смерти, искони враждебные Солнцу-Яриле, жадно стерегут от людей его дар. Они срывают цвет-огонь, они напускают ужасы, страсти и напасти на смельчака, что пойдет за ним в заветную Иванову ночь... Они увлекают его за собой в страну мрака и смерти, где уж не властен отец Ярило... Страшно поклоняться Яриле в лесу перед таинственным цветом-огнем, зато весело и радостно чествовать светлого Яра купальскими огнями.

Наперед набрав шиповнику, крапивы и других колючих и жгучих растений, кроют ими давно заготовленные кучи хвороста и сухих сучьев. И лишь только за небесным закроем спрячется

солнышко, лишь только зачнет гаснуть заря вечерняя, начинают во славу Яра живой огонь «взгнетать»... Для того в сухой березовой плахе прорезывают круглое отверстие и плотно пригоняют к нему сухое же березовое, очищенное от коры, круглое полено... Его трением в отверстии плахи вытирают огонь... И то дело одних стариков... И когда старики взгнетают живой огонь, другие люди безмолвно и недвижно стоят вкруг священнодействия, ожидая в благоговейном страхе чудного явления «божьего посла» — царя-огня...

Пóтом обливаются старики, «творя божие дело»... Впившись глазами в отверстие плахи, стоит возле них по-праздничному разодетая, венком из цветов увенчанная, перворожденная своей матерью, девочка-подросток с сухой лучиной в высоко поднятой руке. Разгорелось детское личико, смотрит она, не смигнёт, сама дыхання не переводит, но не дрожит поднятá к небесам ручонка... Безмолвно, набожно глядит толпа на работу старцев... В вечерней тиши только и слышны шурк сухого дерева, молитвенные вздохи старушек да шептанье христианских молитв... Но вот задымилось в отверстии плахи, вот вспыхнул огонек, и просиявшая восторгом девочка в строгом молчанье бережно подносит к нему лучину... Снисшел божий посол!.. Явился «царь-огонь»!.. Загорелся в кострах великий дар живоносного бога!.. Радостным крикам, веселому гомону, громким песням ни конца, ни края.

В густой влажной траве светятся Ивановы червяки¹, ровно зеленым полымем они переливаются; в заливной, сочной пóжне сверкает мышинный огонь², тускнет заря на небе, ярко разгораются купальские костры, обливая красноватым светом темные перелески и отражаясь в сонных водах алыми столбами... Вся молодежь перед кострами — девушки в венках из любистка и красного мака, иные с травяными поясами; у всех мóлодцев цветы на шляпах... Крепко схватившись за руки, прыгают они через огонь попарно: не разойдутся руки во время прыжка, быть паре, быть мужем-женой, разойдутся — свадьбы не жди... До утра кипит веселье молодежи вокруг купальских костров, а на заре, когда в лесу от нечистых духов больше не страшно, расходятся, кто по перелескам, кто по овражкам.

И тихо осеняет их радостный Ярило спелыми колосьями и алыми цветами. В свежем утреннем воздухе, там, высоко, в голубом небе, середь легких перистых облаков, тихо веет над Мате-

¹ Светляки, появляющиеся обыкновенно около 24 июня (ст. ст.).

² Растение *Byssus phosphorea* (в современной классификации — вид грибов). Его цветки иногда светятся ночью. Мышиным огнем называется также древесная гнилушка, по ночам от нее исходит фосфорический свет.

рю Сырой Землей белоснежная, серебристая объярь Ярилиной ризы, и с недоступной высоты обильно льются светлые потоки любви и жизни.

Именины — праздник имянаречения, и здесь трудно удержаться от того, чтобы не соотнести имя богини «Мокошь» с рядом сходных по звучанию слов других языков. Корень этого слова чрезвычайно древний, о чем свидетельствует присутствие родственных ему слов во множестве языков различных языковых семей Старого и Нового Света. Все эти слова объединяются значением, выводимым из характеристики знака Тельца: молоко, женская грудь, вымя, горло, глотать (см. взятую из статьи Дж. Г. Гринберг и М. Рулен¹ таблицу на с. 47).

То есть Мокошь-Земля являла для древних образ Небесной коровы, вскармливающей своих мил детушек.

С небесными водами, небесной коровой связаны и город Москва, который традиционно называют столицей-матушкой, и река, на которой он стоит.

В древности Восточную Европу, по Нестору, населяли, кроме славянских, различные финские племена (мордва, марийцы, чуваша, меря и др.), имевшие сходную со славянской мифологию. И в финно-угорских языках сохранилось указание на связь имени «Москва» с коровой, молочной рекой: «моск» здесь означает корову, телку, а «ва» — воду, реку. Молочная река с кисельными берегами известна нам и из русских сказок. Другое, мерянское, слово «маска» означает медведя, «ава» — мать, жену. Москва, таким образом, это и жена медведя — ушедшая в лес девица-душа.

Русским названием Москвы-реки была Смородина, что проведется в песнях человеческим голосом, душой красной девицей да расскажет про броды конинные, про мосточки калиновы, перевозки частые...²

Москва, действительно, телячий, женский город, в отличие от другой, мужской, столицы — Санкт-Петербурга. Интересно, что сами питерцы считают, что город будет стоять, пока скачет Медный всадник — стоит памятник Петру I, то есть судьба города связывается с конем, — как судьба Москвы — с коровой.

¹ Гринберг Дж. Г., Рулен М. Лингвистические корни американских индейцев // В мире науки. 1993. № 1. С. 56.

² См.: Когда было молодцу пора-время великая // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 157–160.

Значение родственных славянскому «Мокошь» слов различных языков

Языковая семья (подсемья)	Язык	Форма	Значение
афро-азиатская	протоафро-азиатский	'mlg	сосать, грудь, вымя
	арабский	mlj	сосать грудь
	древнеегипетский	mnd ^y	женская грудь, вымя
индоевропейская	протоиндоевропейский	'melg-	доить
	английский	milk	доить, молоко
	латинский	mulg-ēre	доить
уральская	протофинно-угорский	'mälke	грудь
	саамский	mielga	грудь
	венгерский	mell	грудь
дравидийская	тамильский	melku	жевать
	малаялам	melluka	жевать
	курух	melkhā	горло
эскимосско-алеутская	центральный юпик	melug-	сосать
америндская: алмосская	протоамериндский	'maliq'a	глотать, горло
	халкомелем	mɔlqw	горло
	кваквала	m'IXw-'id	разжевывать пищу младенцу
пенутийская	кутенай	u'mqolh	глотать
	чинук	mlqw-tan	щека
	такелма	mülk'	глотать
	тфалтик	milq	глотать
	мише	amu'ul	сосать
хоканская	мохаве	mal'yaqé	горло
	валапай	malqi'	горло, шея
	акваала	milqi	шея
чибчанская	куна	murki-	глотать
андская	кечуа	malq'a	горло
	аймара	mal ^y q'a	глотать, горло
макро-туканоанская	иранше	moke'I	шея
экваториальная	гуамо	mirko	пить
макро-карибская	суринам	e'mōki	глотать
	фааи	mekeli	зашеек
	калиана	imukulali	горло

П. П. Глоба, реконструировав гороскоп Москвы по событиям ее истории — расцветам и укреплению, пожарам и покорении, потере и восстановлении статуса столицы, утверждает, что Москва была заложена 15 мая 793 года до н. э., то есть она древнее Рима (в гороскопе, составленном на эту дату, Солнце находится в Тельце, Луна — в Овне, Юпитер — в Скорпионе).

Я. В. Брюс называл Москву звездным градом — она застраивалась по кольцевому принципу и являет собой земную проекцию Зодиакального круга.

А какая точка в карте рождения связана с планетой Земля? Это — Асцендент, восходящий знак, который и есть тот самый «гороскоп» — показатель часа, момента времени, когда родившийся обретает самостоятельную жизнь. Число Асцендента — 40. Оно же является и нумерологическим кодом имени «Мокошь».

Асцендент задает в гороскопе *сетку домов*, накладывая на космограмму, представляющую изначальную сущность человека, уроки Земли, проходя которые, человек обретает новые качества по проблемам актуальных в его гороскопе домов. Именно здесь, видимо, и следует искать ответ на вопрос о связи Мокоши с «бабьим ремеслом» — пряжением. Мокошь — пряжа именно невидимая: асцендент — фиктивная точка. Сетка домов — это тоже «невидимые миру слезы».

Землю уподобляли медведице: подобно тому, как восходящий знак формирует внешность человека, медведица, по поверью, облизывает своих только что родившихся детенышей — бесформенные комочки, и они становятся похожи на нее. Так и Земля дарует человеку тело, форму, в которую облекается Дух. Медведями, по легенде, стали спрятанные от Бога в лес дети Адама и Евы.

А смогли бы мы сегодня отгадать такую загадку наших дедов: «Всем пригнётыш»? А ведь это — медведь. Понятно теперь, почему и судьба заключает именно в медвежьих объятиях.

Медведь — образ глубоко символический. Подобно Хирону (число которого (33) включает в себе это имя), образ этот связывает план небесный с планом земным. Интересно и то, что, буквально означая «ведающего, где мед», слово «медведь» не связано с этим зверем напрямую, а указывает на него лишь косвенным образом. Точно так же, как нельзя дословно перевести символ. Символ небуквален.

Сибирские народы также использовали в отношении медведя эфемизмы. Так, буряты, говоря о медведе, называют его «могучий дядя, одетый в доху; дедушка в дохе; мать-отец». По-бурятски медведь — *баабгай*. Слово *баабай* переводится как «отец, дед, предок, праотец, старший брат, старшая сестра»; *абгай* означает старшую сестру, жену старшего брата, старшего брата.

Хакасы называли медведя *аба*, *ада* (отец), *ага* (дед по отцу), *апчак* (старик). Шорцы — старичок (см. предание об унесшем женщину медведе, с. 229).

Почему же в качестве символического обозначения Земли был выбран именно этот зверь? Зверь, скелет которого так похож на человеческий...

Жизненный ритм медведя подобен циклическому развитию природы. С его образом древние связывали фазы движения Солнца по Зодиакальному кругу. Засыпает, покрывается снежным одеялом Земля, и медведь ложится в берлогу. Остается зиме половина пути до весны (на Спиридона-солнцеворота), говорят, что и медведь в своей берлоге на другой бок повернулся. Со вскрытием же берлоги вскрываются и реки. С весенним равноденствием были связаны Комоедицы — праздник пробуждения медведя после зимней спячки. Позднее этот праздник был замещен Масленицей, обязательным атрибутом которой стали блины — символ растопляющего зиму весеннего Солнца.

Медведь в русских сказках — наилюбимейший персонаж. Маленькая девочка Маша, являющая собой образ странницы-души, заблудившись в лесу и попав к медведю, олицетворяющему Землю, смогла вернуться к дедушке и бабушке, лишь приготовив им подарок — пирожки (сказка «Маша и медведь»). Почему именно пирожки, а, скажем, не грибы, не ягоды?

Хлеб в своем пути от зерна, брошенного в землю, к «пирожку» проходит через огонь и воду. Так и человеку, «внуку Купальской ночи», именно Земля дает шанс — обрести новое качество. Умереть для жизни прежней, временной, и возродиться, приумножившись в хлебном колосе, для жизни вечной. «Воистину, — говорил Христос, — если зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно».

Эволюция души в мире форм имеет целью ее трансмутацию, алхимическое превращение, иначе — мистерию Прозерпины, обителью имеющей знак Девы, собирающей урожай плодов

земных и небесных¹. В месяц, когда Солнце находилось в Деве, в Древней Греции совершались празднества, связанные с культом богини Деметры (буквально «земля-мать»), — Великие Элевсинские мистерии. Медведь собирает дань с народа пчелиного, и богине Деметре приносились в жертву пчелиные соты.

Када-то пришел Христос в худой нищенской одежде на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал:

— Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас таскается, всех не накормишь!

Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись — мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидел нищего и сжалился:

— Подь сюды, я тебе дам.

И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий все свою кису² подставляет.

— Что, али еще отсыпать?

— Да, коли будет ваша милость!

— Ну, пожалуй!

Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так самая малость.

«Вот дурак! Сколько отдал, — думает мельник, — да я еще за помол возьму. Что ж ему-то останется?»

Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть. Смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпится да сыпится! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намолось четвертей двадцать, да и еще осталось что молоть: мука себе все сыпится да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

Именно со знаком Девы связана мистерия рождения нового мира, а также мистерия непорочного (не разрезающего течения реки)³ зачатия. Число Девы — 14, с его помощью можно осуществить полный переворот пространства-времени. Дева — един-

¹ Число Прозерпины (11) связано с одиннадцатилетним большим циклом Солнца, когда все возвращается на круги своя: Солнце попадает в тот же градус дуги. Эволюционный виток пройден.

² Мешок.

³ От слова «порог», образованного от *пороть* — разрезать, раздирать, бить.

ственный знак, который все переворачивает: только здесь число знака в сумме дает планету (Юпитер), которая находится в этом знаке в изгнании.

Потому на Руси хлеб был так почитаем. Существовал дошедший до наших дней обычай (смысл которого утрачен) выносить дорогим гостям хлеб-соль. Потому и на Масленицу пекли именно блины, основными составляющими которых были мука, яйца, молоко.

*Ой, у вишневого саду,
Там соловейко щебетав.
Додому я просилася,
А ти мене все не пускав...*

Медведя именовали Мишкой, Михайло Ивановичем. Почему так? Михаил — плутонианское (скорпионье) имя. Плутон — владыка подземного царства. В славянском язычестве его аналогом является Велес. Его тоже связывали с царством мертвых (с прахом, с землей). И Плутон, и Велес связаны именно с недрами земли, с таящимися в них сокровищами, богатствами.

Примечательно также то, что Плутон имеет свою сокровенную обитель в знаке Стрельца, чей нумерологический код включает в себе имя «Велес» (23). И называли Велеса медведем. Существовал культ медвежьей лапы. А в народном быту спутницей Велеса считалась Мокошь.

Медведь являет собой типичное проявление земной стихии: на вид он неповоротлив, неуклюж, медлителен, но потенциально хранит в себе гигантские силы. О человеке, лишенном музыкального слуха, говорят: медведь на ухо наступил. И это правильно: чтобы слышать музыку сфер, в гороскопе в первую очередь должна быть выражена стихия воды, во вторую или третью — земли, чтобы услышанное воплотить, облечь в форму.

Мифологические сюжеты, относящиеся до деяний Плутона (Аида) и Велеса, необычайно сходны. Подобно Велесу, крадущему у Перуна жену — Перыню (или коров, под которыми понимаются души), Плутон, полюбив дочь богини Деметры — юную Кору, похищает ее.

Тщетно искала Кору Деметра, пока старая Геката (богиня ночи) не сказала ей, что произошло. Признание же Гелиоса в том,

что Плутон украл девушку с молчаливого согласия своего брата Зевса, возмутило Деметру настолько, что она поклялась оставить землю бесплодной до тех пор, пока ей не вернут дочь Кору.

С Гермесом Зевс направляет Деметре послание: «Ты получишь свою дочь обратно, если за это время она не попробовала пищи мертвых». Пища кормит физическое тело. То есть речь идет об обретении физического тела, о воплощении. Кора же сорвала гранат с дерева и съела семь зерен. Гранат — буквально «зернистый». Кожура его напоминает поверхностный слой Земли. Сам он — всю Землю, скрывающую в своих недрах богатства-зерна. Кисло-сладкий на вкус, он, подобно яблоку, связан со «вкусом Земли», с этапом эволюционного развития нашей планеты. Иначе сказать, Кора вкусила плода с древа жизни и прошла через принципы семи планет (радуги), то есть стала полноправным членом земного семейства, стала смертной. «На семи китах земля основана», — читаем мы в Голубиной книге¹.

Узнав о гранате, Деметра стала грустней, чем прежде. «Я никогда, — сказала она, — не освобожу землю от своего проклятия». Зевс, услышав это, убедил Рею — свою мать и мать Плутона и Деметры, поговорить с сестрой. Соглашение было достигнуто. Третью года Коре предписывалось проводить в обществе Плутона, а две трети она могла быть с Деметрой. В качестве царицы Тартара (подземного царства мертвых) Коре присваивался титул Персефоны (Прозерпины в римской традиции). А Прозерпина, как мы знаем, — владычица алхимии и трансмутации. Таким образом, миф о богине Деметре — это рассказ о нисхождении человеческой монады в мир форм, о воплощении души, имеющем целью ее трансмутацию, видоизменение, выход на иной уровень бытия.

Лишь став владычицей царства мертвых, царства того, что скрыто, Кора стала зваться Персефой. Но кто такой Плутон и что такое царство мертвых? Почему именно Плутон крадет Кору?

Причем Плутон Кору именно похищает, равно как и смерть не спрашивает ни у кого согласия: добровольно человек не расстанется со своей иллюзией. Отождествляя себя со своим телом, человек боится смерти, боится потерять тело, с которым только и связывает свое бытие.

¹ Голубина книга сорока пядень // Древние российские стихотворения ... С. 211.

Похищение Прозерпины. Из коллекции декоративного искусства Рейксмузеума, Амстердам. Произведено в 1757 г. Королевской мануфактурой Гобеленов, Париж

Двойственность человеческой природы, проблемы жизни и смерти всегда волновали людей. Но что есть Жизнь и что есть Смерть?

Посмотрим числовое значение слов «жизнь» и «смерть». Слово «жизнь» и в 7-, и в 12-уровневой системе дает нам число 9 (число Нептуна). Нептун — планета иллюзий. То есть то, что мы называем жизнью, — иллюзия? Истинная жизнь — не эта? Какова же она? Можно предположить, что истинная жизнь, по Нептуну, есть растворение в мироздании. И современная физическая картина мира, как ни странно, подтверждает наше предположение.

Так, наукой выявлена волновая природа элементарных частиц. Но, обладая волновыми свойствами, частицы уже перестают быть точками в пространстве, теряют признак конечности и ограниченности и существуют одновременно повсюду, во всей Вселенной. А поскольку любой макрообъект состоит из тех же материальных частиц, то можно сказать, что любой объект, и человек в том числе, одновременно присутствует во всей Вселенной. О нелокальности макрообъектов говорят и эксперименты в области голографии. Вопрос, таким образом, только в фокусе, в степени концентрации частиц материи, их плотности.

А что же такое смерть? Слово «смерть» дает в 12-уровневой системе восьмерку — число освободителя Урана, экзальтирующего в 8-м знаке — знаке смерти. Само начертание восьмерки говорит о том, что никакой аннигиляции не происходит: переворачиваясь, поменяв местами верх и низ, восьмерка остается все той же. Смерть, таким образом, есть просто преодоление ограниченности формы.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что Плутон в нашем мифе символизирует недра человеческой природы, сферу бессознательного. Лишь став хозяином своего «подземного царства», познав себя, человек качественно и необратимо меняется.

Чтобы осознать свою божественную природу, человек должен пройти через смерть, либо — при жизни — через погружение в глубины собственного бессознательного, понять, что его обособленность, выделенность мнимы, отдельное существование — иллюзия. Не случайно Деметра искала Кору именно *девять* дней и ночей, не случайно ею, убитой горем, по прошествии этих девяти дней овладел именно Посейдон (Нептун).

Погружаясь в глубины собственного «я», человек ощущает себя в общем потоке всех душ, понимает, что мир един, взаимосвязан и взаимозависим.

Таким образом, лишь разрешая загадку смерти, человек обретает истинную жизнь.

Не случайно в этой связи то, что корень имени Мокошь связывают с индоевропейским «мокша» — освобождение. Число Мокоши (40) — это и число прощания с физическим телом. Сороковой день после смерти — сорочина — день, когда душа получает свой уже загробный жребий.

Неудивительным уже будет и то, что иногда Мокошь считают мужским божеством. Вариант имени богини — Макошь — дает при нумерологическом суммировании число Плутона (10). А связываемые с Макошью образы мары (моры), Марены имеют уже прямое отношение к смерти.

Ответив на загадку 8-го дома, преодолев страх, древние относились к смерти легко. Говорили: «Жизнь — сказка, смерть — развязка, гроб — коляска, покойна — не тряска, садись да катись!» Со смертью связывали освобождение, освобождение души от телесных уз: «Смерть — душе простор», по русской пословице. Со смертью не наступал всему конец: «Человек родился на смерть, умирает на жизнь».

Интересно также то, что день памяти Параскевы Пятницы, образ которой слился с образом языческой Мокоши, отмечали 14 октября¹, в день, когда Солнце вступало в Скорпион — знак смерти для 1-го знака — Овна, условно соотносимого с 1-м домом и Асцендентом, той личиной, которую накладывает на человека Земля. Октябрь в календаре наших предков был восьмым месяцем (календарь был соотнесен с естественными природными ритмами: год начинался не среди зимы, а с дня весеннего равноденствия, с 0° Овна, с весны) и назывался Листопадом: природа умирала, прах уходил во прах.

Скорпион, 8-й знак, — знак смерти, но не знак конца: Скорпионом ведь Зодиак не заканчивается. Так не есть ли Скорпион — вторая, «мертвая», вода в Зодиаке — тот самый источник, ключ, бьющий из недр земли, колодец, куда бросали кудель, пряжу?

Это была жертва Пятнице, а обряд назывался мокридами. Смысл его, как мы теперь можем догадаться, и состоял в том, что человек сознательно отдавал Плутону пряжу своей преходящей земной жизни.

¹ Здесь следует оговориться о том, что обычный перевод народных календарей-месяцесловов со старого стиля на новый с поправкой в 13 суток неверен. Месяцеслов называет днем летнего солнцестояния 12 июня, днем зимнего солнцестояния — 12 декабря. Солнцестояния в эти дни были в XVI–XVII вв., когда погрешность юлианского календаря составляла 10 суток. Следовательно, месяцеслов оформился именно в этот период, и даты его надо переводить на современный календарь с поправкой не в 13, а в 10 суток.

Таким образом, днем Параскевы будет для нас 24 октября — день вхождения Солнца в знак Скорпиона.

Заканчивает же Зодиакальный круг тоже Вода — Рыбы, Мировой Океан, владыка которого — Нептун (или, в греческой традиции, Посейдон) — и есть истинный повелитель Жизни. Закономерно в этой связи то, что местом экзальтации Нептуна — местом, где он достигает наивысшей силы — является знак свободы Водолей, или Мокрешь, как назван он в древнерусских текстах. Мокрешь, где мы находим обе воды: живую, рачью, и — мертвую, скорпионью. Последняя же вода Зодиака — Рыбы — уже вневременна. Если вода Рака связана с зарождением жизни, вода Скорпиона — со смертью, то вода Рыб обращает человека к лику вечности. Вечности, ключ к которой заключен в символическом обозначении знака Рыб — двух рыбах, плывущих в разных направлениях, объединяющих в себе движение по и против часовой стрелки.

Как тут не вспомнить, что в народе св. Параскева носила название «льняницы», ей приносили в жертву первые снопы льна. А со дня ее памяти повсюду начинали мять лен. Пролить же свет на связь Пятницы со льном нам поможет народная загадка: «Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царем посадили». В фольклоре же Русского Севера, в силу своей территориальной обособленности сохранившего архаичные формы верований, лен прядет именно Макоша.

Так что, читатель,

Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

Дед и баба, праотцы, куда отходит душа умершего. Дедами называли всех умерших. В славянских же жатвенных обрядах дедом (или бабой) называли последний сноп...

В месяц Листопад Плутон собирал свою жатву: сеешь живучи, жнешь — умираючи, говорили. А по весне природа вновь расцветала, и на Землю, к матери-Деметре возвращалась Персефона... Земле приносили жертвы, закапывая в нее хлеб, яйца, кур...

И напоследок, тебе, читатель, — еще одна загадка: «Стоит древо. На древе сидит голубь, а под деревом — корыто. Голубь с де-

*Древо жизни. Фрагмент росписи лопасти прялки.
Русский Север, начало XX в.*

рева цвет шиплет, в корыто сыплет. С дерева лист не убывает и корыто не наполняет!»

Ответ ты уже знаешь. Это жизнь и смерть, сменяющие друг друга. Это — не устающее плодоносить Древо жизни. Это — Земля, не устающая производить все новые и новые формы.

Небо и Земля. Дух и плоть. Перун и Мокошь. Бог-Отец и Богиня-Мать. Мир идей и мир форм — наше временное пристанище, наша Земля — проявленная любовь Абсолюта...

Может быть, теперь нам не покажется странным отношение древних к земле, выражавшееся в том, что в период, когда земля носила во чреве своем будущий урожай, ее запрещалось бить палками, вообще ударять: она была беременна. А в день ее Именин, приходившийся на начало мая, земле давали отдых: ее не пахали, не боронили, не рыли. Если человек падал, то обращался в этом месте к земле, чтобы она простила причиненную ей боль. При заболеваниях тоже ходили на то место, где впервые ощутили боль, и просили у земли прощения.

Человек мыслил себя листочком, жизнь которому дала Земля, уходил он тоже в Землю. Отношение к Матери было не потребительским, как ныне («уронили мишку на пол...»), а бережно-охранительным. «Первобытное сознание» древнего человека

было много ближе к пониманию происходящих в мироздании процессов и своего места в них. «Неразвитостью» можно объяснить лишь наше нежелание услышать своих ушедших в землю родителей. Да, они были наивными, — как дети, истинные дети своей Матери. Да, религия действительно была опиумом для народа. Опий — болеутоляющее средство, млечный сок одного из маков — снотворного. Именно мак собирала и Кора в древнем мифе в тот день, когда земля пред ее изумленным взором разверзлась и из недр ее восстал Аидоней — властитель царства теней. В мгновение ока схватил он любимую дочь Деметры и скрылся с ней в своих чертогах...

Горюет в разлуке Кора, плачет одинокая кукушка, жалуется, ждет, отмеряя годы...

Глава третья. Кто бабке не внук!

*Баба-Яга — мать мирового Змея. — Лунный зодиак. — Зеркальная Дева —
Вакшья. — «Зима» плотного существования. — Первичная форма. —
Золотой Петушок. — Миф о Фазтоне. — Близнецы. — «Зло»*

Русские сказки... Именно с них начинаем мы свое знакомство с миром. Наследие языческих времен, они входят в плоть и кровь, заменяя нам генетическую память и составляя уже как бы часть нас самих.

Кому не знакомы пушкинские строки:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...

Детьми мы не отделяем сказку от реальной жизни; став взрослыми, сохраняем к ней то же трепетное отношение: она, как теплая грудь матери, прильнув к которой, забываешь свои беды... Но что же в сказке такого, что греет сердце и целит душу? Что скрывается за простыми сюжетами и знакомыми с колыбели персонажами? О чем они, наши сказки?

Обратимся для начала к одному из колоритнейших персонажей русских сказок — Бабе-Яге. Бабушка эта равным образом притягивает к себе и страшит. Как неизбежно притягивает Баба-Яга в свою избу и главного героя сказки. Притягивает и пугает.

Но пугает лишь поначалу. В конце сказки Баба-Яга бывает по-срамлена. Сказочный герой торжествует. Мед-пиво пьет, свадьбу справляет.

А справимся ли с Бабой-Ягой мы? Поймем ли наших сказочников, записавших, по словам одного из них — Филиппа Господарёва, свои сказки от морских цыганок? Их рясу, что по всему свету растяглася, от конца до конца, куда ни иди — все тут она...

Однако ж, деваться нам некуда: все дороги ведут нашего Ивашку к Яге да к мужу ейному Кощею Бессмертному. Последуем за ним и мы...

***Дождик идет, солнце светит,
Баба-Яга тесто месит...***

Итак, что ж это за баба такая? Согласно сказкам, живет она в лесу, в избушке на курьих ножках. Забор вокруг ее избы сделан из человеческих костей, на заборе — черепа, вместо засова — человеческая нога, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Баба-Яга, костяная нога, голова пестом, лежит в своей избушке из угла в угол, нос в потолок врос, груди через грядку повисли. С людьми она не церемонится: пожирает их, изжарив в печи.

Бабой-Ягой пугали детей, чтоб те не лазали по огородам, не бегали по колосющимся нивам, не мяли зреющий урожай. По мнению чехов, читаем мы у А. Н. Афанасьева в его капитальном труде «Поэтические воззрения славян на природу», Баба-Яга, житна-матка является на полях и нивах по преимуществу в то время, когда хлеб начинает цвести и наливаться. У Афанасьева же мы находим и указание на связь имени бабы — Яга — с санскритским *ahi* (змеи). Больше того, параллельные места новогреческих и албанских сказок выставляют на место Яги дракониду и ламию — колдунью, ведьму, а также баснословную змею.

Таким образом, под именем Бабы-Яги предки наши могли разуть мать (или жену) известного во многих традициях мирового Змея, похитителя красавиц, ревниво стерегущего источники живой воды и покоящиеся на дне моря-окияна или спрятанные глубоко под землей неисчислимые сокровища. Лютыми змеями изображает сыновей ежи-бабы и словацкая сказка.

Но, повторимся, с некими загадочными драконами, или зме-

Баба-Яга. Иван Билибин, 1900 г.

ями, которые, держа в пасти свой хвост, опоясывают земной шар множеством колец, всегда символически связывали Лунные узлы. В астрономическом смысле Узлы есть точки пересечения орбиты Луны с плоскостью эклиптики (видимым движением Солнца). Узлы есть точки соприкосновения Солнца и Луны, Духа и

порождаемой им Души. Точки, где перерезается своего рода небесная пуповина, где душа, опускаясь на землю, в проявленный мир, обретает самостоятельную жизнь.

Итак, Яга — мать змеев, олицетворяющих Узлы Луны, направление кармического развития, эволюционного пути?

Чтоб долго не ходить вокруг сыра, обратимся к нумерологическому наполнению имени интересующего нас персонажа. Слово «баба», понятное дело, даст нам в 12-уровневой системе число Венеры (6). «Яга» — число Девы (14). Суммируя оба слова, получим число Рака (20), или $(2 + 0)$ число Луны. На «мать» уже похоже.

Высший же смысл знака Рака и связанного с ним 4-го дома — корни, наследие, живая традиция, переданная нам изначально. Здесь мы и найдем объяснение огромным грудям Яги. Итак, свяжем Бабу-Ягу с традициями, истоком, очагом, источником. В Раке — сокровенная обитель Хирона, наводящего мосты между мирами, осуществляющего своего рода преемственность между миром идей и миром форм. Преемственность здесь — архетипическая. То есть Баба-Яга есть хранитель архетипа, лунного принципа. Значение слова «ступа», в которой Яга «выходит на дело», восходит к индоевропейскому *stupa* — «хранилище реликвий».

Так не является ли Баба-Яга хозяйкой Лунного зодиака? Прасоносы, первичного по отношению к солнечному, хозяин которого — Громовержец Перун — осыпает Землю искрами небесного огня. Утверждение о приоритете лунной системы над солнечной содержат многие древние тексты. Согласно учению Авесты, Творец прежде создал Луну, затем Солнце. Матерью солнечного бога называли египтяне Изиду, являющую в астрологическом символизме высшую Луну. Зевс был вскормлен молоком небесной козы Амалфеи. Богиня-Мать алтайцев (Торум-Анки) также посылает души детей своих по солнечному лучу на Землю. По нему же она забирает их обратно.

Примеры эти можно множить и множить, остановимся же пока на герое-богатыре русских сказок — Иване Быковиче, которого также звали Коровым или Кобыльим Сыном. Кобылицей же в бою на Калиновом мосту оказывается Баба-Яга, достигающая порой космических размеров.

С Ягой, таким образом, связана генетическая память, родословная. Родословное древо. Древесные корни напоминают и

курьи ножки, подпирающие избушку Яги. Интересно также то, что куриная ножка — отпечаток лапы птицы — это и знак Древа жизни (ствол с тянущимися кверху ветвями). Именно такие следы оставляет по себе и земная, и золотая курушка.

***Там течет широкая
вспять река...***

Итак, что ж это за зверь такой, Лунный зодиак? В отличие от солнечного, лунный зодиак находится в тени общественного интереса к астрологии, сообразно, впрочем, своей связи со скрытой природой человека, с тайной его фравахара, родословного древа, той реки, рукавом которой он стал. Лунный зодиак — это действительно «зверь», глубоко сидящий в природе человека, работающий на уровне инстинктов, врожденных знаний, чутья.

Лунный зодиак представляет собой поток, берущий свое начало в знаке Рыб и текущий против часовой стрелки, обратном ходу времени солнечного круга. Общий поток, из которого и происходит вычленение «я», становление солнечного принципа (последним знаком здесь будет Овен): «цячэ вада ў ярок...» Коллобок — катящийся по небу месяц — оказывается на языке у олицетворяющей огненный принцип Лисы. Обратный же поток, круг Солнца, или круг «я», эволюционирует к слиянию — Перун плывет против течения Небесной реки.

Люди не знали имени этой старой женщины. С ней в доме жили двое мальчиков, но никто не знал, как звали их отца и мать. Говорили, что мать этих мальчиков была дочерью старухи.

Дом старухи окружала тростниковая изгородь, а позади дома был отгорожен еще небольшой участок земли, где старуха могла оставаться совсем одна, — мальчикам туда ходить не разрешалось. На этом участке позади дома старая женщина бережно хранила огромный лист таро¹. Дети говорили, что из этого листа она всегда достает воду, но строго следит, чтобы они не видели, как это делается.

Однажды старуха собралась в поле, чтобы принести немного пищи для них троих.

¹ Одна из наиболее распространенных в Океании сельскохозяйственных культур. Таро — клубнеплод, отдельные клубни этого растения достигают 6 кг веса. Листья крупные, сердцевидные или стреловидные, до 1 м длиной.

— Не ходите за дом! — предупредила она детей, и они ответили:

— Хорошо, не пойдем.

Старуха вышла из дома и пошла в поле, а братья, играя, стреляли ящериц из своих луков.

Немного погодя один из мальчиков сказал:

— Хорошо бы пойти туда, куда старуха запрещает нам ходить, посмотреть, что там такое.

— Пойдем, — согласился его брат.

Они пошли за дом и увидели там большой лист таро. На листе они заметили ящерицу, и один из них пустил стрелу, но промахнулся и попал в лист. Вода, что хранилась в нем, тут же прорвалась наружу. Старуха услышала это и поняла, что дети продырявили лист.

Она поднялась и громко крикнула:

— Разливайся вокруг земли! Разливайся шире!

Вот тогда-то море впервые окружило землю, а до тех пор моря не было.

Так старуха сделала море.

Лунный зодиак связан с общим потоком, «коллективным бессознательным». Именно лунный зодиак и стал держателем 13 (со Змееносцем) небесных врат — солнечного зодиака, стал для него матерью. Лунная чаша стала колыбелью Солнца — желток космического яйца зрел в водах лунного белка. Лунный же зодиак, лунная радуга стала мостом к колыбели Предвечного.

То не тучи бродят за овином

И не холод.

Замесила божья мать сыну

Колоб.

Всякой снадобью она поила жито

В масле.

Испекла и положила тихо

В ясли.

Заигрался в радости младенец,

Пал он в дрёму,

Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила божья мать сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

Сергей Есенин

Бабу-Ягу называют привратницей между миром живых и мертвых, ее избушку — вратами в мертвое царство. То есть смерть понимается как возвращение к архетипу, обратное вхождение в общий поток, реку Стикс — реку забвения. Заметим, что в своей классической форме в Индии — стране хранителя традиций Рака — ступа строилась как погребальный курган. Не оттого ли некоторые сказки рисуют Ягу как старуху либо с большими глазами, либо и вовсе слепую? Ее слепота есть неразличение твоего «я». Для нее все едино. После ее помела никто не оставляет «следов».

Число Яги (14) — число переворота пространства-времени, число выхода (и входа), число знака Девы, в котором Луна имеет свою эзотерическую обитель. Слово «Луна» даст нам это же число. Именно со знаком Девы связана мистерия рождения нового

мира, непорочного, не разрезающего течения реки, зачатия, мистерия раскрытия мирового яйца. С Девой связан также урожай, слова «зреть», «поспевать». (В ступах пестом толкли именно зерно.)

Но «зреть» — это и «смотреть», и слова «зеркало» и «зерно» — одного корня. Луна явлена в нашем мире как отражение, преломление солнечного света. Не случайно сосцы у Бабы-Яги висят ниже пояса (7-го знака — знака Весов, открывающего в солнечном зодиаке так называемый коридор зеркал, когда знаки смотрятся друг в друга, все меняется на противоположности: был «я» (Овен), стал «другой» (Весы), жизнь (Телец) смотрится в смерть (Скорпион), смерть — в жизнь... Образуется шесть двойных зеркал). Ее генетическая память идет в зазеркалье.

Жил старик, жены у него не было, детей не было. Так, безгрешный был старичок, ну, однако, хозяин исправный.

И приснилось ему: должен он попасть на остров. На тот остров, что лежит на озере Свято — на Сейтяврушке. А острова такого он отродясь и не видел, и не знал, и не слыхивал даже, — есть ли такой остров? Проснулся он утром и подумал: «Надо идти. Надо найти тот остров, и жить там придется». Однако сомнение взяло — как это он сам, своею волей может поселиться на Сейтяврушке... На веках такого не бывало!

Пошел он к народу, рассказал о своем сне и спросил совета: как ему соседи скажут, что народ присоветует, так он и поступит. Думали старики, долго думали, порешили, весь народ ладом наказывает старику: идти и селиться на том острове, на том озере Сейтявр. Нету такого острова — явится.

Собрал старик свои пожитки, взвалил на плечи и отправился в путь. Шел, шел — вышел к озеру Свято. И видит он, по озеру остров плывет. Плывет остров и ближе и ближе к берегу подходит. Старик к острову близится — остров от него уходит. Идет старик вслед за островом. Остров по озеру плывет, на нем сосенка стоит, сосенка кудрявая. Старик по берегу спешит, догоняет свой островок. Бежал-бежал — остановился остров в тихой заводи. Узкое место между двух берегов, заросло оно мохом, и травой, и землей. Тут острову причал.

Обширно озеро Сейтявр. Сверху, с севера, закрыто горами, одна только вершина вздымается высоко. То вершина «праудедков», прадедов народа, жившего внизу, соседей и родичей старика. Понизу заросла гора могучими борами. А на востоке протянулась Колоколовая горушка, вся она заросла ягелем, сытным кор-

мом оленей. Горушка эта не простая, на ней пасется путеводный олень — Солнцу слуга. Тут он жировался и потерял свой колоколец. Тут и стало родимое место оленей. Беззаботно пасутся они на этих лучших угодиях земли.

На запад березовая роща стоит, то Черная Варака¹, не нашего жительства, не для человека она, эта Черная Варака. Так сказывали старики. Ну, а все-таки бересту в ней драли, потому что хороша тут береста, очень хороша.

Остров причалил подальше от Черной Вараки. Старик перешел с матерой земли на острова твердь и топнул ногой.

— Земля тверда — тут и жить, — сказал.

И стал жить.

Он обошел весь остров вокруг. Бьют ключи теплые и горячие, родники студеной воды журчат там и тут. Бьют ключи прямо из-под земли, из-под камней гремучих, из-под зеленой муравы, из густого мха. Хвощи туманом млеют в теплой влаге над родником.

Подошел он к этому студеному родничку, а тут на камушке сидит Дева. На ней одежда на левом боку ярче солнечного света сияет, а другая половина тела вовсе без одежды, высокая грудь жаром пышет. Дева встала старику навстречу, его поклона ожидая, сказала:

— Долго ты путешествуешь, старец. Я замерзла, я проголодалась.

Старик ответил ей:

— Я видел во сне этот островок. Утром проснулся и пошел. А остров уходил от меня. Долго я гнался за островом и вот притомился... устал немножечко... кхэ...

Женщина улыбнулась, положила ладошку на соседний камешек.

— Садись, — сказала.

Он вынул из своих сумок вяленую тушку шуки и дал этой женщине. Другую сам начал есть. Так он утолял свой голод — одну рыбину ей, другую себе, одну рыбину ей, другую себе. Она эти щучьи тушки собрала в руке, а не притронулась к ним.

Он было подумал, что Дева-то не умеет ни пить, ни жевать, что к щучьей плашке она и приступить-то не сумеет. Смекнул было, что не здешнего света Дева; уж не Солнцева ли дочка или сестра?

Он дал ей разных шкурок и кож, чтобы прикрыла она наготу свою. Она смастерила себе одежду и предстала простою женщи-

¹ Гора с пологими склонами, покрытая лесом.

ной-саами. Она все умела делать сама, а щучьих тушек как не бывало — все съела. Как только надела одежду — так и съела эти щучьи тушки.

Из еловых ветвей они построили на ночь зеленый шалаш, сказать просто, — спалку. Ложа в ней сделали из веточек березы, покрыли их шапками ягеля. На них старик постелил для нее свою единственную шкуру оленя, сам же примостился у очага в своей меховой одежде-печке.

На другой день они начали строить себе надежный дом-вежу¹. Она учила старика. Сели на землю друг против друга, ступня в ступню уперлись, за руки взялись. Потом откинулись назад, легли спиною на землю и выбросили руки за голову. Каждый в головах сделал отметку. Потом так же они сели наперекрест и так же отметили ширину своей будущей хибарки.

Старик начал строить единый дом для себя и для Девы, — так она велела.

Когда построили вежу, старик из бересты сделал лодку. Лодку сделал — и начал добывать в озере рыбу. Уловы в озере Свято были хороши. Старик ездил на озеро и ловил рыбу, он ходил в леса, охотился там и драл бересту. Бересты шло в хозяйство много. Женщина управлялась по дому.

Жить им было легко и дивно хорошо.

Однажды сказала Дева:

— Пойдем, старик, округ озера. Я положу слова оберега на леса, на озера, на тундры и горы. Я положу оберег от дурного глаза, от вражьей силы.

Пошли они вокруг озера по горам и по лесам, и она везде положила свои слова, чтобы не было плохо их острову, чтобы не было плохо ей самой и ее старику.

И еще положила запрет: «...Чтобы люди сюда не ходили... Чтобы никакому зверю не было ходу на этот остров — ни волку, ни росомaxe, ни лисе, ни зайцу, ни лягушке и никакой козявке, никакому червяку и пауку».

Пуще всего она опасалась лягух.

Только мышке-чистюльке да медведю был дан ход. Медведь он свой, этот зверь медведь, он возит Солнце по небу на перемену с оленем, так как же не дать ему ходу? Вздумается ему передохнуть на острове во время переправы через озеро — пусть отдыхает, его такая воля.

Все берега обошла она. Везде она пела свои слова оберега. Только Черную Вараку миновали, своего слова тут она не пропе-

¹ Старинное жилище саамов.

ла, своего слова не сказала.

— Тут моей силы нет... Старик, берегись этой Варачки Черной, — попросила она.

Ну, и домой вернулись, пищу приняли, как положено, и спать повалились.

Прошло три дня, и Дева сказала своему старику:

— Сделай люльку!

Он сделал люльку. Корытце он выдолбил из пахучей сосны. Обтянул его красною замшей. Сверху приладил дужку над головой и покрыл ее замшей. Внутрь положил сначала мох болотный, сухой, потом по краям мох белый, ягель, потом оленьей шерсти клоч, потом бороду белого оленя. На эту подстилку положил он шкурку бобра.

Он сделал люльку и положил ее на колени Девы. Она украсила ее ракушками, красными сушеными ягодками и жемчужинами — розовыми, голубыми, желтыми и красноватыми.

После этого она велела ему обмыться и сбросить с себя старые одежды. Она дала ему новую замшевую рубашу белую, и всю одежду она ему дала чистую и свежую. Втайне она и сама обмылась у очага и переделалась во все новое.

Чистые и умытые, они сели ждать.

И вот родился младенец. Младенец родился, и луна взошла. Удивился старик, но ничего не сказал: видно, так оно и должно быть на этом острове.

Увидя на небе месяц и луну, Дева сказала:

— Теперь идем...

Она встала и пошла. Она пошла в лес, старик рядом с нею идет. Вместе они вошли в ольшаник и там остановились. Она велела старику стать рядом с нею. Так они стояли долго. Потом женщина сказала:

— Смотри, видишь ли ты?

Он ответил, что видит светлое, а что такое видит — не знает, есть там, нет ли там ничего, а видимо, да не знает, как сказать.

Она ему в ответ:

— Видишь, тень от светлого падает на ствол ольхи...

— Есть ли там чего? — спрашивает старик.

— Там не есть, там нет никого... однако там есть тень — видишь ли?

И правда, месяц и луна заиграли, и стало ясно: на светлом стволе виднеется свет, а за ним тень... Вот тень обрисовала детскую головку, глазами смотрит на старика. Вот ручки, вот ножки. Ручки подняла, — возьмите...

Женщина протянула руки и взяла живое тельце дитяти.

Это была маленькая светлоокая девочка. И вся-то она лучилась в лунном свете. И вдруг заплакала...

Женщина начала ее утешать. Закутала она в теплые шкурки бобра уже настоящую девочку — дитя человеческого.

Месяц и луна ушли на край земли.

Женщина пошла вперед, старик позади, повторяя слова тех оберегов, что Дева пела намереди.

Понятна теперь и связь Яги с хлебными нивами: Дева, собирающая урожай плодов земных и небесных, 7-й знак в лунном зодиаке, преломляет Круг жизни. Верхняя — видимая и нижняя — невидимая полусферы опрокидываются друг в друга. Брошенное в землю зерно обретает иное качество, преломившись через поверхность зеркала-земли. Умерщвленный Сетом Озирис прорастает колосьями — сошедший в материю Дух дает всходы. Именно глаз — символ преломленных солнечных лучей, положенный Гором в рот мертвому Озирису, возвращает его к жизни.

Дева, таким образом, — это тот живот, из которого к радости маменьки выходят ее козлятушки. Золотая осень — время свадеб.

Мерзны, мерзны, волчий хвост...

Дваждызеркальной Девой названа в авестийской мифологии Вакшья, образ которой очень сходен с нашей Ягой. Вакшья-планета движется в обратную сторону и связана с Колесом Смерти, движением против часовой стрелки¹.

Вакшья, как и Яга, проявляется через смерть, стирающую личность. Роднит их и связь со стихийными силами природы, и — вселенский характер проявления. Про Вакшью сказано, что глаз у этой Девы столько, сколько звезд на небе. Она, как и достигающая космических размеров кобылица-яга, являет собой тело Творения.

Миф указывает на проявление ее в энергии *времени*. Вакшья показывает то, что препятствует свободе и заставляет жить в системе замкнутого времени, в системе «огорода». («Во саду ли, в огороде девица гуляла...»)

¹ По данным П. П. Глобы, эта планета находится между орбитами Урана и Нептуна. Ее цикл — 108 лет (108,0875). В знаке находится от 7 до 11 лет. В 1996 г. вступила в знак *Весов* и пробыла здесь до начала 2006 г. В 2006–2012 гг. шла по *Деве*. В 2013 г. перешла в знак *Льва*. С конца ноября 2020 г. идет по *Раку*.

Кощей Бессмертный. Виктор Васнецов, 1926 г.

Со временем связана и заправляющая вихрями Баба-Яга. Что такое ее костяная нога? Не есть ли это некий символ, столь значимый, что стал приложением к ее имени? Посмотрим на Зодиак. Поищем здесь ногу. Ступни у нас под Рыбами, голени связаны с Водолеем, коленные чашечки — с Козерогом. Бедрa — это Стрелец. Что мы получили? Зону Стрелец — Рыбы. Третью зону Зодиака — зону трансформации.

А поскольку нога — костяная, а кости — под Сатурном, то можно предположить, что это... *нога времени*. Замкнутого мира, мира, ограниченного временем и пространством — формами материи. Треть Зодиака, связанная с пребыванием Кору в царстве мрачного Аида, души, повязанной земными путами. Соловьиная ночь. Сон, в который погрузил ее сорванный ею мак.

Итак, время — дитя Неба и Земли: Сатурн — сын Урана и Геи. «Типичным» сатурнианцем выступает и иссохший от скупости Кощей. Старославянские «кощь» и «кошть» переводятся как «сухой», «тощий», «худой», им же родственно слово «кость». Глагол же «окостенеть» употребляется в смысле «застыть», «оцепенеть», сделаться твердым, как кость или камень от сильного холода. То есть с похищением Кошеем Марьи Моревны (дочери Морского царя, владыки последнего, 12-го знака — Рыб) наступает «зима»

плотного существования, когда дух парализован холодом формы.

В сказке «Лисичка-сестричка и волк» лиса сажает волка ловить рыбу в проруби, опустив туда свой хвост (двигаться по солнечному кругу к 12-му знаку): молодой месяц, рыбак-волк, одурачен Солнцем, «эго», затмившем истинную человеческую природу, рыжей лисой, поместившей своего братца в систему замкнутого времени, в систему Сатурна, холодного и сжимающего:

Мы отданы белым пустыням,
Мы тризну свершаем во льдах,
Мы тонем, мы гаснем, мы стынем
С проклятьем на бледных устах!..

К. Бальмонт, «Мертвые корабли»

Как Крон проглатывал рожденных Реей младенцев, так и охотящийся ночью волк, олицетворяющий пребывающую в неведении душу, луну, не знающую себя, пожирает овец. «Осенние птицы взяли счастье с собой...»

Жил-был старик со старухой. У них была дочь Дунюшка. Пошла раз Дунюшка в лес по ягоды с подружками.

Шли, шли они, попалась им глубокая яма. В яме сидит волк и говорит:

— Кто через эту яму перескочит, тот домой пойдет, кто не перескочит, тот меня останется качать.

Все девушки перескочили, а Дунюшка не могла и упала в яму. Говорит ей волк:

— Качай меня.

Качает Дунюшка волка и приговаривает:

— Баю, баю, серый волк.

Уснул волк, а Дунюшка вышла из ямы.

Летит стадо гусей. Вот один гусь и говорит девушке:

— Полетим, Дунюшка, с нами.

— Я бы рада полететь с вами, да крылышек у меня нет, — отвечает Дунюшка.

Отрезали гуси крылья у одного гуся и приклеили Дунюшке. Высоко поднялась Дунюшка с гусями. Летели, летели, летели гуси и прилетели к Дунюшкиному отцу в сени.

Увидал мужик гусей, схватил ружье со стены, хотел стрелять. Закричала Дунюшка:

— Не стреляй, тятенька, это я.

Обрадовался отец дочке родимой, которую уж считал погибшей. Стали жить да поживать, да добра наживать, а Дунюшку по-маленьку замуж собирать.

**Вырастешь большая —
Отдадут ты замуж
Во чужу деревню,
В семью несогласну...**

Время, таким образом, есть первичная форма. Время — это начало, поддерживающее жизнь, то есть дающее жизни развернуться, проявиться, из скрытого, латентного, состояния перейти в состояние явленное, из состояния семени — в состояние зрелого колоса. Первичная форма разлагается в свою очередь на три других формы: прошлое, настоящее и будущее. Не есть ли это три сестры, три дочери Яги? Кроме того, Баба-Яга называет своими слугами трех всадников: «Первый всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде — день мой ясный. Другой всадник на красном коне, в красном одет — солнышко красное. И третий — черный всадник — ночь моя темная». Итак, соотнесем день Яги с настоящим, красное, восходящее солнышко — с будущим и ночь — с прошлым. Птицы же их, соответственно, — орел, сокол и ворон.

В авестийской мифологии этими функциями наделены супруги Вакшьи — Стражи Неба. Страж Востока Тиштар, моделирующий будущее; страж Юга Хауранга, связанный с настоящим, и страж Запада Шатаваэш, победитель демона, уничтожающего Свет, поглощающего Солнце. Стражем же Севера выступает Вананд, страж вечности. Но его-то здесь и недостает: люди вырваны из вечности.

Не оттого ли и Баба-Яга хромая? Ведь она одной, полноценной, «ногой» стоит в недоступном нам мире, другой — костяной, утратившей вечность — в нашем. Как всякий посредник между мирами, Баба-Яга хрома: как и римский Вулкан, куяющий формы, как греческий Гефест, которого Гера младенцем сбросила с Олимпа на землю. Здесь же и связующий миры Хирон, символ которого — ключик. Раненный Геркулесом, кентавр Хирон отказался от своего бессмертия, и Зевс поместил его в созвездие Стрельца. Созвездие учителя, посредника между миром богов и

миром людей. В этом же ряду находится и старушка Луна — проводник в тонкий, астральный мир, трехликая Геката — богиня ночи...

Жила старушка. У старушки был сын Ванюшка. Они жили шипко бедно; избушка у них даже валилась. Она говорит:

— Нужно, говорит, ведь в лес итти, бревен рубить на комнату.

— Ну, мама! — утром 'стаёт, говорит: — Я, говорит, пошол.

— Ну, с Богом, ступай, дитя! Как-нибудь старайсь!

А он, верно, был не совсем умом-то у нее. Вот, ушол в лес и вырубил бревно. И он с этова бревна содрал кору-то да сшил лодку. А у реки. И стасшил ету лодку в реку, сделал весла. И ката-ется в этой лодочке.

Мать ждет домой своёва Ванюшку, не можот и дождать. Ну, испекла хлебушка и пошла. «Разе, — говорит, — он отошшál¹, дак домой не может итти?»

Испекла хлебушка да понесла ему йсьти². Приходит тут в по-лосу и нашла штуку лесину, што ссечено. «Што за такое, говорит, сына нет? А пошто, говорит, кора-та содрана с елки-то? А шшепки, говорит, словно как на ту стать, што тёсаное?..»

Ну, потом и сошла на́ берег-от. «Не выдумал ле он што дру-гое?» — говорит.

Пришла на́ берег:

— Вáнюшка! — говорит. — Ванюшка-дитетко! Поди-тко, го-ворит, к бéрежку! А вот тебе, говорит, дитетко, каша масляная!

— Слышу, слышу, говорит, мамонькин голосок!

Он подъехал, кашу выхлебал. Ну, мать ушла домой.

Потом приходит вот эта самая Егíбиха³ (нечíсты-то вот эти самые: в озерах живут, в лесах живут) и говорит. Пришла на́ берег и говорит:

— Вáнюшка, Ванюшка! Подъедь-ко ты к бережку: а вот тебе каша масляная!

А он отвечает:

— А слышу, слышу! — говорит. — Не мамонькин голосок!

— Ох ты, говорит, красной, говорит, пес, рыжий ты пес!

Потом уходит.

Потом приходит после нее мать, опять с кашой:

— Ванюшка, Ванюшка! Подъедь ты, говорит, к бережку: вот тебе каша масляная!

¹ Обессилел от голода.

² Есть.

³ Баба-Яга.

И зовет ево домой, а он нейдёт.

И опять приходит ета скверная-та. А у ее были три дочери. Ну вот, она приходит к берегу, по-материну говорит, — выслушала, как мать-та говорит, тоненьким голоском:

— Ванюшка, Ванюшка! — говорит. — Подъедь-ко ты к бережку! А вот тебе каша масленая!

Вот подъехал. Она ево схватила и утасшила на голубницу (подволоку)¹.

Сама запрягает лошадь, поехала в лес за дровам, а дочь оставляет одну дома:

— Топи печь жарко и нажарко, и штобы было нижно бревно каленó! Да ево, с...а сына, говорит, жарь!

А эта мать Ванюшки хватилась, плачёт, даже слеза слезу бьет.

И кричит эта дочь-та (Егібихи):

— Ванюшка! — говорит. — На лопатку айда!

Он сошел.

— Ложись, говорит, на лопатку!

Он сел на лопатку, руки-ноги распéлил; не проходит в печь.

— Сёстрица, говорит, не умею! Родимая, не умею!

— А как, говорит, ты не умеешь?! А как кошки спят, как собаки спят, так и ты лежись!

— А вот, говорит, не умею! А ляк-ко, говорит, ты и поучи! — говорит.

Она как легла, а он как-то не обрóбел, как звíтнул² в печь-ту, заслонок запер; она и зажарилась. Потом и вытасшил, и розломал, и поставил на серёдные палаты³.

И приезжает эта самая Егібиха. (А он сам опять ушел на то жо место, молчит там.) Вот и стасшила, давай їсьти это мясо. Наелась и давай катацца. И катаецца и говорит: «И покатацца, говорит, мне, повалецца мне на Ванюшинькиных косточках!»

Он ей там (на голубнице) отвечёт:

— А, говорит, покатайся, б..., повалейся, б..., на дочеріных-то косточках!

— Ах, говорит, мне чудітся али, говорит, мліцца⁴?.. Ах ты, говорит, красной пес! Ах ты, рыжий пес! Дочь зажарил!

Ну вот опять етак. Три сустáва⁵ вот ёких: всех троих дочерей зажарил, потом до самое добрался.

¹ Чердак.

² Толкнул.

³ Полатцы около пекарной печи в избе.

⁴ Чудится, видится.

⁵ Повторяющиеся части сказки.

Потом сама остается уж она [дóма]. И топит сама печь жарко-на́жарко и кричит:

— Ванюшка, на лопатку айда!

— А ладно, ладно, говорит, мамонька, я иду!

Он сошел.

— Ну, лежись, говорит, на лопатку-ту!

Она как хочёт ево в печку-ту посадить, он руками-ногами уперся:

— Мамонька, не умею! Родимая, не умею!

— Да как, с... сын, ты не умеешь?! А как кошки спят, как собаки спят, так жо и ты лежись!

— Да, мамонька, не умею! Родимая, не умею! Поучи меня!

Как она на лопатку-ту легла, как он иё туда толкнул, за́пёр. Она закричала:

— Ва́нюшка, отпусти! Дитетко, отпусти! Вот тебе, говорит, три корчаги серебра, корета золотая, пара ко́ней вороных и збру́я золотая! И ето все твое бу́дёт!

— Ах, говорит, стара сука, попала! Все мое, говорит, бу́дёт без етова!

Тут ее в печё и оставил. Сам побежал, корету заворотил, три корчаги серебра из подполья вытасшил, все в корету составил. Лошадей из конюшни вы́вёл, хомуты надел, за́прёк, поехал.

И приезжает к етой маме. Она уж шипко заботилась, што не́ жив, не́ жив; плакала шипко. А изба у ней плоха шипко, даже за-уго́лки¹ выпали. Вот он подъезжает к домёшку ко своему; и даже не воро́т и ничево нет — привезать не́ за што. Ну, и проситца у старушки ночевать, на етих лошадях, на паре:

— Ну, бабушка, говорит, не пусьтишь ли ночевать?

— Ох, дак, дитетко! — говорит. — Ведь у меня лошадей некуды завесы́ти и привезать не́ за што и ўжиной покормить тебя не́чем!

— Вот за огород, говорит, бабушка, привяжом. Пожалуста, пусьти!

— Ну, дак, дитетко, говорит, выпрегай да привязывай!

Выпрёк, привязал. И схватил ету корчагу с серебром сначала, тасхи́т в комнату. Притасшил в комнату, помолился Богу, россы́пал на пол. И говорит она, эта бабушка:

— Ох ты дитетко, ты дитетко! Ведь у меня был сын, говорит, Ва́нюшка, дак ведь ровно экой жо!

— Дак вот, говорит, мамонька, дак я са́мой и есь!

— Дак, дитетко, говорит, бажо́ное²! Дак где ты взелся?

¹ Конечные части бревен, в углах строения.

² Любимое.

И потом стал все таскать — три корчаги серебра стаскал, рассыпал на пол, и золота три корчаги стаскал, рассыпал на пол, другую кучку. Она и говорит:

— Ох, Ванюшка, дитетко ты мое, бажоное ты мое! Где жо, говорит, ты такие деньги взял?

— А вот, мамонька, говорит, я, говорит, за эте деньги чуть смерть не принял!..

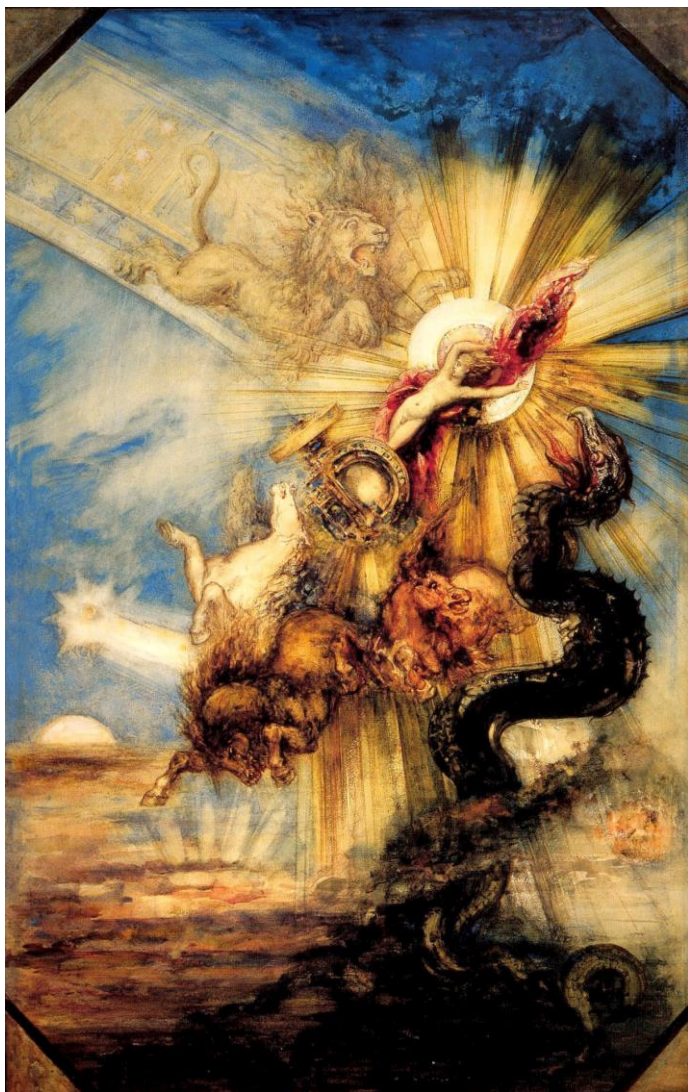
Ну, потом на эти деньги он такую ле домину выстроил, дак Боже милосливой! И потолки, и все раскрасил... И я тут у их была и чай пила. И все и коньчила.

Но подобно тому, как прошлое отражается в будущем, вечность следует искать в настоящем. Заметим, что именно южный ветер, призванный Бабой-Ягой на помощь герою сказки «Заколдованная королева», доставил того в новое царство, где жила прекрасная королева.

Символом настоящего, этого краткого, пограничного состояния между прошлым и будущим, стал в русских сказках Петушок, поющий *на границе* дня и ночи, возвещающий о смене Ночи Днем — настоящим, которое и является ключом к Вечности, к Единому. Петух возвещает о смене зимы плотного существования, всякий раз воспроизводя в суточном цикле, в микроцикле цикл космический, макроцикл.

Именно петух в сказке «Лиса, заяц и петух» смог выгнать лисицу из заячьей избенки. У зайчика избенка была лубяная, а у лисы — ледяная; попросилась она ночевать, да его и выгнала: «эго», сознание собственной выделенности затмило лунную, скрытую природу человека. Идет зайчик, плачет — скорбит душа, ожидая своего петушка-избавителя. Золотой Петушок стал также символом отлетающей души, символом освобождения.

Конфликт коллективного и личного (двух противоположных потоков, ставших основаниями Лунного и Солнечного Зодиаков) нашел свое отражение в мифе о Фаэтоне (буквально «искре»). Возжелав править колесницей Солнца, Фаэтон чуть было не превратил землю в пустыню. Пытаясь воспрепятствовать этому, Зевс умертвил его, поразив молнией. Колесница Гелиоса раскололась на куски, которые суть расчлененное человеческое сознание. Фаэтон же, подобно падающей звезде, пронесся по небу и упал в волны реки Эридан — реки раздора.

Фазтон. Гюстав Моро, 1878 г.

В астрологическом смысле Фазтон, являя собой дэновское начало, находится в ряду Сатурн — Юпитер. Сатурн сжимает, ограничивает. Юпитер, напротив, расширяет. И Фазтон олицетворяет собой утраченное человеком состояние покоя, когда центробежная и центростремительная силы уравновешивают

друг друга; утраченное единство времени (Сатурн) и пространства (Юпитер) в надсолнечном зодиаке. Подавляющее число астероидов — обломков солнечной колесницы — находится между орбитами Марса и Юпитера — индивидуальной волей, желанием отдельного человека и общественными установлениями. И человек, как правило, изначально находится в конфликте с обществом. В конфликте с законом внутренним (Сатурн) и законом внешним (Юпитер). Солнечный принцип в человеке не равноценен Солнцу Творца. Колесница Гелиоса расколота: человек не видит цельности всего сущего. Солнце в человеческом мире противостоит Луне, Марс — Венере, Юпитер — Сатурну, «и хохочет ветер, словно зверь ужасный, и скребет когтями душу невтопад...»

***Мы избрали Зло как путь познания
И законом сделали борьбу...¹***

Итак, речь, видимо, может идти о двух кругах жизни: видимом и невидимом, круге Солнца и круге Луны. Двух кругах, созданных Творцом для сличения времени, для познания тайны Создателя. Так написано в одном из зерванитских текстов — «Сотворение основ» («Бундахишн»). Хранителями этих двух чаш, вложенных одна в другую, были поставлены два брата-близнеца. Хаурват — бессмертный близнец — стал хранителем лунной чаши. Смертный Амертат — чаши солнечной. Хаурват — наш небесный близнец, наш Идам. Он и есть та самая, утраченная в начале времен половинка, к слиянию с которой стремится его смертный близнец — человек. Когда-то, давным-давно, гласит известная легенда, Бог расколол человека надвое и разбросал половинки в разные стороны. Половинки эти суть мужское — круг Солнца и женское — круг Луны, человек и его Идам, его небесный близнец. Ищущие друг друга мужчина и женщина... Ведь конечная стадия человеческой эволюции, движения солнечного круга — приход к слиянию со всем сущим, ощущение **единства** всего со всем. Акт вселенской любви.

Близнецы — знак обители Блισταющей Девы Вакшьи. Богини, чей самый мощный призыв — отрекись от самого себя, сбрось с

¹ Константин Бальмонт.

себя все оболочки — имени, социального положения, материального состояния... На деле у тебя нет ничего. Ты — голый. Голый король. И беспокойные движения человеческого ума, лисья хитрость суть порождение «эго», индивидуального, расколотого сознания. «Лисички-сестрички, что темной ночью шла голодная...»

В сказке «Лиса и рак» Лиса, пытаясь доказать Раку (обитатели Луны) свое превосходство, должна побегать, раку же достаточно уцепиться за ее хвост (знак Рака находится на хвосте у знака Льва — обитатели Солнца), чтобы затем сказать запыхавшейся и обернувшейся Лисе: «А я давно уж жду тебя тут». Раку и бегать не надо, он и так первый, как первичен по отношению к солнечному лунный зодиак. «Эго» очень любит соревноваться. Человек же, узревший иллюзорность собственного «я», перестает это делать. Социальные, наведенные «ценности» меркнут. Никуда не надо бежать... Жизнь наполняется смыслом в любом месте и в любое время.

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалась в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ошур сочилась тихо кровь.

Сергей Есенин, «Лисица»

Таким образом, андрогин, целостность обретается через разотождествление со своим «эго», через вхождение в общий, мировой, поток. Солнце, как и соль, рождается в воде, и в ней же умирает. Лишь за службу у Бабы-Яги Иван-царевич получает коня, способного спасти Марью Моревну от преследований Кощея. Погружаясь в этот поток, человек теряет свое «я», но взамен обретает много большее. Тело Творения становится его телом. Он может черпать из серебряной чаши то, что ограниченному «я» не под силу. И человек здесь по сути умирает. Личина формы распадается. Время сворачивается в одну точку. Наступает последнее — в смысле привязки себя к физическому телу — воплощение. Человек обретает другую Землю, другое Небо, другое — космическое — сознание... «Зло» развоплощается. Оно всегда связано с конечным, ограниченным, с самоидентификацией с гробом собственного тела.

Зло — это всегда замкнутая система. Люди, мыслящие себя отдельно от других, как правило, эгоцентричны; эгоизм же служит источником всего прочего: тщеславия, жадности, стремления доминировать над себе подобными. Не видя взаимосвязей, выпадая из потока, как близорукая и всегда охотящаяся в одиночку лиса, человек гневается: жизнь не соответствует его ожиданиям. Но ведь и смотрит он на нее сквозь узкую прорезь прицела. Зло перестает существовать с разотождествлением себя с конечным, отдельным, с ящиком, куда лег Озирис.

...За гранью отдаленною
Бесчисленных светил,
За этой возмущенною
Толпой живых могил —
Есть ясное Безветрие
Без плачущего я,
Есть светлое Безветрие
Без жажды бытия.

Но то не смерть, печальная
Владычица людей,
Не пляска погребальная

Над горами костей.
За гранями алмазными —
Ни ночи, ни утра,
Ни зла с его соблазнами,
Ни тусклого добра.

Там вечны сны блаженные
В прозрачной мгле мечты,
Там вечны сокровенные
Виденья Красоты.
Нетленным светом нежности
Там все озарено,
Там счастье Безбрежности,
Где слито все в одно...

Константин Бальмонт, «Искры»

...Итак, «ворона каркнула во все воронье горло: сыр выпал — с ним была плутовка такова». Головку сыра древние уподобляли Луне. «Отдай сыр!» — кричит человек вороне смерти. Пытается выпить разлитое по небу молоко, да морда в кувшин не влазит... Подобно апулеевскому ослу, мы ходим по кругу, влача свои жернова. Мельник, которому мы проданы, завязывает нам глаза. Осел прикидывается непонятливым, но его так колотят палками, что нельзя не согласиться...

Баба-Яга же тем временем все толчет и толчет воду в ступе... Течет вода в ярк... Бежит молоко по вымечку, из вымечка по копытчику, из копытчика во сыру землю.

Такая вот сказка про Солнце, Месяц и Ворон Вороновича у нас получилась.

...В дни, когда Солнце шло по знаку *Близнецов*, славяне отмечали празднества божества Лады и ее дочери Лели. Последняя сохранила в звучании своего имени близость к словам «лялька», «люлька», «лелека». Двум близнецам — Лели и Лад — поклонялись народы Лидии, где жрец одевался в мужское и женское платье, изображая одно существо... Изображая лад, гармонию, целостность...

Полетел сизым голубем месяц,
Открывая солнцу врата.
Как сказать тебе?.. Мир мне тесен.
Все искал, все хотел я тебя...

Ждал я, мучился, и, как безумный,
Только лишь опустилась ночь,
К той околице пламенем шумным
Подобрался я... Мне уж невмочь.

И, раскинувши жарко объятья,
Отобрал я тебя у ночи...
Ты, укрывши вдруг шалью-туманом,
Мне сказала: «Отныне ж — молчи...»

Я напился тобою, о Леля!
Тихих звезд положив горсть на грудь.
Я напился, и в дикости хмеля
Потопил неизбывную грусть.

Я напился тобою, родная.
Ты, уставшая ждать меня, верь:
Я и в юности, лет не зная,
Был уж жертвой одной лишь тебе.

Я искал тебя в каждой былинке,
В каждой женщине звал я тебя.
Я нашел тебя в заводи зыбкой —
Темных недр разомкнулись уста.

Ирина Шукина

Глава четвертая. Посадил дед репку...

*Символ как манифестация вечного Настоящего. — Воинства Вакиши. —
Золотые соотношения небесных сфер. — Календарь — миротворный
круг. — Коляда. — Пирамиды. — Многомерность сознания. —
Вытащили репку!*

«По-вашему, по-ученому, ничего нет — ни ведъм, ни другого прочего, о по-нашему, чего на свете нет!» — говорил собирателям фольклора в начале XX века Андрей Никифоров, крестьянин из деревни Высокое Бельского уезда Смоленской губернии. Так, по древним легендам, Земля покоится на трех китах, или трех рыбах... Или на слоне, стоящем на спине огромной, плавающей в мировом океане черепахи...

Смутное, идущее из глубин нашего существа, ощущение скрытой здесь тайны понуждает искать ключи к символизму древних. Так, морские черепахи откладывают свои яйца в землю. Ночью они, кряхтя и с трудом передвигаясь, выходят из моря и закапывают свои яйца в прибрежные пески. Они долго роют яму, после чего производят кладку. Морским черепахам, в отличие от их сухопутных сородичей, трудно передвигаться по земле, трудно закапывать кладку. Они делают это медленно, с невероятным физическим напряжением. Зарыв яму, черепахи удаляются к морю и никогда больше не возвращаются к месту кладки... Океан принимает их в свои объятия, чтобы потом вновь исторгнуть из своего чрева облаченные в яйцо зародыши новых жизней, которые будет вынашивать земля... Жизнь выходит из океана...

А вот как писал о началах мира Максимилиан Волошин:

Вначале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод

Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод —
Живую кровь, струящуюся в жилах...

Другой красивый миф о творении сохранила земля Та-Кемет, плодородная долина Нила: «После отлива изначальных вод Нуна показывается холмик Бен-бен — первая земля, и пепельно-серая цапля, Бену-птица, величаво спускается с небес и отдыхает на камне у Гелиополя». Бен-бен — маленькая пирамидка — венчала колоссальные пирамидальные сооружения древних египтян, являя собой символ изначального холма.

А вот как поется о творении мира в карпатской колядке¹:

Коли не было з'нешада² света,
Тогды не было неба, ни земли,
Ано лем³ было синое море,
А серед моря зеленый явóрь⁴.
На яворойку три голубоньки,
Три голубоньки радоньку радят⁵,
Радоньку радят, як свет сновати:
«Та спустимеся на дно до моря,
Та дóстанеме дробного песку,
Дробный песочок посеєме мы —
Та нам ся стане чорна землиця;
Та дóстанеме золотый камéнь,
Золотый камéнь посеєме мы —
Та нам ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, светле сонейко,
Светле сонейко, ясен місячик,
Ясен місячик, ясна зóрниця,
Ясна зóрниця, дробны звездойки».

¹ За каждым стихом следует припев: «Подуй же, подуй, Господи, и з'Святым Духом по земли!»

² Сначала.

³ Только.

⁴ Клен; вариант: два дубойки.

⁵ Советуются.

Но что заставляло наших предков выражаться таким, отличным от нашего, образом? Какова природа символа и как линейные средства выражают реалии нелинейного, многомерного, мира? Почему символ становится мостом между прошлым и будущим, а также своего рода связующим паттерном мира? Попробуем в этом разобраться.

***Жизнь проходит, — сказка — нет,
Хорошо мне, — я поэт...¹***

Символ, как мы уже могли заметить, осуществляет связь между рациональным и интуитивным, между знанием, выраженным объективно, в форме, и тем, что в таковой невыразимо. Природа символа такова, что он, являя собой синтетическое образование, но будучи выражен предметами «материальной обстановки» (черепахой, рыбой ли) и привязан, таким образом, к жизни во времени и пространстве, — вызывает к жизни реалии, лежащие за пределами времени-пространства; то есть линейные средства, то, что лежит «на плоскости», дает жизнь абстракциям, реалиям нелинейного мира. Метафора связует миры.

Гигантской символической системой, описывающей реальность средствами трехмерного пространства и вскрывающей целостность мироздания, взаимосвязанность всех его кирпичиков, является астрология (от греч. *astron* — звезда и *logos* — слово, учение) — наука, в основании которой лежит принцип подобия и аналогий («что вверху, то и внизу»), принцип, имеющий силу во всех явленных и неявленных мирах.

Законы самоорганизации природы *едины*. Вращение электронов вокруг атомного ядра подобно вращению планет вокруг Солнца. И в микро-, и в макромире мы видим проявление единого закона — закона притяжения разнозаряженных тел, мужского и женского. Множество разнообразных физических явлений описывается одним и тем же математическим уравнением. По утверждению ученых, вся Солнечная система квантована периодом в 28,4 земных суток (периодом обращения Луны вокруг Земли)², но не Луной задано это квантование. И события нашей

¹ Константин Бальмонт.

² Среднее пропорциональное между синодическим месяцем — периодом смены лунных фаз, равным 29,5306 средних солнечных суток и сидерическим

внутренней и внешней жизни суть частные проявления более масштабной жизни космоса. А астрология — идеальная система для наведения мостов между различными слоями реальности, для описания «событий», описания жизни «человека и парохода».

Суть символизма, таким образом, — в множественности вызываемых ощущений, их разноплановости, панорамности, объемности.

Случилось это в незапамятные времена. Тогда еще не было ни звезд, ни Млечного Пути.

На Урал, в долины Сакмары и Агидели, прилетали на лето откуда-то с юга каждый год журавли. В старину считали, что они прилетают из Хиндустана.

Однажды, когда холодной осенью журавли улетали в теплые края, поднялся сильный ураган. Журавлята стали блуждать и биться в небе, а некоторые от усталости падали на землю. Тогда взрослые журавли, чтобы указать путь отстающим, стали рассыпать по небу свои перья. Эти перышки тотчас превращались в звезды.

Вот так и образовались звезды. Отставшие журавли возвращались по этой звездной дороге. Потом эту дорогу люди назвали Млечным Путем, или Дорогой птиц.

Символичны сказки, притчи, мифы. В Китае говорят, что слово дано только для того, чтобы войти в Страну Молчания. Мифы — те же ноты, с их помощью можно услышать музыку.

Да и боги суть образы. Так, старославянское «идоль» заимствовано из греческого языка, где *eidōlon* означает «образ, изображение».

Ту же «смысловую нагрузку» несут и присутствующие во многих религиях различного рода фетиши (слово восходит к лат. *facticus* — искусственный, сделанный) — предметы, посредством которых человек связывается с изначальной целостностью, с первообразами, архетипами. У мусульман, к примеру, это черный камень, вделанный в восточную стену храма Кааба в Мекке (бывший святыней и в доисламский период), у буддистов — ступы-реликварии, у православных — иконы, мощи.

Вообще же фетишем может быть все, что угодно — любая

(звездным) — временем полного оборота Луны вокруг Земли относительно звезд, равным 27,3217 суток.

палка, придорожный камень. Человек, если он тотален, всюду видит проявление Единого. Так, храмом для наших предков была сама природа, лес, речка... «Предметы» были вспомогательными средствами, им не поклонялись — молодые их посредством познавали мир, старые выражали в них свои чувства.

✧ Что такое реальность? Фильм BBC, 2011 г.¹

Символичны и математические символы, и числа вообще, которыми связаны единые законы мироздания и соотношения в этих законах. Способом выражения того, что иначе невыразимо, является геометрия: золотую пропорцию, к примеру, можно начертить, но нельзя выразить числом (это отношение имеет бесконечное число знаков после запятой).

Символичны также и мегалитические сооружения древних, наиболее известными из которых являются пирамиды Гизы в Египте, британский Стоунхендж. Назовем здесь и открытый в 1987 году на Южном Урале Аркаим, один из культурных комплексов так называемой Страны городов, протянувшейся вдоль восточных склонов Урала с севера на юг почти на 400 километров (археологи датируют эти поселения XVIII–XVII веками до н. э.).

В Чичен-Ице (Мексика) сохранилась ступенчатая пирамида древних майя. В дни весенних и осенних равноденствий ступени ее отбрасывают тень от солнца таким образом, будто с вершины пирамиды по ним сползает змей. Это Кукулькан — Пернатый Змей — спускается на Землю.

Таков же и язык живописи, музыки, искусства в целом. В конечном счете символом можно считать все — каждый кустик несет в себе Вселенную. И при известном взгляде символическим может стать и фонарный столб.

Как писал Шарль Бодлер,

Природа — древний храм, где строй живых колонн
Обрывки смутных фраз роняет временами.
Мы входим в этот храм в смятении, а за нами
Лес символов немых следит со всех сторон...²

¹ <https://www.google.ru/search?q=что+такое+реальность+bbc>

² Перевод Вадима Алексеева.

Символичны глаза, голос, походка, форма черепа человека; символично все — в том смысле, что любой объект материально-го мира выражает скрытую в нем суть. И различные способы «гадания» суть различные системы настройки на эту информацию. И «гадать», в принципе, можно на чем угодно: все объекты проявленной Вселенной связаны между собой невидимыми нитями.

**Не шуми, зеленый бор,
Не качай вершиною,
Нынче — новый разговор
Женщины с мужчиною**

Метафоричность, взаимопроникновение слоев реальности, многоуровневость проявлений и интерпретаций, голографичность сознания и сотворенных форм — все это свидетельства целостности мироздания, присутствия всего во всем. И движущей силой в сношениях между мирами для человека является его эмоциональное тело, его воображение. Именно оно запускает весь этот механизм взаимопроникновения миров. Или, говоря анатомически, правое полушарие мозга, связанное с интуитивным знанием, с потоком.

Традиционное (левополушарное) научное мышление ограничено в своих средствах познания мира. Ортодоксальные научные методы, механистический подход заводят в тупик. Логика в конечном счете всегда упирается в стену, в парадокс: квадратный корень из минус единицы ($\sqrt{-1}$), к примеру, может быть равен только и плюс, и минус единице одновременно, то есть ± 1 . Ум хорошо работает там, где действуют линейные связи, где есть причина и следствие, но где нет взаимодействия.

Природа реальности иная, живые связи предполагают динамизм, взаимодействие, парадоксы здесь растворяются в колебании, в одновременности плюса и минуса, прошлого и будущего. И символ, будучи вне времени, помогает пережить эту одновременность. Символ являет собой манифестацию вечного Настоящего.

В среде физиков, занимающихся изучением элементарных частиц, получила распространение идея, что все частицы состоят друг из друга, и ни одна из них не является элементарной. Другие теории представляют частицы как колебательные состояния не-

известного пока науке поля, которое и является единственной реальностью. Так, еще Гейзенберг считал протон и нейтрон, составляющие атомное ядро, двумя состояниями одной и той же частицы — нуклона. И переход между ними, согласно этой точке зрения, происходит в другом, особом, пространстве, для построения которого необходимо ввести дополнительную степень свободы и неньютоновские измерения.

Отсюда следует, что сами понятия элементарности и составного состояния неадекватны и несовершенны. Очевидно также, что в своем обычном состоянии человеческое сознание воспринимает лишь очень узкий участок спектра реальности.

Согласно теории нашего современника, американского физика Джеффри Чу, природа не может быть сведена к набору фундаментальных сущностей — констант, законов или уравнений. Материальная Вселенная рассматривается им как динамическая сеть взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств какой-либо части этой сети не является фундаментальным: все свойства одной части вытекают из свойств других частей и общая связанность взаимоотношений определяет структуру всей сети. Индийцам это, верно, напомнило бы танец Шивы. «Танцуют все!» — сказали бы мы. И, добавим от себя, сеть эта плетется на всех уровнях существования, все аспекты нашего сознания участвуют в ней. А метафора, притча открывают дверь в иную реальность.

И грядущее «смещение полюсов» можно также трактовать и как смещение полярностей в человеческом обществе: сдвиг к групповому сознанию, своего рода «матриархат». Переход на иные вибрационные частоты, переход от познания с помощью логического ума к познанию эмоциональному, познанию с помощью чувств; смещение научной парадигмы.

«Природа говорит на языке метафоры», — любил повторять другой американский ученый — биолог Грегори Бэйтсон. Бэйтсон не разделял разум и материю. Он также подчеркивал, что разум присущ не только индивидуальным организмам, но также социальным и экосистемам, а кроме того — внетелесным отношениям. «Связующий паттерн» — одно из любимых его выражений. Он был необычный ученый — на семинарах он шутил, рассказывал истории, анекдоты. Именно *истории* он считал царским путем к изучению отношений, к выявлению принципов организации в мире.

«Это напоминает мне одну историю», — говаривал он, и хочу повторить я, вспомнив сцену, которую мы с 5-летним тогда сыном Фёдором наблюдали, гуляя как-то в московском Ботаническом саду.

История про белку. Белка (а белкой называли Вакшью), меняя гнездо, переносила детенышей с дерева на дерево. Бельчата упирались, цепляясь своими лапками за кору дуба, а мама, сама маленькая, неистово отдирала их от дерева, спускалась с ними на землю и бежала к стоящим метрах в десяти елям. С детенышем в зубах, она отчаянно и отважно прыгала мимо поджидавшей ее в траве вороны. Ворона пыталась преследовать белку, но та, петляя, терялась в верхушках елей... Каждый раз она возвращалась и, презрев опасность, переносила в другое дупло следующего. Ворона же нагло следила за добычей...

«Наша» белка перенесла тогда пять бельчат, преломив их незатейливое бытие, как Вакшья-белка поступает с нами, отдирая нас от одного дерева и бережно перенося на другое... Интересно также то, что та белка переносила детенышей с дуба в вечнозеленый ельник.

Такие истории сопровождают нас на каждом шагу: реальность мифа и реальность повседневной жизни переплетаются, создавая причудливые орнаменты, где миф становится реальностью, а реальность — мифом...

***Дедка за репку, бабка за дедку,
внучка за бабку, сучка за внучку...***

Возвращаясь к Вакшье, мы не можем не сказать, что рядом с ее именем в дошедших до нас текстах упоминаются и некие полуживотные-полулюди — Вакшья названа предводительницей *девяти* воинств, военачальники которых также поименованы. Они названы также стражами, или дозорными, обходящими небесный свод подобно тому, как дозорный обходит крепость. Можно предположить, что это некие циклы: про них также сказано, что в нашем мире (в нашей, действительно, крепости) они видны, как *тени*.

Назовем их. Это — Псоглавец (1), Змей, или Змееногий (2), Сокол (3), Ежеиглово, или Ежовоспинный (4), Вороноокий (5), Вепрерылый (6), Человек с головой петуха (7), Слонобивневый (8)

и, наконец, Черепахопанцирный (9). Каждый страж имеет определенный атрибут (предмет силы, или символ), рядом с каждым стоит определяющее его число, причем все числа находятся в пределах 360 (числа градусов в Зодиакальном круге).

Итак, раз Вакшья — командир этого ограниченного временем и пространством мира, то дозорные суть некие принципы, лежащие в основании мира, структурирующие его, законы, по которым этот мир живет (и умирает)? Заметим, что именно эннеада — девятка богов — составляла традиционный пантеон богов Древнего Египта, девять повелителей ночи называли древние майя.

Но с какой стороны подступиться к этим стражам? Надо думать, что люди наделили их чертами хорошо знакомых им животных, чьи повадки, образ жизни были выражением, иллюстрацией закона, эмоциональным знаком бытия. Звери эти знакомы и нам, никто из них не вымер, так что мы можем пойти той же дорогой, что и наши предшественники, попытаюсь увидеть взаимосвязи животных с известными нам принципами. Впрочем, некоторые персонажи нам уже знакомы: вепрь, змей, черепаха...

Нетрудно понять, что может быть связано с **Соколом**. Его атрибутами названы лук и стрела. Сокол, действительно, заметив добычу, стрелой падает на землю. Можно предположить, что Сокол олицетворяет собой **Солнечный зодиак**, солнечный круг. Одухотворяющий принцип, Перуна.

Сокол, по древнеперсидской легенде, пребывает на вершине мирового древа, стоящего посреди первобытного моря и содержащего в себе семена всех деревьев в мире. Сокол же разносит семена с этого древа, передавая их для оплодотворения дождю.

Змѣя свяжем с бабкой-драконицей, узлами Луны, с Луной вообще, **Лунным зодиаком**, лунной чашей. Этот орех мы уже раскололи.

Давным-давно жило на этом солнечном свете существо под названием Джелбеге¹; оно пожирало все — воду, людей, деревья и даже камни. И потому-то с этого света послали туда, наверх, письмо тридцати трем небесным Гурмушту. А каким, спросят, образом послали? Это было письмо, написанное золотыми чернилами; развели огонь и сожгли его, говорят. Ведь иначе ничто не

¹ Злобная старуха в фольклоре алтайских тувинцев.

могло полететь к Гурмусту — не было же еще самолетов! Написали на бумаге золотыми чернилами, раздули огонь и таким образом послали письмо. И так, говорят, дошло оно до тридцати трех Гурмусту.

Когда письмо дошло туда и тридцать три Гурмусту прочли его и посоветовались, Бурган Башкы послал из тридцати Гурмусту Очирвана, чтобы он навел порядок, и наказал ему:

— Управься с Желбеге из нижнего мира, да и возвращайся!

Это существо, этот бурган по имени Очирван¹, сжег землю верхнюю и опалил землю нижнюю. И когда он приближался таким образом, Желбеге нырнула в ядовитое озеро и залегла на его дне.

Это ядовитое озеро хлебал теперь сам бурган Очирван, он хлебал его, хлебал и, стало быть, все его выпил. А когда он выпил его, выпил до дна это ядовитое озеро, оказалось, что там лежит Желбеге. И, увидав, что там лежит Желбеге, Очирван сказал:

— Лишая весь этот свет покоя, ты пожирала скот, пожирала людей и поджигала скалы. Тридцать три Гурмусту послали меня управиться с тобой. Что ты можешь на это возразить?

— Мне нечего возразить, то, что я делала, худо! — отвечала Желбеге.

Тогда он разрубил ее золотым очуром², разрубил ее таким образом: переднюю часть отдал Ай Хааркану — Милостивому Месяцу, а заднюю часть — Хюн Хааркану — Милостивому Солнцу.

— Ты, труженик, владей этой частью! А ты, стойкий маленький муж, владей ее грудью. Вся сила теперь в ее груди!

И так как он это сказал, существо под названием Желбеге и теперь еще там — на Милостивом Месяце. Кровь и нечистоты Желбеге капали оттуда и стали червяками и муравьями, насекомыми — мухами и слепнями. Получилось так, что все это возникло из крови и нечистот Желбеге. Вот по какой причине все это появилось!

Это — языческое слово из давних-предавних времен.

Веперылы́й может символизировать круг зодиакальных созвездий, **Зодиак**, или **двенадцатиричность** (вспомним роющего землю кабана, дикую свинью, в выводке которой до 12 поросят). Стадо кабанов обыкновенно роет одну большую яму в земле и располагается в ней, сблизившись мордами, обращенными к центру ямы, образуя своими телами *круг*, дольки зодиакального

¹ Буквально «громовержец».

² Молнией.

пирога. Число 12 — это число знака, открывающего Зодиак и в потенции содержащего в себе весь Круг Жизни, — число Овна. Число начала одного круга и конца другого, число завершенности. Последний знак Лунного круга, испив водицы которого, Иванушка стал козленочком. О скрытой структуре мира в виде додекаэдра — многогранника, имеющего двенадцать 5-угольных граней, в каждой из вершин которого сходятся 3 ребра, — говорили Платон и Пифагор.

Рассказывают, что однажды, очень давно, когда звери умели говорить, один мальчик пошел с матерью к ручью, взяв с собой дудочку, на которой он любил играть по вечерам, чтобы девочки танцевали. Когда мальчик вернулся домой, он увидел, что забыл дудочку у ручья. Он хотел пойти поискать ее, но мать не разрешила, так как уже стемнело и наступил час, когда звери выходят из чащи на открытые места. Но мальчик заупрямился и пошел.

Звери увидели, что он идет к ручью, и решили спрятаться в чаще, чтобы схватить мальчика, когда он пойдет назад, и съесть. И вот, когда мальчик пошел домой, звери его окружили и стали спрашивать, что он тут делает в такой поздний час. Мальчик ответил, что он ходил к ручью искать свою дудочку, на которой он любит играть по вечерам, чтобы девочки танцевали. Тогда звери велели мальчику сыграть для них, чтобы и они тоже могли потанцевать. Мальчик взял дудочку и заиграл:

Филеле, филеле
Бабамина-оку, филеле!

И вот вышел танцевать ягуар. Танцевал, танцевал, совсем выбился из сил и ушел в лес. Потом пошел танцевать другой зверь, потом еще один, и скоро уже все звери кружились в танце. Танцевали они, танцевали, а потом один за другим уходили в чащу.

Бедный мальчик уже так устал, что просто не мог больше играть. Обезьяна вошла в круг и запела:

Поиграем, поиграем,
Потанцуем, потанцуем,
Китикау, китикау...

Наконец все ушли и остался один барашек. Он подошел к мальчику, взял дудочку, а мальчика прогнал. И начал играть.

Мальчик давно уже был дома, а барашек все играл.

А зверям в чаще леса ужасно хотелось съесть мальчика, и они говорили между собой:

— Братец барашек танцует слишком долго. Сейчас мы братца барашка тоже съедем.

Когда барашек устал играть, он бросил дудочку и убежал. Услышав, что стало тихо, звери вышли из чащи, но уже не нашли никого — ни мальчика, ни барашка.

Интересно, что додекаэдры нельзя подогнать друг к другу таким образом, чтобы между ними не оставалось зазоров. Додекаэдр, в отличие от других геометрических фигур, сформирован так называемым квазикристаллом, обладающим вращательной симметрией *пятого* порядка (то есть при повороте его вокруг своей оси, проходящей через одну из его граней, на одну пятую круга (72 градуса), он совместится сам с собой и будет выглядеть как прежде). Кристаллами же называются лишь те, что обладают симметрией второго, третьего, четвертого и шестого порядка: их можно плотно подогнать друг к другу. Так, легко представить заполняющую пространство систему кубов, кристаллическая решетка которых обладает симметрией четвертого порядка. Итак, додекаэдрами нельзя выложить стену; пространство, заполненное ими, будет содержать в себе Пустоту, или вакуум — дрожжи вселенского пирога.

Атрибутом **Вороноокого** названа плеть с семью хвостами. Свяжем с вороном круг семи планет, **септениер**. Заметим, кстати, что на самом деле древние знали планет больше, чем известно современной науке. Они *выделяли* семь — радугу. Первые семь составляли первую сферу, следующие — другую...

С вороном связана также смерть в ее обычном, земном понимании. Смерть всякий раз — это переход, отражение, преломление. В данном случае — смерть для мира форм. Бельчатам, которых вырывают из уютного гнездышка, кажется, что наступил конец света, они сопротивляются изо всех сил, мама же просто меняет гнездо, чтобы обезопасить их от обнаружившей его «смерти» — вороны.

Кто такой **Слонобивневый**? Его атрибут — ключ; число (318) проецируется на знак Водолея, символически связываемого с человеком. Слоны, самые крупные наземные животные (их вес достигает 5–7 тонн), издревле считались символом Земли как

стихии. Они на своих колоннообразных ногах — будто столечек дубовый на четырех ножках. Земля же — посредник между Солнцем и Луной. Третье. Владыкой двух миров, объединившим их, называли Гора — сына Озириса и Изиды, третьего в иерархии гелиопольских богов.

Слоноголовым был также индийский Ганеша, младенцем лишившийся своей головы от взгляда Шани — владыки планеты Сатурн. Взамен своей ему была доставлена голова возлежавшего лицом на север Айраваты, слона Индры. Способный переноситься сквозь неизмеримые пространства трех миров, Ганеша выступил посредником между ними, записав подаренным ему богиней мудрости Сарасвати пером великую Махабхарату. Познав незыблемое единство движений тела и ритмов Вселенной, Ганеша полюбил танцы так же, как и его отец Шива.

Итак, слобивневый может быть олицетворением Земли, рожденного из глины первочеловека, символом срединности, **триединства**. Круга дух — душа — плоть (трех царств — медного, серебряного и золотого). Третьего, дэновского, начала, объединяющего противоположности инь и ян. «Дао рождает одно, — говорится в даосских текстах. — Дао рождает два (активное мужское и пассивное женское). Дао рождает три (замыкая инь и ян в круг). *Три порождает все сущее*». Триада — символ достаточности, завершенности, почему и Земля на трех слонах держится.

Примечательно, что слониха — со связываемой с землей медлительностью — около двух лет вынашивает плод. Она рождает стоя, и слоненок выпадает из утробы матери на землю. Он просто грохается об нее, сразу же получая впечатление «тяжести» земной жизни, земного притяжения, жизни в форме. И, будучи еще весь в утробной слизи, слоненок, скользя, пытается встать на ноги, чтобы поймать сосок матери. Он делает это сразу же, встает на ноги через час-два после появления на свет, а немного погодя начинает самостоятельно передвигаться.

В течение жизни слон меняет зубы четыре раза, последний раз — в возрасте 40 лет. Бивни слона — это верхние резцы, костная ткань, своего рода тело Земли. И два бивня, будто две люльки — небесная и земная, два кувшина Водолея — один с мертвой, другой — с живой водой.

Живут слоны в естественных условиях примерно столько же, сколько и люди, — 60–70 лет. У них так же, как у человека, отсут-

ствует мех. Температура тела составляет те же 36–37 °С. Молочные железы — на груди. Они обмениваются приветствиями после долгой разлуки, плачут, смеются, наказывают непослушных малышей, шлепая их хоботом, помнят обидчиков и тех, кто им помог, — «все как у людей».

Известен случай, когда слониха в течение трех дней носила на бивнях мертвого слоненка, оплакивая его. Она бережно клала его на землю только тогда, когда ее мучила жажда. Потом ее увидели одну, несколько дней она неподвижно стояла под деревом...

Другому слону, жившему близ одного из кенийских национальных парков, нравилось пугать туристов: он прятался в придорожных зарослях, а когда машина с искателями приключений приближалась, весельчак выскакивал из засады и издавал оглушительный рев, грозно потрясая огромными ушами. Туристы получали «впечатления», а хулиган, изредка оглядываясь, вновь отправлялся в свое укрытие.

Еще один слон, которому охотник вытащил торчавшую в задней ноге большую занозу, сам подбегал потом к этому человеку при встрече, захватывал хоботом его руку и благодарно прикладывал ее к оставшемуся на ноге рубцу.

Натуралисты как факт, свидетельствующий о высоком интеллектуальном потенциале слона, отмечают тот, что он может рисовать *круг*, замыкать окружность, — даже за обезьянами этого не замечено. «Дао рождает три».

По индийской легенде, слоны появились из скорлупы яйца солнечной птицы Гаруды. Из одной половинки скорлупы (перегородки между мирами) появились восемь слонов, а из другой — восемь слоних. Эти восемь пар стали предками всех слонов. И именно они держат на своих спинах Землю.

А древняя тайская легенда гласит, что в самом начале времен слоны умели летать, и Млечный Путь — это стадо белых слонов, пасущихся во Вселенной.

Атрибутом *Петухоголового* названа труба. Петух поет на границе дня и ночи, света и тьмы, и может быть связан с двумя началами — мужским и женским, *ян* и *инь*.

Итак, мы, действительно, обнаружили несколько циклов, или кругов: Круг Солнца; Круг Луны; Круг зодиакальных созвездий; Круг семи небесных сфер; Круг дух — душа — плоть и Круг Инь — Ян.

Заметим, кроме того, что пять последних стражей можно соотнести с пятью астрологическими «ногами», или знаками Скорпион ... Рыбы (ногой Бабы-Яги, которой она подпирает потолок — верхнюю полусферу Зодиака): Вóрона (его число — 223), предводительствующего воинством смерти, — со Скорпионом; Кабана (255), воинство кары — со Стрельцом, местом экзальтации Заходящего узла; Петуха (284), сидящего на вершине мирового древа, — с Козерогом (ось мирового древа в Зодиаке — Козерог — Рак); Слона (318) — с Водолеем (Россия таки — «родина слонов»), а Черепаху (358) — с Рыбами. Примечательно, что называемые в текстах числа стражей «ложатся» именно на эти знаки. А их нумерологическое суммирование даст нам «квинтэссенцию» стража. Так, число Ворона (223) даст при суммировании ($2 + 2 + 3$) семерку — плетъ с семью хвостами, число Вепрерылого (255) — двенадцать, круг зодиакальных созвездий.

В русской народной сказке «Репка» (в тексте, представленном в сборнике А. Н. Афанасьева) тоже фигурируют некие пять ног, которые вслед за дедкой, бабкой, внучкой и сучкой приходят одна за другой тащить репку:

Посеял дедко репку; пошел репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может! Сóзвал дедко бабку: бабка за дедка, дедко за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла внучка: внучка за бабку, бабка за дедка, дедко за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла сучка: сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедка, дедко за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут!

Пришла нóга. Нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедка, дедко за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла дру́га нóга; дру́га нóга за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедка, дедко за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! *(И так далее до пятой нóги.)*

Пришла пýта нóга. Пять ног за четыре, четыре ноги за три, три ноги за две, две ноги за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедка, дедко за репку, тянут-потянут — вытянули репку!

Всего же сказочных персонажей девять, как и стражей. Нет ли здесь каких-то параллелей? Итак, если «ноги» — это знаки Скорпион ... Рыбы, или Ворон ... Черепаха, то дед, бабка, внучка и сучка могут быть связаны с первыми четырьмя персонажами

нашей истории. Впрочем, бабку уже сейчас можно соотнести с Лунным зодиаком, со Змеем. А деду, предположительно, — с Псоглавцем, к которому мы сейчас и обратимся.

***Против неба на земле
жил старик в одном селе...***

Псоглавец во всех списках возглавляет перечень стражей. Со-бакоголовым был также Анубис — проводник душ усопших. С ним связывали шакала, дикую собаку, пожиравшую трупы. Итак, **Псоглавец** — страж порога? Заметим, что именно пса, по легенде, Зевс возвел к созвездиям (речь идет о созвездии Большого Пса), обратив лисицу, про которую было пророчество, что никто не сможет ее погубить, в камень.

Число Псоглавца — 72. Оно символизирует **круг прецессии**, принцип смещения земной оси. Вращение Земли вокруг своей оси подобно вращению волчка: земная ось описывает конусообразную фигуру, а Полюс мира совершает медленное круговое движение, вследствие чего меняются экваториальные координаты звезд, смещается точка весеннего равноденствия. Полный прецессионный цикл, при котором ось вращения Земли описывает круг в 360 градусов, — назовем его Большим кругом небес — совершается в среднем за 25 920 лет, а один градус ось прецессии проходит примерно за 72 года. Этот отрезок называется Малым кругом небес.

Волчкообразное вращение Земли вызвано гравитационным воздействием других тел Солнечной системы: в первую очередь — Солнца как центрального тела системы, тела, образующего систему, и Луны — ближайшей к Земле планеты.

Интересно в связи с этим вспомнить одну египетскую легенду, по которой когда-то лунный и солнечный год были равны — оба они содержали по 12 месяцев, 360 дней. Но как-то Луна проиграла Тоту партию в шашки, а играла она на свой свет — больше у нее ничего не было — $\frac{1}{72}$ каждого лунного дня. Получив свой выигрыш — $\frac{1}{72}$ каждого из 360 дней составили целых 5 суток — Тот прибавил их к солнечному году, желая помочь богине неба Нут (ни в один из 360 дней та не могла иметь детей из-за проклятия, наложенного на нее разгневанным богом Солнца Ра). Так лунный год стал состоять из 355 дней, солнечный — из 365. И в

последние пять дней солнечного года Нут родила Изиду, Озириса, Сета и Нефтиду, у Изиды родился Гор.

Итак, пять дней разделили круг Солнца и некий працикл. Космические качели опустили Солнце на Землю¹, легкая Луна повисла в воздухе, беспомощно болтая ногами. Посередине ж расположился круг, известный нам как зодиакальный со своими 360 днями/градусами.

Последние пять дней солнечного года, названные греками эпагоменами («те, что над годом»), в разных традициях наделены таинственным, мистическим смыслом: где-то это дни плача и скорби, где-то, напротив, — дни радости и ожидания пробуждения, воскрешения природы.

В зороастрийском календаре последние пять дней года, приходящиеся на последние градусы Рыб, посвящены дельфину. Дельфин — млекопитающее, живущее в воде. Дышит так же, как люди — легкими, а не жабрами, как рыбы. Дельфины дышат атмосферным воздухом, для этого всплывают на поверхность. Если попадают в рыболовецкие сети, погибают — тонут. Рожают живых детенышей, вскармливают их молоком. То есть это существо, очень близкое человеку, но живущее в воде. Своего рода перво-человек, человек, сохранивший связь с материнским лоном.

Но почему речь идет именно о 360 и 5 днях? Почему Зодиак содержит именно 360 градусов? Почему древние египтяне так выделяли 360-дневный цикл видимого движения самой яркой звезды неба и одной из самых близких к нам звезд — Сириуса (*альфа* уже упомянутого нами Большого Пса)? Прекрасной Сотис («сияющей», «лучезарной»), слезы Изиды, как они называли эту звезду.

Зодиак был поделен на 36 деканов по 10 градусов в каждом. Деканами назывались также 36 звезд, отобранных таким образом, чтобы они отстояли друг от друга по времени появления над горизонтом на один час. Сменяя друг друга, они, пересекая ночью меридиан, знаменовали собой наступление того или иного часа ночи (сутки делились на 12 ночных и 12 дневных часов — 10 собственно дневных и 2 сумеречных — вечерний и утренний). Для 5 эпагоменальных дней выбирались дополнительные звезды.

¹ Интересно, что в символизирующем Землю гранате «насчитывают» именно 365 зерен.

Древнеегипетский Зодиак. Изображение на круглом расписном потолке храма в Дендере. Библиотека Веллкома, Лондон

Божественная Сотис была одной из этих 36 звезд. В дни, когда Сотис предвещала восход Солнца, она знаменовала наступление дня. Затем ее место на 10 дней занимала другая звезда, а восходы Сотис в течение 70 дней отступали все более в глубь ночи, достигая часа, когда при восходе Солнца она оказывалась на вершине неба, в точке МС, определяя наступление 12-го часа ночи, и затем последовательно — наступление 11, 10, 9-го и т. д. — до 1-го часа ночи — момента захода Солнца.

Таким образом, в течение 120 дней (12 десятидневков) деканы пересекали в определенное время небесный меридиан, и по кульминации того или иного декана определялся месяц, десятидневка и час ночи. В западной части неба звезды были видны в течение 90 дней, пока не спускались за горизонт — в Дуат, царство мертвых, где пребывали 70 суток.

Итак, $10 + 70 + 120 + 90$ дней их жизни на небе и 70 дней небытия составляли 360 дней — символический працикл.

Понятно, что реальный «год Сириуса» был равен примерно 365,25 суток (на разных широтах по-разному; на широте столицы Древнего Египта Мемфиса — из-за географических особенностей местности точно 365,25 в течение нескольких тысячелетий).

Почему, наконец, календарь, содержащий 360 дней, существовал (наряду с другими) не только у древних египтян, но и у древних вавилонян и древних римлян? Год индоариев также состоял из 12 месяцев по 30 дней в каждом. Древнекитайский календарь содержал 360 дней. Из 360 дней состоял год древних майя, инков.

Этот календарь, этот круг времен, дошел и до нас. Отметим здесь *круговую* форму представления времени. Календарь отличался от нынешнего: дни шли по кругу, а не столбиками. Небесная карусель кружила резвящихся ребят. Тут были и лошади, и зайцы, и драконы...

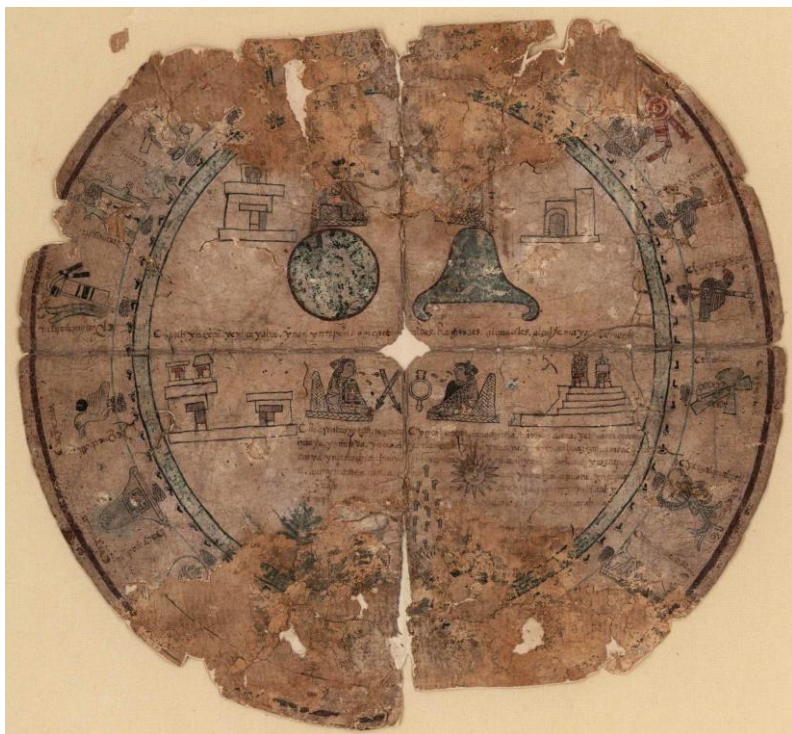
В Древнем Египте год начинался с летнего солнцестояния, с разлива Нила¹. Но прежде рождения нового Солнца всходила прекрасная Сотис. И последние пять дней солнечного года были *вне* Зодиака. Это была своего рода Пустота, вакуум. Зазор между додекаэдрами. «Ничто, — читаем мы в „Дао дэ цзин“, — источник Неба и Земли».

Так какая надобность была в запечатлении именно 360-дневного цикла? Именно этих чисел — 25 920, 360, 72 и 5? Очевидно, что они должны быть связаны между собой какими-то гармоничными сочетаниями. И они действительно так связаны.

Малый и Большой круг небес, 360-дневный цикл времен первых патриархов и пятерка эпагоменальных дней связаны *по правилу золотого сечения*: большее так относится к меньшему, как целое относится к большему. Большой круг небес в 25 920 лет так относится к малому в 360 дней/градусов, как малый круг относится к пяти эпагоменальным дням солнечного календаря:

$$25\,920 : 360 = 360 : 5 = 72 : 1.$$

¹ Речь идет об истинном годе. Точнее же, начало года было связано с этими событиями символически: праздник Нового года был плавающим из-за разной продолжительности истинного солнечного года и года Солнца в календаре Тота, не учитывавшего високос.

Календарный круг ацтеков. Во внешнем кольце — восемнадцать 20-дневных месяцев года. Современными исследователями документ датируется 1545–1546 гг. Библиотека Университета Брауна, Провиденс (США)

И отношение это равно, как видим, 72 (пятой части Зодиакального круга, или додекаэдра — развернутого в пространстве круга жизни, Зодиака, представленного в виде 12-гранника). И именно за 72 года ось прецессии проходит 1 градус Зодиакального круга.

Итак, Псоглавец — не кто иной, как дедка, посадивший репку, ему — 72 года. Всегда семьдесят два. Пятерка эпагоменальных дней стала, таким образом, символом свернутого состояния Зодиака, круга жизни. Мир из ничего возник и в ничто возвратится, говорили наши деды. Вспомним здесь дельфина — символ пяти последних дней солнечного календаря. Слово это — греческого происхождения, корень которого означает «утроба, источник жизни».

Прецессионный цикл стал подобием працикла в 360 дней, ко-

торый лег в основание Зодиакального круга, ставшего **золотым срезом** небесного яйца.

Но существует ли реальный, физический цикл в 360 дней? Авестийская традиция называет цикл в 360 дней циклом **Рапитвины**, или Утопии, идеальной Земли; греки называли ее анти-Землей. Ее помещали на орбиту Земли (чуть ближе к Солнцу) и искали уже со времен Пифагора. Это так называемая астральная (невидимая) планета; говорят также, что это астральный след первозданной Земли¹.

Рапитвину называют матерью календаря, ее имя переводится как «владычица циклов». С этой планетой связано превращение Земли в рай, воплощение идеала, восстановление гармонии, целостности. Рапитвину называют, так же как и Вакшью, дочьерью непостижимого Зервана.

Итак, именно цикл Рапитвины и был тем загадочным пра-циклом, который лег в основание Зодиака, Круга Жизни. Рапитвина стала связующим миры мостом, она стала метафорой, символом, мифом. Утопией — «местом, которого нет».

***Чтоб говорить правду без помехи,
надел я на себя личину старого цыгана,
ворожеи, угадчика; а чтобы правде моей
быть всегда в руках, нарядил я ее календарем***²

Здесь мы подходим к следующему вопросу: а зачем, собственно, нужно было выделять те или иные циклы (реальные или ирреальные), создавать вообще календарь? Лето сменяет зиму и без календаря, и узнаем мы об этом не из календаря. Животные прекрасно без него обходятся. Спят, просыпаются, рожают детенышей, делают запасы на зиму, мигрируют в теплые края — ни часы, ни календарь им не нужны. Ведение людьми сельскохозяйственных работ также всегда коррелирует с конкретными

¹ Противостоит Утопии разрушительница Аз(а) — астральная воронка, оставшаяся, по преданию, на месте небесного тела, бывшего в далеком прошлом еще одним спутником Земли. В результате катастрофы спутник этот — Уштра — разлетелся в пыль, и Аз стала символом страха, уничтожения, аннигиляции. С ней связан 69-дневный цикл, бывший циклом Уштры. Этот же ритм проявляется и в так называемом «цикле катастроф» — одном из циклов геомагнитной активности Земли.

² Из изданного в Санкт-Петербурге календаря на 1799 год.

природными условиями, с состоянием земли. Пахота, сев могут приходиться на различные дни календаря.

Итак, значение обыденной функции, приписываемой календарю, по большому счету, невелико. Подсчет дней как таковой не имеет сущностного, эссенциального смысла. Что же заставляло наших предков так трепетно относиться к календарю, всегда подчеркивать его сакральность и строжайше запрещать любые, несанкционированные духовной властью, изменения?

Ответ может быть найден в том, что календарь был *символической системой*, и ценность его состояла в *выражении* царящих в природе баланса и гармонии, выражении посредством фундаментальных безразмерных величин — чисел и их соотношений. Элементы чисел суть элементы всего существующего, и все небо есть гармония и число, говорил Аристотель.

В стародавние времена земля была величиной с ложку, а небо — с чашку. Человеческий род постепенно преумножался, зверей тоже становилось больше, и земля начала постепенно увеличиваться. Увеличилось и небо.

В ту пору все люди ели из одного котла. Но вот пришел откуда-то Великан (Алып) и до дна опорожнил котел. Что делать? Решили сделать котел побольше. А к котлу и ковш нужен. Котел отлили из серебра, а ковш — из золота.

Поднял Великан котел, говорит:

— Хорош.

Поставил его на место, поднял ковш.

— А этот что-то слишком легок, — промолвил Великан и высоко подкинул ковш, желая поймать его на лету.

Но ковш, кружась, полетел прямо в небо, к звездам, да так и застрял между ними.

Ковш Великана существует и по сей день. Семизвездьем сверкает он на небе: четыре звезды как бы образуют дно, три — ручку. Вечером ковш — вниз дном, к утру переворачивается дном вверх. И так постоянно.

Почему в Древнем Египте, несмотря на неоднократные попытки реформы календаря, все-таки сохранялся так называемый блуждающий год, при котором все календарные праздники полностью обходили год за 1 460 лет? Ведь год, состоящий из 365 дней, дает ошибку приблизительно в 0,25 дня в год, или 1 день в 4 года, или $(4 \cdot 365 = 1\,460)$ 1 год за 1 460 лет, из-за несоответствия его

истинному солнечному году, равному примерно 365,25 дням.

Это знали все, но все знали также и то, что Сотис уходила каждые четыре года на день вперед, чтобы через 1 461 год вернуться в 0° Рака, в точку летнего солнцестояния, знаменуя своим появлением в лучах утренней зари начало Великого года. День, когда Сотис и Солнце вместе вступали в знак Рака, когда одновременно с этим разливался Нил, был великим праздником, Праздником слезы, Праздником вечности, а период в 1 461 год назывался Годом Бытия, Божественным, или Пёсьим годом.

Восходящая Сотис (Изида) была подобна светлой слезе, которую богиня, оплакивая Озириса, роняла на Землю; ее живительная влага становилась последней каплей, переполнявшей Хапи (Нил), разливы которого делали долину плодородной, удобряя ее выносимым со дна реки илом. Нил олицетворял собой Небесную реку, дарующую земле жизнь — начертание анкха ♀ (крест с верхним лучом в форме петли — дельты Нила; символ жизни) повторяет очертания Хапи.

Такой календарь позволял Сотис освящать своим сиянием любой день года (каждые 4 года Праздник слезы сдвигался на день вперед), Новый год также пребывал в каждом дне (его встреча сдвигалась каждые 4 года на день назад). Каждый день, таким образом, пребывал в любом другом. Все пребывало во всем. Не было никакой привязки к числам месяцев; это была красивая система, созданная для осознания человеком связи всего со всем. И утренний восход Сотис, и летний солнцеворот, и разлив Нила омывали любой день года, а в Праздник вечности все дни года были вместе — они были в дне, открывавшем Великий год, в Едином. Первый день Года Бытия был также днем каждого из них, он был их зерном. Это был также праздник единения всех душ, живых и ушедших, — Праздник, повторимся, вечности.

Год продолжительностью в $360 + 5$ дней позволял не только гармонично сочетать солнечный цикл и цикл движения Сириуса, но также период обращения красоты вечернего и утреннего неба Венеры и лунный цикл. Золотая пропорция была найдена и здесь: 584-дневный цикл Венеры¹ соотносится с 365 днями как

¹ Здесь так же, как и с Сириусом, имеется в виду цикл, наблюдаемый с Земли. Венера исчезает на западе в вечерних сумерках, и 8 дней ее не видно: она восходит вместе с Солнцем и теряется на его фоне. Затем она появляется на утреннем

8 : 5 (1,6). Пять периодов обращения Венеры укладываются в восемь календарных лет ($584 \cdot 5 = 2\,920$; $365 \cdot 8 = 2\,920$), то есть каждые 8 лет одновременно с рождением 1-го дня календаря Тота, наступлением Нового года, происходило и рождение Венеры. Календарь древних египтян, таким образом, представлял собой систему циклов, взаимосвязанную систему рек и ручейков, впадавших в полноводный Океан, Год Бытия.

Эта система счисления времени была жива на протяжении по крайней мере 12 тысячелетий, когда со времен первых фараонов сменилось более 300 поколений (григорианский календарь, по которому мы сегодня живем, был введен в России лишь 80 с лишком лет тому назад¹ — в 1918 году; действовавший в России до него юлианский календарь просуществовал менее 10 веков).

Календарь назывался *миротворным кругом* — на него в символической форме проецировался весь космогенезис — от первичного хаоса, поляризации жизненных токов до сошествия Духа в материю, генерации активных и пассивных таттв, образования растительного и животного царств и создания первочеловека, осознания им своей природы, отречения от самости, обретения внутренней гармонии, целостности и осознания своего единства со всем сущим.

И календарные праздники были символическими актами сопричастности, сопереживания человеком различных этапов миротворения и, как следствие, выхода из оков линейного времени.

Бездетная молодлица отправилась в праздник жать траву для телят. Лишь только принялась она за работу, к ней подошел ласковый старичок и, указывая на святость дня, советовал прекратить жатву, уверив, что на сей день телята будут сыты.

Молодица обещала остановить работу и уйти домой. Но как

небе незадолго до восхода Солнца. Венера восходит все раньше, постепенно ее блеск достигает максимума. Удаляясь от Солнца, она теряет свою яркость. Спустя 9 месяцев (263 дня) Венера вновь приближается к Солнцу и скрывается в его лучах, проходя на этот раз позади него, — 50 дней ее не видно. Появляется Венера уже на вечернем небе. Ее яркость возрастает и достигает максимума к концу также 9-месячного периода ее видимости как вечерней звезды.

Этот цикл отмечали и древние майя. Смерть и воскрешение Венеры было смертью и воскрешением Кукулькана, чье сердце погребальным костром было вознесено на небо.

¹ Сто с лишком на 2021 год.

только старичок скрылся, она спешно принялась жать и уже нажала полмешка травы. Тогда снова предстал тот же старичок, но уже гневным, и повелительно сказал:

— Ты не послушала меня — выбирай же любую кару: или лежать два года в поле, или кормить грудью целый год двоих детей.

Полагая, что ей придется кормить близнецов, оторопелая молодница согласилась на последнее и вернулась домой даже довольною.

Когда же она стала выбрасывать траву из мешка, оттуда выползли два ужа и припали к ее грудям. Сколько ни усиливалась молодница отнять их, ужи отпали сами только через год.

Главных праздников было четыре. Они приходились на моменты вступления Солнца в знаки Овна, Рака, Весов и Козерога: весеннее (Овен) и осеннее (Весы) равноденствия, летнее (Рак) и зимнее (Козерог) солнцестояния — моменты прохождения четырех кардинальных точек Зодиакального круга, лежащих на его горизонтальной (прошлое — будущее) и вертикальной (настоящее — вечность) осях, мест «дислокации» четырех Стражей Неба.

На Руси такими праздниками были соответственно *Масленица*, пробуждение медведя — Начало, *Иван Купала* — праздник зарождения жизни, *Ставров день*¹ — праздник рождения первочеловека, свадьбы Неба и Земли — и *Коляда*² — рождение божественного младенца, символизирующего раскрывающийся в человеке Дух.

Праздник Коляды, Святки, был связан с вершиной Зодиакального круга, днями вступления Солнца в «высокий терем» — знак Козерога, с «десятым свиданием». После дня зимнего солнцестояния день начинал прибывать, и с первыми днями нахождения Солнца в Козероге связывали рождение солнечного бога и — рождение божественного младенца в человеке, Рождество Христово.

Заметим, что слово «Христос» было известно задолго до так называемой «христианской эры». Так называли *рассказчиков*, тех, кто объяснял оракул, сказителей. И Иисус (Исус, Иса) из Назарета

¹ От греч. σταυρός — крест. Крест издревле символизирует единство противоположностей, является знаком жизни. Православная церковь празднует Воздвижение Креста Господня. В народе Сподвижение, Сдвижение: хлеб с поля сдвинулся, птица в отлет пошла, медведь залегает в берлогу, змеи уходят в землю.

² От «коло» — круг, колесо (круг солнца, солнечное колесо).

был одним из них. Состояние «во Христе» означало «находиться в гармонии с целым». Апостол Павел призывал найти Христа *внутри себя* через слияние с миром¹. Христос понимался как *божественный принцип*, равно присутствующий в *каждом* человеке.

Вершина Зодиакального круга и была той самой Гипербореей, крайним севером, вечностью. Страной, где солнце не заходит, где жизнь проходит с пирами, музыкой и танцами. Нашедший эту страну, то есть нашедший Бога внутри себя, делался властелином мира.

У англосаксов самая длинная ночь предшествовала дню рождения Фрейера (Солнца) и называлась Материнской ночью — эта ночь была матерью Солнца. Египетские жрецы праздновали в эти дни восстание Озириса, персы — день рождения Митры. Сходные праздники существовали в Римской империи, у греков, у народов, населявших в древности американский континент.

В славянском мире в эти дни готовили кашу из зернового хлеба и кутью из пшена и плодов. На Украине и в Белоруссии глава семейства приносил с гумна² снопы ржи, ячменя, гречихи — он ставился в передний угол — и охапку сена, которое расстилалось по столу и покрывалось скатертью. Наступление великого дня праздновалось кутьею, которая называлась богатой (в отличие от голодной крещенской). Делалась богатая кутья с медом или растертым маком. В горшке с кутьею возжигалась свеча.

Итак, календарь был образом, памяткой, в концентрированной форме хранившей систему знаний о мире, своего рода зарубкой. Он запечатлевал вселенские циклы, глубинную историю. Календарь был тонкой структурой, больше структурой мира идей, чем форм.

Но образ, символ можно слепить из любого материала, в том числе из такого сугубо земного, как камень. И таким символом стали, в частности, Пирамиды — монументальные сооружения древних, задавшие нам немало загадок. Гробница это, храм ли? Ни то, ни другое или и то, и другое? А может быть, это и гробница, и не гробница одновременно, храм и одновременно не храм...

¹ См.: Еф. 3:16,17. Греческое *πίσις* означает здесь «союз, слияние», а не «вера», как обычно переводится.

² *Гумно* — место, где хранят сжатый хлеб; площадка для молотбы, крытый ток.

**Что́ в нас, то навек неизменно.
Все призрачно, бренно и тленно, —
Песнь лиры, создание резца.
Но будем стоять до конца,
Как истина под покрывалом Изиды,
Лишь мы, Пирамиды!¹**

Более других нам знакомы пирамиды египетские, сохранились также пирамиды майя в Мексике, этрусские пирамиды на территории современной Италии... Встретить их можно в разных землях, они есть практически на каждом из существующих ныне континентов. Больше того, они были и есть не только как «каменный» феномен. Они существовали всегда и везде — в сознании, в мире как феномен космологический, структурируя здание мира и здание души — человеческое сознание. И история их началась задолго до потрясших на рубеже XVIII–XIX веков воображение европейцев пирамид Гизы...

Вот что писал о пирамидах Константин Бальмонт:

«Пирамида божественна; она — храм безгласного моления, она — вечный знак устремления души от человеческого к сверхчеловеческому, она — зодческий псалом, завершительным стихом своим, завершительным острием своим, касающийся Неба... Молитвенный, храмовой характер пирамид совершенно очевиден... Пирамида есть четырехкратно повторенный треугольник, возносящийся в Небо»².

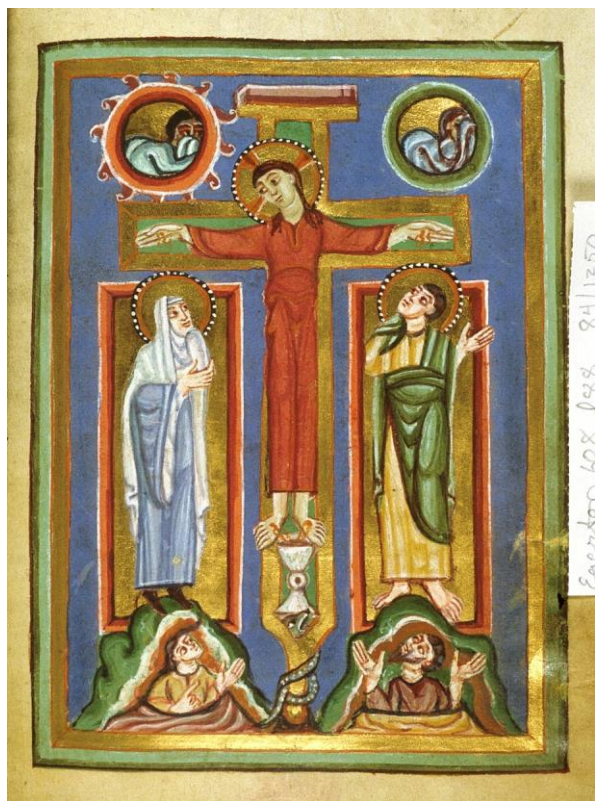
Гигантским символом, внешним знаком, запечатлевшим учение, имеющее в своей основе символику чисел, называл пирамиду Валерий Брюсов: «Мы находим в пирамиде числа: 2 — две диагонали основания, 3 — стороны треугольников, 4 — стороны основания, 5 — пять точек, четыре при основании, одна при вершине, 7 — четыре и три, 8 — восемь ребер, 9 — трижды три, 12 — трижды четыре»³.

Исследователи пирамид Гизы отмечают также, что три пирамиды плато — Хуфу, Хафры и Менкаура — и во взаимном распо-

¹ Валерий Брюсов, «Пирамиды».

² Бальмонт К. Д. Край Озириса. М. : Типолитограф. т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о», 1914. С. 125.

³ Брюсов В. [Я.] Учители учителей // Проза : в 3 т. М. : Библиосфера, 1997. Т. 1. С. 455.

Миниатюра «Распятие» с Марией и Иоанном по сторонам, персонификациями Солнца и Луны вверху и показывающимися из своих могил Адама и Евы внизу. Четвероевангелие, XI в. Британская библиотека, Лондон

ложении, и в своей архитектонике содержат и золотую пропорцию, или ϕ , и число π (отношение длины окружности к длине ее диаметра). Как и ϕ , число π трансцендентно, иррационально; оно также выражается бесконечной непериодической десятичной дробью.

Итак, в основании пирамиды лежит квадрат, четыре стороны которого символизируют *форму*, *плоть*. Четыре стихии, четыре стороны света, формирующие горизонтальную и вертикальную оси Зодиака. Две диагонали основания свидетельствуют о двойственной природе человека — человек распят, заключен в квадрат, форму.

Тройка — символ Озириса — Изиды — Гора, трех основополагающих качеств Ян — Инь — Дэн. Сочетание 4 и 3 дает семь, лежащее в основе всех явлений. Подобно тому, как солнечный луч распадается на 7 основных цветов, образуя радугу, древние выделяли 7 планет, 7 основных музыкальных звуков, составляющих гамму. Семь дней недели. Семья — семь «я». Семерка — число завершенности на следующем после тройки уровне. Умножение 3 на 4 даст 12 — число знаков Круга Жизни.

Четыре же точки основания пирамиды суть четыре знака, образующие в Зодиаке неподвижный крест: Телец, Лев, Скорпион, Водолей. Земля, огонь, вода, воздух. Именно эти знаки — знаки *неподвижного* креста — структурируют, оформляют вещный мир.

Именно эту четверку несет в себе сквозь время Сфинкс. Отец безмолвия. Властелин времени. Сфинкс, чью загадку (утром на четырех, днем на двух, а вечером — на трех) отгадывает каждый: ползая на четвереньках — отождествляя себя с телом, с квадратом формы, стоя на двух ногах — колеблясь, подобно маятнику, между мужским и женским, добром и злом и, наконец, становясь либо опирающимся на клюку стариком, ждущем смерти, объединяющей дух, душу и плоть, разрушающей отдельность неба, земли и человека, либо — прошедшим через внутреннюю смерть путником, обретшим посох знания.

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

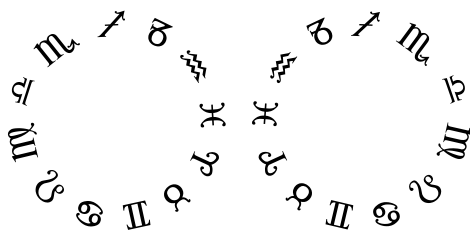
Сергей Есенин

Смерть, переход — пограничное состояние, объединяющее в себе обе реальности, мост. Символ связываемой с ней восьмерки — линия без начала и конца — указывает на непрекращающееся движение, источник которого находится в центре восьмерки:

8, или ∞ (символ бесконечности).

Центр является точкой *перехода* (мостом, золотыми воротами), где направление энергии меняется на противоположное. Восьмерка объединяет в себе движение по часовой и против часовой стрелки, два зодиака — лунный и солнечный (см. рисунок на с. 114).

Пойдя в левом круге по часовой стрелке — солнечной дорогой (от Овна к Рыбам), правый круг мы пройдем тем же путем, через ту же последовательность знаков, уже против часовой стрелки. Пойдя в левом круге лунной дорогой — против часовой стрелки (от Рыб к Овну), тот же путь в правом круге мы пройдем по часовой стрелке.

*Два круга — Солнца и Луны, зеркально отражающие друг друга,
«дві красні скрипки — одна сміється і плаче друга»*

Мы видим, что конец одного круга всегда содержит в себе начало другого. Мы видим также, что срединная точка — это зеркало. Два круга — Солнца и Луны — тождественны, взаимно отражая друг друга.

Но сведение мира в одну точку определяет, согласно зерванинским текстам, Вакшья. Зеркальная Дева, имеющая два отражения, равно нигде не присутствующая. Она названа двуотраженной, ищущей старости и не достигающей ее. После каждого акта любви она остается чистой, остается девственной. Ее оружием назван 18-лезвийный меч. Восемнадцать — число Рыб, конца солнечного круга и начала круга Луны. В сумме 18 ($1 + 8 = 9$) даст число подопечных Вакшьи, девятку ее воинств.

***Под соснами, под елками
лежит клубок с иголками***

Итак, здание мира можно образно представить в виде пирамиды ли, додекаэдра или любой другой фигуры (что подчеркнет тот или иной аспект существования), внутренние поверхности которой зеркальны. То есть это всегда будет зеркально отражающая, водная, поверхность (вода разносит переданные ей соколом семена мирового дерева по всему миру).

Мысленно поместите себя внутрь такой пирамиды. Сколько отражений вы увидите? Вы не сможете назвать их число. Но ваши отражения не менее реальны, потому что стали в свою очередь источником для образования многих других. То есть *каждое* отражение является *центром*, источником по отношению к другим, наплодившимся после него. Но интересно также то, что сказать что «после», а что «до» на самом деле трудно, потому что отра-

жения возникают все сразу. Они существуют одновременно повсюду, подобно сполохам сознания, но вместе с тем ни к чему не привязаны (они лишь отражения), нигде не локализованы. «Фигаро здесь, Фигаро там...»

Реальность так же многомерна. Вы существуете одновременно повсюду. Череда последовательных воплощений также иллюзорна, как и наше представление о времени как о чем-то протяженном (то есть время-то оно время, но — «на вашем участке»).

Договоримся, что слова «реинкарнация», «перевоплощение» будут для нас лишь учебными терминами. Это — не очень удачная попытка объяснить реалии нелинейного мира линейными средствами. «Процесс» засеивания Духом материи нелинеен. Жизнь во Вселенной нелинейна. А термины эти линейны, это — не образы, это — конкретные термины для конкретной действительности, и потому они неудачны. Они подразумевают некоторую последовательность, цепочку событий, движение в одну сторону и невозможность вернуться к началу. Поэтому правы будут и те, для кого «реинкарнации» не существует, и те, кто в нее «верит». Это тот случай, когда есть два ответа, и оба правильны.

Если же все-таки пытаться искать земные аналогии тому, о чем мы говорим, это будет, скорее, паутина и паук, ткущий ее *из себя*. Его паутина разрастается во всех направлениях, и паук, прогуливаясь по ней, может посещать любые ее «закоулки». Паук — животное таинственное, хранящее множество тайн. Установлено, например, что они слышат, но органы слуха у них до сих пор не найдены. Необычно у пауков и зрение, в частности, количество глаз — их, как правило, восемь. Кроме того, осенью молодые пауки еще и летают. А есть такой паук — его зовут серебрянкой, который живет в воде, хотя дышит атмосферным воздухом (он создает в воде вокруг себя воздушный мешок).

Все ваши «воплощения» существуют одновременно. Но где? В «пространстве», лежащем за пределами привычных нам трех измерений. Собственно, и пространства-то здесь уже нет, как нет и времени в понимании существ трехмерного мира, точнее, мыслящих себя таковыми. Больше того, одновременно с вами, таким реальным, в мирах, которые лишь условно можно назвать параллельными, действуют не менее реальные ваши вероятностные личности, развивающие иные варианты вашего совершаемого ежедневно выбора. Для них вероятностная личность — это вы. И об этом прекрасно осведомлен подсознательный аспект человеческого существа. Поверхностный же человеческий ум не

объемлет этих миров и может относить различные проявления иных реальностей на счет «расстроенного воображения»; человек многое не замечает вокруг себя, хотя реальность его «снов» просто ломится в дверь его «реальной» жизни, иногда ее вышибая. И вместе с тем каждому знакомы моменты, когда эти миры соприкасаются явным и доступным для осознания образом — любого человека посещало странное ощущение того, что «это уже было», с любым приключались «странные» истории. Вот одна из них.

Умерла вот в Старой Руссе девочка. Этой девочке было девять лет. А они девочку-то нарядили, платье цветное, туфельки-то ей хорошенькие надели, во все нарядили. И вдруг приснился, матери приснился сон, и говорит, это:

— Матушка, сходи ты, на той (у меня ажно дрожь) ... на той улицы девочка, и пришли ты по ей¹ и мне тапки, тапочки мне пришли, ни кто тут не ходит в туфлях, все в тапках. И вот ты ни-зачем одела мне цветное платье. Вот все ходят в белых платьицах-та, а ты мне цветное одела.

Вот мать-то, как она рассказала, мать-то пошла, тапки купила, как во сне-то приснилось. Пошла в тот дом, где она сказала — а ведь не знала эту улицу — и приходит в этот дом, говорит:

— Сюда я попала, аль не сюда?

Бабка старая ее встречает, говорит:

— Да сюда, сюда, родная моя.

И лежит там тоже девочка померши, а етой двенадцать лет, и в гробу. Бабка матери той говорит:

— Положите.

Рассказывает: приснился мне сон, и дочка говорит мне, сходи на такой-то улице, и дом сказала. От, мол, пришли вот по той девочки, и имя назвала девочки, точно такое имя. Положила мать в гроб тапочки, и сниться перестала.

Итак, человек творит свой мир сам, посредством своего свободного выбора. Объективно, выбор всегда свободен, хотя человеку кажется, что его выбор обусловлен обстоятельствами. Выбор ничем не обусловлен — обусловлен всегда человек («приличный»), сознание которого не свободно от стереотипов, социальных штампов, навязанных моделей мышления и поведения. Внешняя реальность всегда имеет свой источник в реальности

¹ С ней.

внутренней. «Измени себя — и ты изменишь мир». То, чем вы себя считаете, не более чем фрагмент, сколок более масштабной сущности, объемлющей и вас с вашей «ужасной» жизнью, и мир ваших грез, и все ваши реинкарнационные и вероятностные личности, а также такие планы бытия (соотносимые с иными состояниями сознания), которые человек и представить не может (на деле все эти планы не существуют отдельно — они вложены один в другой подобно матрешке, точнее, растворены друг в друге). Голос этой сущности вы можете услышать в вашем внутреннем голосе, который, как известно, — лучший советчик. В конечном итоге вы и есть эта сущность — Матрёшка, или Антипка о сто ризок. Так что выбирать, согласитесь, есть из чего.

И одновременное пребывание во всех возможных реальностях, обретение центра может иллюстрировать **Ежовоспинный**. Ежик может символизировать Солнце с его всепроникающими лучами: у ежа спина покрыта иглами, и при сокращении подкожной кольцевой мышцы он сворачивается в шар. Число Ежеиглово (154) проецируется на знак Девы, знак переворота времени-пространства.

Ежик разворачивается от воды, и лиса, понуждая ежика раскрыться, закатывает его в воду или мочится на него. Вода же — символ Луны, зеркала, отражающей поверхности, символ преломленных солнечных лучей, символ линзы, раскрывающей бутон жизни. Это же знание содержит и известный символ — глаз (линза), заключенный в треугольник — линейную пирамиду, называемый всевидящим оком божьим. Это око действительно всевидяще, но не в том смысле, который ему зачастую приписывают.

Итак, кругом нас — зеркала. Но что отражается в зеркале? Глаз, нос, рука, что? Все. То есть в зеркале отражаются электромагнитные волны. А поскольку человек — существо электромагнитной природы, то не может ли он сам быть отражением Идама, отражением небесного близнеца? Мишкой, которому оторвали лапу?..

Про ежей рассказывают много «небылиц». Они приходят на фермы и доят коров (мы помним, что корова символически связана с Луной; быки «рождаются» в лунном круге). Необычайно устойчивы ежи к змеиному яду. Говорят также, что еж может за просто слопать змею.

Итак, свяжем с Ежиком сучку, охраняющую огород, или **круг Времени**. Беременность у ежей длится около 40 дней. Число 40 также связано со Временем, обрыванием земной пуповины, сорочинной.

Образ ежа, традиционно представляемый с яблоком в колючках (символом познания), может, таким образом, иллюстрировать многомерность сознания, многовариантность существований. Одновременность «воплощений». Четвертое измерение, которое обычно связывают со временем.

Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста».

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

Сергей Есенин

**Жизнь прекрасна, Маша,
Солнечны все дни!**

Понятно, что «перемещение» в иное измерение не требует привычных нам механических усилий — не надо никуда бежать (равно как и прыгать из окон). Это достигается включением дремлющих в человеке механизмов сознания, изменением его качества, изменением «точки сборки», смещением фокуса. Физический же человек при этом никуда не исчезнет, а... станет вдруг как-то «не так» на вас смотреть. Будто тот камень, который вы только намеревались подобрать, у вас уже за пазухой. Человек внутренне поменяется, то небольшое, что он сочтет возможным сказать, покажется странным, и вы можете лишиться своей лучшей подруги Зины, сочтя ее сумасшедшей, потому что с ней стало «не о чем разговаривать». И может случиться так, что ваш метущий улицы сосед Василий — несостоявшийся по-вашему человек — живет в четырех измерениях, а вы — отличник и публицист — в трех. Обидно. И на вашем «участке» — в трехмерном мире — вы это время, этот холод формы, сполна ощущаете. И Кошечка жестокосердного отменить не в силах. Даже общим собранием «пайщиков».

Да, «пляска такая нелегка, — но зато моднее гопака...»¹

Итак, можем ли мы называть пирамиду гробницей? Согласимся, что культура древних была иной. Отношение к смерти и жизни было иным. Главное же то, что «на самом деле» не было и нет специальных мест для смерти и для жизни. Смерть проникает жизнь, жизнь — смерть, они не существуют отдельно, они «ходят парой». Заметим, кстати, что у древних майя не было кладбищ. Они хоронили умерших под полом дома, в котором продолжали жить их внуки.

¹ На эту тему есть замечательная книга: *Правила для благородных общественных танцев*, изданные учителем танцеванья при Слободско-Украинской гимназии Людовиком Петровским. Харьков : Унив. тип., 1825.

Говоря о русских плясках, автор сожалеет о том, что «господа танцмейстеры обучают русской пляске по-театральному». По его мнению, «следовало бы выбросить из русских плясок телодвижения, кои не всякий сможет выразить, оставить пантомимы театру и придать шагам наших плясок ход и фигуры такие, чтобы не одному только, двум или трем танцевать было можно, — и не только детям, но и возрастнейшим» (с. 131–132).

В самом жилище — под семейным порогом, под мостом (полом) или в переднем углу избы — хоронили усопших и наши предки (по этнографическим наблюдениям, так хоронили младенцев до конца XIX века).

Издrevле на Руси существовали и похороны в земле, и сожжение с погребением праха. Приморские жители отправляли лодку с покойником в открытое море. Умерших погребали в местах и на полях, ставили прах покойников на путях, бывших межею поземельной собственности. Тело не обязательно клали в гроб — часто его оборачивали в луб, такой «гроб» назывался корстой. Существовали также гробы-колоды — два бревна с выдолбленной серединой.

Жилище и особенно место, где лежал умерший, осыпали зерновым хлебом.

И пирамида — не гробница, а мумия фараона — не смерть. Мумия — знак преломления Бытия. Попытка остановить поток, «запечатлеть мгновенье», остановить кружение колеса на точке *перехода*. Мумия — символ настоящего. Настоящего, становящегося вечностью. Вспомним детскую игру: замри — умри — воскресни. Это то же самое.

Ежегодному возрождению Сотис-Изиды на востоке предшествовали 70 дней пребывания в Дуат, где она, как и другие звезды-деканы, подвергалась, по легенде, бальзамированию.

Мумифицировали не только фараонов. В Каирском музее есть целая коллекция древних мумий и масок, покрывавших их лица, причем глаза на масках открыты, выражение лиц разное. Интересно, что типы лиц очень разные; исследователи отмечают, что коллекция содержит все известные типы, расы, населяющие землю. Мумифицирование, таким образом, — это глубоко символический акт, реальность которого лежит в физической плоскости настолько же, сколь и метафизична. И также трогательна, как детская игра — взрослые люди пеленали своих мертвецов, будто играли в куклы. Затем надевали на них маску, и они продолжали смотреть на мир широко открытыми глазами.

День сменял ночь, о чем возвещал Петухоголовый. Петушок, вернувшийся деду с бабой жерновцы.

Я вам расскажу, когда мой дед помирал, вот как он перед смертью. Ходит все время и сидит, глядит в угол. Глядит, глядит, говорит:

— Матка, погляди-ка ты.

Я говорю:

— Кого-то ты в угол-то все глядишь, уставивши.

А он говорит:

— Погляди-ка ты, какие цветы-то красивые, от, — говорит, — и гляжу на них, на эти цветы.

А я уже и побоялась его гневить, говорю:

— Да и правда, какой красивый букет, ну, красотища! — и сама-то туда гляжу.

Глядела, глядела, потом он и говорит:

— Погляди-ка ты, говорит, на лозину¹ (перед домом за дорогой росла), как это занесло их, говорит, и на конях, привязывают прямо на лозинах, погляди-ко, как выделяются мужики-та.

А мне тут-то смешно стало:

— Да иде ж ты видишь, дед?

— Да вот, — говорит, — все соскочили, все побежали на могилки².

Я уж тут его стала бояться, дед уже мертвецов видит. Потом раз прихожу я.

— Куда карты-то дела?

Я говорю:

— Какие карты-то?

— Да вот сейчас наши мужики приходили.

— Какие наши?

— Которые наши все деревенские.

Я говорю:

— А кто особенно?

— Да вот которые умерши, — он мне всех и пересчитал.

Говорит:

— Пришли, зовут меня.

Я говорю:

— А куда ж они тебя зовут?

— А на лесозаготовки.

Я говорю:

— А что ты им сказал?

— А я, — говорит, — сказал, что я готов на лесозаготовки.

— А они тебе что?

— Они, — говорит, — мне сказали, что приказу нет; придет приказ — мы за тобой придем.

И четверг, и пятницу мне все так говорил. И от за ним пришли. Пришли это за ним в два часа ночи. Он начал справляться³.

¹ Иву.

² Кладбище.

³ Собираться.

На ногах справляется. Побежал на веранду, приносит оттули пинжачок летний, еще один принес, положил на подушку. Потом мне говорит:

— Положи мне карты на скамейку.

Положила.

— Дай мне закурить.

Я закурить дала, а ведь не курил.

— Ну, заложил мне ноги на кровать, — что у него ноги как бревна были.

И говорит:

— Ну вот и все, — сделал крестики вот так на руках, — за мной пришли. Вот там все, я собрал, справил на лесозаготовки.

А я-то говорю:

— Дед, да никак ты меня оставляешь?

Уж он:

— Алля, алля, — доволен, доволен.

Слезы покатались, покатались, все — умер. Ведь собрал все, сложил, даже духи положил, одеколон, под подушку. А я говорю:

— Дай-ка, а то выльешь, — я спиртом все его натирала.

Все на свете боится времени, но время боится пирамид, говорили древние. Вхождение в вечность — назначение пирамиды. Вот фрагмент одного из погребальных текстов — фрагмент текста усыпальницы фараона Пепи I (эпоха Древнего царства, III тыс. до н. э.): «Нет, не мертвым, ты, о царь, от нас ушел. Ты ушел от нас живым. Великая мать-защитница Нут принимает тебя: „О, Пепи, проснись, поднимись, вставай“».

Итак, пирамиды суть олицетворение взаимодействия Неба и Земли, претворения закона небесного в закон земной. Наверху — **одна** точка. Все исходит из нее. Она — дом всему существу. Внизу — четверка. Четверка элементов, взаимодействие и взаимопроникновение которых творит миры. Грани — их тоже четыре. Четыре пути на небо. Приближаясь к вершине пирамиды, противостоящие друг другу элементы становятся ближе, сливаясь наконец в одной точке — точке включения (в линейном гороскопе, гороскопе, построенном на плоскости, нарисованном на листе бумаги — это центральная точка) — вершине пирамиды.

Наше сознание можно также уподобить пирамиде; взбираясь выше, мы включаем в него все новые и новые реальности. «Не тюремным от вас ухожу я, друзья, коридором — ухожу я от вас сказочным Млечным Путем».

✧ В какой Вселенной мы находимся? Фильм BBC, 2014 г.¹

Заключает же Круг Жизни **Черепанопапцирный**, которого мы соотнесли с Рыбами и последней, довершившей дело ногой. Жизнь выходит из океана. И туда же она устремляется, осознав свою природу. Черепашата, вылупившись, ползут к морю... Их мать, зарывшая свои яйца в землю, не могла их этому научить, но они уверенно направляются к мерцающей отраженным светом воде и свободно себя в ней чувствуют.

В Рыбах, воде размыта разница, поляризация, все едино и легко перетекает друг в друга. Это же прослеживается и на уровне формы: так, есть двуполые моллюски; есть рыбы, которые в течение жизни меняют пол (тропические зубаны, каменные окуни), меняют также пол морские звезды, северные креветки. Гермафродитами являются черноморский морской окунь, хризозфриз и другие. Превращение самок в самцов отмечено у меченосцев.

Фараонами² называют рыбы. Их можно и в Балтийском море встретить. Перед бурей попадают маленькие дети, моему знакомому рыбаку попался один, ён сам видел, женщина была. И грудями воспитывают их. В окиянах только живут, в реках нету. Только руки покороче, а то как женщина. И мужчины тоже есть. А потом, как у плотицы. Они расплодивши, всюду живут.

...Однажды Фёдор, ему только исполнилось 6 лет, спросил меня: «А ты знаешь, какая краска самая главная?» И, не дожидаясь ответа, сам торжественно произнес: «Вода! — он разводил гуашь водой, и ее становилось больше. — Вода — это самая главная краска». Мне захотелось поспорить (какая ж вода краска?), но надолго меня не хватило, мне тоже это очень понравилось. Вода — это самая главная краска.

Двумя рыбами накормил народ Иисус (вспомним обозначение знака Рыб) — двумя рыбами и пятью хлебами, символически преломляющими Зодиак в знаке Девы.

Но с каким кругом, с каким циклом связана черепаха? Да ни с каким, хочется под конец сказать. И, действительно, пусть си-

¹ <https://www.google.ru/search?q=в+какой+вселенной+мы+находимся+bbc>

² *Фараён* — мифологический персонаж, полурыба-получеловек.

стема будет открыта. Ведь любая система содержит в себе элемент непредсказуемости, тайны; любая жизнеспособная система в состоянии «сбросить» с себя, подобно мягкотелой черепахе, панцирь и заново родиться. Так что пусть черепаха будет связана с циклом смены вех, смены всех кругов на бескружие. В одной китайской сказке мальчик палочкой рисовал на песке зверей, а волшебная морская черепаха делала их живыми... Она делала с ними невероятное... Быть может, и та жизнь, к которой мы привыкли, — не более чем нарисованные на песке мертвые картинки...

Одна черепаха играла на свирели так искусно, что все звери слушали ее как зачарованные. А крокодил ей страшно завидовал. Однажды приполз он к ручью, куда черепаха обычно приходила пить, и расположился неподалеку. Увидела его черепаха и говорит:

— Здравствуй, братец крокодил, что это ты здесь делаешь?

— А я здесь греюсь на солнышке, сестрица черепаха, — отвечает крокодил.

Напилась черепаха и стала играть на свирели. Тут крокодил начал ее просить:

— Позволь мне, сестрица черепаха, поиграть на твоей свирели.

Черепаха дала ему свирель, а крокодил плюх в воду, да и был таков. Очень рассердилась на него черепаха и поползла прочь. А на другой день нашла она пчелиный улей и проглотила весь пчелиный рой. Затем направилась к тому месту, где крокодил любил нежиться на солнышке, и спряталась там в куче листьев, — только хвостик наружу выставила. А под хвостиком хитрая черепаха хорошенько намазала медом и время от времени выпускала пчелок, одну за другой: з-з-з-ум. Крокодил заметил, что из-под опавших листьев вылетают пчелки, решил, что набрел на улей, — раз, и сунул туда палец. А черепаха зажала его и говорит:

— Отдавай мою свирель, тогда отпущу! — а сама сжимает все больней и больней. Тут крокодил разинул пасть да как завопит:

Ой, сыночек, поскорей
Принеси сюда свирель,
Тангу-ле-ре...
Черепахину свирель
Принеси сюда скорей!
Тангу-ле-ре...

А сын не расслышал и кричит ему:
— Чего тебе, отец, рубашку?
Крокодилу уже мочи нет терпеть, он еще громче:

Нет, Гонсало, поскорей
Принеси сюда свирель,
Тангу-ле-ре...
Черепяхину свирель
Принеси сюда скорей!
Тангу-ле-ре...

А Гонсало:
— Чего тебе, отец, штаны?

Долго пришлось крокодилу тянуть свою песенку, изрядно он помучился и палец чуть не вывихнул. Наконец приполз его сынок с черепахиной свирелью, и крокодил отдал ее черепахе. Только тогда черепаха его отпустила.

Вытащили репку!

Итак, сучка, внучка, бабка и дедка тоже нашли свои соответствия: сучку, охраняющую огород, или круг Времени, мы связали с Ежиком; бабку — с Лунным зодиаком, со Змеем; дедка, посадивший репку, — Псоглавец; внучке остался Сокол.

Но что же тогда эта репа? Семенем она была брошена в землю, выросла и стала похожа... на что? Похожа она на сердечко. Видимо, это и есть сердечный центр, сердечный центр в человеческом теле, сердечный центр мироздания, то есть Центр вообще. В египетских легендах о сотворении говорится, что начало всем вещам Творец положил в своем сердце. Именно в сердце Любовь превращает время в Вечность. Через любовь человек сливается с миром.

В послании апостола Павла колоссянам читаем: «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства, и облекшись в нового [человека], который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:14,10,11).

Вообще же символ — «вещь» достаточно условная (как условны и все религии, язык которых небуквален): где-то на месте

репы¹ будет горчичное зерно, где-то — осел, жадно поедающий розы, где-то что-то еще. Важно другое — корень везде един, а смысл одинаков. Что же до средств выражения, то в них нет недостатка ни у природы, ни у человека.

Впрочем, как писал Максимилиан Волошин,

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.

.

И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом!
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим Вавилонских башен,
Ты — заклинатель сфинксов и химер!..

Истинная вера — внутри, в сердце. И человеку, заглянувшему внутрь себя, проповедники более не нужны. Его вера безмолвна. Как безмолвен Сфинкс, бесстрастно вззирающий на сменяющие друг друга в долине Нила племена и религии...

А напоследок, тебе, читатель, в подтверждение того, что чего на свете только не бывает, — быличка Костромской губернии, *история*, одна из многих, которые рассказывают в деревнях.

Жили мы тогда в Онисимове. А ведь около Онисимова, сам знаешь, крутая гора, прекрутая, к Ветлуге-то. Тут есть маленький лесок. Пошел я этак раз — лет десять мне было — в лесок этот грибы собирать. Хожу, шатаюсь по косогору-то, где гриб, где два сорву.

Пришлось проходить мне около ключа. Вот и покажись мне, братец ты мой, стоит бы в косогоре-то сундук, как раз на ручье на

¹ На Руси репа издревле была главной овощной культурой, с XVIII в. стала вытесняться картофелем.

самом, окован железом весь, около аршина ширины и аршина полтора в длину, весь обтыкан по сторонам костями, большущими костями, не знаю — чьими, так вот и торчат по бокам-то. Поиспугался я тут, да ничего, мороз по коже подирает, а смотрю.

Вдруг покажись мне тут свиное рыло; оскалила зубы эта свинья и смотрит на меня, изо рта — вода. Оторопь взяла меня тут, сам не свой сделался, волосы дыбом на голове. Взглянул на рыло-то ей, да унеси-ко оттуда, господи, что есть прыти домой. Прибегаю домой — на мне лица нет.

— Что, — спрашивают, — с тобой?

Я в слезы. Едва-едва успокоился и рассказал в чем дело.

На другой день ходили с крестным оба осматривать то место, но и места-то уж не нашли, ничего похожего даже нет.

Послесловие

...Перун, Мокошь, Вакшья, Псоглавец... Неподвижный крест нашей истории. Папка, мамка, бабка, дедка...

Мы выбрали этих персонажей символической Вселенной, символического Дома, Семьи, а они выбрали нас... Они рассказали нам сказку, в которую нам, как детям, и хочется, и не хочется верить. Да и кто ж ее придумал? Те же дети, только чуть подросшие.

Пройдет время, и люди вырастут из этих одежек и будут рассказывать другие истории, где не будет многих из тех слов, что сегодня приводят их в трепет. Не станет Бога, греха, — место этих подпорок займет другое понимание и другое видение.

Но ощущение великой тайны мироздания никогда нас не оставит, Вселенная будет задавать человеку все новые загадки. И вместе с тем наших потомков не перестанет очаровывать красота ночного неба, будут по-прежнему манить глубины океана и восторгать обычная утренняя роса...

Ведь и для нас все так же, как и тысячи лет назад... Все так же

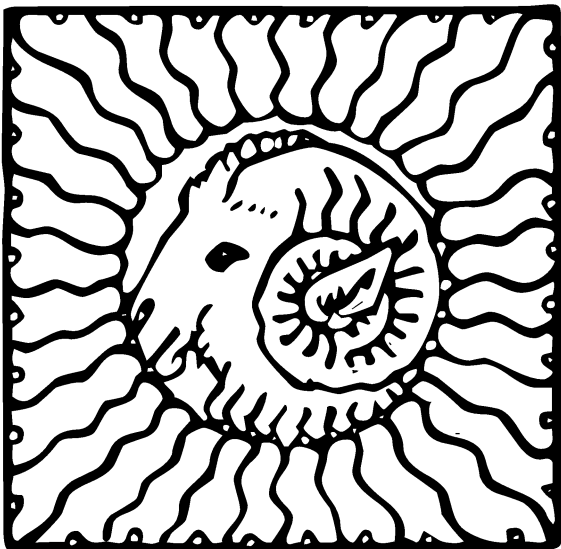
...Под окном черемуха колышется,
Осыпая лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи...

...Все так же уносят Ванятку гуси-лебеди, все так же кличет его сестрица... Луна по-прежнему светит отраженным светом, а в атмосфере самой большой планеты Солнечной системы — Юпитера — непрерывно сверкают ослепительные молнии...

Наши же дети всякий раз отрывают мишке именно лапу...

Белка ж песенки поет
Да орешки все грызет...

**Часть II,
астрологическая.
Звездочтец**

История первая. Раскололся сырой дуб на четыре грани...

*Круг Жизни — Зодиак, или «Подсолнечный град», его стены и крепости. —
Человек земной и космический. — Начала Ян — Дэн — Инь:
планетарная схема*

Ныне же побеседуем, что пишет в писании о неизреченной премудрости Божии, яко той исперва сотвори, но нечто возьмем от богословец. Что Давид глаголет: небо небеси Господь, и то убо седмь поясов небесных, не о том глаголет небе, но о том небе, которое всех выше небес, о нем же Давид глаголет: и вода яже превыше небес; не про видимую глаголет воду, но про невидимую.

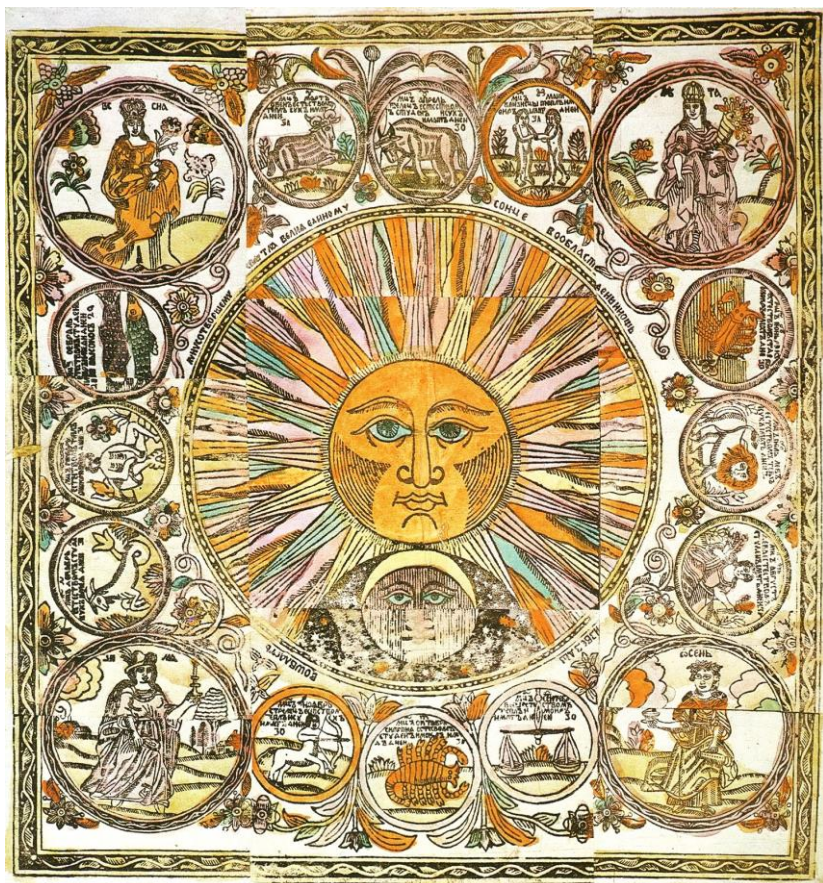
Та убо вода огустится Божиим повелением, яко кристал световиден, сиречь покров всех превыше небес. И сотвори Бог седмь поясов небесных, сиречь небес, и все равны сотворил; выше же небес почивает сам Господь Бог; а на коемждо небеси постави служение и по чином раздели и по достоинству украси их всех равно, и даде им дело сие — пение непрестанное, хвала и великолепие Божие.

О небеси

Небо едино есть по существу, 9 же по числу. И убо единое небо по образу века сего, иже прежде сътворения миру. Другое же небо по образу века, иже по възскресении и суде и въздаании. Седмь же небес суть по образу седмих век мира. Другое ж — беззвездная твердь. Седмь же небес имут¹ и великих седмь звезд, царей иных седмь звезд.

В давние времена жила девушка. Взяла она однажды горсть золы из костра и забросила ее на небо. Зола рассыпалась там, и по небу пролегла звездная дорога. С тех пор эта яркая звездная дорога ночью освещает землю мягким светом, чтобы люди возвращались домой не в полной темноте и находили свой дом.

¹ Имеют.

«Подсолнечный град». В центре — Солнце с полумесяцем, по кругу — знаки Зодиака, в углах — времена года. Лубочная картинка, конец XVII — начало XVIII в.

Но когда восходит солнце, звездная дорога белеет, звезды ее блекнут и исчезают.

Уйдет солнце, вновь выплывает звездная дорога, и опять проплывает она по старым следам.

И так солнце и звездная дорога ходят друг за другом вокруг земли.

Чтобы звездной дороге не было скучно ночью одной, девушка забросила на небо сладкие коренья. Она швырнула их туда еще и потому, что рассердилась на свою мать, которая дала ей так мало кореньев, что девушка не могла ими насытиться. Девушка эта была больна, она лежала в хижине и сама не могла пойти на по-

иски съестного. Вот она и рассердилась на мать и забросила коренья на небо, чтобы те стали звездами. И эти сладкие коренья тоже стали звездами.

Есть же на сем долнем¹ небеси Луна, и на втором по сей Ермис [Гермес, Меркурий], на третьем есть Афродит [Венера], на четвертом небеси — Солнце, на пятом — Арис [Марс], на шестом — Зевс [Юпитер], на седмом — Крон [Сатурн].

Суть убо имена седмим: Крон, Зевс, Арис, Солнце, Афродит, Ермис, Луна. И сиа убо седмь звезд суть на седмих небесех, на всяко небо едина звезда.

Выше ж седмаго небесе суть другыя звезды, 12 числом. Им же имена сиа: Овен, Юнец [Телец], Близнец, Рак, Лев, Дева, Ярем [Весы], Скорпио, Стрелец, Козий Рог, Водолиатель, Рыбы.

*

Велми мало выкладується зодияк, олны будеть: учини собе кружок, а черкни его вдоль и поперек...

*

В небе над дымными долами
Вечер растаял давно,
Тихо закатное полмя
Пало на синее дно.

Тусклое золото месяца
Голые ветки кропит.
Сердцу спокойному грезится
Белый, неведомый скит.

Выйдет святая затворница,
Небом укажет пути.
Небо, что светлая горница,
Долго ль его перейти!

Георгий Иванов

¹ Нижнем.

Зоны Зодиака

Трети, заключающие знаки 4 разных стихий: знак огня, земли, воздуха и воды

1. Овен, Телец, Близнецы, Рак. Зона Брамь. Созидание. Ян.
2. Лев, Дева, Весы, Скорпион. Зона Вишну. Сохранение. Инь.
3. Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы. Зона Шивы. Разрушение, трансформация. Дэн.

О степенях зодиям

Дванадцатим сущим зодиом едино кождо их имат преставы три. Единаже престава имат стльбы десять, того ради десятица наричається. За еже имети им по десятеро лествици.

Бывають убо коемуждо единому зодиу стльбы 30, яко же быти двоенадцатим зодиом 360 иматже. Коиждо степень имат презорца, и бываеь 60-им сътепенем презорци 120.

Проходить же солнце на коиждо день стльбу единому. Зане зодие имат 30 стльбы. Солнце же по вся дни и нощи проходит стльбу едину. Яве яко 30-ми дньми солнце проходить едино зодио, обаче зодио не тридесятими дньми точию проходить, но 30-ми дньми и час 10 и пол¹.

¹ Здесь речь идет о том, что Зодиак содержит 360 градусов (стльбы), делится на 12 знаков (зодии). Каждый знак содержит 30 градусов и делится на 3 декана (10-градусные отрезки, десятицы). Солнце проходит знак за 30 дней и 10,5 часов.

Квадранты Зодиака

Четверти, содержащие знаки подвижного, неподвижного и мутабельного крестов¹

1. Овен, Телец, Близнецы. Детство. Весна. Утро.
2. Рак, Лев, Дева. Юность. Лето. День.
3. Весы, Скорпион, Стрелец. Зрелость. Осень. Вечер.
4. Козерог, Водолей, Рыбы. Старость. Зима. Ночь.

*

Все образует в жизни круг —
Слиянье уст, пожатье рук.

Закату вслед встает восход,
Роняет осень зрелый плод.

Танцуем легкий танец мы.
При свете ламп — не видим тьмы.

Равно — лужайка иль паркет —
Танцуй, монах, танцуй, поэт.

¹ Отмечают собою наступление весеннего и осеннего равноденствий (Овен, Весы) и летнего и зимнего солнцестояний (Рак, Козерог).

А ты, амур, стрелами рань —
Везде сердца — куда ни глянь.

И пастухи, и колдуны
Стремленью сладкому верны.

Весь мир — влюбленные одни,
Гасите медленно огни...

Пусть образует тайный круг —
Слиянье уст, пожатье рук.

Георгий Иванов

Как звери укладывались спать

Сказка

Это случилось в одном большом лесу. Год выдался очень дождливый, и в один день реки таки вышли из берегов. Водой затопило весь лес. Остался один маленький островок, и все звери оказались на нем вместе.

Время располагаться на ночлег. Звери стали спорить, кому в середку. Никто не хотел оказаться с краю — там холодно. Спорили, спорили — ничего не решили. Последним пришлопал по воде лев. Он их и рассудил: велел всем ложиться вокруг дуба, головами к дереву — так все они оказывались в середке. Сам тоже лег — рядом с зайцем. «Все равно, — думает, — завтра-послезавтра всех вас съем, а зайца — первого».

Так они и лежали: баран, бык, заяц, лев, мышь, олень, шакал, свинья, козел, последней была черепаха. Ее никто не видел, она и в споре не участвовала, скрываясь в траве. Были здесь также двое ребят — Ваня и Маруся, искавшие в лесу свою корову. Днем они сидели на вершине дуба, спасаясь от воды. Ночью же спустились и легли между быком и зайцем. Лев так прижал к себе зайца, что место возле быка освободилось.

Когда многие начали уже посапывать, к острову на лодке приплыл охотник. Он не стал никого трогать и тоже лег — рядом с козлом. Он не заметил черепаху и чуть ее не задавил, но та вылезла из-под него и опять устроилась возле барана.

Зодиакальный человек — обнаженная фигура, окруженная зодиакальными знаками, каждый из которых связан канатом с соответствующей ему частью тела. Из астрологического манускрипта 1488 г.

Библиотека Веллкома, Лондон

Шакал не спал и все это видел. «Завтра человек сразится со львом, — подумал он. — Ну да мне перепадет в любом случае...»

Человек земной и космический

Зодиак и тело человека

Овен — глава и лице.

Телец — шея и брюхо.

Близнец — руки и мышца.

Рак — груди, и плеча, и крыльца [лопатки].

Лев — с[е]рдце и желудок.

Дева — брюхо и кишки.

Ярем — спина и хребет.

Скорпия — лоно, и михирь [мужской половой орган], и афед-
рон [задний проход].

Стрелец — ладвия [ляжки] и стегна [бедра].

Козейрог — колена.

Водолей — икры и голени.

Рыбы — пясти и плесне [стопы] ножные.

Начала Ян — Дэн — Инь

Планетарная схема

Ян	Дэн	Инь
Солнце	Земля	Луна
Марс	Меркурий	Венера
Юпитер	Фазтон	Сатурн
Плутон	Хирон	Нептун
Вулкан	Уран	Прозерпина
Озирис	Анубис	Изида

Вулкан — планета вблизи Солнца, в 8–10° от него. Мифический Вулкан (греческий Гефест) ковал молнии для Юпитера, крылатые сандалии для Меркурия, украшения для Венеры и оружие для Марса, а также царские скипетры, золотые кубки и серпы для жатвы.

Прозерпина, Изида, Озирис и Анубис — гипотетические (предполагаемые) планеты за орбитой Плутона.

Хирон — планетоид¹, имеющий очень вытянутую орбиту; «ходит» между Сатурном и Ураном. В астрологии олицетворяет золотую середину, примирение крайностей, связь между верхним и нижним мирами, символическое мышление.

По последним данным, удаляется из Солнечной системы — пошел включать в свою орбиту трансплутоновы планеты: связывать так связывать.

Фазтон представлен поясом астероидов, самые крупные из них: Церера², Паллада, Юнона, Веста.

¹ Называемый также астероидом, или малой планетой. Каталогизирован и как комета: у него наблюдалась кома.

² Ныне, наряду с Плутоном, отнесена к карликовым планетам.

Как мужик на небо лез

Русская сказка

Поехал раз мужик в поле пахать. Принесла баба обед, он поел и спать захотелось. Заснул, а коня пастись пустил. Проснулся уж ввечеру, время позднее. Видит — на кобыле дуб вырос большой, под самое небо упирается. «Дай, — думает, — на небо слажу, что там такое деется?» Полез и топор с собой взял.

Лез-лез, видит — крыша стеклянная такая. Как вдарил — только звенья¹ посыпались. Вошел мужик в рай. Изба большунная, глазом не окинуть. В одном углу мужики в карты играют, в другом водку пьют, в третьем свадьбу венчают, в четвертом святыне братцы схвативши. Ходил-ходил мужик по раю. Соскучался. Домой захотелось. Хотел лезть обратно, а кобыла с того места ушла и дуб с собой увезла. Собрался с духом мужик, перекрестился, да и со всего размаху — прраз!..

Попал в самое болото. Завяз. Вылезть не может. Побежал домой за лопатой. Принес лопату и давай окапываться. Окопался, тогда и вылез и домой пошел.

Летучий огненный змей

Две странные заметки, сделанные грамотным человеком в первой четверти XIX века и сообщенные нам² в январе 1896 года профессором М. И. Соколовым в бытность его в Петербурге...

Плыша судны по реке Волге, а в котором месте, о том мне было неизвестно, и летел змей велик зело и нес во рту человека через Волгу со всем одеянием, и обут в катах³, и каты красным сукном обшты. И слышно было от одного несчастного человека только: их, их, ихайт.

И прелетел Волгу и пал с человеком в займище в болота. А видом оной змей огнем ночью. И оныя видевшыи людие стали сказывать в селениях оное видение, и им сказали, что от нас не вдалеке в такой-та деревне человек пропал с вечера с-ыгрища.

¹ Стекла.

² Редакции журнала «Живая старина».

³ Сапогах.

Коломенского уезда селца Уварова есть пустошь, называемая Каширязива, на рубеже подьяле Резова. Приехали мы начевать с лашедьми на Грезьвище в осень, числом более 20 человек или 30 будет. Была часть и девиц чесных, и по обычаю малолетного возраста играша, кто чему горазд: кто в дутку, а кто песьни, и мало было, кто бы не играл, кроме девиц; а девицы стан особливой имеша о себе.

И два часа прошло или болше бесчинного игранья, и внезапно [на высоте] освятилось, яко на четверть поприща, и случыся на оном месте лошади вдруг бросились бегообразно и страшно. Мыж, я сам възглянул кверху, и видно всем и мне: зьмей огнен в белом огне и извиваяся над самым нашим станом, яко будет высоты две или три колокольни, длиною три аршына он и много боле, да узнать точно з земли нельзя, потому что высоко. И стоял над нами четверть часа, и все в то время Иисову молитву творили. А галовою стоял на восток влево, и тако исьчезе.

Каипора

Бразильская сказка

Один человек больше всего на свете любил охоту. С рассвета до заката пропадал он в лесу, в самых глухих уголках, сплетая из жердей ловушки для птиц, роя волчьи ямы, расставляя западни и капканы.

И вот как-то раз, когда он, взобравшись на самую верхушку дерева, подстерегал дичь, из чащи выскочило стадо кабанов. Охотник прицелился и метким выстрелом уложил сразу троих. Но в ту минуту, когда он, в восторге от своей удачи, стал слезать с дерева, издали послышался громкий свист. Охотник вздрогнул и замер на своем настиле из веток, испуганно вглядываясь в темную лесную глубину... Да, сомнений быть не могло: то приближался Каипора, главный леший окрестных лесов, — видно, желал взглянуть хозяйским глазом на свое кабанье стадо...

Все ближе и ближе слышался свист, и уже не только свист, а еще и топот копыт и треск валежника. И вот наконец, чаща раздвинулась, и охотник увидел Каипору. Он был маленький, жилистый, черный как черт, мохнатый как обезьяна, и ехал верхом на

тощем черном кабане. В правой руке он держал длинную железную рогатину, а левая рука его и вовсе не была видна, как, впрочем, и весь левый бок — виден он был только наполовину, словно другая его половина растаяла в сонном, жарком, сыром воздухе леса. Вонзая острые пятки в бока поджарого кабана, он скакал по своей вотчине с гиканьем и свистом, протыкая рогатиной воздух, поднимая такой шум, что хоть святых вон выноси, и выкрикивая гнусавым голосом охотничий клич:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Наткнувшись на убитых кабанов, распростертых на земле, он стал с силой тыкать в них своей рогатиной, приговаривая:

— Вставайте, вставайте, бездельники! Не время спать!

И убитые кабаны вскочили как ни в чем не бывало и убежали, ворча. Только последний, самый большой кабан, никак не хотел вставать... Каипора пришел в бешенство: он тыкал непокорного с такой силой, колот с таким остервенением, что даже сломал один рог своей рогатины. Тут только большой кабан поднялся, словно нехотя, и, встряхнувшись, поскакал вслед за остальными. Каипора закричал ему вслед:

— Нежности какие! Ну погоди, я тебя прочучу! Теперь из-за тебя придется завтра идти к кузнецу чинить рогатину!

И, пустив вскачь своего сухопарого кабана, Каипора умчался, оглашая чащу гнусавым криком:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Долго еще сидел охотник на дереве. Когда ни крика, ни топота уже не было слышно и вокруг стояла полная тишина, он слез с дерева и не чуя под собою ног побежал домой.

На следующее утро, ранехонько, зашел он в гости к кузнецу. Ну, поговорили о том о сем, а тем временем солнце уже встало высоко на небе. Тут-то и постучался в двери кузницы невысокий кряжистый индеец в кожаной шляпе, нахлобученной на глаза. Вошел и говорит кузнецу:

— Добрый день, хозяин. Не можешь ли починить вот эту рогатину? Только поживей, а то я уж больно спешу...

— Эх, добрый человек, — отвечает кузнец, — поживей-то никак нельзя, потому как жар в горне раздувать некому. Мехи-то у меня с утра — как неживые.

А наш охотник как взглянул на индейца, так сразу признал в нем вчерашнего знакомого и подумал, что Каипора затем, верно,

и переменял свое обличье, чтоб пойти к кузнецу чинить рогатину, которую сломал вчера о бока большого кабана. «Ну, погоди...» — подумал охотник и вскочил с места со словами:

— Я раздую горн, мастер.

— Нешто умеешь? — спросил кузнец.

— А попробую. Пожалуй, тут особой-то учености не требуется, — сказал охотник.

Кузнец разжег горн и велел охотнику взяться за мехи. Охотник приналег на мехи и стал раздувать, но только тихо так — р-раз — два-а; р-раз — два-а — три-и-и, — напевая в такт песенку:

Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...

Индеец глядел-глядел, а потом подошел, оттолкнул охотника, да и говорит:

— Пусти-ка, ты не умеешь! Дай-ка я!

И как нажмет на мехи, да и пошел быстро-быстро: раз — два — три; раз — два — три... А сам напевает:

Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...
...Насмотрится чуда
Но только об этом
Ни слова покуда!..

Тут наш охотник стал пятиться к двери, выскользнул тихонько на улицу, да и давай бог ноги! С тех пор он никогда уже не убивал кабанов и, если что в лесу увидит, то уж держит язык за зубами.

История вторая. Яблочко катилось вокруг огорода...

Планеты септенера. — Знаки обители и экзальтации планет. — Циклы планет, или «Прошу к нам в огород...»

О звездном течении

Паки побеседуем о небеси и о планетах небесных. На седми бо поясах небесных красоты хождения положи, сииречь звездное течение, како звезды ходят по поясом небесным.

На первом убо небеси утверди звезды и постави им старейшиною звезду *Крон*¹, еже именовашеся гречески. Та звезда Крон всех звезд надзирает и весь пояс обтекает, но токмо един пояс знает, а выше того пояса не ходит. Крон бо во звездах светла, а восходит она с полуденную страну. А ходит бо она не тако, якоже иные звезды. Солнце и луна ходит к верху и небо преходит; а она идет к верху до полунеба, то бо именуется пояс небесный. А дано ей хождение таково: две звезды по сторонам, а она среди их третья.

А дано ей от Бога величество — знаменует о земных плодах, где быти плоду, или где не быти. Егда бо взойдет, скоро из тех двух звезд вытечет, и в кую страну пойдет и станет, в коей стране бледна видом и зрак свой пременит Крон, то в той стране будет глад велик. А егда веселующися блещет и ходит равно с теми звездами, то добры на земли плоды будут.

Крон бывый некто человек, прежде жрец идольский, злый чародей и творя людям добро и зло чары своими; дано бо ему от Бога добро, а от диявола зло. А сия звезда своим зраком являет на земный плод, добро же и зло, и назваша ту звезду Кроном и ради чаров его поставиша мудрецы в звезду на пояс небесный, что тогда люди поклонялися ему, а Бога не знали, и ради его чаров внесохом его на небо в звезду.

А на втором убо небеси звезда, нарицается *Зевес*². Зевес бо человек бывый, сын Кронов, и уби отца своего Крона и обрезал ему тайныя уды и кинул в море отца своего. И начаша люди по-

¹ Сатурн.

² Юпитер.

клоняться по отце его ему, Зевесу. И потом Зевес такая чары творяше, громи же и молния, огни же и ветри, и снези, и дожди велицы, все то напускал на землю, и по воздуху летал; сам бо в громе и молнии приходяше к людям, и бывый злый блудник, яко и мертвых девиц красных во гробех не спущал.

А на рождении его мати умре, яко не можаху его родити, но люди его из боку у матери его вырезали и выняли из утробы матери его. А матери его бок зашили, и паки оживе. Таков Зевес был зол, яко и матери своей тайныя уды вырезал и огнем сжег. И ради чаров его и злости поставили мудрецы в звезду на втором поясе небесном и нарекоша сию планету в его имя Зевес, что яра.

А на третьем небеси царское блистание, сииречь солнечное хождение *Чигиря*¹ звезды. Чигирь бо звезда именовашеся сирским языком. Чигирь пред солнцем, аки боярин царев. Царь идет, тогда боярин показывает приход царев; люди его боятся прежде царя. И егда царь приидет, тогда его не знать будет. Таков бо пред царем Чигирь показывает пред солнцем, блещущися веселится и велит всем людям царя ждати. Тако и Чигирь звезды устроет, а егда же солнцу восходити будет время, тогда Чигирь поидет во свое место, потому что она не на том поясе утвержена, она на седмом поясе, токмо показывает восход солнечный. Якоже бо воин царев, егда пред царем очистит путь и устроит хождение, а сам паки возвратится во уготованное ему место свое, дондеже царь по него пошлет; а тамо пребывает, где службу свою служит. Такожде и Чигирь звезда показывает солнечный восток, а сама обтечет все поясы небесныя до седмаго небеси, где сама она пребывает.

Имеет же она в себе силу такову. Егда быти вёдру и дождю, звездам бо покажет царя, сииречь солнце, и потом поидет в ночь; звезды бо учнут восходить и являтися на поясе небесном, а та звезда заря в вечерней зоре идет над солнцем, блещется, еже в то время близ хождения сущу; а еже солнце утаилось, и показывает она, у берега светло блещется, и нам мнится, что скачет, и то знаменует вёдро, и ясно будет. А егда же звезда заря румяна явится, тогда знаменует дождь, или снег, или мрак, а не ясно. А Чигирь тогда стоит на востоце, блещется. Егда же солнце познает запад свой, тогда Чигирь прячивает луч свой и поидет во обтек всех поясов...

¹ Венеры.

О Луне

Луна есть глава водам и источникам и рекам великим, правит мозгом, головою, левым оком и боком, желутком, брюхом и смыслом, вкусом, всем планетам присудствует, силу действия изнуряе...

Сеять, садить, и древа розсаживать, якоже и овощи отламывать, и иныя сим подобныя. Родятся убо, без всякаго сумнения, по звездам, наипаче же от месячных инфлуенции или приключения.

Когда луна пребывает, сеять твердое жито на сухих пашнях; когда убывает, сеять мягкое жито на влажной земли. Лен позно и рано сеи с коноплями при далном луны сиянии и бывает долги по полнея обилны, хотя коротки на озимь.

В далекие времена вся земля была покрыта морем. Потом морская вода начала понемногу уходить, и в разных местах вышли из воды острова. А там, откуда вода не успела убежать, образовались лагуны.

Прошло еще немного времени, и выросли на этих островах трава и деревья. А из моря вылезли звери и стали привыкать к жизни на суше.

Пришли на эти острова и люди. Они ели рыб и крабов, черепах и ракушки, рвали плоды с деревьев.

На одном из таких островов жили две сестры — Куррамара и Накари. Были эти сестры храбрыми охотницами и хорошо ловили рыбу.

Отдыхали они однажды у лагуны. Поймала одна из сестер, та, которую звали Накари, невиданную рыбу небывалой величины. Была эта рыба бледной, круглой и плоской. И называли сестры эту рыбу Луной-рыбой. Тяжелой оказалась Луна-рыба. Еле вытащили ее сестры из воды.

Пошли сестры искать коренья, чтобы вкуснее была рыба. А Луну-рыбу оставили в густой траве, под большим деревом.

Набрали сестры много кореньев и пришли обратно к лагуне. Очень проголодались сестры и много думали о том, как съедят они рыбу с кореньями. Но рыбы под деревом не было.

Долго искали сестры Луну-рыбу. Смотрят, а она сидит на ветке большого дерева. Потом на другую ветку прыгнула. Все выше и выше стала подниматься Луна-рыба и наконец прыгнула прямо в небо.

И поплыла Луна-рыба по небесному своду большим плоским светлым шаром, все освещая на небе и на земле.

Медленно и гордо плыла Луна-рыба по небу, и была она большой и важной.

Так продолжалось много ночей.

Но однажды сестры увидели на небе только половинку Луны-рыбы, потом четверть, а затем совсем не стало Луны-рыбы.

— Кто-то там, на небе, съел нашу рыбу! — закричала Курра-мара.

Но она ошиблась.

Луна-рыба была волшебницей и опять пришла на небо. Сначала увидали люди лишь один ее кусочек. Но она все росла и росла и наконец снова поплыла по небосводу большим светлым шаром.

Особливо надлежит месяцу быть над землею, к сеянию и саждению, что над землею имать возрастать, яко хлеб, горох, боб, зелие, цветы, огурцы, древа, виноград и прочее. Под землею, что в корень растет, яко лук, репа, морковь, редька, хрен и сим подобная. Настояние на дрова рубить хорошо, чтоб из пней паки выросло, в первой четверти.

 Калькулятор лунных фаз ¹

Волосы, чтоб паки вскоре выросли, когда месяц прибавляется, хорошо стрич; а чтоб нескорю росли, когда месяц умалется. Детей от грудей отнимать маяя, августа, ноября, генваря пред полным и пополнении лунном.

Чудовище

Эвенкийская сказка

Два чудовища отнимали друг у друга берлогу. Те чудовища были покрыты серебряной чешуей. Они питались золотом.

Чудовища отнимали друг у друга берлогу. Кто сильнее из них, на стороне того было право на берлогу. У кого силы было мало, тот не имел этого права. Так дрались они, как собаки.

Потом они бросили драться. Одно чудовище, у которого было мало силы, ушло, встретило русских. Тех русских было семь человек. Чудовище всех русских — семь человек — закрыло со всех

¹ <https://liveplanets.ru/tools/MoonPhaseCalculator/>

сторон. Окружило, соединив свою голову с хвостом. Русские думают: «Как же мы перешагнем? Не перешагнем ведь. Здесь и умрем. Зачем нас чудовище закрыло со всех сторон? Как оно выпустит нас?»

А чудовище думает: «Шесть человек отпущу, а одного закрою. Мне этот один человек поможет. Вместе с товарищем одолею сильное чудовище. У меня силы мало, а то чудовище очень сильное. Оно отняло у меня мою берлогу, силой захватило. Я с товарищем его одолею. Он сильный».

Тот один человек был очень бедный, ничего у него не было. Мало было средств для существования. Потом чудовище сказало русскому, чтобы он сел ему на спину. Тот сел. Затем чудовище увидело ружье человека. Тот ружье свое забыл на земле. Чудовище свистнуло, взяло ружье человека и говорит:

— Возьми ружье свое! Пойдем вдвоем к чудовищу сильному. Ты мне поможешь своим ружьем, убьем его.

— Пойдем!

Потом чудовище, у которого было мало силы, так говорит человеку:

— Ружье свое заряди. Когда приблизишься, стреляй прямо тому в череп.

Приблизились, чтобы драться. Чудовище стало свистеть, чтобы русский стрелял. Русский выстрелил, когда приблизился к сильному чудовищу. Убил то чудовище, выстрелив ему прямо в череп. Потом другое чудовище стало сосать золото из его черепа. Золотом насытился. Затем вспороли, кишки разрезали. Там тоже золото нашли. Половину золота чудовище отделило русскому.

«Два чудовища отнимали друг у друга берлогу»: солнечное затмение в Варанаси (Индия), 2009 г.¹

Тот русский небу золота дал. Небо звезду Хэнглэн² сделало. Потом русский месяцу золота дал, после этого ночь хорошая стала, светлая. Затем русский солнцу золота дал — день очень теплый стал.

Тогда царь подумал, что тот человек очень богатый, и сказал ему:

¹ <https://youtu.be/eOvWioz4PoQ>

² Созвездие Охотника (Большой Медведицы).

— Я дочь свою за тебя отдам.

Так русский счастливым стал после того, как чудовище ему золото отделило.

Неделя — седмица

Планеты септенера, их дни и металлы

Солнце — воскресенье; золото.

Луна — понедельник; серебро.

Марс — вторник; железо.

Меркурий — среда; ртуть.

Юпитер — четверг; олово.

Венера — пятница; медь.

Сатурн — суббота; свинец.

Семеро волков

*Сказка о рочей*¹

Жили-были семь девушек. Шесть жили на небе, а старшая их сестра жила в доме. Однажды шесть красавиц вернулись домой на землю. Старшая сестра их спит. Тогда самая младшая намазала себе заднее место углем и стала камлать. Старшая рассмеялась, и во рту у нее все увидели человеческое мясо. Тут младшие сестры похватили свои лыжи. У самой младшей лыжи были с железными завязками, а у старших сестер — с завязками из рыбьей кожи. Младшая бросила в мешочек горсть пепла, захватила с собой камень, гребень и пошла. Ушли все вшестером, а седьмая, самая старшая, сделалась чертом.

Лыж у старшей не было. Она закричала:

— Завязки у младшей сестры, разорвитесь!

Лыжные завязки разорвались. Пока младшая сестра чинила их, старшая настигла ее и съела, прикончила. Пошла дальше.

— Завязки младшей сестры, разорвитесь!

Разорвались. Догнала вторую сестру и ее стала есть. Съела и опять пошла.

¹ *Орочи* (от «оро» — олень) — одна из самых малочисленных народностей российского Дальнего Востока. В год записи сказки (1959) их, по приблизительным оценкам, было около 500 чел.; по данным переписи 1989 г. — 915 чел., по переписи 2010 г. — 596 чел. во всей Российской Федерации.

— Завязки младшей сестры, разорвитесь!

Догнала третью сестру и тоже стала есть. Прикончила и опять крикнула:

— Завязки младшей сестры, разорвитесь!

Настигла и четвертую сестру. Съела и ее.

— Завязки младшей сестры, разорвитесь!

Разорвались. Съела и пятую сестру. Осталась только одна младшая сестра. Она бросила пепел.

— Пусть будет сильный туман! — сказала она.

И идет дальше. Долго шла. А тут старшая сестра кричит снова:

— Завязки младшей сестры, разорвитесь!

На ходу младшая сестра бросила гребень.

— Гребень, гребень! Поднимись дремучим лесом! Поднимись непроходимой чащей!

Идет дальше и слышит:

— Завязки младшей сестры, разорвитесь!

Тогда она бросила камень.

— Камень, камень! Стань неприступным утесом!

Пошла дальше. Пришла к тому месту, где на противоположном берегу реки живет старуха.

— Бабушка, перевези меня через реку!

Старуха отвечает:

— Я собак кормлю.

— Бабушка, перевези поскорее!

Старуха отвечает:

— Подожди, я поесть сварю.

— Бабушка, перевези поскорее!

Старуха отвечает:

— Подожди, оближу поварешку.

Наконец старуха пошла переправить ее, протянув свою ногу на другой берег. Красавица забралась на старухину ногу. Старуха подтянула ногу и переправила красавицу. Накормила она красавицу и спрятала. Тут пришла старшая сестра-черт.

— Старуха! — закричала она. — Перевези меня!

Старуха отвечает:

— Я собак кормлю.

— Бабушка, это черт за мной гонится.

— Перевези скорее!

Старуха отвечает:

— Подожди, я поесть сварю.

— Старуха, перевези меня!

Пошла старуха переправлять ее. Протянула ногу и говорит:

— Садись на большой палец моей ноги!

Села на большой палец. Когда старуха подбирала ногу, черт свалился в воду и его понесло течением. Заплакал черт:

— Голова моя, стань болотной кочкой! Волосы мои, станьте болотной травой! Кости мои, станьте речным завалом! Глаза мои, станьте бусинками! Кровь моя, стань красным камнем! Гной мой, стань синим камнем! Весь прах мой, стань гнусом!

Вечером пришли семеро сыновей старухи, семеро волков.

— Мама, здесь пахнет красавицей.

Мать им отвечает:

— Нет здесь красавицы.

Накормила мать своих сыновей, и они легли спать. Утром встали и снова ушли в тайгу на охоту. Тогда старуха говорит красавице:

— Вставай, красавица!

Покормила красавицу. Когда она поела, старуха ей говорит:

— Поищи у меня в голове блох!

Стала искать, и старуха заснула. Вышла красавица на улицу, ударила себя по голове, обернулась кукшей¹ и полетела. Летит, летит... Долетела до дома одного героя. У него в амбарчике было много мяса. Кукша села на амбарчик, но мяса не клюет. Герой вышел из дома и увидел кукшу.

— Поймаю-ка я кукшу, — сказал он.

Сделал петлю, набросил ее на кукшину лапку и поймал. Принес домой, привязал у двери, дал ей поесть, лосяного мяса ей дал. Потом пошел по воду. Вернулся домой и принес воды. Смотрит, а у него в доме сидит какая-то красавица. Он и женился на ней. Долго они жили вместе, и вот родился у них сын. Стал подрастать. Семь зубов у него уже появилось.

Однажды утром они поднялись, а красавица и говорит мужу:

— У нашего сына выросло семь зубов. Сегодня семеро волков должны придти.

Муж вонзил в землю у дверей семь стрел, и они превратились в семь деревьев, в семь тополей. Тогда жена просит своего мужа:

¹ Птицей семейства вороновых.

— Не уходи! Я видела во сне, будто к нам пришли семеро волков.

Муж отвечает:

— Глупый сон, лживый сон!

И он ушел. А после его ухода явилось семеро волков. Красавица успела выскочить через дымовое отверстие, сына же ее волки съели. Жена сидит на толстом дереве. Стали волки дерево грызть. Кэр-кэр-кэр, и перегрызли. Одно дерево они сломали, свалили на землю. Красавица перелезла на другое дерево.

А тут прилетела ворона:

— Что ты плачешь, сестрица?

— Лети за моим мужем, скажи, что семеро волков грызут его сына. Лети скорее! Когда муж убьет жирного лося, я тебя отблагодарю.

Закаркала ворона — кар-кар! — и полетела. Перебралась красавица еще на одно дерево. А тут прилетел орел.

— Лети за моим мужем! Скорее лети! Скажи ему, что семеро волков съели его сына.

Орел полетел, а она все плачет:

— Муженёк, муженёк, скорее иди сюда! Вот-вот семеро волков убьют меня!

Свалилось еще одно дерево, а семеро волков продолжают грызть. Прикончили три дерева, взялись за четвертое. А красавица все плачет и плачет.

Прилетел ворон и спрашивает:

— Сестрица, кок-кок, чего ты плачешь?

— Братец ворон, скоро съедят меня семеро волков. Вот еще одно дерево упало. Осталось только три. Скажи моему мужу, что сына семеро волков съели.

Ворон полетел. А герой тем временем убил лося и свежует его. Ворон говорит ему:

— Герой, кок-кок, семеро волков съели твоего сына и скоро убьют твою жену. Осталось всего три дерева.

— Ворон, — отвечает герой, — ешь один этого лося!

А сам пошел. Идет, идет и слышит, как плачет его жена:

— Муженёк, муженёк! Скоро я буду убита семью волками. Осталось только одно дерево.

Тут герой увидел, как семеро волков грызут дерево — кэр-кэр. Пустил одну стрелу — один волк свалился, а его сородичи гово-

рят:

— Слабый он, лег отдохнуть.

Убил еще одного. И про того подумали, что слаб. Третьего, четвертого убил. И про них подумали, что слабы. Еще одного убил. И про него подумали, что слаб. Убил шестого. И про него седьмой подумал, что слаб. Убил всех. Перед смертью седьмой волк сказал:

— Слаб и я.

Все подошли. Осталось одно дерево. Шесть деревьев упало, а одно стоит. Красавица отрезала все волчьи головы и сложила их в берестяной короб, а мясо сварила. Переночевали. Муж остался дома. А в это время пришла старуха, волчья мать, и говорит:

— Следы моих детей сюда ведут.

Красавица отвечает:

— Твои сыновья пошли охотиться на лосей. Бабушка, поешь мяса лося, убитого семью волками!

Старуха стала есть.

— Пахнет моими детьми!

— Бабушка, — сказала красавица, — бери берестяной короб и уходи! Семеро волков говорили, чтобы ты шла домой, приготовила постели, покрыла их одеялами и только тогда посмотрела, что в коробе!

Старуха пошла. Идет старуха домой. Долго шла, и повстречала ворону.

— Бабушка, ты несешь головы семерых волков.

— Ворона, — сказала старуха, — мои дети убили жирного лося. Тебе завидно?

Пошла дальше и повстречала птичку.

— Головы семерых волков несешь, чинь-чинь! — крикнула она.

А старуха отвечает:

— Мои дети убили жирного лося, а ты им завидуешь!

Пришла старуха домой, постелила постели, покрыла их одеялами и открыла короб. По полу покатались семь волчьих голов, каждая голова — на свое место.

— Я ела мясо своих детей! — воскликнула старуха. — Какой позор!

Схватила ремень и удавилась.

Все.

О семи планетах, сиречь великих мощных звездах

Солнце убо царь и око небесное и земное, свет и свещи всего мира. Неделя — первый день. Приказ на огонь, на землю, на ветер, на воду, на светлость и на владычество в людех, на мудрость духовную и на душевную указ.

Жили, не ведаю где, двое юношей, дружных, как братья. Один был сыном богача, а другой — бедняка. Такой крепкой дружбы от начала века не бывало.

Однажды отправились юноши в дальний край. Шли они, шли. Стало смеркаться, и остановились они в придорожной гостинице. Отвели им комнату размером в шесть циновок¹.

Старая пословица гласит: «Детям бедняка ночью не спится». Поужинали друзья и легли спать, но сын бедняка никак не мог уснуть. Лежал он с раскрытыми глазами и смотрел на очаг. В полночь хозяйка взрыхлила золу в очаге, как возделывают поле, и посеяла рисовые зерна. Быстро взошли и поспели колосья. Она их срезала, отвеяла зерна, натолкла муки и приготовила моти². «Вот чудо из чудес!» — думает юноша.

Той порой рассвело. Хозяйка разбудила друзей и пригласила их выпить чаю. Сын бедняка подошел к сыну богача и незаметно ущипнул его за колено.

— Не ешь моти, — шепнул он. Но тот словно не расслышал и начал уплетать моти. Съел один, ничего не случилось. Съел другой — и превратился в коня. Тогда только понял сын богача, что не зря друг пытался его предостеречь, и из глаз у него покатались слезы.

— Вот видишь! Ведь щипал я тебя за колено, говорил тебе! Но не падай духом, потерпи немного, я постараюсь вернуть тебе человеческий облик.

Ушел сын бедняка из гостиницы и долгое время скитался по свету. Но вот однажды встретил он седовласого старика.

— Дедушка, дедушка! Хочу я тебе задать дикий вопрос, — сказал он.

— Какой же, сынок?

— Вот что случилось. Мой друг съел моти — не простой, колдовской. Рисовые зерна были выращены в очаге. Ты жил на свете долго, семь или восемь десятков лет. Может быть, знаешь, как вернуть моему другу человеческий облик? Если так, расскажи мне.

¹ Шесть циновок — около 12 кв. м. Площадь комнаты в Японии измеряется количеством циновок, которыми покрывают пол.

² Рисовые лепешки.

Четырехрукое Солнце, скрестив ноги, восседает на троне. Две руки его возложены на львов. В двух других — раковина и жезл. Из персидского манускрипта. Библиотека Велкома, Лондон

— Ладно, ладно, — ответил старик, — научу тебя. Иди вон в ту сторону, там увидишь поле, все засаженное баклажанами. Сорвешь семь спелых баклажанов с того куста, что обращен к востоку. Дай своему другу съесть эти баклажаны — и он снова станет человеком.

От души поблагодарил юноша:

— Спасибо тебе, дедушка, за драгоценный совет.

Пошел он дальше и скоро увидел поле, засаженное баклажанами. Но на всех кустах, обращенных к востоку, росло лишь по четыре баклажана. Куста с семью баклажанами так и не нашлось. «Значит, это не здесь», — подумал юноша и пошел дальше. Вот и еще одно поле с баклажанами. Но на кустах росло не больше пяти баклажанов.

Дальше идет сын бедняка. И снова перед ним поле баклажанов, но на каждом кусте всего шесть плодов. Надо идти еще дальше. Вдруг увидел он куст, обращенный к востоку, а на нем — семь спелых баклажанов.

— Нашел! Нашел! — обрадовался юноша, сорвал баклажаны и

поспешил на выручку к другу.

Видит он: хозяйка гонит коня в поле, вся спина у него истерта и покрыта ранами. Подошел к коню сын бедняка и дал ему баклажан:

— На, съешь!

Съел конь четыре баклажана и жалобно заржал:

— Больше не могу.

— Глупости какие! Надо съесть все, если хочешь снова стать человеком.

Стал сын бедняка бранить коня и велел съесть еще один баклажан. Но тут конь затряс головой. Не отступился сын бедняка, заставил своего друга съесть все семь баклажанов. И тут конь превратился в человека!

Друзья вернулись на родину. Богач спросил их:

— Почему вас так долго не было?

— Околдовали меня, отец, — стал рассказывать сын богача. — Съел я колдовские моти. Были они приготовлены из риса, выращенного в очаге. Много дней терпел я муку мученическую. Но мой друг спас меня.

Услышал это богач и отдал половину своего достояния сыну бедняка. С тех пор зажил сын бедняка в довольстве и счастье.

Вторая планита *Луна*, держит понедельник, а стоит над Римскою землею на западе. Приказ на богатство, в бога богатеет, на добро, на милование, на прокормление, на красу.

Давным-давно, когда еще не было луны, не было и смерти. Люди не умирали. Ведь с неба свисали цепи. Когда люди уставали от жизни, они взбирались по цепи на небо, выше облаков, и отдыхали там сколько хотели.

Жил тогда кузнец, по имени Фазого Ба Си, очень искусный в своем ремесле. Жизнью он не был доволен. Еще бы! У всех людей было много детей, много сыновей, у него же были только две дочери и ни одного сына. Не было у него помощника. Это огорчало его: ведь он должен был сам все делать: и разжигать угли, и раздувать мехи, и все сам, и только сам.

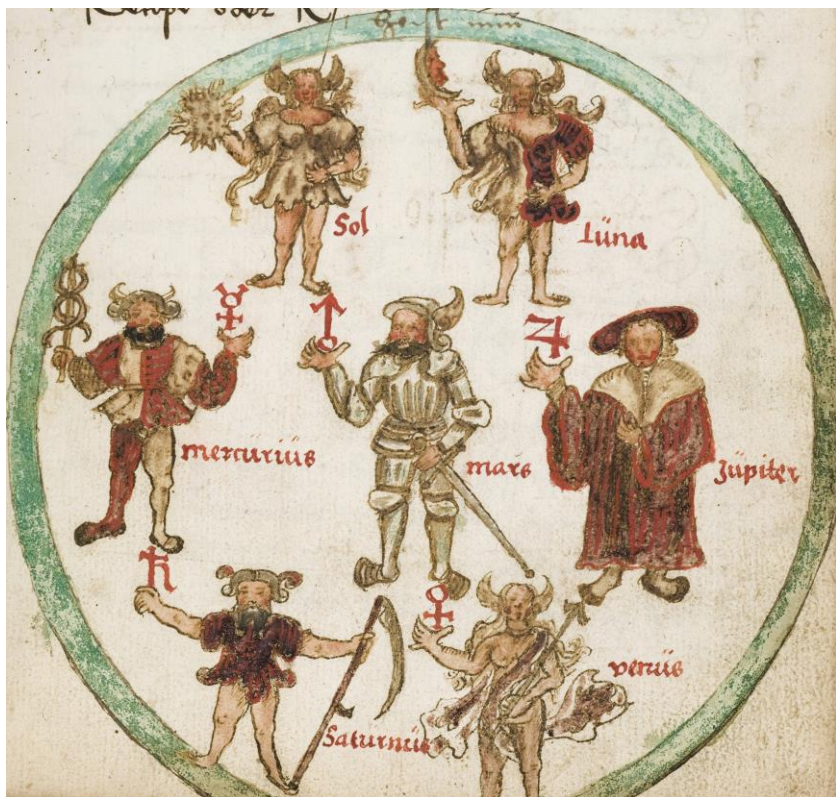
Сколько ни горевал он, даже гневался, а сына нет и нет. Вот однажды кузнец и сказал людям:

— С меня довольно, ухожу на небо.

Люди отвечали ему:

— Подожди немного, у тебя еще будут сыновья, и тогда станет тебе легче.

И остался Фазого Ба Си. Но однажды, когда он докрасна рас-

Персонификации семи планет. Меркурий держит кадуцей, Сатурн — серп, у Марса — меч, у Венеры — стрела ее сына Амура. Из алхимического манускрипта 1543 г. Библиотека Веллкома, Лондон

калил кусок железа, то снова пришел в гнев, взял железо и влез на небо.

Увидели это его дочери и последовали за ним.

— Пойдем за отцом. И чтобы он никогда с нами не расставался и не мог уйти от нас, надо обрубить цепи, — сказали они.

И как сказали, так и поступили.

И с того времени люди стали умирать: они навсегда потеряли цепь, когда кузнец со своими дочерьми ушел на небо.

А железо, которое кузнец только что выковал, стало месяцем.

И когда месяц узким серпом встает на вечернем небе, говорят: вот кузнец окончил свою работу.

А около месяца две маленькие звездочки. Их видно только в очень ясную погоду. Это дочери кузнеца.

Третья планида *Аррис*, держит вторник и стоит над Югорскою землею, и над Чежскою, и над Воложскою. Приказ на ревность, на гнев, яко же зело на гнев, на угад, на шкоту, на уряд, на враги, на злобость, на убийство.

Четвертая планита *Ермис*, держит среду, а стоит над Египтом и над всею Египецкою землею. Указует на мудрость, на учение, на походы, на вышний разум, на лепоту, на лечбу, на светлость.

Пятая планита — *Зевес*, держит четверток, а стоит над святым градом Иерусалимом и над всею землею Иеросалимскою. Указует на добро, на мир, на радость, на имение, на красоту, на величество, на государьский престол, ко обладанию, на пожалование.

Раньше Маву¹ жил среди людей. И небо было так близко, что до него рукой можно было достать.

Варила как-то одна женщина кашу и никак не могла размешать ее как следует ложкой. И показалось ей, что это небо мешает.

Рассердилась женщина и плеснула горячей кашей прямо в небо. Каша попала Маву в лицо. Разгневался Маву и сказал:

— Не буду я больше жить среди людей!

И навсегда ушел. И небо утащил за собой.

Шестая планита *Афродит*, держит пяток, а стоит над всею Индискою землею, а дом его — Юнец. Указует на радость, на милость, на помилование, на милосердие, на умножение плода всего рода человеческого и на овощь.

Седмая планита *Крон*; держит субботу, а стоит над Рускою землею и над Литовскою, над Великим Новым градом, и над Москвою, и над Литвою. Указует на лихву от правды, на смерть в бозе, на леность от всех скверных дел, на немощь сильных, на помощь безсильных.

Сих великих седми светил, сииречь планит мочь сицева. Крон да Зевесь указуют на многия лета, Аррис указует на краткия лета. Солнце указует на средния лета. Афродит, и Ермис, и Луна знаменует на многия часы².

¹ Верховное божество народов Бенина и Того.

² Указание на «лета» и «часы» связано с циклами планет — периодами их обращения вокруг Солнца. Так, Сатурн определяет 30-летние отрезки жизни (29,46), Юпитер — 12-летние (11,86). С Марсом связан 687-суточный период. Солнце обходит Зодиак за 365,25 дня, Венера и Меркурий — за 224,7 и 88 суток соответственно, Луна — за 27,32 дня (см. с. 159).

О двенадцать звезд, которые служат седми планидам

Солнцу служит Лев, а Луне служит Рак, а Арису служит Овен и Скоропиа. Ермису служит Близнец и Дева. Зевесу служит Стрелец и Рыба. Афродиту служит Юнец и Ярем. Крону служит Козий рог и Водолей.

Солнце, Месяц и Перун — существа живые: у их и своё хатки ё, и своя сторона.

Знаки обители и экзальтации планет

Знак Зодиака	Обитель	Экзальтация
Овен	Марс	Солнце
Телец	Венера, Кету	Луна
Близнецы	Меркурий	Прозерпина, Раху
Рак	Луна	Юпитер
Лев	Солнце	Плутон
Дева	Меркурий, Прозерпина	Меркурий
Весы	Венера, Хирон	Сатурн
Скорпион	Марс, Плутон, Раху	Уран
Стрелец	Юпитер	Хирон, Кету
Козерог	Сатурн	Марс
Водолей	Сатурн, Уран	Нептун
Рыбы	Юпитер, Нептун	Венера

Обителью планеты называется знак, наиболее созвучный ей по качеству; дом планеты, ее жилище. *Экзальтацией* — знак, где планета обретает наибольшую силу, максимально проявляет себя; своего рода 10-й дом, профессия планеты.

Что мужик на небе видал

Эта сказка записана на базаре города Острова (Псковской губернии) в один из «рыношных» дней.

К продавцу огородных семян, не старому еще мужику, который, по всему видно, за словом в карман не полезет, подходит деревен-

ская баба, желая купить огурцов, но не решается купить сразу.

— Всхонные ли, кормилец? — спрашивает продавца баба.

— Всхоньи!

— А вон в прошедшую вясну всуцили семян — возьми да выкинь!

— Не в меня, стало быть, брала!

— Быта¹ в тебя меценыи!

— Не ласкоци зря, баба... Сеньку с Подберезкина знаешь?

— Знаю, в кумовых мы!

— И жонку явону знаешь?

— И жонку знало! В кумовых мы.

— Ну, так вот слухай, елова твоя голова.

Купила Сенькина баба в прошедшую вясну в меня гороху. И провались етта анна горошинка под мост². Выросла под мостом, мост пришлось разобрать, а горошина расте, в строп впирая. Прорубил Сенька строп, глядять — через три нни до самой нёба вперла.

«Нешто не слазить в неба, — думая Сенька. — Много бають про небу, да нихто там не был». Засунул топор за пояс и полез. Лез, лез, видя — вперло што-то, а над головой бытто вроди стекла. Прорубил Сенька дырку и ходя по нёбу. Глядять — неба как неба, мужики так же живут, только быдто изба побелей. Коровы до кони ни поцем, полтину за сотню, выбирай любую. Зато пауки — соленые, да комары — сушеные, — а приступу тебе нет. Напрокутило мужику в небе, домой потянуло. Глянул вниз — ев, уж вецер, баба коров домой загоняя. А гороховинка-то уж оборвалась.

Как тут быть, как бяды пособить? И вот, матушка ты моя, закупил Сенька коров да коней, блага дешевы, засвежевал, шкуры снял, а со шкур ремней нарезал да канат свил. Привязал конец к небу, а сам спускаться стал. Лезя-лезя, видя — канат весь. А до земли горазд далеко. Вот ён сверху-то подрежа да с низу свяжа, и опять лезя, подрежа да опять лезя. А только, матушка ты мая, на Сенькино горе, поднялся вихорь — как кацне, как кацне! Как раскацало Сеньку — то в Москву, то в Питер, то в Москву, то в Питер. И до тово раззыбало — а смяредушка приходя.

«Не, — думая Сенька, — надо местецко половоше выбрать да

¹ Будто.

² Пол.

скакнуть». Приметил, кады выше деревни лятел, взял да и скакнул. Да так ловко, што по шею и ввяз в болото, анна борода рыжая торцить. На Сенькина сцатья, проходя по болоту вядьмедь, агроматной. Понюхал Сенькину бороду, думал, што волоснюк¹, взял да и носцал. А Сенька тоже, не будь дурак, вцепился в вядьмежий хвост да как гайня! Вядьмедь-то спужался и вытащил Сеньку с болота. А хвост в руках остался. Сгреб Сенька хвост, да наутек. А дома бабе воротник пришел на шубу. Видела, нябось, коли гомонишь, в кумовых вы с Сенькой? А с тех пор хвост-то в вядьмедея во какой маленькой, не толоше веретенушка.

Бабе ничего не оставалось, как купить у мужика семян.

Циклы планет, или «Прошу к нам в огород...»

Периоды, за которые планеты обходят Зодиак

Солнце, Ваня	365,25 дня
Луна, Маня	27,32 дня
Селена (Белая Луна), царевна — золотые косы	7 лет
Лилит (Черная Луна), девка-чернавка	9 лет
Раху (Восходящий узел), палочка-выручалочка	18,7 года, R
Кету (Заходящий узел), дубинка-самобивка	18,7 года, R
Вулкан, шапка-невидимка	17...25 дней
Меркурий, ковер-самолет	88 суток
Венера, скатерть-самобранка	224,7 суток
Марс, меч-самосеч	687 суток
Юпитер, царь-государь	11,86 года
Сатурн, Кощей Бессмертный	29,46 года
Хирон, жеребец золотогривый	50,7 года
Уран, хрустальный мост	84,01 года
Нептун, морской царь	164,8 года
Плутон, тоже царь, заморский	247,9 года
Прозерпина, Елена, прекрасная девица, бессметная, неоцененная красота	665 лет
Изида, золотая рыбина	360 лет
Озирис, Иван-царевич на свадебном пиру	1 025 лет
Анубис, серый волк	775 лет

¹ Растение.

Здесь планетами, кроме собственно планет («блуждающих звезд»), названы *Солнце* и *Луна* (в астрологии — светила), а также различные точки пространства: апогей и перигей лунной орбиты — *Черная* и *Белая Луны*; точки пересечения орбиты Луны с плоскостью эклиптики — *Узлы Луны* (в астрологии эти точки носят название фиктивных планет).

Сутки и года — земные. *R* — ретроградное движение (планета идет в обратную сторону).

Облачные кони

1

Земля и небо в тихом звоне.
В гробах поют уста живых.
И вышли облачные кони
На склоны пастбищ голубых.

Ушами прядают игриво
На сладкий зов вторых небес,
И льются золотые гривы
На землю в задремавший лес.

И оживают в теплых прядях
Слепые лапы хвойных рук.
Встают кресты в цветных нарядах
На холмах человеческих мук.

И вдаль на солнечные горы
Восходят белые кресты.
И сыплют на луга в просторы
Живые, певчие цветы.

2

Почуял смерть дракон двуглавый,
Из бездн исторг последний крик
И поднял факелом кровавым
Над миром огненный язык.

Из моря бездны многоликий
Змеящийся раскинул хвост
И заскрипел от злобы дикой
Железной чешуей хребет.

Вздынулся хвост до храмов горних,
Свернулся у крестов в браслет.
Помчались кони стадом черным,
Зажегся пламецветный след.

Под небом раскатилось ржанье
И вихри огненных подков...
И звоны в сумрачном дрожанье
Лились от гор-колоколов.

3

В утихшей бездне утопает
Израненный, глухой дракон.
И радостней земля вздыхает,
И ласковей небесный звон.

А кони из очей в тревоге
Бросают жемчуга и синь
В оцепеневшие дороги,
На обожженный лик пустынь.

Под чудодейным конским взором
Пустыня нарядилась вновь
В зеленый плат с лесным узором
И стерла желтый зной и кровь.

Дорога синевой умылась,
Утерлась травяной полкой,
На холмы мук перекрестилась,
Целуясь с далью голубой.

И в полы жемчуг собирая,
Молясь на рощи и кусты,

Ушла искать иного рая,
Творить иных скорбей кресты.

4

Исчезла навсегда тревога,
Вновь у коней ясны глаза,
И снова серебрятся ноги,
И льнет к копытам бирюза.

От зубьев солнечной скребницы
Исчезнул грозовой налет.
Молитвой в небеса струится
Воздушный, ароматный пот.

Из гробовой подземной глуши
На склоны солнечных холмов
Воскреснувшие птицы-души
Плывут под сень своих крестов.

И кони тише к звездным яслям,
Ведя потайную молву,
Идут за зоревые прясла
Жевать лазурную траву.

Алексей Ганин

История третья. По вечерам ежик ходил к медвежонку считать звезды...

*Звездочтец. — Числовая символика планет, знаков Зодиака и Стражей
Неба. — Двенадцать мистерий Зодиака. — Круглый год*

Небо

Зирок¹ на неби нелично, а зорь — дви: свитова та вечирня; воны стали, вже як Хрыстос народывся.

Инколы на неби бува *митла*² и *оказія*³ — це перед войною, або перед мором. *Зори на дожи*, як подывыся, набрякають та так и пляшуть (мыгтять). Як *зирка пада*, то ййии видьма зловлюе.

*Дорога*⁴ веде в Ерусалым и на Крым; як бигалы вид панив, то по йий и йшлы. По *дорози*, саме в *розсохах*, есть *крыныця*⁵ — чотыри зиркы, а вид нейи пишла *дивка з видрамы*⁶ — тры зиркы.

Ще есть *Виз*⁷ — четверо колис та трое коней у простяж. Миж крайним передним и другим конем е маненька зирочка *вудыла*; колы воны перейидаться, тоди и конець вику. *Виз*, як зиходе серед лита, то киньмы стоить у гору, а к свитови киньмы повертається у ныз. *Борона*⁸ — в одним обороти тры зиркы, а в другим — чотыри, и вийце до нейи з трёх зирок.

Ще есть: *Чепигы*⁹, *Квочка*¹⁰. *Весела*¹¹ тягне воду з земли на небо; як добижыш та найдеш те мисто, то вона дасть тоби мишок грошей або з собою втягне.

¹ Звезд.

² Комета.

³ Северное сияние.

⁴ Млечный Путь.

⁵ Созвездие Дельфина.

⁶ Созвездие Орла.

⁷ Созвездие Большой Медведицы.

⁸ Созвездие Кассиопеи.

⁹ Звездное скопление Гиады.

¹⁰ Курица (с цыплятами) — Стожары (Плеяды), звездное скопление.

¹¹ Радуга.

Звездочтец

Мудрость знамени небесному, по чему разсудити планеты небесныя, что на кой год будет; избрана многими сия премудрость¹.

Аще будет лето 1-е, *Овен*, сиречь март его же знамя: зима тепла, а весна дождлива, овоща будет много, а осень вёдрена, жита много. Аще узриши 7 звезд, стоящих во едином месте, то лето будет торговоно; аще ли увидиши их розно стоящих и верх у них, аки глава, стоит, то в них силу сию разумей: над тем местом или градом будет смут велик, или глад, или мор, или великое тому месту запустение.

А кто родится в тое звезду, будет счастлив, и торговец, станет ходити по многим странам, на воде будет страшлив, а смерть ему будет от огненного оружия.

Лето 2-е, *Телец* планету. Цари и князи лихи бывают, а им в то время зло бывает, а людем добро, лето тепло, плоду будет много всякова и скоту будет всякому добро, младенцем будет смерть.

Аще увидиши 10 звезд, во едином месте стоящих, во 8 день будет град или дождь великий; аще ли увидиши их розно стоящих, тогда будет тишина велика. А кто родится, будет храбр, а смерть ему будет от плеча.

Лето 3-е, *Близнец*, май. Тишина будет. Аще узриши 7 звезд полным светом, того году не мирно будет от ратных. А кто родится тоя звезды, будет счастлив, и величав, и несоветлив, чужеложник и своих родителей ненавидит, а смерть ему от жен, от лоп и от ног недуг.

Лето 4-е, *Рак*, июнь. По всей земли сухо, а меж тем будут дожди и гради. А цари и князи будут живи и потом будет добро; июня 20 день затворися и потом тебе пакости не будет.

Аще увидиши 40 звезд, вместе стоящих, а стоячи явятся собою

¹ Здесь речь идет о положении Юпитера в знаках, его 12-летнем цикле — периоде обращения вокруг Солнца (или о годах Зайца, Дракона, Змеи и т. д. в календарях стран Юго-Восточной Азии). «А кто родится...» — положение Солнца в гороскопе.

красны: тогда туто бывает мор и запустение тому граду. А кто родится в то время, будет боязлив и счастлив, а сердцем будет болен, смерть ему будет от чрева.

Лето 5-е, *Лев*, июль. Будет тишина в людех, и здравие, и душевизна во всем; зима будет добра, а лето дождливо, овоща будет много. Аще увидиши 27 звезд, стоящих, аки кровавы, — а будет рать велика.

Аще кто родится, будет счастлив и силен, а людем будет губитель и пакостник.

Лето 6-е, *Дева*, август. Благо и душево будут всякие товары, а будет зима тепла, а лето дождливо. Аще увидиши 3 звезды быстры и красны, полным светом, будет людем добро; аще неполным светом, то людем всяким зло и тяжело будет от востока, а овоща и меду много будет.

А кто родится в ту звезду, будет силен, и лжив, и блядив¹.

Лето 7-е, *Ярем*, сентябрь. Зима не студена, ни тепла, весна добра, лето знойно, осень вёдрена. Аще увидиши 7 звезд, тогда будет красно и добро, и тишина велика. Аще узриши 7 звезд, полным светом стояща, тогда будет всей земли потрясение, скоту рогатому велик падеж.

А кто родится в тое звезду, будет торговец, чернь, ростом средний, а обычаем супруг, скуп, и хитр, и остроумен на всякое дело будет.

Лето 8-е, *Скорпия*, октябрь. Зло тогда и на пагубу многим, лето знойно, осень дождлива и стоят 7 звезд. Аще кто родится тоя звезды, будет земли много знати и в полон будет взят, а помощи божия будет мало ему.

Аще увидиши 3 звезды стояща вне, а мрачна, — тогда будет тому граду пакость велика и мятеж. А кто родится тоя звезды, будет быстр и кроволобец, и пьяница, и мятежник.

Лето 9-е, *Стрелец*, ноябрь. То будет лето сухо, а осень дождлива. Аще увидиши, — 4 звезды во едином месте стоят, тогда бу-

¹ *Блядивый* — пустословный, *блядивец* — пустомеля, суеслов.

дет все душево.

Аще кто родится в тое звезду, будет младенец немощен, а вырастет, будет пред царем в чести великой, а кровопроливец людем.

Лето 10-е, *Козерог*, то есть декабрь. Тогда будет зима студена, а лето вёдрено. Аще узриши, — 3 звезды стоят, а не светлы, тогда будет от востока мор. Аще узриши те звезды красны, тогда будет тишина велика в людех, овоща будет много, а меду мало.

Аще кто родится тоя звезды, будет блядив и сварлив, чуж дом станет портить, а с своими станет браниться.

Лето 11-е, *Водолей*, генварь. Зима будет студена и тиха, а весна студена и дождлива, а лето добро, осень вёдрена, жита много. Аще ли 10 звезд узриши, во едином месте стоят тихо, то будет все добро; аще ли их узриши разнo стоящих, то будет рать велика.

А кто родится тоя звезды, будет богомолец и милостив, а смерть ему будет от железа напрасная.

Лето 12-е, *Рыбы*, то есть февраль. Тогда будет зима тепла, а лето будет дождливо, овцам будет мор. Аще узриши 10 звезд, разнo стоящих, то будет потрясение велие; а когда узриши вместе стоящих, тогда бывает в мире много созиданид всяким.

А кто родится тоя звезды, будет хитр на всякое дело, смерть ему будет от чрева.

Месяц с небесного чердака

Случай из жизни

На военной службе я был во флоте. В морском дальнем походе довелось быть на большом корабле.

Шли мы и до самого краю земли дошли. Это теперь вот у земли края нет, да небо куда-то отодвинули.

А в старо бывалошно время дошли мы кораблем до угла, где земля в небо упиралась, и мачтой в небо ткнулись. В небе дыру пропороли.

Я на мачту, а с мачты на небо залез. А там, ну как на всяком чердаке,хламу разного навалено кучами. Стары месяцы державны, звезды ломаны, молнии ржавы, громы кучей навалены,

грозовы тучи запасны, — их я стороной обошел. Ну-ко тронь их, что будет?

Хотел было просту тучу взять на рубаху каждоденну, да подходящей выбрать не мог: то толста очень, то тонка и в руках расползается. Что взять для памяти, звезду? А что их с неба хватать!

Выбрал месяц, который не очень мухами засижен, прицепил на себя, как раз во весь живот пришелся, как по мерке, шинель застегнул, месяца не видно.

Высунулся с неба, а корабль отошел, до него сразу пропасть стала.

Что делать? Не сидеть же век на небе?

Размотал шарф с шеи, распустил его в одну ниточку, кинул вниз, начал спускаться. До конца нитки спустился. До корабля, до палубы, верст полтора осталось. Такой-то пустяшный кусок и скочить не сколь хитро.

Начальство в большом беспокойстве было, что в небе дыру сделали, и не заприметило, как я на небо забрался и с неба воротился.

Вечером на поверке я шинель распахнул.

Что тут случилось!

Свет от месяца на моем животе на полморя полыхнул! Это для неба месяц вроде перегоревшей лампочки, а здесь, на земле, от него свет даже свыше всякой меры.

Командиры забежали, руками хлопают, руками машут, кричат мне:

— Малина, не светь!

Я выстроился, месяцем выпятился и рапортую:

— Никак нет, ваше командирство, не могу не светить. Это мое нутро светит тоской по дому. Как получу отпускну, так свет сам погаснет.

Начальство сейчас написало увольнительную записку домой, печати наставило для крепости. Я шинель запахнул — и свету нету.

А в нос мне всякой пыли с небесного чердака напало: и ветровой, штормовой, грозовой, громовой. Я на корму стал да как чихнул ветром, штормом, грозой с громом!

Разом корабль к берегу принесло.

В те поры, надо сказать, страсть уважали блеск на брюхе. Всякой дешевенькой чиновничешко светлы пуговицы нацеплял, а

который чином поболе, то всяки блестящи отметины на себя лепил. У самых больших чиновников все брюхи были в золоте и зад золоченый, им и спереду и сзади поклоны отвешивали.

У кого чина не было, а денег много, тот золоту цепь поперек брюха весил. Народ приучен был золотым брюхам поклоны отвешивать.

Я это знал распрекрасно.

Вышел я на берег и прямо на вокзал, и прямо в буфет.

Меня пускать не хотели.

— Куда прешь, матрос, здесь для чистой публики!

Нас, матросов и солдат, и за людей не признавали.

Я шинель распахнул, месяцем блеснул до полной ослепительности.

Все заскакали, закланялись. Ко мне не то что с поклоном, а с присядкой подлетели служающие и говорят:

— Ах... — и запнулись, не знают, как провечелить, — не желательно ли вам откусать? Всяка еда готова, и выпивка на месте!

Я сутки напролет сидел да ел, ел да пил. Ведь не ближний конец до неба добраться и с неба воротиться, так проголодался, что суток для еды мало было. Отдал приказ поезду меня дожидаться.

Заместо платы за еду я месяцем светил.

С меня денег не просили, а всякого провианту за мной к поезду вынесли, чтобы в пути я не оголодался.

В вагон не полез: в вагоне с месяцем тесно и никто не увидит моей светлости. Уселся на платформу. Меня подушками обложили, провианту наклали.

Шинель я снял. И пошло сияние на все округи!

Это для неба месяц был не гожд да прошлomesячный, а для нас на земле так очень даже много свету.

Светило не с неба на землю, а с земли до неба, и така была светлынь, что всю дорогу и встречали, и провожали с музыкой, и пели «светит месяц».

Домой приехал. Начальство не знало, как надо почтение выказать такому сияющему брюху.

Парад устроили, с музыкой до самой Уймы провожали, «ура» кричали.

Только вот месяц на небе в холоду держался, ветром обдувало, а здесь на земле тухнуть стал — и погас.

В хозяйстве все идет в дело. На том месяце хозяйки блины,

пироги, шаньги пекут. Как сковородка месяц и великоват, ну да большому куску рот радуется.

В гости приходи — блинами угощу, блины-то каждый с месяц ростом. Поешь — верить станешь.

Небо и число

Числовая символика планет, знаков Зодиака и Стражей Неба

1 — Солнце	21 — Скорпион
2 — Луна	22 — Вулкан
3 — Марс	23 — Стрелец
4 — Меркурий	24 — Земля
5 — Юпитер	25 — Козерог
6 — Венера	26 — Змееносец
7 — Сатурн	27 — Изиды
8 — Уран	28 — Озирис
9 — Нептун	29 — Кету (Заходящий узел)
10 — Плутон	30 — Раху (Восходящий узел)
11 — Прозерпина	31 — Анубис
12 — Овен	32 — Юнона
13 — Близнецы	33 — Хирон
14 — Дева	40 — Асцендент и Вакшья
15 — Телец	44 — Вакшья и Фазтон
16 — Весы	55 — Тиштар
17 — Водолей	66 — Аз(а)
18 — Рыбы	77 — Хауранга
19 — Лев	88 — Шатаваэш
20 — Рак	99 — Вананд

Купеческий сын

Белорусская сказка

Жив так богатый купец. И быв у яго сын Иван. Ён день и ночь пойдя у особянную комнату и молитца, и читая божественное. И так кольки разов. Тольки раз являятца к яму ангал и говора:

— Проси батьку свойго, як ня можно, штоб ён тябе не жанив, то будяш святым.

Ён пришов назаўтраго и кажа:

— Тат, не жани мяне!

А ён кажа:

— Як жа нам тябе не жанить? Ти мы якия убогия?

Ён заплакав и пошов опять читать. Прилятая к яму опять ангал и говора:

— Проси скорей, як ня можно, батьку, штоб не жанив тябе!

Настав день, ён опять пошов к батьку и говора:

— Не жани мяне!

Батька яму опять жа так отказав. Ён заплакав и пошов читать.

Прилятая изнов ангал:

— Ти ўпросив?

— Не!

— Ну, иди ж проси, як ня можно, штоб брав за тябе сиротину!

Ён пошов и говора:

— Ну, тат, жани, только бяри за мяне сиротину!

— Эй! Як нам сиротину за тябе брать? Мы ж вóзьмам такую, як мы сами!..

Ну, и ўзяли такую, як сами, богатырку. А яна была колдунка. Пошли яны спать. Яна приспала свёкра и свякруху и говора яму:

— Иди пореж их! На́ тебе меч!

Ён отмогавсь-отмогавсь, кажа:

— Я боюсь, яны устанути!

— Не, кажа, ня бойся, иди, а то мой меч — тебе голова с плеч!

Нечаго яму делать, пошов к им у хату, — стукая, кричить, штоб яны, бачь, устали. А яны ня чуютъ, спятъ. Ён пошов к ёй и говора:

— Як жа мне, кажа, резати свойго батьку й матку?!

Яна меч у яго ухапила, побегла, головы им потсякала. Тогды узjali ободва¹ и под мост их поклали.

Назаўтраго приходя к им суседка. Бача — няма старых.

— Игде ваши, кажа, стары́я?

— А поехали ў гости!

На другой день приходя сусед бытцам² у поэyki.

— Игде, кажа, ваши стары́я?

— Да поехали ў гости!..

Ну, тут уси дознались, што яны штось изделали с старыми́. Пошли, объявили старосту. Пришли ўси и стали пытатъ у яго. А

¹ Обоих.

² Будто.

ён кажа:

— Яна их порезала!

От яны узяли яе, привязали к конському хвосту и пустили у чистое поля, а яго закували ў зялезы и пустили, а ключ укинули у реку. Ён и пошов у свет.

Ходив, ходив, приходя у лес. А у том лясу старик жив, пустэл-ник. Ён яго пытая, старик:

— Чаа ты, кажа, ко мне забрыв?

— А так и так: наложи покуту!..

Ну, ён заставив яго пасти чорных овец, покуль стануть белыя. Ён пас, пас, двадцать пять годов, а яны усё чорныя. Тогды тэй пустэлник дав яму грóшай, кольки там, и кажа:

— Иди, кажа, на базар и купи рыбину, зъеж!

Пошов Иван на базар, купив рыбину. Разрезав, аж там ключ. От ён пошов туды и хвалитца:

— Во, я, кажа, ключ у рыбини знайшов!

Ён говора:

— Ти не от твоих ето зялезов?

Ён примерав, сычас замок и разомкнув. Як разомкнув, так и стали овечки уси белыя, як снег. Ну, тогды старик яму кажа:

— От на такой и такой горе ходять твоё батьки!

Пошов ён к той горе и став просить батьку:

— Татка мой, прости мне!

Ён кажа:

— Бог прощая, и я прощу.

Пошов ён к матцы:

— Прости, каа, мяне, мам!

Яна кажа:

— Бог прощая, и я прощу.

Як сказали так, ён и параставився, и помёр.

Небо и миф

Двенадцать мистерий Зодиака

Зодиакальный пояс — это двенадцать знаков, одноименных двенадцати созвездиям, расположенным на эклиптике — видимом с Земли пути Солнца. *Звезды* не являются неподвижными — вследствие движения оси вращения Земли по круговому конусу (подобно волчку) их координаты медленно меняются. (Кроме

того, звезды имеют и собственное, в нашем случае пренебрежимо малое, движение.) Из-за этого явления, названного прецессией (предварением равноденствий), смещается точка весеннего равноденствия (место пересечения эклиптики и небесного экватора) — ныне оно наступает 20–22 марта, когда Солнце находится в созвездии Рыб. Однако в системе знаков эта точка всегда связана с 0° Овна.

Итак, отсчет знаков ведется от точки весеннего равноденствия — барашек послушно следует за мамой. Каждый знак занимает 30° дуги — круг поделен на 12 равных участков. Созвездия же занимают неравные участки неба, и путь Солнца по ним укладывается в разные отрезки времени, в отличие от его пути по знакам.

Система знаков — символическая система, и в отношении «созвездие — знак» заложен глубокий смысл, подобный тому, какой закладывали египтяне в свой блуждающий год. А пойдем мы или, скорее, поплывем — по лунной дороге-реке: от Рыб к Овну, навстречу Солнцу — так же, как идет по Зодиаку ось прецессии (ныне она вступила в знак Водолея).

Итак...

Рыбы. Большое созвездие из звезд 4-й и 5-й величин¹. Почти целиком лежит в Северном полушарии неба. Главная звезда Рыб — красивая двойная бело-голубая² звезда Альриша (от арабского «шнур»).

Знак проецируется на 330–360° эклиптики. Обычно две символические рыбы связаны между собой шнуром. Часто между

¹ Речь идет о видимой звездной величине (мере блеска звезды для невооруженного глаза). Разбил звезды на группы согласно их блеску древнегреческий астроном Гиппарх (190–125 гг. до н. э.) — один из основоположников современной астрономии, открывший прецессию, определивший расстояние до Луны, продолжительность года. Он составил каталог около 850 звезд, присвоив каждой ту или иную звездную величину (от 1-й до 6-й).

² По цвету звезды можно судить о температуре ее поверхности. Поверхностные температуры звезд находятся в пределах 2 500–50 000 К [К — кельвин, единица абсолютной шкалы температур, принятой в астрономии. Шаг ее — тот же, что и в шкале Цельсия (1 К = 1 °С), но началом отсчета служит температура абсолютного нуля, равная –273 °С (0 К = –273 °С)]. Самые горячие звезды — голубые, самые холодные — красные. Меж ними лежат белые, зеленые, желтые, оранжевые (каждая звезда имеет свой неповторимый оттенок). По мере старения цвет звезды изменяется.

рыбами помещают волны, несущие идею первичной воды — начало всего живого. Верхняя рыба, гонимая жаждой познания, устремляется в неизведанное.

Водолей. Большое и сложное созвездие. Состоит из звезд 3, 4 и 5-й величин. Почти целиком лежит в Южном полушарии. В нем расположена красивая планетарная туманность Улитка, хорошо видная в бинокль (до нее — 300 световых лет, это самая близкая к нам планетарная туманность).

К Водолею относили также звезды Южной Рыбы (названа так в отличие от северных Рыб из созвездия Рыб), на которую Водолей льет воду, и особенно Фомальгаут (α Южной Рыбы, бело-голубая; ее название происходит от арабского «рот рыбы»). Фомальгаут вместе с Регулом (α Льва), Альдебараном (α Тельца) и Антаресом (α Скорпиона) составляли на небе уже известный нам крест (Телец — Лев — Водолей — Скорпион) и, будучи царскими звездами, являлись Стражами неба: Регул был стражем Севера, Фомальгаут — Юга, Альдебаран — Востока и Антарес — Запада¹.

Южная Рыба называлась Великой Рыбой и была прародительницей северных Рыб. С Великой Рыбой символически связано рождение нового Солнца в день зимнего солнцестояния, рождение в человеке Бога — открытие им своей связи со вселенским Океаном. В гностических Евангелиях читаем: «Я — ты и ты — я, и где ты будешь, там буду я, ибо повсюду я рассеян. И если захочешь, соберешь меня, собирая же меня, соберешь себя...» (Ев. Евы).

Знак проецируется на 300–330° эклиптики. На отправившуюся в плавание Рыбу изливаются две струи Вод — живая и мертвая, два разнонаправленных временных потока. Своим ртом — звездой Фомальгаут — Рыба заглатывает эти Воды.

Козерог. Созвездие состоит из звезд не ярче 3-й величины. На «лбу» Козерога — главная звезда Альджеди — «козел» или «тур», двойная (визуально двойная: пара этих звезд не имеет общего центра гравитации). Каждая из составляющих ее звезд в свою очередь — тройная.

¹ Последний раз эти созвездия накладывались на одноименные знаки более 4 тысяч лет назад, отмечая собою места равноденствий и солнцестояний: Телец — Скорпион (весеннее и осеннее равноденствия), Лев — Водолей (летнее и зимнее солнцестояния).

Знак проецируется на 270–300° эклиптики. Лунная ночь выбрасывает Рыбу на берег — к подножию гор, в окаменелое царство, заколдованное государство (в Козероге — обитель Сатурна), море с отливом уходит. Время начинает течь в одну сторону — Сатурн оскопляет серпом Урана — владыку предшествующего знака. (Серп, коса — символы смертного тела, его становления и тлена, символы однонаправленного времени.) Рыба обрастает костями и плотью, обретает черты животного — козла, славящегося своей способностью удерживаться на крутых скалистых склонах. Задняя часть тела при этом остается рыбьей.

В Козероге рождается солнце, здесь вершина неба, обитель Творца, или мифического Старика. По преданию орочей, этот старик — Хадáу, создатель всего живого на земле, породил и выходил в каменной колыбели первого человека. Ему во всем помогала старуха — его жена. Завершив свою созидательную миссию, они превратились в скалы.

Стрелец. Большое созвездие из звезд 3, 4, 5-й и двух звезд 2-й величины. Лежит в области, богатой звездными скоплениями и туманностями. Главная звезда — Рукбат (по-арабски «колено») или Рукбат Альрами — «колени стрелка», бело-голубая. В созвездии Стрельца находится ядро Млечного Пути — нашей Галактики.

Знак проецируется на 240–270° эклиптики. В Стрельце — обитель Юпитера. Здесь, по преданию, родился Зевс, низвергнувший с неба отца Кроноса (Сатурна) и обретший верховную власть над людьми. Сжатие сменилось расширением, экспансией, взрывом. Семя Юпитера, распространяясь, рождало к жизни все новые пространства. Творец стал порождать Творение.

По другой легенде, Крон разделил ложе с дочерью Океана Филирой и в момент извержения семени был застигнут Реей. Он обернулся жеребцом и умчался прочь. У Филиры родился сын — получеловек-полуконь, ставший кентавром Хироном. Кони покатали огненную колесницу Солнца, а Хирон, экзальтирующий в этом знаке, стал посредником между небом и землей и дал людям узоры созвездий, то есть научил их символическому языку звезд.

«Труды и дни» Рыбы продолжают. Это уже существо с туловищем животного, торсом и головой человека — воплощения четырех стихий.

Зодиакальный круг. В центре — Земля, персонификации Солнца и Луны, в углах — головы ветров. Из манускрипта XV в. «Tübinger Hausbuch» («Тюбингенская домовая книга»). Библиотека Тюбингенского университета (Германия)

Скорпион. Большое созвездие с очень красивой группировкой звезд 1, 2, 3 и 4-й величин. Сердце Скорпиона — красная (красновато-оранжевая) звезда 1-й величины Антарес — одна из красивейших звезд неба, навигационная. Антарес по-гречески — «противник Ареса» — красной планеты Марс.

Знак проецируется на 210–240° эклиптики. Скорпион символизирует смерть, переход, преломление, познать которые должен Стрелец.

Тема смерти и последующего возрождения обыграна на небе в истории Скорпиона и Ориона (звезды этого созвездия связывали с Озирисом). Эти созвездия никогда не появляются на небе вместе. Когда Скорпион поднимается на востоке, на западе умирает Орион — Скорпион поражает охотника Ориона. Однако Асклепий, связываемый с созвездием Змееносца, воскрешает Ориона. Змееносец заходит вслед за Скорпионом — Скорпион исчезает на западе, раздавленный целителем Асклепием. На востоке же в это время появляются звезды Ориона — это его воскрешение.

Весы. Небольшое созвездие из звезд 3-й и 4-й величин. Ярчайшие звезды — двойная бело-голубая звезда Зубен Эльгенуби — Южные Весы и изумрудно-зеленая Зубен Эльшемали — Северные Весы.

Знак проецируется на 180–210° эклиптики. Полкруга пройдено. Чаши весов находятся в равновесии. Идея знака — внутреннее единство Неба и Земли, того, что вверху, и того, что внизу, — их тождества и подобия.

Закон тождества и подобия проникает все сущее. Так возникают приметы. Движение планет, жизнь человека, развитие растений, становление государств, судьба любых других «объектов» — плотных и бесплотных, живых и неживых — подчинены единому закону. Описан же этот закон может быть лишь на символическом языке.

И язык планет — один из таких символических языков, который понятен всем, над которым не властно ни время, ни пространство, а звездное небо — одна из наиболее удобных моделей: оно всегда доступно для наблюдения, накопления опытных данных. В небытие уходили народы и культуры, а с ними и их знания. Звездное небо же всегда оставалось, и утраченные было знания всегда возобновлялись. Законы движения небесных сфер открывались заново каждым следующим историческим поколением («книгу новую я вытку звездами...»). Символ связывал воедино здание мира, все кажущиеся различными проявления Абсолюта.

Давным-давно люди и звери жили мирно и счастливо. Не знали они ни суровой зимы, ни холодных ветров, ни жестокой стужи. Еды было вдосталь: в лесах хватало оленей, в прериях — бизоновых стад, а с деревьев свисали сочные плоды. Повсюду благоухали цветы. Перья птиц были ярче, чем теперь, и пели птицы

не переставая.

Звери были совсем ручные, они приходили и уходили на зов человека. Люди не знали войн, никто никого не обижал и не опасался своего соседа.

Днем индейцы играли в мяч и другие игры, требовавшие сил и сноровки, а по вечерам все сходились поглядеть на звезды. Индейцы верили, что звезды — это дом добрых людей, которых позовал в Страну Звезд Великий Дух.

И вот как-то ночью индейцы увидели, что одна звезда засияла прямо на юге, над самой высокой горной вершиной. С каждой ночью она становилась все больше, ярче, ближе.

Индейцы создали совет и послали вождей разузнать, где теперь находится сверкающая звезда. Вожди приготовились к дальнему пути, но вернулись очень скоро.

— Звезда совсем рядом, — рассказали они. — Она порхает неподалеку, над верхушками высоких деревьев. Она не похожа на другие звезды. Пожалуй, она напоминает птицу. В ней скрыт какой-то важный смысл!

Верховный вождь созвал еще один совет для решения этой загадки. Одни считали, что звезда предупреждает о великой беде. Другие — что это какое-то доброе предзнаменование. Многие говорили, будто узнают ту самую звезду, которую их предки считали предвестницей жестокой войны. Совет решил, что всем остается только ждать.

Миновала полная луна. Звезда по-прежнему мерцала невдалеке, скрывая неразрешимую тайну. И вот ночью одному юноше приснился сон. Он увидел, как к нему подошла красивая девушка и сказала:

«Меня покорила земля твоего народа. Мне полюбились ваши цветы, птицы, реки, озера и горы. И вот я покинула своих сестер в Стране Звезд: хочу теперь жить среди вас. Спроси своих мудрецов и великих вождей, где мне поселиться. Расскажи им, что мне хочется быть там, где я смогу видеть людей счастливыми. Спроси, какой вид мне принять, чтобы и они меня полюбили».

Проснувшись, юноша поспешил наружу и взглянул на юг. Прекрасная звезда стояла на обычном своем месте. С рассветом он послал гонца, чтобы созвать людей в палатку совета.

— Звезда, которую видели мы на юге, — сказал он им, — полюбила людей земли и желает остаться, чтобы жить среди нас.

И он поведал о своем сне.

На следующую ночь самые красивые, самые храбрые воины отправились приветствовать гостью. Они поднесли ей в дар «трубку мира», набитую ароматными травами. Звезда поблагодарила людей, добрыми словами согрел им сердце. Вместе они

вернулись в селение, и звезда с распростертыми крыльями порхала над палатками до самого рассвета.

На следующую ночь юноша вновь увидел сон. Опять явилась прекрасная девушка и заговорила с ним.

— Спроси мудрецов и великих вождей, где мне жить, — сказала она. — И какой вид принять, живя среди людей.

Было много предложений.

— На верхушках огромных деревьев! — сказали одни.

— В сердце самого красивого цветка! — предлагали другие.

— Пусть звезда сама решит, где ей будет лучше всего, — решили мудрейшие из мудрых.

Сначала звезда выбрала для жилья горную розу. Но в горах ей было очень одиноко без людей, среди которых она собиралась поселиться. Она вышла в прерии, но чуть не попала под копыта бизонов. Потом принялась искать обрывистую скалу, но скала оказалась такой высокой, что дети ни за что не смогли бы увидеть звезду. Наконец она нашла то, что искала.

— Я знаю, где мне будет лучше всего, — сказала звезда людям. — На воде! Там я смогу видеть, как проплывают мимо ваши каноэ. Ребятишки будут играть на берегу и станут моими товарищами. Даже самые маленькие полюбят меня: я буду навевать им сладкие сны в колыбельки.

Сказав так, звезда вошла в озеро и распростерла крылья на его глади. Очень понравилось ей свое отражение в прозрачной воде. На другое утро люди увидели на озере тысячи белых цветов в окружении зеленых листьев. То были первые белые водяные лилии.

Дева. Большое созвездие из звезд 1, 3 и 4-й величин. Звезда 1-й величины — голубовато-белая навигационная звезда Спика (латинское название, переводится как «колос»).

Ее светимость (мощность излучения) в 740 раз превышает светимость Солнца. Дева включает большое число далеких галактик.

Знак проецируется на 150–180° эклиптики. Обычно здесь изображают Деву с цветком или хлебным колосом в руке, — возлежащую либо неподвижно стоящую, что означает, что она вне времени и пространства — вечна.

По греческой легенде, Дева — это богиня справедливости Астрейя (дочь великого Зевса и богини правосудия Фемиды), последней из олимпийских богов покинувшая землю. Изображали ее с жезлом, увитым змеями и колосьями пшеницы. Человек познает идею Жизни и Смерти, их единство.

Дева. «Зеркало Урании», 1825 г.

В старое время не снег, а белая мука падала с неба зимой на землю. Одна женщина имела единственного сына; он огадился, и она подтерла его тестом. С той поры вместо муки стал падать снег.

Лев. Созвездие занимает большую область неба. Состоит из звезд 1, 2, 3, 4 и 5-й величин. Звезда 1-й величины — Регул («царская звезда»), Сердце Льва, голубая, навигационная звезда. Ее светимость в 150 раз превышает солнечную. В «хвосте» созвездия расположена белая звезда 2-й величины — Денебола, по-арабски Денеб аль-Азед — «хвост льва».

Знак проецируется на 120–150° эклиптики. Здесь изображен Лев — символ мужества и силы, часто опорой ему служит Змей — символ лунной петли, символ мудрости.

Во Льве — обитель Солнца, и львы стали его символом. Они живут прайдом (несколько самок с детенышами), где во главе — всегда один самец.

Геракл череду своих подвигов начал с удушения льва — умерщвления «эго» (чудовищу не могло повредить никакое оружие). Этого Льва называли потомком Тифона, говорили также,

что Селена родила его в страшных муках и уронила на землю. Орион — воскресший Озирис также изображался с головой поверженного им льва.

Рак. Наиболее скромное из зодиакальных созвездий — оно едва заметно. Самые яркие его звезды не превышают 4-й величины. Главная звезда — Акубенс, белая. Название переводится как «клешня».

В этом созвездии находится звездное скопление Ясли. Оно восходило при рождении Христа, почему и говорили, что он родился в Яслях. Скопление заключено между двумя звездами — двумя Ослами, стоящими подле Яслей — Азеллюс Бореалис и Азеллюс Австралис (γ и δ Рака) — Северный и Южный Ослы (обе звезды — бледно-желтые). На ослике же Христос и вошел в Иерусалим.

Знак проецируется на $90\text{--}120^\circ$ эклиптики. Часто здесь фигурирует краб, напоминающий по форме Луну. В Раке — ее обитель, и знак связан с именем богини Изиды — олицетворением материнства, вечной женственности и земной мудрости. Идея знака, выводимого из едва заметного созвездия, в том, что истинная мудрость — оставаться в тени. Истинная сила — в том, чтобы суметь отдаться потоку, отпустить «эго», и тогда высшим законом станет любовь, высшим правом — милость, а высшей справедливостью — прощение.

Близнецы. Созвездие состоит из звезд 2, 3 и 4-й величин. Голова Близнецов отмечена двумя прекрасными звездами. Это герои-близнецы греческой мифологии — Кастор, беловато-зеленая звезда 2-й величины (тройная — система содержит три двойных звезды, всего шесть звезд) — смертный близнец и бессмертный Поллукс — звезда 1-й величины, оранжево-желтая навигационная звезда (за ней закрепилось римское название; греческое имя Поллукса — Полидевк).

Знак проецируется на $60\text{--}90^\circ$ эклиптики. Близнецы, как правило, изображаются рука об руку, что указывает на гармоничное единение активного мужского и пассивного женского начал, двух потоков — солнечного и лунного.

Интересно, что одна из звезд созвездия еще скрывается за горизонтом, когда восходит другая, — подобно утраченной смер-

тным человеком памяти о своем бессмертном двойнике. И в один и тот же день одна из звезд Близнецов видна на фоне утренней зари, а вторая — на фоне вечерней.

Давно это было. Плыл на карбазе¹ по реке купец с работниками к эвенкам торговать. Поднялся в тот день ветер с верховьев реки. Погнал большие волны, разбил карбаз и людей по воде разбросал. Купец и люди утонули. Один только работник остался. Он за доску уцепился. Погнал его ветер в море. Так прибил к острову. Вышел работник на остров. А на острове ни то чтобы деревца, даже трава не росла. Посмотрел он вдаль, а земля далеко в море осталась.

Идет и думает: «Помирать, наверное, придется». Холодно стало. Видит — лежит на камнях сохатый² ободранный. Шкуры и внутренностей нет. «Дай, — думает, — в него залезу. Все теплее будет». И залез.

Долго лежал. Слышит сквозь сон, будто два орла прилетели. «Сейчас съедят», — думает. Сели они. Чует, те орлы лося куда-то понесли. Долго он, как в люльке, у лося в утробе качался. Потом орлы на землю, видать, его положили и улетели куда-то. «Будь что будет, — думает. — Вылезу...» Вылез. Видит, что это уже не остров, а какая-то другая земля. Кругом лес с деревьями до неба. Широкая дорога по нему тянется. «Дай, — думает, — по ней пойду». И пошел. Долго шел. Потом человек-великан ему повстречался. Спрашивает его великан:

— Ты откуда?

— Сам не знаю... — отвечает ему тот.

— А я знаю... Ты с земли на небо пришел. Ну, иди, стало быть, жить к нам, — сказал и дальше пошел.

Идет гость по дороге. Долго шел. Видит — между деревьями чумы³ каменные стоят. На площади ямы глубокие вырыты. Возле них стоят люди-великаны. Они лосей ободранных в ямы сбрасывают. Лося сбросят — орлы его обратно из ямы достают. Достанут, на землю положат. У лося на мясе крупинки золота блестят. Люди-великаны золото с лося соберут и обратно в яму зверя бросают. Орлы его снова достают.

Человек помогать им начал. Они его с собою жить взяли. Год целый работал. Потом невесту-великанку себе в жены взял. Только недолго с нею жил. Заболела она и померла вскорости.

¹ Большой лодке для рыбного промысла и перевозки грузов.

² Лось.

³ Жилища конической формы у северных народов.

Собрались люди-великаны вокруг покойницы. Гроб ей сделали. Покойницу туда положили. Говорят ему:

— Рядом с ней ложись.

— Да что вы? Я же не помер, — возражает эвенк.

— А у нас на небе закон такой. Не ляжешь — силой положим.

Долго не соглашался человек с земли, но делать было нечего. Лег в гроб вместе с женой. Гроб заколотили и к яме понесли. Думает: «Пропал теперь». Принесли к яме. Полетел гроб. Перевертывается, о стенки ямы стучит. Долго летел. А когда на дно ямы упал, разбился.

Смотрит эвенк кругом, а ничего не видит. Темнота кромешная. Шарит руками около себя. Кости человечески обглоданные ощупал. Слышит: где-то в стороне женщина плачет. Думает: «Пойду, куда глаза глядят». Встал и пошел. О камень споткнулся. Видит — из темноты два огромных красных глаза показались. На него прямо идут. Свистят. Он за камень спрятался. Чудовище мимо пропыхтело. Туда, где женщина плачет. А он сидит за камнем и слушает, что дальше будет. Женщина еще раз крикнула, а потом тихо стало. Только слышно, как у чудовища на зубах кости человечески хрустят. Потом и оно куда-то исчезло.

Эвенк дальше пошел. Земля сначала под ногами ровная была. Дальше камни попадаться начали. «Дай, — думает, — камней в карманы наберу. Кто нападет — защищаться буду». Набрал камней и дальше пошел.

Долго шел. Видит — вдали, в темноте, звездочка маленькая блестит. На нее направился. Чем дальше уходил, тем звездочка больше становилась. Вот уже под ногами светлее стало. Отдохнуть решил. Те камни из кармана выбросить хотел. Глядит — а это не камни, а куски золота. Обрадовался. В карман положил. Встал и снова пошел.

Вот уже звезда солнцем стала. Светло, как днем, сделалось. Оглянулся назад — а сзади туча черная стоит. Вперед глянул — реку увидел, по которой плыл. Смотрит на реку. По середине реки русские люди в карбазе плывут. Он кричать начал, чтобы к берегу пристали. Не слышат. Плывут. Тогда рубаху свою белую снял. На палку прицепил. Машет ею. Увидели с карбаза. К берегу повернули. Пристали и кричат:

— Смотри! Знакомый! Откуда ты? Ведь мы о вас три года, как весть потеряли!

Эвенк рассказал, как с ним дело было. Они его с собой взяли. До чума довели и дальше поплыли. Раздал он золото бедным эвенкам и себе оставил. С тех пор хорошо жить начал. В работники к купцам больше не нанимался.

Телец. Большое созвездие из звезд 1, 2, 3, 4 и 5-й величин. Звезда 1-й величины Альдебаран желтовато-оранжевого цвета — одна из красивейших звезд неба, навигационная. Около Альдебарана находится рассеянное скопление Гиады. Правее и выше Альдебарана — Плеяды. В Тельце расположена и знаменитая Крабовидная туманность — остаток взрыва сверхновой звезды 1054 года.

Знак проецируется на 30–60° эклиптики. Телец, священный бык Апис у древних египтян, есть символ созидательной силы Земли, олицетворение мощи воспроизведения.

Римляне видели в Тельце бога вина Бахуса (греческого Вакха — Диониса), бога даров земли, достоинства которых со временем лишь возрастают. Во время вакхических пиршеств увенчанного цветами быка сопровождали танцующие девы — Гиады и Плеяды. Для римлян Плеяды были гроздьем винограда.

Были известны они также как яйцо и курица, на Руси — как утиное гнездо, решето. В другой известной легенде Плеяды предстают как семь сестер (столько звезд скопления можно различить невооруженным глазом, в бинокль видны десятки сотен звезд, а также большое туманное пятно).

Первое появление Гиад и Плеяд после периода невидимости и последнее появление перед этим периодом (гелиакические восход и заход) сопровождались сильными ливнями (в античную эпоху это были конец мая и ноября) — сестры плакали, скорбя по утонувшему в колодце брату (в Тельце — экзальтация Луны, здесь же так называемые «нижние врата» — через них души приходят в мир, спускаются или «тонут»). Говорили также, что он был растерзан львами (то есть расчленен «эго», Солнцем).

По свидетельству путешествовавшего по Северо-Западной Монголии в 1876–1877 годах Г. Н. Потанина, сарты в Хами (город у восточных склонов Тянь-Шаня) называют Плеяды коровой. Киргизы Тарбагатайских и Алтайских гор — Уркер¹. Урке-ра-Плеяды киргизы называют сыном луны, а зарницу — ее дочерью. Вот какое предание они рассказывают.

Уркер прежде был большой червь. Он занимал место, какое нужно, чтобы уложить сто овец; цветом он был зеленый, и ло-

¹ Ур и Кер — большие и высокие горы, места летних кочевий Абульджа-хана (Иафета библейской мифологии, одного из сыновей Ноя).

жился там, где было много травы.

Увидев его, верблюд и корова побежали в намерении раздавить его. Верблюд говорил, чтобы корова пустила его вперед — он лучше раздавит червя, потому что у него лапа широкая. Но корова не послушалась, прибежала раньше и ударила червя копытом. А так как копыто у нее раздвоенное, то уркер выскользнул из-под копыта и ушел на небо.

Уркер в летние месяцы невидим — он спускается на землю. Если он спустится в воду (закатится в озеро или реку), зима будет худая, если на сухую землю — хорошая.

Овен. Созвездие состоит из звезд 2, 3, 4 и 5-й величин. Главная звезда Овна — Гамаль (происходит от арабского «баран», «ягненок»), желтого цвета, навигационная.

Знак проецируется на 0–30° эклиптики. Верховный бог Египта, бог Солнца Амон-Ра, священным животным которого был баран, часто изображался с бараньей головой. Причем рога у Овна загнуты так, что защитить ими себя он не может. Символ этого знака — жертвенный агнец, барашек, над которым сияет диск Солнца (в этом знаке — его экзальтация). Он обладает всем и ничем не владеет.

Когда-то в этих местах проходили большие сражения. В те времена один бай закопал клад на Белой горе (Актау), что находится у деревни Баиш. На двенадцати быках вез он свои драгоценности. Для того, чтобы потом разыскать это место, оставил метку — вбил в лиственницу гвоздь.

Но люди прознали про это и стали искать тот клад. Многие пытались там и тут копать землю, но никто ничего не находил. Возможно, дерево то сгнило. Другие утверждали, что сам бай вывез добро после того, как стихли бои.

«Чтобы найти клад, — говорили другие, — нужно то место осыпать золой. След какого животного на ней отпечатается, того и нужно принести в жертву. Без этого клада не найдешь».

Хуснутдин-мулла со своим сыном на горе Актау осыпали предполагаемое место золой и увидели там след овцы. Зарезали они овцу и начали было копать. Но тут поднялся ураганный ветер и отбросил их к своему дому.

Ассирийцы называли этот знак «Алтарь», «Жертва». В греческой традиции с Овном связано предание о золотом руне. Золоторунный баран был принесен в жертву Зевсу, а его руно повеше-

Овен. «Зеркало Урании», 1825 г.

но на одном из дубов в роще Аррея (Аресы, римского Марса, в Овне — его обитель), в Колхиде.

Денно и ночью руно охранял дракон. Отправившийся за золотым руном Язон должен был умертвить охраняющего руно дракона, впрячь в плуг двух огнедышащих быков с медными копытами и на вспаханной быками земле посеять зубы убитого дракона.

Итак, ягненок принесен в жертву, начинается обратный ход времени, движение от Овна к Рыбам, пахота и сев, поиски человеком Бога — добыча золота при помощи бараньих шкур, опущенных в реку...

В конце февраля — марте, когда Солнце находится в Рыбах, — у волков и лис свадьбы, а у зайчихи появляется приплод — настовики, ровесники наста... В марте-апреле зайцы начнут линять, Солнце вступит в знак, чей символ — баран с закрученными в крутую спираль рогами, в знак Овна...

Прохождение Солнца по знакам и созвездиям на эпоху J2000¹

	Знак	Созвездие
Овен	21 марта — 19 апреля	18 апреля — 14 мая
Телец	20 апреля — 20 мая	14 мая — 21 июня
Близнецы	21 мая — 21 июня	21 июня — 20 июля
Рак	22 июня — 22 июля	20 июля — 11 августа
Лев	23 июля — 23 августа	11 августа — 17 сентября
Дева	24 августа — 22 сентября	17 сентября — 31 октября
Весы	23 сентября — 23 октября	31 октября — 22 ноября
Скорпион	24 октября — 21 ноября	22 ноября — 30 ноября
Стрелец	22 ноября — 21 декабря	18 декабря — 19 января
Козерог	22 декабря — 19 января	19 января — 16 февраля
Водолей	20 января — 18 февраля	16 февраля — 12 марта
Рыбы	19 февраля — 20 марта	12 марта — 18 апреля

Точные даты вхождения Солнца в тот или иной знак следует смотреть по эфемеридам (таблицам координат планет в проекции на эклиптику).

Из бумажных у нас в стране наибольшей популярностью пользуются *The American Ephemeris for the 20th/21st Century* Нейла Майкелсена. После смерти автора в 1990 году издание поддерживает Рик Поттенгер. В сети доступны *Swiss Ephemeris for Users*² — файлы эфемерид в pdf-формате (на период от 5000 года до н. э. до 3999 года н. э.); здесь же можно скачать таблицы домов разных систем.

Существует также масса компьютерных астрологических и астрономических программ. У меня на сайте *LivePlanets.Ru* есть календарные онлайн-сервисы: карта звездного неба, карта планет в знаках Зодиака на текущий момент, дата и время равноденствий и солнцестояний, лунный календарь, погода, восход/заход Солнца и Луны, карта дня и ночи, время в разных странах мира и др., а также некоторые, переведенные мною, офлайн-приложения: свободно распространяемые астрологические программы *Astrolog*, *UAstrolog*, кросс-платформенный java-планетарий *Night Vision*, русская версия *AlphaCentaure* для Windows и др.

¹ Текущая юлианская эпоха в астрономии, соответствует 12:00 земного времени 1 января 2000 года в григорианском календаре.

² https://www.astro.com/swissep/ephpha_e.htm

Важно смотреть связь значимых точек гороскопа (планет, асцендента, середины неба) и созвездий (незодиакальных тоже, в проекции на эклиптику). Все это «работает». Кроме того, можно поинтересоваться, не сидит ли у вас на асценденте какая-нибудь туманность, не проецируется ли на ваше Солнце центр Галактики и не упала ли ва... чья-то Венера в черную дыру.

С 30 ноября по 18 декабря Солнце проходит по созвездию Змееносца. Знак Змееносца, 13-й скрытый знак, находится на границе знаков Скорпиона и Стрельца — он занимает последние 7,5 градусов Скорпиона и первые 7,5 градусов Стрельца. Змееносец — это «верхние врата», выход, освобождение.

Змееносец и находящаяся здесь же Змея были единым созвездием. Змееносец борется с обвивающей его Змеей, разрывая ее на части, размыкая круг. Интересно, что змея действительно разорвана, круг разомкнут, врата открыты — Змею никогда не видно полностью, полуночная кульминация головы Змеи бывает в третью неделю мая, а хвоста — месяцем позже.

Вот как описывал Змеедержца Арат, поэт-эллин, живший в III веке до н. э.:

[Руки его] отягчает Змея, которая вкруг Змеедержца
Перевилась, но стоит упорно и неколебимо
Муж сей, ногами поправ Скорпиона, огромного зверя:
Прямо на панцирь ему он ступил, сокрушая глазницы¹.

Змееносцем называют греческого бога медицины Асклепия (римского Эскулапа), чей символ — кадуцей (жезл, обвитый двумя змеями) — стал символом медицины. Змея одарила легендарного Асклепия великой тайной врачевания — умением воскрешать мертвых, смертных делать бессмертными. Искусство врача, исцеление — это искусство восстановления целостности. Целостности отдельных органов и тканей человеческого организма и целостности всего этого организма относительно окружающего его мира — как части этого мира.

Став целостным, одним со всем миром, человек «исчезает»,

¹ Арат. Явления // Небо, наука, поэзия : античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 27.

растворяется в мироздании. Все сущее становится его домом. Человек отбрасывает материальные привязанности, вылезая, подобно змее, из «старой кожи». Нет более нужды обозначать себя как Марь Иванну или Петра Лукича. Как нет нужды делать все созвездия вписанными в зодиакальный пояс. Мы есть и нас нет. Свободу настоящим мужикам!

Созвездия

Небо времен Гиппарха

Во времена Гиппарха (II век до н. э.) созвездиям давались *символические* имена — звездные мистерии разворачивались на всех уровнях бытия, жизнь человека и жизнь звезд подчинялись единому закону. Наука о звездах была инструментом познания мира, познания человеком самого себя. И это знание не было умозрительным — драмы космоса становились драмами человеческого сердца.

То, что сегодня называется астрономией (от греч. *astron* — звезда и *nomos* — закон), было математической, расчетной частью астрологии (от греч. *astron* — звезда и *logos* — учение, наука). Астрологии, читавшей на небе письма бога.

Законы самоорганизации природы едины, ничто не существует изолированно: Вселенная — это динамическая сеть взаимосвязанных событий. И астрология как знаковая система базируется на этой целостности. Для древних астрология была выражением царящих в природе гармонии, целостности, связи всего со всем. Астрология не была «гаданием» — она была *системой знаний*, это, повторимся, был инструмент познания мира, познания человеком самого себя.

Итак, небо времен Гиппарха было огромной сценической площадкой, где сходил на землю Озирис — умирал ужаленный Скорпионом Орион, где расставались друг с другом Близнецы, где весной (для северян) и осенью (для жителей южных широт) ночное небо неизменно украшал собою сноп пшеницы — бело-голубая Спика — в руке у пречистой Девы... И среди этого океана звезд Корабль аргонавтов был *единым* созвездием.

Северное полушарие

Название созвездия		Полуночная кульминация (на эпоху J2000)
русское	латинское	
Андромеда	Andromeda <i>And</i>	вторая неделя октября
Близнецы	Gemini <i>Gem</i>	январь
Большая Медведица	Ursa Major <i>Uma</i>	март
Возничий	Auriga <i>Aur</i>	декабрь
Волопас	Bootes <i>Boo</i>	около 1 мая
Волосы Вероники	Coma Berenices <i>Com</i>	2 апреля
Геркулес	Hercules <i>Her</i>	июнь
Гидра	Hydra <i>Hya</i>	голова — около 31 января, хвостовая часть — в апреле
Дева	Virgo <i>Vir</i>	апрель
Дельфин	Delphinus <i>Del</i>	31 июля
Дракон	Draco <i>Dra</i>	голова — примерно 22 июня
Змееносец	Ophiuchus <i>Oph</i>	начало июня
Змея	Serpens <i>Ser</i>	голова — третья неделя мая, хвост — месяцем позже
Кассиопея	Cassiopeja <i>Cas</i>	начало октября
Лебедь	Cygnus <i>Cyg</i>	конец июля
Лев	Leo <i>Leo</i>	примерно 1 марта
Лира	Lira <i>Lyr</i>	начало июля
Малая Медведица	Ursa Minor <i>Umi</i>	январь
Малый Пес	Canis Minor <i>CMi</i>	середина января
Овен	Aries <i>Ari</i>	22 октября
Орел	Aquila <i>Aql</i>	июль
Орион	Orion <i>Ori</i>	середина декабря
Пегас	Pegasus <i>Peg</i>	сентябрь
Персей	Perseus <i>Per</i>	ноябрь
Рак	Cancer <i>Cnc</i>	конец января — начало февраля
Рыбы	Pisces <i>Psc</i>	конец сентября — начало октября
Северная Корона	Corona Borealis <i>CrB</i>	середина мая
Стрела	Sagitta <i>Sge</i>	16 июля
Телец	Taurus <i>Tau</i>	конец ноября — начало декабря
Треугольник	Triangulum <i>Tri</i>	23 октября
Цепей	Cepheus <i>Cep</i>	конец августа

Южное полушарие

Название созвездия		Полуночная кульминация (на эпоху J2000)
русское	латинское	
Арго (Корабль):		
Корма	Puppis <i>Pup</i>	начало января
Киль	Carina <i>Car</i>	примерно 28 декабря
Паруса	Vela <i>Vel</i>	13 февраля
Большой Пес	Canis Major <i>CMa</i>	начало января
Весы	Libra <i>Lib</i>	начало мая
Водолей	Aquarius <i>Aqr</i>	конец августа — начало сентября
Волк	Lupus <i>Lup</i>	начало мая
Ворон	Corvus <i>Crv</i>	28 марта
Голубь	Columba <i>Col</i>	середина декабря
Жертвенник	Ara <i>Ara</i>	10 июня
Заяц	Lepus <i>Lep</i>	середина декабря
Кентавр	Centaurus <i>Cen</i>	апрель
Кит	Cetus <i>Cet</i>	голова — начало ноября, хвост — месяцем раньше
Козерог	Capricornus <i>Cap</i>	начало августа
Скорпион	Scorpius <i>Sco</i>	июнь
Стрелец	Sagittarius <i>Sgr</i>	июнь-июль
Чаша	Crater <i>Crt</i>	примерно 12 марта
Эридан	Eridanus <i>Eri</i>	ноябрь
Южная Корона	Corona Australis <i>CrA</i>	начало июля
Южная Рыба	Piscis Austrinus <i>PsA</i>	август
Южный Крест	Crux <i>Cru</i>	конец марта

Рядом с полными даются общепринятые сокращенные названия созвездий, используемые на звездных картах.

Полуночной кульминацией созвездия называется его прохождение через меридиан наблюдателя, момент, когда оно находится максимально высоко над горизонтом, около полуночи.

Небесный глобус работы Герхарда Меркатора, фламандского картографа и географа, 1551 г.¹

¹ <https://liveplanets.ru/gallery/>

Небо и Земля

Предание бурят

Высокое небо и Широкая земля породнились. Высокое небо за своего сына высватало дочь Широкой земли; земля за свою дочь потребовала в калым от Высокого неба солнце и луну. Небо отдало эти светила; тогда на небе и земле сделалось темно, потому что Широкая земля заперла солнце и луну в ящик.

Высокое небо не может придумать средство, как получить солнце и луну обратно от Широкой земли. У Высокого неба было девять сыновей и девять дочерей. Оно послало за Заря-Азарга¹, от которого надеялось получить совет, как поступить, и строго приказало своим сыновьям и дочерям не смеяться, когда войдет Заря-Азарга, который не имел ног и не ходил, а катился по земле.

Когда Заря-Азарга вошел в юрту, девять сыновей и девять дочерей Высокого неба, увидев его, не могли удержаться от смеха. Заря-Азарга сильно осердился и укатил назад. Тогда Высокое небо послало пять зверей, чтоб они пошли по следам Зари-Азарги и подслушали, что он будет говорить. Посланные пять зверей были: заяц, маленький козуленок, горноста́й, белка и хоре́к.

Заяц первый подслушал слова обиженного Зари-Азарги и передал их Высокому небу. Заря-Азарга, катясь обратно, ругался и говорил: «Высокое небо не может держать в подчинении своих девятерых сыновей и девятерых дочерей! Они смеются надо мной. Пусть же девять сыновей спустятся на землю и сделаются девятью западными хатами, и девять дочерей пусть спустятся на землю и сделаются девятью онгонами². Высокое небо породнилось с Широкою землею, в калым отдало солнце и луну и не может придумать, как их обратно взять от Широкой земли. А для этого нужно только поехать к Широкой земле в гости и попросить у нее эхо леса и мерцание воды. Широкая земля не сможет поймать ни эха леса, ни мерцания воды и принуждена будет отдать назад солнце и луну». Эти-то слова подслушал заяц и пере-

¹ Заря (заря) — по-бурятски «еж».

² Онгоны — в мифологии монгольских народов первообразы, первопредки (как тотемного происхождения — онгон коня, медведя и др., так и антропоморфные), а также различные их фигурки, изображения; онгон — буквально «чистый, изначальный, девственный, священный».

дал Высокому небу. Вот почему в шаманских обрядах шкура зайца стоит первой в правой стороне.

Высокое небо поехало к Широкой земле в гости и попросило подарить ему эхо леса и мерцание воды. Широкая земля поручила своим трем сыновьям поймать эхо леса и мерцание воды, но трое сыновей не смогли ничего поймать. Тогда Широкая земля отдала Высокому небу обратно солнце и луну. Приехав домой, Высокое небо привезенные светила вновь пустило по небу; тогда на небе и земле по-прежнему стали чередоваться день и ночь.

Слова Зари-Азарги исполнились: девять сыновей Высокого неба спустились на землю и стали девятью западными хатами, а девять дочерей его, тоже спустившись на землю, стали онгонами.

Круглый год

Основные календарные праздники

Новый год на Руси начинался в первое весеннее новолуние. Год мог иметь 12 месяцев (синодических, каждый продолжительностью 29,5 дней), всего 354 дня, или же 13 месяцев — 384 дня. Об этом говорят нам и летописи. Так, в Первой Новгородской летописи читаем: «В лето 6645 наступушу в 7 марта...» Счет времени по «небесным» месяцам в отличие от «книжных» месяцев юлианского календаря сохранялся на протяжении столетий. Никоновская летопись сообщает о полном затмении Луны 10 марта 1476 года следующим образом: «месяца марта 10, а небесного февраля 15 ... начат гинути месяц».

Астрологический (астрономический) же Новый год начинался — и начинается — со вступления Солнца в 1-й градус Овна, со дня весеннего равноденствия.

Таким образом лунный и солнечный потоки находили свое отражение в календаре. Гражданский календарь Древней Руси был календарем лунным, календарь жреческий — солнечным¹.

Переходя к праздникам, скажем, что великими праздниками в различных традициях были одни и те же «события».

Здесь даты русского традиционного народного календаря

¹ Двенадцать лунных месяцев (синодических периодов) равны 354,367 солнечным дням, и каждые 33 солнечных года — «тридцать три богатыря, все красавцы удалые», содержат 34 таких лунных года.

приводятся по старому стилю, в скобках — даты нового стиля (с разницей в 10 суток; повторимся, что месяцеслов оформился в период, когда погрешность юлианского календаря составляла 10 суток, см. сноску на с. 55).

Строго говоря, многие сегодняшние праздники лишены сакрального смысла (в их числе краеугольные Купала, Рождество). Праздники в древности были мистериями единения, соперевживания человеком вселенских циклов, и дни их проведения выби-
рались сообразно астрономическим (астрологическим) событи-
ям: наступлению астрономических весны, лета, осени, зимы; прохождению Солнца через определенные знаки и т. д.

Масленица — восьмая неделя до Пасхи в период с начала фев-
раля до середины марта — весенний праздник, связанный с про-
водами зимы (ранее наступал в день весеннего равноденствия,
знаменуя собой наступление Нового года, и отмечался в течение
14 дней).

Сороки — день святых сорока мучеников — 9 (19) марта.

Благовещение — 25 марта (4 апреля).

Вербное воскресенье — предшествует воскресенью Пасхи.

Великий, Чистый четверг — четверг на Страстной неделе —
последней перед Пасхой.

Пасха — воскресенье после первого весеннего полнолуния
(полнолуния, наступающего после дня весеннего равноденст-
вия) — Светлое Христово Воскресение («песах» с древнееврей-
ского — исход, переход, освобождение).

Для евреев Песах — памятование об исходе из Египта, освобождении
от рабства — символическое празднование освобождения души из тем-
ницы неведения, освобождения ее к жизни вечной. Предшествующий
православной Пасхе пост длится сорок дней; сорок же дней водил по
пустыне евреев и Моисей в поисках земли обетованной. Число 40 связа-
но с обрыванием земной пуповины, с разотождествлением себя с плот-
ным (видимым, физическим) телом, выходом на иной уровень бытия.
Песах — это и праздник созревания зерен ячменя, выхода ростков к све-
ту. (Праздник иудейской Пасхи наступает на 15-й день лунного месяца
нисана (обычно в апреле) — в полнолуние — и длится неделю.)

Егорий вешний — 23 апреля (3 мая).

Фомина неделя — следующая за пасхальной неделя.

Красная Горка — воскресенье после Пасхи.

Радоница — вторник на Фоминой неделе — день поминовения усопших.

Летние святки — седьмая и восьмая недели после Пасхи.

Семик (Русальная неделя) — седьмая неделя после Пасхи; семик также — четверг на этой неделе.

Троица (Пятидесятница) — воскресенье Русальной недели, пятидесятый день после Пасхи.

Духов день — понедельник после Троицы.

Николин день (Никола вешний) — 9 (19) мая.

Аграфена Купальница — 23 июня (3 июля).

Иванов день (Иван Купала) — 24 июня ст. ст.; связан с летним солнцеворотом — поворотом солнца на зиму (летнее солнцестояние)¹.

Петров день — 29 июня (9 июля).

Ильин день — 20 (30) июля.

Воздвижение (Ставрог день) — 14 (24) сентября.

Покров Пресвятой Богородицы — 1 (11) октября.

Егорий осенний — 26 ноября (6 декабря).

Николин день (Никола зимний) — 6 (16) декабря.

Зимние святки — 25 декабря (4 января) — 6 (16) января.

Рождество — 25 декабря ст. ст. — праздник поворота солнца на лето (зимнее солнцестояние)²; рождение солнечного Бога, открытие человеком своей связи со вселенским океаном.

Васильев день — 1 (11) января.

Крещение — 6 (16) января.

Свадьбы — с Крещения до Масленой недели, на Красной Горке, с Семена дня (1 сентября ст. ст.) до Гурья (15 ноября ст. ст.).

Посты — однодневные: Иван Предтеча (29 августа ст. ст.), Воздвижение и канун Крещения;

длительные: холодный — Рождественский, или Филиппов пост (с 15 ноября ст. ст. по Рождество, 25 декабря ст. ст.); голодный — Петровский (от первого понедельника за Духовым днем —

¹ Солнце «стоит» недели две — примерно неделю до и неделю после вхождения в Рак (в XX–XXI вв. это 21–23 июня). День не удлиняется и не укорачивается. Солнце в раздумье.

² Как и в Купалу, войдя в Козерог (21–22 декабря), Солнце с неделю еще мнется на месте, затем пускается в пляс.

с 58 дня по Пасхе — до Петрова дня, 29 июня ст. ст.); Великий (семь недель от Масленичной недели до Пасхи: 40 дней, начиная с понедельника после Масленицы и заканчивая пятницей шестой недели, а также 7-я — Страстная неделя — тоже постная) и пост-лакомка — Успенский пост (от Медового Спаса, 1 августа ст. ст., по день Успения, 15 августа ст. ст.).

Тело человека подобно телу Творения — оно было так же священо, и посты не были связаны с лишениями, голодом. Да и «могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься» (Мар., II: 19). Нам же так хорошо легла земная рубашка, что, чего ни ешь, вся жизнь — один сплошной пост.

В древности же посты были днями ликования Земли — праздниками плодов земли, растительной пищи. Старославянское слово «постъ» восходит к древневерхненемецкому *fasto* — праздник, пост. Слово «фестиваль» (празднество) имеет то же происхождение. Праздники, повторимся, были мистериями единения, и посты были *праздниками причастия к великому Древу*. На неделе постились, отдавая дань дарам земли, по средам и пятницам (средопятничали) — дням Мокоши, Матери-земли.

Религия (от лат. *religare* — связывать воедино) наших отцов была религией людей свободных и радостных, людей, которые любили и славили Жизнь. И потому назывались *славянами*. Они всегда славили Бога (выражение «слава тебе, господи» стало для нас привычным оборотом речи), пели песни, слагали гимны. Они были поющими в Ночи соловьями.

Гаснет мир. Сияет вечер.
Паруса. Шумят леса.
Человеческие речи,
Ангельские голоса.

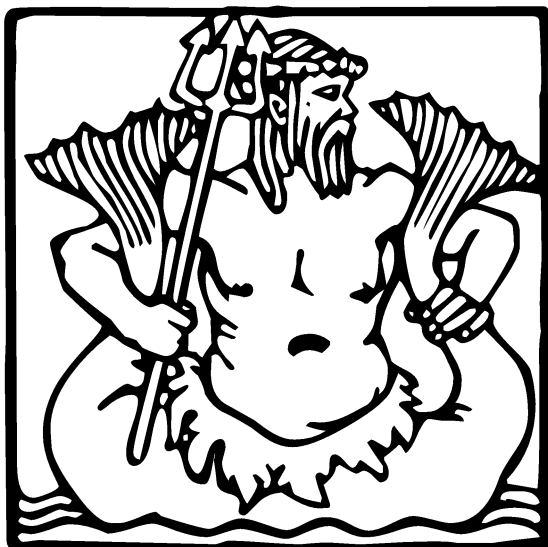
Человеческое горе,
Ангельское торжество...
Только звезды. Только море.
Только. Больше ничего.

Без числа, сияют свечи.
Слаще мгла. Колокола.
Черным бархатом на плечи
Вечность звездная легла.

Тише... Это жизнь уходит,
Все любя и все губя.
Слышишь? Это ночь уводит
В вечность звездную тебя.

Георгий Иванов

**Часть III,
вивлиофическая.
Жизнь — отрада,
умирать не надо**

*Собрание простонародных рассказов,
песен и потех¹*

¹ В нашей вивлиофике — всего понемножку: сказки, песни, легенды... Это — не свод канонов, это просто «посев слов» — веселых и печальных, озорных и серьезных, рожденных самобытным народным любознательством и рассыпавшихся по земле живыми, блестящими на солнце камушками... Мы подобрали лишь немногие из них.

Предания, былички, рассказы

Самое главное для нас, девочки, — это сразу схватить суть. Люди пишут длинно, отвлеченно, семь верст до небёс и все лесом. Эти экивоки, девочки, надо отбрасывать беспощадно, а то утонете в подробностях, но так и не схватите суть.

Леонид Ленч, «Письмо»

Мудрёно́ сотворено́: легенды о творении, или откуда что́

Первая чета

С перва земли не было, а только были вода и огонь; последний плавал по воде отдельными полосками, как дорога. По воде плавали в двух отдельных серебряных лодках — в одной серебряный столб Отца, в другой — золотое влагалище Матери.

Лодки сделали два круга по солнцу и не могли сойтись. Тогда они сделали еще круг против солнца и тогда соединились и произвели оплодотворение.

В память об этом во время свадьбы жених и невеста, идя под шалью, делают круг против солнца.

Сотворение мира

По досюльному окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам Господь-вседержитель и Сатана. По божию повелению, по богородицыну благословию, Сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор. И ударил Господь молотком в камень и создал силы небесные. Ударил Сатана в камень молотком и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война.

Поначалу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла

верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса, стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками; иные упали в бани и сделались баенниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах¹ — ригачниками.

Пёрши-на́-пирши² была одна только вода, по которой изредка хаживал Бог.

Вот однажды навстречу Господу плывет бурливый, мутного цвета пузырь. Господь велел ему остановиться и лопнуть — и из лопнувшего пузыря на поверхности воды появился черт и спросил, что Господу угодно.

Указав на нестроение Вселенной и очевидное неудобство водного пути, Господь определил создать что-нибудь твердое и тут же приказал черту спуститься у скрозьдонную³ и доставить пóдыл земли. По любопытству ли, или по преступным намерениям черт припрятал несколько земли за обе щеки...

Господь разметал доставленную землю, и куда только она падала, там образовывался материк. А спустя некоторое время повелел, чтобы на земле появились растения. Когда земля приняла Господне приказание, ее поверхность тотчас украсилась деревьями, кустарниками и травами.

Но то же стала производить и припрятанная чертом земля, отчего щеки и рот последнего начали неимоверно раздуваться. Как ни крепился черт, как ни старался он утаить происшедшего, но когда растения выступили изо рта, в чаянии встречи с Господом он не выдержал и стал кархыщ: куда только ни сплевывал черт, там появлялась разжиженная земля с малорослыми уродливыми деревьями и грубою травой.

Бог сперва сделал землю. Но вода ее всю накрыла.

¹ Сараях для сушки снопов и молотбы.

² Перво-наперво; сперва, сначала.

³ В бездонную пропасть.

Была утка. Утка на воде сидела.

— А-а! — сказала утка и нырнула.

Ушла утка в воду и в клюве немного земли вынесла¹.

Носила-носила утка землю — образовалась сопка.

Потом на вершине сопки родилось солнце. Солнце дало сопке тепло, и трава выросла. От солнца вокруг сухо стало, земля кругом стала.

А все началось с утки — она нырнула в воду и в клюве принесла немного земли.

Когда вода спала, из нее поднялась вершина шайтанского хребта Койка-моу. На это место откуда-то два человека упали. Один из них сказал:

— Пойдем к богу Дёйба-нгуо², покровителю людей, скажем: «Надо на земле людей родить».

Ушли они к Дёйба-нгуо, а может быть, улетели. Потом опять вернулись. Уже большой воды не было, озера и реки только остались.

— Эта вода пусть останется, — сказали. — В ней люди рыбу добывать будут.

Сперва была только вода. И утка-чирок³ плавала на воде. Утке нужно снести яйца, но куда? — яйцо ведь тонет! И тогда утка выщипала с груди перья и пух, свила гнездо. В гнездо снесла яйца. Из яиц вылупились утята. Утята выросли и тоже, как мать, повыдергали с грудок перья и пух, свили гнезда. В гнезда снесли яйца. Из яиц вылупились утята, много утят. Они выросли, свили каждая себе гнездо. Гнезд много — они соединились в остров. На острове выросли трава, кусты, разные деревья.

Деревья и кусты роняли на остров листву, хвою.

Остров стал большой землей.

У лиственницы сквозь кору пробилась смола (сок). Скопившись, она стала стекать по стволу. Едва смола коснулась земли — появился нивх. Нивх произошел от лиственницы, потому он

¹ Часто этой уткой в мифах выступает чирок: у него на носу бугорок — принесенная со дна земля.

² Дёйба — сирота, нгуо — бог.

³ Вариант: лувр — широконосая кряква.

краснокожий, как лиственница. Орнгар произошел от пихты, потому он белотелый. К'уги¹ произошел от ели.

Из яра над рекой два комка земли обвалились. На песок упали на берегу. Эти комки людьми стали.

Так два человека сперва родились. Один вверх по реке пошел. В вершине речки из мха он сделал голомо².

Второй по течению пошел. На устье реки моря дошел, тут балаган³ нашел.

Нганасан земля вверху, в верховье реки. Здесь человек шестовой чум потом сделал. Лук сделал. Куда-то сходил — железо достал. Не знаю, в какой земле дерево нашел, но ветку сделал. Вероятно, все время смотрел на воду и нашел там бревно.

Человек в балагане лодку сделал.

Людей-то два, два ума в разных сторонах.

Теперь так долго жили те люди. Где-то старуха нашлась потерянная. Старуха в маленькой санке колыбельку таскает, корни ест.

Стали жить вместе. Зайцев много. Лисицы приходят есть объедки зайцев. Промысла много!

Так эти люди жили. Это отец мне правду говорил, да маленький я был тогда.

Землянка-балаган потом русским городом стала.

Люди не с неба упали, а Моу-нямы⁴ их родила из яра.

О Ное Праведном

Заставил Господь слипова ды бизрукыва караулить сад. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни найдить. Паспели яблыки, пашли духи сладкии.

— Малый, как жа нам яблычка пакушить?

¹ Орнгaры, к'уги — сахалинские племена.

² Старинный тип жилища конической формы из бревен или плах, засыпанных землей. Пол в голомо несколько ниже уровня почвы, так что это жилище является полуземлянкой.

³ Жилище в форме усеченной пирамиды из плах, засыпанных землей.

⁴ Земли мать.

— Садись вирхом на mine, а я пыдвизу к яблынки.

Слипой нарвал пазуху яблык. Бизрукый ўзрил Бога, драгнул ат яблынки бежать. Слипой ат плеч (он за пличи диржалси — вирхом на бизрукым) атарвалси, ударилси аб зёмь, ды й абмёр. Гасподь приходить:

— Бизрукый, иде слипой?

— Омырык явó ашиб.

Гасподь приходить к слипому:

— Слипой, с чаво ж ты абмёр? Абманываишь ты mine, слипой!

Ни омырык тебе ушиб, ты с пличей убилси с бизрукыва!

— Абманул я тебе, Госпыди! Прости mine.

Прастил слипова, ды й пашол.

Сыбрались караульщики на вара́тах стоятъ. Идетъ дьявол:

— Здрастуйти, ребята! Што ж вы яблык ни јидитя?

— Как жа нам их есть? У mine рук нету, у ниво глаз. Я ни да-стану!

— А я ни найду!

— Плохи ж вы, ребята, кады в саду яблык ни јидитя.

— Мы ни ухитримси, как их есть!

— Эка, как? Бизрукый пади ударьси аб яблыню, а слипой пад-бери!

Яблынки были насажины друг ат друга на сажню. Бизрукый как ударилси аб яблыню — увесь тот сад абтрёс. Слипой лег на пуза, прикатал усю траву — все яблыки искал. Ну, Гасподь приходить:

— Караульщики, хто ж у вас сад абтрёс?

— Ветир паднялси, увесь сад абтрёс!

— Ат чаво жа яблыни пазавяли?

— Ат яснава со[л]нца!

— Ат чаво жа нижнии бака́ папрели?

— Ат сильныва дожджа́!

— А хто жа у вас в саду траву примял?

Слипой гаварить:

— У mine живот балел, всё каталси!

— Врешь ты, слипой! Все абманываишь mine!

Сабрал Гасподь караульщикав, узял огнинныи прутьи, выбил их огнинными прутьими:

— Выдитя, праклятыи калеки, вон из маиво саду, пабирайтиси по́ миру атныни да веку!

Гасподь сказал:

— Дай жа я сделаю Ноя Правидныва, штоб у маём у светі была правда.

Приставил сабаку голую караулить Ноя Правидныва:

— Сматри ж ты, сабака, никаво ни пушай сматреть маиво Ноя Правидныва!

Приходить дьявыл к сабаки:

— Пусти мине, сабака, Ноя Правидныва пысмастреть!

— Мне Гасподь ни вилел никаво пушачь.

— Хатя ты ни пушайшь мине Ноя Правидныва пысмастреть, а я тибі дам шубу и на руки и на ныги: прідеть зима, прідуть ма-розы — ни надыть тибі избы.

Дал дьявыл сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысмастреть Ноя Правидныва. Дьявыл ахаркыл, апливал Ноя Правидныва; стал Ной синий, зилений, дурной... странно на Ноя глідеть стало!

— Што ж ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? Што ж я тибі гаварил!

— А што ж ты мине без шубы приставил?

— Штоб ты цирковныва звону ни слыхала, у Божий храм ни хадила!

Взял Гасподь, апаслі той сабаки, Ноя вывырызал: аплёвыныя, ахоркыныя в сирёдку... Из Ноевыва рибра сделал Гасподь жину Еву.

— Ну, Ной с Еваго Правидный! Усе плады ештя; аднаво плада ни трогайтя, вот с той-та яблынки.

Ева гаварить:

— Ной Правидный! Ат чаво ж эта так Бог гаварить: усе плады ештя, а с аднаво ни трогайтя? Давай пакушаим!

Съели па яблычку, па разу укусили... друг друга зыстыдились: Ева пыд лапух, а Ной пыд другой, — друг ат друга схаранились. Приходить Гасподь:

— Ной Правидный! Игде ты?

— Я вóтын!

— Иди ка мне!

— Я наг! — Ной гаварить. — Госпыди! Сатвари нам адёжу.

Вышли ани к нему; выбил их Гасподь огниными прутьими, выгнал из саду вон!

Выслывши из саду Ноя Правидныва, умилился Гасподь.

— Ной Правидный, — гаварить, — у нас будить чириз три года патопа; штобы ты в три года кавшег выстраил. Ной Правидный! Кавшег строй, да жине ни сказывай, што строишь!

Пашол Ной Правидный у рощу строить кавшег; строить год, строить два. Дьявыл приходить:

— Ной Правидный, што делаишь?

— Разве ты слипой? Ты видишь, што я делаю!

— Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!

— И ни вёляна тибе знать!

Дьявыл ударилси из рощи к Ноивый жине, к Евги:

— Евга, успраси ты у мужа, што он делаить?

А Ной Правидный жине атказываить:

— Я так па рощи хажу, на деревья сматрю, сам сибе забавляю!

— Ён ни па рощи гуляить, ён штой-та рубить!

— Я ни знаю.

— Сделай жа ты квасу, наклади хмелю!

Усхвалил сам сибе Ной:

— Слава тибе, Госпыди! Састроил сибе судно за палгода патопы.

Приходить, стал кушать:

— Евга, нет ли чаво, пакушамши, напитокца?

Напилси квасу, лег атдыхать.

— Ной Правидный! Два года ходишь, да мне правды ни скажишь, штой-та такая ты рабатаишь?

— Экая ты! Вот асталась палгода да первыва мая; у маи месицы, у первым числе, будить патопа!

Атдахнумши, приходить Ной к кавшегу: увесь кавшег дьявыл разметал.

— Экая!.. Пригрязил я дли¹ тибе!

Шесть месицыв ён живо сыбирал ни пимши, ни емши, и дамой ни хадил. Приходить жа Гасподь:

— Ной Правидный, сабирай жа всяких звирьёв у кавшег па паре, и дичи, пладов всяких.

Сабрал жа ён звирьёв всяких, и ужов, и пладов всяких.

— Будить, — гаварить Гасподь, — патопа: затопить и леса, и луга, и балота, и дама! Будить патопа на двинатцать сутык.

Ной забрал все.

¹ Для (тебя).

Дьявыл гаварить:

— Евга, как жа мне с табою у кавшег залесть?

— Я ни знаю!

— Разуй леваю ногу да глянь скрозь ноги на mine; а патыль¹ ты ни лезь у кавшег, пакульт страшная патопа ни настанить, пакульт вада ни разальётси увизде; ён на тебе закричить: «Лезь ка мне, акаянная, а то утопнишь!» Как ён тебе акаяннай назовёт — и я с тобой улезу. А датыль не лазий.

Евга глянула скрозь ноги, Ной закричал:

— Лезь жа ты ка мне! Лезь жа скарея, акаянная!

Как сказал Ной, дьявыл как сигнет² у кавшег и паплыл; скинулси³ мышью — кавшег пратачил. Уж узал эту дыру галавой и заткнул, игде мышь пратачила. Плавыли ани адинатцать сутык па вазморью, па этай пы патопи. Паслал Ной Правидный ворана:

— Палити жа ты, чорнай воран, узнай: есть ваде панижения али нет?

Воран литал, литал, нашол па́дла и стал кливать на остроави.

— Иде ж ты был, воран?

— Я, — гаварить, — аташол да падла кливал!

— Как жа ты ни паслушил? Мы тебе пасылали пысматреть вады; ведь всякая душа да хвалить Госпыда! Будь жа ты, воран, как пень гарелый; будь жа у тебе дети гадавыи: как дитей даждешьси — сам акалей!

Ведь как воран даждетца дитей, выходить, выкормить, — сам акалеить; ведь ани все калеють!

— Лити ж ты, голубь; пысматри ж ты патопы: спадаить ли, прибавляить ли?

Литал, литал, голубь; патопа сбавила на три аршина, и нашол ён такая места, сухая, игде можна кавшегу вылести на край. Приплыли х⁴ пристыни.

Приходить Гасподь:

— Што вы, живы ли усе?

— Слава ти, Госпыди! Усе живы!

— Выходитя ж вон!

Усе вышли; напаследак дьявыл сиг!

¹ До тех пор.

² Прыгнет.

³ Обратился.

⁴ К (пристани).

— Вот, Госпыди, хотел мне утапить; ведь я вóтан! Я тебе большой враг!

— Кали ж ты мне большой враг, вазьми ж ты мне за руку.

Вазьмёт дьявыл Госпыда папирёх руки, да ни паймаить — руку апустить.

— Дай жа я тебе вазьму за руку!

Как вазьмёт Гасподь дьявыла за руку:

— Ой, ой, ой! Я буду тебе хоть меньшей брат! — все, вишь, у братья лезить.

— Лезь жа ты, меньшей брат, у моря, дастань зимли горсть: давай зимлю засивать.

Ани прибились х кургану, а кругом все моря стояла. Полез дьявыл в моря, схватил зимли горсть, да ни вытащил — всё размыла! Раз слез, другой, третий слез... У читвёртай полез.

— Брат, — гаварить Гасподь, — скажи: «Госпыди Иисус Христос!»

Сказал дьявыл «Госпыди Иисус Христос!», нырнул в моря и вытащил зимли у горсти с макавых два зирна.

— Лезь жа ищо, этай зимли ма́ла!

«Пастой жа, — гаварить сам себе дьявыл, — я запхаю себе за щикку зимли: што Гасподь будить делать, я себе тожа сделаю».

Взял Гасподь перехрястилси, кинул зимлю на три стораны: сделались па взморью луга, леса, рощи... ровна!

— Госпыди, а што ж за маи труды, какая будить угрожения?

— Пасажали мы белый свет; может, тебе будут хвалити, мне поминати; я и тем буду доволин.

Ну, Ной, живи на зимли́, радися, пладися!

— Госпыди, скоро ж ат мне ат аднаво белый свет нарадитца?

Гасподь гаварить:

— Ты мужика сваляй из глины, а гаспод из пшенишныва из теста.

Барзой кабель стоял сзади, схватил пшенишный ком да бижать: ат Варонижа да нашива силá все аднадворцев¹ и ...².

— Госпыди, я насиліл народу ат Варонижа ды Куракина на

¹ *Однoдвoрец* — при крепостном праве в России — лицо, происходившее от низшего разряда служилых людей, владевшее небольшой землей, обычно в один двор, пользовавшееся правом владеть и крестьянами, но облагавшееся (с XVIII в.) подушной податью наравне с крестьянами.

² Купюра в тексте.

двести на восемьдесят верст. Госпыди, у чом жа нам жить будить? Народу я распладил многа!

Гасподь дал им тапоры, срубил им избы:

— Живитя, вот вам избы!

— Госпыди, на чом жа нам работать?

Дал Гасподь лошадь.

— Да чем жа јиё абратать¹?

Гасподь свизал обрыть², свизал хамут. Вот спирва сыбралось чилавек сорык народу абгарнуть³ лошадь ды загнать в хамут, а там обрыть вздернуть; стали впириди, растапырили хамут да обрыть! Гасподь паймал лошадь, запрёг:

— Вот вам, — гаварить, — изба, лошадь, упряжь; живитя да мине хвалитя!

Вот мы таперича живем да и хвалим јиво́: «Слава тибе, Госпыди, што усё паказал!»

Два брата

Два родных брата — Господь и Сатанило⁴ — жили вначале вместе, причем Господь был старшим братом, а Сатана — младшим. Сатана во всем слушался старшего брата, жили они хорошо и ходили по земле.

Но вот надоело младшему брату подчиняться старшему: «Что я буду у него под началом жить?» — рассуждал Сатана и перестал слушаться старшего брата, да кроме того захотел быть даже выше него, — на перекосердие пошел. Начал он с того, что когда Господь устроил небеса, то сказал ему с усмешкой:

— Что это у тебя, брат, за небеса? Я свыше твоих устрою!

И небеса у Сатаны вышли действительно высоки и во всем как следует.

Земля в ту пор[у] была тоже одна, и когда Господь устроил ее, то пошел рассевать ее всякими травами и деревьями. Черт⁵ хо-

¹ Запрягать.

² Мочальную или веревочную узду.

³ Окружить.

⁴ Рассказчик не мог припомнить того имени, какое носил Господь до сотворения мира. Сатана же носил имя Сатанило. — *К. Завойко*.

⁵ Слово «чёрт» («чорт») происходит от древнерусского *чьрсти* — чертить, вскапывать. Черт — это тот, кто живет в (на) земле, то есть облакается в ее

дил в это время сзади Господа. Но не понравилось ему ходить за Господом: «Что де я на чужой земле живу? Надо мне свою землю устраивать!» И когда Господь, рассеяв землю, пошел полдничать (когда ходишь по земле, все уж есть захочется), он, не благословясь, принялся за свою работу устраивать и рассеивать свою землю. Землю черт устроил тоже хорошо, но когда он зачал рассеивать ее, то здесь вместо того, чтобы, подобно Господу, из роту духом сочинять, — он начал харькать да плевать на землю, и получились у него от этого только кочи да болота топучие.

Пополдничава, Господь принялся за новое дело: он начал себе из камня войско высекать. Как ударит он камнем о камень, так и посыплются у него разные ангелы да архангелы; все из камня насечаны они. Черт глядел-глядел да и решил: «Давай и я попробую, что у меня будет?» Взял он камень да как брякнет!.. И повыскакивали у него аггелы, все с рогам, с хвостам, — настоящие черти. Пришел к нему Господь, поглядел кругом, а их у него было уже видимо-невидимо. Не по мысли стало Господу поведение брата, и он решил свергнуть его в преисподнюю.

Призвал он к себе Михаила-архангела и сказал ему:

— Поди Сатанилу в преисподнюю сверзи!

одежды. Слово связано также с существительным *черта* — буквально «рубеж». Речь в легенде, таким образом, идет о двух близнецах — небесном и земном. Земной — Сатанило, черт — начинает «делить вешши», членить мир на части, раскалывать его — *отделять себя от него*, соревноваться — строить вавилонские башни, обрубая тем самым небесную пуповину и утрачивая изначальную целостность. Сатанило — это темная, невежественная, то есть не ведающая, не знающая, ипостась человеческой души, ее Черная луна. (По преданию, Вавилонский столп строили 40 лет и не свершили его: народ, бывший до этого единым, был разделен на 72 языка и рассеян по земле. Остатки того столпа имеют в высоту и в ширину 5 433 локтя. Обратите внимание на числа: 40 — сорочина, число асцендента, «земной рубашки», 72 — цикл прецессии и 5 433 — число лет, от сотворения мира.)

В завершающем тему о творении рассказе-досюльщине — «Два Бога было...» — другая история. Здесь Христос символизирует светлую сторону человеческой природы, заложенный в каждом божественный принцип; единство мира. Все, что есть у Бога, есть и у тебя; не надо бежать быстрее ветра и прыгать выше облаков.

К слову сказать, известные нам сегодня Олимпийские игры имели в древности совсем иной смысл: игра была мистериальным действием, будь то игра в мяч или упражнение с копьем, палкой и т. д. Доводить свое тело до предела его физических возможностей, когда уже некуда дальше «быстрее, выше, сильнее», — не было задачей древних народов. Быстрее всех можно оказаться на кладбище. И современные Игры — это своего рода Сатанилова тень посвященных богам древнегреческих празднеств, изможденное тело расколотого сознания. Младший брат, который придет однажды к старшему по осенним лужам и вспомнит его имя.

Пошел архангел к Сатане, но ничего не мог с ним сделать, — черт со своим войском не допустил его до себя. Возвратился Михаил-архангел к Господу и говорит:

— Господи, он меня на три поприща не допускает до себя!

Господь еще более разгневался и сказал архангелу Михаилу:

— Иди, теперь сверзишь! — и дал ему особую страшную силу.

Пошел Михаил-архангел к Сатане и на сей раз сверзил его в преисподнюю вместе со всем его войском. Шесть недель летел туда Сатана и как только брякнулся в ад, так его войско, где было в ту пор, так и остановилось: кои в ад попали, кои на воздухе повисли, кои где остались болтаться, а небеса и земли Сатаны все рассыпались и развалились. В те поры Господь повелел, чтобы и камень больше не рос. Вот почему камень из земли может выходить, — вытягивает его божьим изволением, а расти он не может.

Но все же Господу с тех пор нельзя по земле ходить-то стало, и он теперь находится постоянно на небесах, а черти и в аду, и в воздухе, и на земле остались в достаточном количестве.

О сотворении Адама легенда кратко говорит, очевидно, как забытая, что Господь нарисовал на земле фигуру, как человеку быть, дунул на нее, а далее... Легенда утратилась совершенно.

Бог и Дьявол

У тое ўремя, як ящо не было ничего на зямле, а стояв одзин плецень, Господу Богу захоцелось развесыци по етой зямле усяго. Ён исказав одно слово — и ўсё явилося. Тольки не явився чаловек.

Тоды Господзь Бог идзець дорогой и задумава: «Як бы з моря достаць зямли?» Оявляецца к яму чорт и гово́ря:

— Господзи, я достану!

И полез у моря, достав рукой зямли. Выплыв, поглядзев у руку́ — ажно нема ничего. Полез опяць, опяць ухапив рукой и выплыв изнов ни с чим. И ў третий раз так: ничего не достав.

Тоды Господзь Бог сказав:

— Дурак ты, чорт: и етаго не ўхитрився здзелаць!..

Послав Бог свойго ангела. Тэй як пришов к зямле на дне моря, узяв зямли ў рот; и вынес у роци к Богу. Бог узяв ету зямлю и ўдунув у яе душú, и здзелався чаловек. А с того чаловека здзелав яму и жану. И звали их Адам и Ева.

И жили яны много на зямле, и было у их много дзяцей.

Пришов раз Адам вечаром з работы, и силно уморився. И лег спаць на лавцы. Назаўтраго уси устали, а ён спиць. Тоды меньший сын Явель пошов и став яго будзиць:

— Бацька, видно ужо! Пора ўставаць!

А ён и ня думаець.

— Ну, нехай ящо поспиць трохи! — каець больший сын Кавин.

И ён так спав пяць дней и пяць ночей, и не знали яны, што зь им дзелаць.

Тоды явився им Бог и дав зёрнятку, и сказав:

— Укিনিця ето зёрнятку яму у рот!

Яны укинули тое зернятку ў рот, и сычас с того зернятка вырос дуб. Ну корни того дуба были не ў зямле, а на верху. Дык яны хоцели их обкопаць, каб кряпчей стояв. Тольки стали копаць, аж земля уся здзелалась каменем: нейдзи зямли ўзяць. Як перестануць копаць — опяць земля, а як почануць копаць — камень. И нельзя им нияк обкопаць коренья.

Тоды выскакуя ик им чорт и говоря:

— Што мне будзя, коли я здзелаю, каб земля вам далась узятца?

— А што будзя: мы ня ведым, што ты хочаш?

— А вот што: коли дасьцё мне уси тыя души, што ўмираць будуць, дык здзелаю!

— Ну, дык што: бяри сабе!

— Ну, дык расписывайся на етом!

— Чим жа я буду писаць?

— А давай нож, разрежам палец мезенец, и кровью распишися!

Ну, так и здзелали, — расписались. И обкопали корни дуба, як следуя.

И с тых пор уси души стали поступаць к чарцям у пекло, покуль не пришов Бог на зямлю и не разорив пекла.

Ну, дык вот тоды людзи познали, што умэрших треба закапываць у зямлю и садзиць на могили дзерявьё. Затым и цяпер во на кладзищах дзерявьё.

Люди из яиц

За тое, що Эва скусыла Адама, Бог прокляў йи, щобы она на зэмлы родыла диты в болях, а по смэрты абы кожного дня нэсла

тилько яец, килько людэй на-дэнь умирае, так до вику.

Тай бэрэ Бог тоти яйця, розкравуе на дви половыци и мэчэ на зэмлю. З одной половыци родытся хлопэць, а з другои диўка, и оны ся потому, як пидростут, жэнят.

Алэ то й так бувае, що една половыця яйця ўпадэ на морэ, а друга — на зэмлю, або що одну половыцю зьзист якій зьвир, то вжэ той чоловик з тои другои половыци, що нэ пропала, нэ мае своеи пары и лышаеся¹ цилэ жытье паробком² або диўкою.

Мост Азамата

В очень давние времена жил спустившийся с гор Арамази Улып-богатырь. У него было много скота, и жил он в полном достатке и довольстве. Всякие беды и несчастья обходили его стороной.

Но однажды кто-то из богов, видно, разгневался, горы Арамази затряслись, загремел гром, засверкала молния, и полились нескончаемые потоки воды. Горные озера и реки вышли из берегов, и потоки воды устремились в долины и начали заливать луга, на которых Улып пас свои стада. Такого еще никогда не бывало, и Улып не знал, что делать, чтобы спасти свои стада. А луга с каждым днем затопляло все больше. Тогда Улып, при своей богатырской силе, начал перебрасывать своих коров, овец, лошадей на более высокие, незатопленные места.

Три дня и три ночи трудился Великан, но скота у него было так много, что до окончания дела было еще далеко.

По соседству с Ульпом жил кузнец-богатырь Азамат. Решил Азамат помочь своему соседу. За семь дней и ночей он сковал узорчатый, сверкающий семью цветами мост. Один конец моста упирался в горы Арамази, другой опускался на волжские луга.

Улып со своей женой перегнал свои стада по этому мосту на волжский берег. И как только все стада перешли через мост, он исчез, стал невидим.

Теперь этот семицветный мост можно видеть только в ясную погоду после дождя. Вот почему чуваши возникающую после дождя радугу называют Мостом Азамата.

¹ Остается.

² Парнем.

Откуда взялись русские

Русские взялись с речного дна, с русла рек. Их первопредки брали себе в жены русалок — водяных дев¹. Так людское племя все в реках и сгнуло. И стало русами — людьми, чьи души забрала себе вода.

Однако земля с тех пор сильно изменилась. В результате следовавших одного за другим разрушительных землетрясений огромные пласты земли переместились, реки поменяли русла, на месте гор стали болота, на месте плодородных долин — пустыни...

Вот выброшенные из воды русы и ходят теперь по земле как неприкаянные, шатаются.

Много рыбы сейчас погребено глубоко под землею, однако местами еще живая рыба лежит почти на поверхности, так что земля здесь будто шевелится...

Легенда о начале хлебопашества

Давным-давно, когда еще леса покрывали все берега Свияги и Суры и весь тот край, где они текут, подобно тучам, закрывающим небо во время грозы; когда еще люди кормились, убивая по лесам диких зверей, добывая из дуплистых деревьев мед диких пчел; когда бог богов, могучий и великий Тора помогал людям добывать пищу, — тогда жили на земле два брата.

Старший назывался Якишем, а младший — Велюком. Якиш был злой, жестокий, коварный. Велюк был очень добрый, как малое дитя. Якиш убивал зверей и кормился мясом. Велюк собирал мед и кормился им.

Однажды Якиш пошел на охоту, но не убил ни одного зверя. Голодный и поэтому еще более злой, он пришел к брату. Тот в это время ел мед, собранный им в дуплах, где жили пчелы.

Старший брат попросил меду, и младший по доброте своей охотно поделился с ним. Якишу захотелось узнать, где находятся те пчелы, которые собрали такую сладкую пищу.

¹ В слове «русалка» тот же корень, что и в санскритском *rasa* — вода, кельтском *rus* — озеро, латинском *ros* — роса. Этот древний корень мы обнаружим и в словах «роснец» (мелкий дождь), «русло» (середина речного ложа), «руст» (ручей), «орошать».

— Скажи мне, где гнезда пчел? — спросил Якиш.

Простодушный Велюк повел брата в лес и указал все дупла, которые знал.

Через несколько дней Якиш вздумал украсть меду из одного дупла и уже отломил кусок сотов и стал есть. Но он не отнес первый кусок сотов к священному дереву киремети¹ в жертву богам, и Тора рассердился и приказал пчелам умертвить Якиша. Пчелы собрались из всех дупел, и каждая ужалила вора.

Якиш умер, и пчелы также умерли, потому что оставили в нем свои жала.

Когда Велюк увидел мертвого брата и мертвых пчел, то стал плакать: ему было жаль брата и своих кормилиц.

В слезах он уснул и вдруг слышит во сне голос Торы. Тора велит ему взять теленка и облить водой; что будет с водой, то надо сделать и с мертвыми пчелами.

Проснулся Велюк, поймал теленка и облил его. Теленок отряхнулся, и вода светлыми каплями попадала на землю и ушла в нее.

Тогда Велюк, следуя повелению Торы, разбросал мертвых пчел и закопал их в землю.

Это были первая пашня и первый посев.

Скоро из земли появилась травка, на которой потом выросли колосья. Одни были покрыты точь-в-точь такими жадами, какими пчелы убили Якиша; на других зерна висели так, как висят на дереве рои пчел. К тому времени, когда Велюк обычно собирал мед, колосья поспели. Велюк выбил из них зерна, растер между двумя камнями, смешал с водой и стал есть вместо меда.

Так появился хлеб.

А Якиш был унесен злым духом в преисподнюю. Там злой дух сделал из его злого сердца червей, убивающих теперь молодых пчел, а из тела сделал мышей, поедающих воровски тот хлеб, который добывается человеком.

Откуда знахари

Сус Христос ходзив по зямле с апостолами. А жида подложили пот корыто дыявола:

¹ Молельной рощи.

— Ну, коли ты Бог, узнай: хто пот корытом?

— А гадыня, скруцившись!

Открыли корыто, а там — гад, скруцившись, ляжиць. Апостолы кричаць:

— Михаил-архангал, руби яго!

Той рубанув, на дванатцаць кусков рассек. Ну, уси тыя куски и поповзли.

— Ай, Божа ж наш: цяперь усих людзей поядуць!

— Не, не поядуць! — и дав Сус Христос апостолам дванатцаць заговоров; а апостолы передали миру.

С того й пошли знахари.

Откуда поп

Бог хутев с чаловека изделать ильва. Ут ён зделав кашлатую гулову, з довгими вулосами, з большими зубами. Ды й спухватився, што ўсяго тольки две ноги: «Иде ж ящэ узять две?»

Ут ён думав-думав ды й кажа:

— Ну, ня будяш жа ты чаловеком, а будяш попом!

Смерть Адама и треблаженное древо

Жив собі Гадам. Ото вже его Господь і діточками поблагословив. Така то ёму втіха та радість, що, здається, вічне хтів би жити; а до того ще й здоровье ёму служило. Ото й говорить Гадам до Бога:

— Боже, Боже! Не умру я; бо я сильний чоловік!

— Сильний ти сильний, — говорить ёму Бог, — а все таки умерти мусиш. Заболить тебе голова, защемлять руки, заломить тобі ноги, і ти таки умреш!

Не вирів Гадам, поки був молодий, а прийшла пора, мусів повірити. Раболілась голова, розщемились кости, — сказано, у старого. Баче Гадам, що недалеко до смерти, тай каже до своого сина:

— Сину, — каже, — сину! Піди, — каже, — до раю, та принеси мені з раю золотого яблучка, бо отсе вже находе на мене остатня година!

Пішов син до раю: ам замість яблучка приніс того прута, що Бог Гадама виганяв із раю. Гадам і казав зробити с нёго три обручи і наложити на голову. Але де вже від смерти та шо поможе!

Воно то голова ніби і перестала боліти, а вмерти усе таки вмер. І як умер він з тими обручами, то так ёго з ними і поховали; і ото з тих обручив і виросло три дерева: кипарис, кедрина й треблаженне древо.

Ще за треблаженне древо кажуть, шо матер Божа с Спасителем їдного часу спіткнулась на нёго тай сказала с переляку¹: «О, треблаженне древо, на тобі син мій розіпнеться!»

А син і промовив: «Правда, моя мати!» І справді, скільки послі христів не підбєрали, ні жадним не могли ёго розіпнати, а тільки на їдним треблаженнім дереві, которе ще тогді, як росло, мало вигляд хрєста.

Два Бога было, первый-то Бог Саваоф, а второй — Иисус Христос. Саваоф все сдал, что сотворил, Христу — и лес, и небо. Да, два Бога было.

Бог дал, бог и взял: о кладах

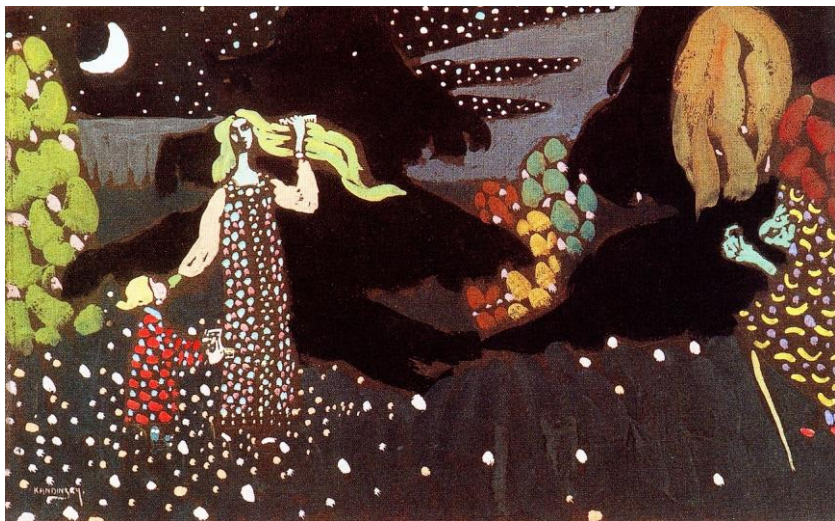
В седьмом квартале

В нашем лесу, в седьмом квартале, есть место неровное такое — овраги там страшные, всякой дичью заросли — кустарником и высокой травой. А в оврагах — волчьи норы. Я сама слышала, как там волки воют. Как начнут, как примутся скулить и выть на все голоса, слушаешь, и дрожь тебя пробирает. Мой зять был лесник, жил в лесу на кордоне. И я одно время у них жила. Вот и приходилось мне слышать, как там волки воют.

Это волчье место в седьмом квартале — это и есть то самое Городище, про которое все рассказывают, что там разбойники жили и клады зарыли.

В этом седьмом квартале многие люди видели большой камень, а на нем выбита свинья и двенадцать поросят. Ну, как есть свинья, и вокруг нее двенадцать поросят. Под этим камнем, все говорят, клад зарытый. Клад, а взять его никому не удастся. Ну, вот никак не возьмешь! Пойдет кто в лес с пустыми руками и на-

¹ С перепугу.

Ночь. Василий Кандинский, 1906 г.

толкнется на этот камень. А одними-то руками, без лопаты, клад не выроешь. И вот место заметят — веточки заломают или еще какие меты сделают, чтобы после это место найти, и пойдут домой за лопатой. А придут с лопатой, — и уж нет, не тут-то было! — никак этот камень не найдут. Нет уж никакого камня, будто его и не было.

Вот какой есть камень в седьмом квартале. Свинья на нем выбита и двенадцать поросяточек. Ну и, наверно, там клад. А так — зачем бы этот камень там положили?

Недалеко от Чердаклóв (Самарская губерния, Ставропольский уезд) есть дуб; под ним лежит клад. Вот раз мужики пошли его рыть, ружье на всякий случай взяли.

Пришли, видят — около дуба (с полуночи) ходят черные кошки крúгом. Стали они смотреть, глаз отвести не могут. Закружилась у них голова, и попадали мужики наземь. Очнулись, хотели рыть, а кошки опять хороводиться пошли: то влево, то вправо. Так и бросили: страшно стало.

Говорят, что на этом дубе повесился тот, кто клад зарыл.

Ну вот, пошли два старика из села Жигулей на Бахиловскую гору за золотом — клады рыть. Когда старики стали подходить к горе, то на одного старика вдруг налетел сокол и чуть не сшиб крыльями. Старик сильно обробел и дальше идти не хотел. И решили они вернуться назад и посоветоваться. Взяли с собой домой землю с двух мест Бахиловской горы — с обеих гребней, завязали землю в узелок и пошли домой к одной мордовке в село Шелехметь поворожить об этом кладе. Долго шли старики. Пожалуй, верст шестьдесят прошли и набили себе на ногах мозоли по целому кулаку. Вот приходят они в Шелехметь к ворожейке Афанасьевне.

Посмотрела Афанасьевна на стариковы узелки с землей и говорит:

— Да, тут золота много, но трудно будет вам его взять. Нужно будет насыпать в решето муки и пятиться все время задом из дома до самой Бахиловской горы, а по дороге все время сеять муку. Если допятитесь до горы и просеете всю муку из решета, то клад этот сможете получить.

Есть клад такой: горшок вертится, а в руки не дается. Это было в Великом Дворе, в Алмозере.

Копали — он уже близко. Его бы уже взять только — а он опять загремит — да вниз. Копают глубже — опять он вниз.

А в красном¹ бору есть клад: чудь когда-то была, дак зарыла. Зарыт за девять шагов от сосны, да сосен-то много, поди знай, от которой? Многие рыли, да не находят.

В восемнадцати верстах от деревни Горки, Шелтомской воло-

¹ Сосновом.

сти Пудожского уезда, в урочище Талый Ручей лежит богатый клад; в нем одного золота сорок бочек. Остался этот клад от жившей там когда-то чуди-винокуров.

В горе Талого Ручья еще теперь есть лотки, по которым во время курения текло вино. Вино, понятно, у них было тогда дешево, и они жили в раздолье.

Клад и в настоящее время многим кажется серой курицей, но в руки никому не дается. Говорят, он прописан на Марью, и долго ли коротко, а его получит счастливица Марья.

Кто в земле золото ищет, а наши мужички и из курицы его сорок бочек получают, только стоит счастливице Марье сказать: «Аминь, аминь, аминь, рассыпся, клад», — и гребти золото лопатой!

Умираў багатый мужик. А як ва ўсех багачоў атымайтца язык пиряд смертю, то іон ня мох сказать, иде деньги схуваў.

Приснилась потэм сынам, што клад схува́н у дуплинястый липи, што близ ряки; только клад дастца, ни дастца двум Иванам да двум каням буланым.

Иднача сами сыны узялись рубить липу; только срубленная древа им ни дастца у руки — пакатилась ат их у реку. Плывет и плывет — ни дастца им, застанувалась ли дяреўни.

Входят сыны у дяреўню, знаходють двух Иваныў, а у их два каня буланных. Привяли Иваныў с канями к липи — липу вытигнули; клад дали, яе разрубіўши.

Сыны атказыютца ат атцоўскага клада, гастять день, и друзей, и третій у Иваныў: приняли их да чести.

Иваны у благодарнысть им закатали золыта у хлеб, и тэй хлеб дали на дарогу.

Што ты думаиш?

Нихто тога хлеба ня зьеў и па разным случаям тириз сколько рук іон к Иванам варагіўся.

Недалеко от деревни Заозерья, Соломенского прихода, есть небольшой остров Тихон-Наволоок, на нем многие по ночам ви-

дят огоньки: как свечи горят. Там клад непременно есть.

Только трудно его взять: его достанет тот, кто проедет по одноночному льду¹ на одноночном жеребце².

Мой дед чуть не взял клад и без этого. Дед жил до ста лет и умер еще недавно.

Он раз пахал на Тихон-Наволоке. Земля на острове мягкая, без камешка; лошадь была хорошая, и пахал дед, ни за что не задевая.

Вдруг слышит дед: соха за что-то зацепила, и лошадь никак не может двинуть ее.

— Но! — говорит дед.

Лошадь ни с места.

— Но! — и опять не везет. — Да но же, чорт тебя побери, — крикнул дед, рассердившись.

Лошадь опять ни с места. Дед пошел посмотреть, за что задела соха, и видит: омеши³ задели за какой-то замок с пробоинами. Дед взял этот замок себе и продолжал ехать. К вечеру закончил пахоту и поехал домой.

Настала ночь, старик спал, и видит сон. Является ему старец и говорит: «Если бы ты не сказал черного слова „чорт“, было бы не только тебе, но и внукам и правнукам твоим на всю жизнь».

Приехали мы с папой, с братцем коней пасти. Мне тогда лет восемь было. Пришли. Папа спит, а мы с братцем коней караулим. Уже ночь, часов двенадцать.

Вдруг слышим где-то вдали какой-то колокольчик. А то маленькие были, подумали, что где-то кузнецы железные копытца подковывают. А колокольчик тоненький-тоненький все ближе. Вдруг мимо нас прям по ногам каретка золотая — вжик! Маленькая такая кареточка и золотая вся. И кони золотые. Раз проехала, а мы сидим, дрожим и не знаем, что делать. Другой раз, третий — и исчезла. А мы с братцем прижались вот так к дружке и дрожим.

А она как исчезла, так мы кричим папе:

— Папа, папа!

¹ Только что замерзшему и простоявшему одну ночь льду.

² Жеребенке, прожившем одну ночь по рождении.

³ Сошники.

А он говорит:

— Что такое?

Мы и рассказали. А он и говорит:

— Это вам, дети, клад продавался. Надо же было его лошади вдарить. Он бы и рассыпался.

*

Ишел раз муж мой в 12 часов по лесу. Темно было. Вдруг смотрит — коровка наша! — Милашка. Он на нее смотрит:

— Фу ты, — говорит, — пошла домой!

А она стоит, как будто ждет чего-то, и вдруг пропала.

Вот и ему клад объявился. А раз он не стукнул, так он в землю уйдет и через несколько лет еще кому-нибудь объявится.

*

Присніўся маладухи сон (у яе у то ўрэмя свежыр пумираў): «Паскач па ём, як іон памреть, галая: клад тады знайдиш».

Ина давай плисать па ём, як іон прыкончіўся. Уси думали, што ина тронуўшись. Ну, ина клад таки знайшла.

*

Когда один человек на Кемчик, в тайгу на промысел пошел, ни одного пушного зверя убить не мог. Ночью в балагане¹ сидел; сделав из кедра комыс², играл-напевал и рассказывал сказки. Из дров деревянного человека сделал и поставил напротив. Когда до смешного места в сказке доходил, смеялся, когда в сказке было печальное — печалился.

Когда он так играл, к двери балагана человек на рыжем коне приехал; коня остановил и с коня слез. Мужчина — человек был. Сойдя с коня, сказал:

— Ты, оказывается, сказочник! Завтра снова заставить тебя рассказывать сказку приеду! — так сказал и ушел.

На второй день опять приехал тот же на рыжей лошади. Перед

¹ Охотничьем шалаше.

² *Кай-кóмус* («деревянный инструмент») — шорский щипковый музыкальный инструмент в форме балалайки. Имеет две струны из конского волоса.

тем, как уехать, сказал:

— Снова на третий день опять приеду я! — сказавши так, уехал.

На третий день опять он же на рыжей лошади приехал. Приехал и сказал:

— Мы с матерью разговаривали: ты из горы пушнины не мог добыть, оттого печалишься.

Его мать — хозяйка горы — сына к охотнику послала разговаривать. Тот сын ее, придя, говорил:

— Ты завтра ожег¹ возьми и поднимись на хребет горы. Там будет дверь в горе. У той двери горы следы людей, обутых в сапоги, видны будут. Ты за дверь дальше не ходи. Если там будешь стоять, через ту дверь соболя непрерывно выходить будут. Ты той палкой тех соболей убей, сколько сможешь унести! — сказал.

Утром, как было сказано тем человеком, охотник взял ожег, поднялся на хребет и стал перед дверью в горе. Соболя непрерывно один за другим выходили. Тот человек (охотник) набил палкой соболей, сколько мог на себе унести. К охотничьему стану спустился.

Потом тот человек к своему стойбищу придя, тех соболей продал, жить-богатеть стал.

Клад мертвой подушки

Симбирский богач Твердышов, говорят старожилы, зашил собственноручно в подушку все свои бумажки и просил своего прикащика положить эту подушку в гроб ему, под голову. После смерти Твердышова родственники умершего засадили прикащика в острог — закрытие денег.

К прикащику во сне явился Святитель Николай Чудотворец и посоветовал ему объявить родственникам Твердышова, что деньги покойным зашиты в мертвую подушку и лежат с ним в гробу.

С разрешения губернатора, в присутствии начальства и кладбищенского священника могила Твердышова была разрыта, открыта гробовая доска, но деньги взять было нельзя, потому что вокруг головы мертвеца обвилась страшная змея и бросалась на

¹ Заостренное на одном конце древко.

всех, кто только близко подходил.

Говорят, что священник будто бы проклял Твердышова, и он провалился в бездонную пропасть.

Недалеко от Тагая (Симбирской губернии) мужик раз лошадь искал. Шел, шел, доходит до крутой горы. Видит — в ней дверь. Он вошел.

В первой комнате все лодки с золотом. Пошел дальше (а комнат много), в последней комнате стол накрыт, а за ним сидит немая девица. На столе — вино и закуска.

Вот он подошел, взял золотую чарку, налил вина и выпил. Кубок — за пазуху, и во все места золота из лодок насыпал. Выходит, а над дверями серебряные наборные уздечки висят. Он взял одну.

Как только вышел, напал на него конный народ, вроде казаков, избили его и отняли деньги. Уцелел один кубок да несколько золотых.

Принес он кубок к тагайскому попу и рассказал все. На кубке был вензель Петров и на деньгах то же.

После все это у судейских пропало.

Кафтан с золотом

Старицек ходил просить, во много мест и пришел к одному хозяину и незамог, полежал да и помер.

А остается кафтан, уж выплачен¹, худой этакой. Ну, он сокрутил вси платья ёго. «А этот худой кафтан в огонь бросить мнекова». Пецка загасла, как бросил он. Ну, он взял, говорит: «Ладно, я воду снесу ёго, затоплю». Ёго затопить и не может, он не тоне ко́ дну, кафтан, да и не уносит никуда.

Он взял да и распорол заплатку-то, ну и стал заплатки много пороть, и под каждой заплаткой — по деньги. Ну и напорол он денег много и стал деньги цитать; нацитал целую тысящу рублей. Ну, он: «Куды эти деньги? Дай я пойду к отцу духовному, спрошу».

¹ В заплатках.

— Ну, а ты, — говорит, — эти деньги возьми, сходи на рынок и купи свинью; пока денег хватит, так все корми ю.

Ну, он, этих денег пока хватало, все кормил ю. Перестали деньги — больше кормить нечем.

— Отце, — говорит, — свинью кормить — перестали деньги, больше кормить нечем.

— Так ты, — говорит, — выпусти свинью на улицу и ходи вслед да карауль ю.

Ходил, ходил этот, такой гладкий луг пришел и посередке речка бежит, затым катится колесо огненно с огнем, там в реки в колеси сидит народ, да этот нищий сидит там. Ну, эта свинья как скоцит, так прямо в реку, в колесо этто. И все стерялось, как было так и есть по-старому.

Он опять пришел к этому отцу духовному и рассказыват.

— Да вот, дитятко, ходил да просил, не молился, так скопил денежки. Так вот Господь за то нам грехи дават.

Вьется веревка, на конце — головка: о змеях

Прежде было два солнца, но Бог, разгневавшись на одно из них, наслал змея, который так высосал солнце, неудобное Богу, что оно стало совершенно бледным — и зовется оно с тех пор уже месяцем и светит только ночью.

Джельбегень

Джельбегень¹ очень губил людей. Учьбурхан, то есть Три бога, советовались между собою, что́ делать. Солнце сказало:

— Я бы спустилось на землю, но от моего жара люди сгорят.

Месяц сказал:

— От жара, пожалуй, сгорят, но мой холод, может быть, стерпят.

Он спустился и застал Джельбегеня евшим ягоды на черемухе. Месяц схватил его вместе с кустом, посадил за пазуху и унес с собою на небо.

От Джельбегенева прожорства уцелело только восемь человек; от них и расплодись вновь люди.

¹ Семиглавый змей.

Арахы

Бог преследовал Арахы¹ за то, что он съел шерсть на человеке (последний был создан с шерстью). Бог спросил у месяца, не видел ли он Арахы. Тот указал, где спрятался Арахы. Бог догнал Арахы и очиром разбил его надвое; осталась одна верхняя половина.

Арахы мстит теперь месяцу — проглатывает его², но месяц снова из него вываливается.

Сотая змея

Кто часто убивает змей, думают унгинские буряты, тому они часто попадаютсЯ. Один бурят много убивал змей, где бы только ни встретил их, и они постоянно ему попадались. Однажды он увидел змей, выходящих из одной норы. Он начал убивать их, и убил уже девяносто девять. Вышла сотая змея — маленькая, длиною около четверти. Он начал бить ее. После каждого удара она делалась все более и более, и наконец стала очень большою.

Бурят сел на коня и поскакал. Змея погналась за ним. Бурят прискакал к одной юрте, вошел в нее и рассказал ее хозяину, что за ним гонится змея. Хозяин юрты спрятал беглеца под котлом. Отворилась дверь, в юрту вползла громадной величины змея и легла кольцом вокруг котла, под которым был спрятан бежавший от нее человек.

Немного полежав, змея выползла из юрты и ушла. Хозяин юрты посмотрел под котлом: от спрятавшегося под ним человека остались одни белые кости.

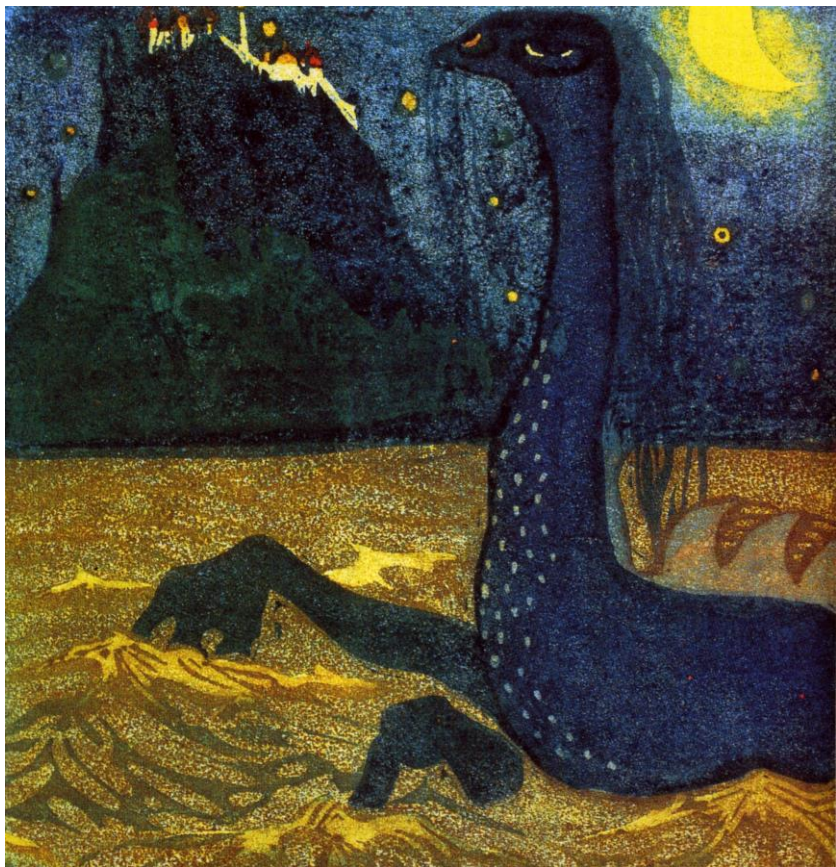
О Змее, поедавшем хлеб

В Новгородской области, там, где наша деревня, это Хвойнинский район, есть озеро. Оно так странно называется — Игорьь. Местные жители говорят, что там похоронен князь Игорьь.

И вот рассказывают, что возле этого озера, под Змеиным кам-

¹ Чудовище, называемое также Араха, Раху. По версии ордосов (монгольского народа, проживающего ныне на севере Китая, в округе Ордос), Раху — зловонное девятиглавое чудовище с десятью тысячами глаз и змеиным хвостом.

² В затмение.

Лунная ночь. Василий Кандинский, 1907 г.

нем — а камень есть и сейчас и так же называется — жил Змей. Жил он в пещере, выложенной разноцветными камешками. Теперь уж этих камешков не осталось. Их брали и клали под печку, когда строили новый дом. Но были они еще недавно, мой дедушка помнит их, видел.

Люди из окрестных деревень должны были кормить Змея хлебом. Они возили хлеб к озеру в мешках, а Змей этот хлеб глотал. Стало людям тяжело кормить Змея. Вот и нашелся один человек. Он, наверно, был из деревни Дворище. Он насыпал в мешок не хлеба, а соли и отвез к озеру.

Змей заглотил мешок соли целиком и захотел пить. Стал он пить из озера, пил, пил, опился и лопнул.

Погребение чудовища-змея

Около Боровского (деревушки Смоленского уезда, Прудковской волости) околел огромный змей. Никак не могли похоронить праха чудовища, от которого распространялось нестерпимое зловоние.

Наконец один колдун дал совет, как похоронить чудовище. По совету знахаря отрядили маленьких мальчиков и девочек, которые запрягли в тележечки петушков и курочек и возили на могилу змея землю, пока бесследно засыпали его прах.

Кузьма-Демьян

Кузьма-Демьян были колись ковалі. И была змяя колись. Дак яна убирала людей. И добираетца до их уже, знатца.

— Што, брат, изделаем мы зялезную соху!

Зделали яны тяперака соху и кажут змяе:

— Пролизнёш троя ут-этых двярэй, дак мы табе сядом на язык, ты нас и зьяси!

Тяперака яна раз лизнула, другий лизнула, и трэтьтий — и пролизала троя двярэй. Яны тогды цапель! Да за язык яё клящами. Да один гвóздя пó голови, а другий запрагаа у соху.

Як запрагли яё, дак орали яны на ёй лес, орали яны луг, орали яны пóля, орали ўсё — и не давали пить, покуль приорались к Няпру¹. Як приорались к Няпру, яна як вырыла ров, як стала пить, як стала пить — и опраглась. А яны тогды и пристановилися.

Змей — носитель всякого богатства

Змей выводитца из питушиныва яйца. Нясеть яго пятах пяти годоў. Яйцо ета, как гулубиныя. Яво бярут пад паху, падвязыють, шесть нядель носють, ня ходють ни ў храм, ни ў баню — тада змей выходить из яйца.

Яво узращають и кормють да вырыста малаком, саблюдають, штоб ниhto ни видал — успитають лет да сями. Тада іон начинать литать и носить, што прикажут: носить хлеб, малако, дэнги, вотку, — тольки зирнятки, што змей носить, стыять кверху вострым канцом, пяткью униз.

¹ Днепру.

Обреченная скотина на дворе не животина: об оборотнях

Жила у аднэй дярёўні магучая жэнщина. Ина на Бога сирдува́ла дужа, што людей из рая прагнаў. Захатела ина Бога спужать, штоб іон па зямле ни прахажываўся.

Як Бох ишоў па дярёўні, ана из-за угла к яму да и ну ряветь па-звярыному. Бох ни спужаўся и пракляў яе:

— Будь жа ты на век вешный мядведицый!..

Жэнщина стала мядведицый. Аттаво, што мядведица ат бабы, цыцкі у яе на грудёх, а ни на пузи, як у звярей¹.

Говоря, человек можа в медведя превратиться, вот и перевертух. Надо через коромысло перевернуться да еще слова какие-то знать, и медведем станешь.

Вот один, он перевернулся как-то через коромысло, ли через батожок, а сноха как раз в печку житники садила.

— Не трогай, — он говорит, — мой батожок, — а она его пошевелила как-то, он и не смог вернуться.

А раз медведя убили, шкуру сняли, а у него туша человечья. Это он перевертыш и был-то. Он хотел соседа богатого коров задавить, вот и медведем перевернулся. Говоря, много медведей убивали, на которых ремень да топор в натопорне надеты. Это все перевертыши-то ране были.

Жена медведя

Жили-были сестра и брат. Сестра — взрослая девушка, а брат — совсем маленький мальчик. Младший брат все плачет и плачет, хочет жениться на своей сестре. Плачет и плачет младший брат, а сестра и говорит ему:

— Ну уж, если ты хочешь жениться, сделай мне доску для кройки!

¹ Рассказы о том, что медведь был прежде человеком, очень распространены: он и теперь пьет водку, ест хлеб, ходит на задних лапах, пляшет; ступня у него человечья, и так же, как человек, не имеет хвоста и все ест: и траву, и ягоды, и мясо, и рыбу.

Брат пошел. После того, как он скрылся, сестра ушла навсегда в тайгу. Возвращается брат, а сестры нет. Подождал немного и пошел на поиски.

В пути увидел дом. Крыша у того дома — из внутреннего слоя звериного сала. Подошел он к углу и стал есть, отрывая куски от крыши из сала, а сам запел:

— Сестру свою я потерял, комо-комо-комо. Ступням своим покоя не даю. Хожу все и ищу.

И вот тогда красавица отозвалась из дома:

— Братец, я здесь живу. Входи в дом!

Брат вошел. Смотрит, и верно, в доме живет его сестра. Вдоволь накормила она своего брата, потом хорошенько запрятала его под задними нарами и сказала:

— Муж мой — медведь. Он может убить тебя. Поэтому-то и прячу.

А муж у нее был не простым, а сказочным медведем. Приходит ее муж и говорит:

— Фу-у, как пахнет в доме шурином! Покажи-ка мне моего шурина! Я его не убью. Как же можно убивать собственного шурина?!

Тогда жена показала ему своего младшего брата. Стали они жить вместе. Медведь каждый день уходит и бродит где-то.

Тем временем мальчик вырос. Стал стрелять из лука, пробовать свои силы. Однажды он взял стрелы и лук и отправился посмотреть, как сражается его зять. Сестра сказала ему:

— Твой зять с белым пятном на шее, а его враг-черт — с красным. Смотри, не угоди в своего зятя!

Мальчик подошел и выстрелил в медведя с красным пятном. А стрела его попала в зятя. Зять тут же и умер. «Вот и угодил в зятя!» Тогда он пошел домой и сказал сестре:

— Сестра, я попал в зятя.

Опечалилась сестра и ушла в тайгу. Уходя, она сказала младшему брату:

— Не убивай в тайге медведицу с двумя медвежатами! Эта медведица — твоя сестра.

И вот остался брат один в доме своей сестры. Каждый день ходит он в тайгу и каждый день видит там медведицу с двумя медвежатами. В какие бы места он ни ходил, постоянно встречал эту медведицу. Наконец, однажды он все же убил медведицу, у

которой было два медвежонка. Освеживал ее, а когда свеживал, в брюхе медведицы его нож со звуком наткнулся на женский нагрудник и подвески. Тут он сообразил, что по ошибке убил свою сестру. Похоронил ее честь по чести, а двух медвежат поймал и отнес домой.

Там медвежата и жили с ним вместе. Перед наступлением осени медвежата стали раскапывать золу в очаге. С плачем копают и поют:

— Ненавистник дядя, мы роем себе берлогу там, где очаг твой, мы роем себе берлогу, приготовим себе жилище, мы роем себе берлогу, вход себе прокопаем, мы роем себе берлогу.

Так плакали они, раскапывая золу в очаге. Тогда тот парень сложил медвежатам сруб вместо берлоги. Кончив класть сруб, он пришел домой — а медвежат нет. Пропали.

Вот тут-то и родилась легенда о том, как пришла за несчастными медвежатами лунная старуха и унесла их к себе, подняла на луну. Поэтому орочи считают, что раньше медведи были людьми. А потому все, что относится к медведю, считают запретным.

Медведь¹ женщину унес. Потом они вдвоем жили. В берлоге жили. Долго жили. Медведь колоды [с медом] приносил. Женщина мед ела.

Через некоторое время та женщина беременной стала. Женщина испугалась. Та женщина родила медведя-ребенка. Спереди ребенок человеком был, сзади — медведем был. Потом медведь вышел и ушел.

Когда медведь из берлоги ушел, та женщина в стойбище, в котором сама жила, пришла. Медведь ту женщину преследовал. Братья ее от медведя отняли. Та женщина после того, как от медведя ушла, ребенка родила. Потом ребенок зверя большим вырос. Мать кормил. Он ей колоды приносил. Дядям своим медведей приводил. Мать к его руке железо привязала. Он ушел. Медвежий ребенок обратно не пришел.

¹ В буквальном переводе с шорского — старичок (*apšijaq*).

Спустя год мать его на пашню одна поднималась¹. Когда она по дороге поднималась, внезапно с земли медведь встал. Его увидев, она испугалась. Он, не имея возможности ходить, на дороге мать свою поджидал. Тот медведь-ребенок, встретив мать, руку ей показал. Увидев находящееся на руке железо, мать ребенка узнала. Подойдя, топором железо сняла. Железо в руку ребенка врезалось. Потом ребенок медведя в тайгу ушел.

У папы на глазах человек в медведя оборотился. В воды вошел человек, а вылез медведем, в лес ушел и сказал одежды его не жгать. А они сожгали, он и остался медведем. Он пояс только не снял. Пошел в стадо, коров задрал, какие люди ему неприятность сделали. Его убили, а на нем — ремень.

А дедко раз говорит:

— Бабка, ночью ногу на меня не закидывай, будет медвежья нога.

Она-то как-то накинула, и правда, наутро нога медвежья.

Колдунья заколдует — и он оборотень. У водяного тож приворочено бывает. Больше в медведя оборачивает, особенно парней, девчонки — в птичек. Зла-то он [оборотень] не делает, и срок у его тож свой есть. Обратно будет, когда кто его сможет полюбить в таком виде. Он весь срок таким пугалом будет бегать.

Вовколака

Да вот я що говорить далёко, сустревся с одним чаловеком, который вовколаком був. Ето було годов, моо, пъять тому.

Иду я лесом дли Неўкли, Городницкаго уезду, Чарниговския губэрни. А проти мяне иде чаловек, страшный, прастрашный, и вочи яму покосило, и вид повраждон. Я питаю:

— Що ето ты, чаловича, такой повраждоный?

А ён отказуя:

¹ Небольшие пашни шорцев располагались по склонам гор, на пашню поднимались.

— Да, брат, будяш повраждоный, як вовком кольки год побигаеш!

— Дак няўже ты вовколаком був?

— Да був жа!

— А, брат, раскажи, як ето дило було!

Ну, зайшли мы ў шинк¹, випили по восьмушцы, от ён мене и расказав.

— Попнявся, кажа, я, посварився с сусидкой. Крыв я гумно свое и скинув якся солому, кольки там снопов, на яё конопли. Яна кажа:

— Ты мне поломав конопли!

А я ку:

— Хиба же я хотев? Ето Бог так дав! Хоть, кажу, и на суд подаси, дак и суд ничего мне ня здилая!

А яна кажа:

— Дóбро, будяш ты знать суд: я тябе сама разсужу!

Ну, попянялися мы так, посварилися, да й усё, и байдужа.

Чараз няделю поехав я с кумом на млин². Побулі на мліні, едом назад. И стали мы коняй попасувать. И мне стало так на серцы тошно, так нудно; и захотилось мне вот небэзпраменно чараз хомут пролезти. Як я пролез, так и став вовком, и побиг.

И бигав, братяц ты мой, я три годы без вовков, один, а на чатвёртый яны ўже принялі мяне ў гурт к сабе. И бигав я з ими ўмисти, и так.

Раз апостол Юрай приказав нам рабаго коня зьість. Дак ён нам пах за сто вьёрст, як ненача чаловику жа́раное. И бигли ми за етым конём сто вьёрст, и других ня трогали, як ня приказано. Зьили того коня, и подъивши, цылую нядилю не хотели исть.

У другой раз захотели мы исти, дак вовки и послали мяне ў стаду, иде чарадник³ пас чарадú⁴. Я прибиг, поросенка узяв. А чарадник кажа:

— Эй ты! Шó ж ты ўзяв бяз спросу?

Дак я й став, и ни з миста. Окружнуса, дык вы́круг яма. Вовки кричать:

— Кíдай да ўтякай!

¹ Трактир.

² Мельницу.

³ Пастух.

⁴ Домашний скот.

А мне некуды уткаться. И стою я, покуль чарадник пришов да сказав:

— Кинь!

Тоды я кинув, а чарадник узяв, пугу парагнув у кольки кратей, и ўдарив мяне дванатцать разов. И так, што на мне шкура обьихала вовчая.

Я й здилався чаловиком, тольки повражон видом и ўсим. А чаловиччия пищи, дак ниякия не хотив, окомья мьяса.

Дак во як баба поддилала!

Максим-соловей и Анюшка-кукушка

Была жэнщина, а у яе двоя детык: сын Максим, а дочка Анюшка. И патиряли дети залатыя ключи ит сундука — яны играли ими и куды-та забросили.

Мать секла дятей прутым, дапрашивала дятей, иде ключи. Патэм, када мать силна узяла сердца, пракляла:

— Ты, сын, ляти у свет салаўём, ты, дачушка, будь какўшка!..

Потэм мать знайшла ключи и ужалилась над дятями, ужалилась дачушки и сына — и заўжда наказыить дачушки:

— Анюшка, дачушка-какушка, варатися да гукай свайго братчика, салавейку Максимку — нихай и ion дамой лятить!

Дачушка-какушка с тых пор и гукаить свайго брата, сылавейку:

Мак-сiм, вяр-нiсь:

Клю-чi знай-шлiсь!

Щука

Рыба щука прежде была лошадью. Одна лошадь, запряженная в соху, со всею упряжью убежала и утонула в воде, и сделалась рыбою щукой. Поэтому-то в голове щуки все кости означают земледельческие орудия и сбрую.

Селивановская свинья

По городу [Чебоксары] были слухи, что из-под моста, на реке Чебоксарке устроенного, выходила свинья-оборотень и делала проходящим разные пакости. Народ заметил, какой величины и

шерсти была свинья, и по примете наблюдал за появлением оной.

В это время была у помещика Селиванова, жившего в городе, подобной шерсти и величины свинья, и в один раз выходила она из-под означенного моста. Чебоксарцы приняли ее за подлинного оборотня и загнали свинью Селиванова в полицию. Там, заключив ее под крепкую стражу, дали знать об этом городничему. Сей из любопытства приходит и видит обыкновенную свинью и, не входя ни в какие рассуждения, оставляет судьбу ее на произвол граждан.

Граждане, раздосадованные пакостями оборотня, давай свинью Селиванова тузить — так же, как тузили в Хемницеровой басне свинью, зашедшую к соседу в сад, — кто палкой, кто кочергой, а кто шайкой; и заварили почтенные чебоксарцы такую кашу, что святых вон понеси, и свинью эту оставили еле живую.

Между тем слуги Селиванова хватились барской свиньи и стали отыскивать ее по городу. Во время таковых поисков узнали, что есть в полиции заключенная гражданами свинья-оборотень. Пришедши туда, находят настоящую свинью своего господина, но граждане не верят. Тогда дворян Селиванова, в доказательство принадлежности свиньи этой их господину, пригоняет ее домой в сопровождении граждан, и свинья Селиванова¹ после жестоких побоев является в конуру к своим поросятам, которые встречают ее и бросаются сосать свою мать.

Тогда уже граждане поверили в подлинность свиньи, а не оборотня.

Лягушки — старые люди

Лягушки — старинные люди. Люди стары были... У лягушки ровно человеческий весь остав: и персты-пальцы, и все, — как ребенок верещит...

Лягушки — человеки были. Это те, кого проклёл отец с матерью. Они обратились в лягушек.

Лягушки — народ был. Это детки Адама и Евы.

¹ Интересно значение фамилии Селиванов. Она произведена от имени Селиван, произошедшего от лат. *Silvānus* — Сильван, бог лесов, полей и стад; *silva* — лес (перен. дебри, бардак).

...Адам да Эвва (или Евва) наделали много детей. Бог узнал об этом и спросил у Адама и Еввы: «Много ли вы наплодили детей?» Адам и Евва перепугались и сохвастали — показали малое количество, а об остальном умолчали. Эти-то скрытые перед Богом дети и обратились в лягушек.

...Ехали люди на свадьбу¹ к венцу. Стретила вельма². Вельма и говорит: «Сворачивайте!» Свадьба не своротила. Она (вельма) и превратила их в лягушек. Лягушки — бывалошные люди.

Лягушки — проклянные люди. До Иисуса Христа людей проклинали.

Если лягушку раздражить, то она за человеком гонится, и если настигет, то кидается в щеку или в грудь, а если не настигет, и человек успеет спрятаться в избу, то она в косяке дверном заседает.

Лягушки — старые люди. Их грех бить — бородавки одолеют. Лягушки прежде были люди; они непокорны стали Богу, Господь и переделал их лягушками.

Мы (люди) от лягушек произошли. Хотя у лягушки кожа голая и толстая, но было время, когда и люди ходили голые, и кожа у них была такая же толстая, как ногти. Такая кожа осталась у людей только на пальцах (ногти), потому что Божья Матерь с эстолечко захватила...

Лягушек грех бить-то: они такие же люди. Лягушкам грех браниться; маленьких деток-девочек обзывать грех лягушками: трое суток не растет девцоночка.

Лягушки хоркают, то есть квакают. Весной лягушки нахортыши вырыгивают (или нахаркивают), как дрожжи с глазками. Из них уполовники (головастики) выходят.

Пока гром не грянет, — лягушка не будет квакать. Лягушки до грома не кричат. Как гром ударит — так и начнет кричать.

¹ Свадьбу.

² Ведьма.

Чертышко, он всяко прикидывается: русалки, лешие, водяные, черти...

Нячистая сила вó откуль.

У Адама и Евы було дванатцаць пар дзяцей. Дык приходзиць к им Бог:

— Дзе ваши дзеци? Покажиця мне своих дзяцей!

Ну, дык яны шесь пар показали Богу, а шесь пар под дуб сховали.

Дык Бог тых узяв, помятусів, помятусів: бóльшую сястру за меньшаго брата, мёньшую за бóльшаго. Богословив их:

— Росьциця, — каець.

Тоды пошов Бог, — Адам и Ева пошли к дубу.

— Давай, — каець, — и мы помятусим так етых!

Пришли к дубу, а их и нема. И посичас нема.

Дык вó: як мы от етых шасьці пар, так *яны* от тых шасьці пар. И их стольки, скольки й нас. Тольки што их ня видно, затым, што их от Бога ховали.

Ну и вот жа, на вутрени, у вяликодня, идзи зь яйцом у лес, к бурелому, ды скажи три разы: «Христос воскрес, хозяин полявый, лесовой, домовый, водзяный! С хозяйшкой, зь дзеткамі!»

Дык и выйдзець христосуватца. Вó.

Русальная неделя? А, говорят, есть. Я не знаю. Их и видеть-то можно только в это время, и они могут в это время сильно повредить, утащить может в воду.

А водяной? Он их главный, он их к себе забирает. Он, верно, зеленый весь. Ну, так всегда в воды, так как же! С бородой, да. Говорит, как человек, только зеленый весь. Он тоже плохой, но и хороший бывает. Во апрель, так надо ему подарки нести, бросать в реку, чтоб не трогал никого этим летом. Может, тогда и не утащит. Но ведь есь люди, которые по судьбе должны туда идти. Вот, сказывали, те, кто родился на Русальной неделе, но это, верно, не правда, а все сказки. Не верю я, не знаю.

14 апреля носили подарки водяному: «Храни, спасай нашу семью». Прямо в речку бросали муку: «Храни, паси нашу семью».

Тут был мост ладеный. Вересина плывет по середине, под

мост. Вдруг засмеется, захохочет, не поймешь, черт это, да. Он всяко прикидывается.

Хозяйка воды

Хозяйка воды человеку показывается голой женщиной с длинными золотыми волосами, с золотым гребнем.

Когда осенью, прежде чем замерзнет, встанет река, хозяйка воды человеку показывается; ее видят или на льду плывущей, или же видят, как она, усевшись на подмытом берегу, чешет свои красивые золотые длинные волосы. Гребень хозяйки воды, хотя для глаз и видим бывает, лучше не брать в руки. Если взять его руками, тот гребень в руке человека и исчезнет. Вместе с собой душу того человека, который его держал, к своему хозяину уносит. Когда тихонько придя, хозяйку воды вдруг испугать, она золотой гребень через плечо швырнув, в воду бросается.

Прежде, в старину, один юноша гребень хозяйки увидел. Тот юноша того не знал и в руки гребень взял. Гребень в руке его исчез. Потом тот юноша сильно испугался. Испугавшись хозяина воды, близко к воде не стал подходить.

Прошло некоторое время, тот юноша ехал верхом, лошадь его в лужу ступила. Сразу же тот юноша вместе с лошадью стал все глубже и глубже погружаться в нее. Когда хотел кричать, голоса у него не стало. Так он хозяйкой воды был утanut.

В водах живут утопшие фараоны. Когда явреи переходили через море, море по Божьему указу раздалось и яны слабые, но прошли. А за ним сзаду гнались фараоны, да не умели догнать — море сошлось и яны утопли.

Вот таперя аны и плавают по марям и рякам. Мы ня раз в нашей рячонке их видели. Плавают таки маленьки человечки.

Русалка — черт. Она в воде живет, а дети фараона живут в море. Придет время, то опять людьми будут. До конца света такими будут.

Чертышко, он в реке живет, волны нагоняет, ветром завивает; вода шумит, волны большие, детям говорят: «Не купайтесь далеко, вода высоко, чертышко утяне!» И еще говорят: «Чертышко-перевертышко, пусти в байну помыться, попариться».

Черт не может на суше жить, он только в воде живет. Он, черт, он водяной. Вот утонет человек, дак он душу-то себе возьмет. Черт только в воде, а леший только на суше, это нечистая сила.

Черт тоже может всяко выглядеть. Но он на суше жить не может. Главный черт — это водяной царь, царь морской, царь речной, и у них целая семья: черт, чертиха, и дети у их есь, и все есь у черта.

У нас там росстани¹ есь, где дороги расходятся. Дак вот раньше говорили, что черт и леший все дрались у этих росстаней. Черт орал на всю Вселенную:

— Я сильней!

А леший:

— Я сильней!

Ругались, ругались, ругались, дело до драки и дошло. Он говорит:

— Нет, уж обожди, черт, мы сначала будем на суше драться, потом в воду.

Ну вот, стали драться на суше, победил на суше леший, а стали драться в воде, черт победил. Так и остались.

Шишки-то и есть черти. Кто хочет покультурней сказать, то «шишок» говорит, а мы, грешные, все «черт» говорим.

Был у нас мужик, все книгу читал про черную магию. И захотелось ему поговорить с ими. Так его черти потащили скрозь потолок, до того дочитался. Так под ним до утра воскресную молитву читали, чтоб не утащили.

¹ *Росстань* — развилка или перекресток дорог.

Вот которы знают ся с им, с бесом-то, дак оне тожо, видимо, каку-то службу несут. А как жо! Че-то оне дарят лешому-то. Это черту-ту.

А один мужик сказал, что «я сорок зайцох седни заловлю в петлю. Вот посмотри», с кем-то заспорил, заспорил. Он, видимо, шибко лешака загадал. И вот оне все 39 нашли, а етот, лешой-от, зайца гонит в петлю-ту. Ишо загнал. Мужик подошел. Он ему по носу дал, так и нос слетел. Вот так, слишком большую задачу дал лешому-то.

Бабка рассказывала, видела она черта. В Троицу это было. Шла она с кладбища, а мужики самогонку варили в доме. А он большой, черный, с рогам, на крыше сидел за трубой и нюхал все.

Хто хоче мати з чортом справу і свою душу запродаати, то най іде на-серед роздорожъя, де три дороги сходяться і де є три фігури і най там крикне три рази: «Грицю без пяти», то зараз ёму ся покаже і спитає: «Чого треба?» Чи душу ёму записати, чи шо, — то він буде ся зараз годити.

Тільки те біда, що тепер чорти чогось збідніли: вже душ не купують і хоч ся покаже, то нічого з того нема.

Бочка с золотом

Жил богатый мужик. Однажды осенью, ночью, кто-то постучался у него под окном. Богач подошел к окну и окликнул. Никто не ответил. Богач лег спать, но опять застучало. Богач опять окликнул; опять никого нет. Тогда богач подумал, что его хотят ограбить, снял со стены ружье и зарядил пулей.

Когда опять под окном застучало, богач открыл окно и выстрелил, а под окном как захохочет кто-то! Богач обмер и стал было запирать окно, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач было схватил нож, чтобы руку отрезать, да и увидел под ок-

ном рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспою и с рыжими волосами.

— Ступай за мной, — сказал черт.

Богач, делать нечего, вышел; черт схватил его за левую руку, и они пошли. Пришли к реке, черт и говорит:

— Ты накопил бочку с золотом, отдай-ко мне ее. Я ведь помогал наживать тебе золото. А не отдашь — в воду брошу.

Богач туда, сюда, делать нечего, согласился; и черт нырнул в воду.

На другую ночь черт постучался под окном, богач вынес бочку с золотом, черт взвалил бочку на плечо и понес. Принесли бочку на берег реки, черт спустился в реку, вытащил оттуда железные цепи, обмотал бочку и спустил ее в воду. Потом опять вынырнул, подал мужику горсть золота и сказал:

— Это тебе за верность мне. Да смотри, не болтай...

А богач пришел домой и запил с горя. Долго он никому ничего не говорил, но однажды взял да проболтался по пьяному делу одному приятелю. Вот однажды пошел он с этим приятелем, а навстречу ему мужик, будто знакомый и зовет в гости. Мужички согласились и пошли. Шли долго, вдруг приятель зевнул и перекрестился и видит, что он бредет по колена в воде, а бывший богач еще глубже и наконец скрылся под водой.

На другой день бывшего богача нашли на берегу реки мертвого, обмотанного цепями, с пустой бочкою на шее. Богача тут же на берегу и похоронили. И вот рассказывают, что в полночь на могиле богача бывает спор о золоте. Богач упрекает черта в том, что после угощения черт обманул его и отпустил домой с пустой бочкой, а золото переложил в другую.

Многие пытались достать бочку с золотом из воды, но безуспешно. Один рыбак было вытащил бочку, но черт увидел и утащил рыбака вместе с лодкой. Часто черта видают на этом месте реки: сидит на камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень — с сажень величиною.

Чертовы коровы

Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посредине — островок. На этот островок летом из воды выходят четыре коровы. Крестьяне делали попытки завладеть ими, но только что хо-

тят подойти, как послышится свист, а коровы бросятся в воду.

Однажды какой-то крестьянин проходил мимо озера, устал, лег на траву и заснул. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было; послышался свист, и коровы бросились в воду. Но мужик все-таки успел двух коров перехватить и пригнал их домой.

Коровы эти долго жили у мужика. (Приплод от них будто бы и сейчас живет в Мегре.) Две коровы давали мужику по два ведра в день молока, и мужик разбогател. Потом мужик вздумал этих коров зарезать, и когда зарезал, мясо и шкуры коров кто-то украл. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже нескольких вороватых мужиков в деревне.

Но однажды осенью, ночью кто-то постучался к мужику. Мужик вышел за ворота и увидел маленького человека в соломенной шляпе и коротком камзоле старинного покроя. Это, оказывается, был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается из-за коровьих кож с соседями: кожи взял он, черт. Мужик помирился с соседями и прекратил тяжбу.

Живем — хлеб жуем да думаем о горячих пирогах

Прабкино ученье

Прабка для меня все. К ней я обращаюсь с вопросами, ей посвящаю весь день, и она никогда не сердится, не гонит меня прочь. Вот и сейчас сижу у прабы Варвары. Она довольна и говорит:

— Слушай!.. Только не вертись и не перебивай. Чего не поймешь, спросишь потом.

Так начала она свой рассказ про дедовщину:

— За прастарые часы, когда еще прады прадов жили, а прабки лазили на четвереньках, в самую старую старину был у русов царь Замах. При нем наши пращуры начали первые пышки делать. До того не умели еще ни хлеба заквасить, ни теста вымешать, либо каравай испечь. Борща ни одна баба сварить не умела.

Так жили тогда люди. Вот тогда и стал дед Горун людей в Бога верить учить. До него и в Бога не каждый верил, а кто так и не

знал, как это — верить. Горун научил костры разводить да чебрец в огонь кидать, чтоб пахло. Он же научил, что Огник от солнца идет и что ему надо ягня святить. Потому-то огонь в печи с молитвой разжигают. Не помолишься, а он тебе вместо тепла да жару возьмет и холоду напустит.

Долго говорила праба, спрашивала, все ли запомнил, и лишь потом говорила дальше:

— Огонь та ягня, это же одно и то же. Потому не обижай ягнят и почитай огонь. Не будешь почитать, он сам тебя не уважит. Тогда хочешь или нет, все равно поклониться ему придется!

— Папа говорит, что только Богу надо кланяться.

— Богу — конечно... Только не забывай и дедовщины. А то Бог на небе высоко, а дедовщина на земле, совсем рядом. Тут она, и никуда от нее не денешься.

Праба, говоря это, что-то шила, перекладывала, примеряла.

— А надо так жить, чтоб и Бог на тебя не сердился и чтоб дедовщины не обижать.

Прабка качнула головой и продолжала:

— Я же говорила... Люди и раньше молились Богу. Теперь пойдет в церкву, а тогда — на криничку, в лес, у костра, либо в поле, возле снопов, а нет, так среди растущей еще пшеницы... И не там, так под дубом. Все это были места, где можно было Бога призывать. Тогда так верили, что если есть криничка, так там и церква!.. Дуб был как Бог-Отец, Дуб и Сноп. Он же — Вода, Огонь, как другие боги. Становись и молись! — она махнула рукой. — Бог везде есть!.. И сейчас можно молиться, если хочешь, на речке и в лесу. Люди же тогда жили бедно: либо в землянках, где повернуться негде, либо на возах. Положил свои кожухи, мешки да рядна¹ и поехал. Сегодня тут, а завтра в другом месте. Там, где тебе лучше. Ну так где же еще церкви ставить?

Прабка передохнула и продолжала:

— Да и то говорили старые люди, что у дальних пращуров наших были церкви. Не было их только у русских. Русы жили родами, большими семьями. Сколько б ни было людей, все — вместе. Старший дед — Родич, а все — братья да сестры, и дети общие, до каждой мамы отзываются. Так и теперь еще есть такие семьи. Ну, и боги тоже складывали свой род. Старшим был

¹ Толстые домотканые холсты.

Бог-Отец, Сварог, и другие сыны его — пониже. Что Дед-Сварог скажет, то Перунко и делает. А у того были еще сыны, а от них дети-люди.

Они так и до Бога обращались:

— Гей, слышь, Дед! Пошли нам Тучу да Грому!

— Надо послать Тучу с Громом... Гей, Перуне-хлопче!.. Собери-ка ты Тучу темрявую да гони Гром!.. Людям надо. Засуха в поле!

Идет Туча темрявая, гремит Гром, льется Дождина... Услышал Прад мольбу человеческую! Напилась земля всласть. А чего же еще людям надо? Благодарят они:

— Слава тебе, Перунко, слава. И Туче темрявой, и Грому гремичему слава. Всем богам нашим слава...

Поднялись хлеба, ожили травы. Люди, дети Сварожьи, принесли Отцу небесному благодарение: просо, молоко, масло, творог, яйца. Все это в костер среди дубов положили. Бога-то Дубом звали. Молодежь вокруг пляшет, поет, в борьбе состязается, зелеными палками дерется. Кто кого поборет, побьет, тому и честь. Лучшие получали награду от стариков. Дети бегали, играли в горелки, забавляли дедов. Деды сидели, вели беседы тихие про минувости, когда сами молодыми были. Потом все ели общую страву¹ и пили хмельной мед. Для этого каждый приносил, что мог: цыпленка, чи порося молодое, а самые бедные несли толченого проса для каши. Ели все досыта, что Бог дал. Одинаково ел мясо и тот, кто принес только проса.

После стрavy, когда была сказана похвала Богу, начинались состязания молодых вояков, а девчата клали венки у ног Дуба либо просто цветы. Тут выходили деды и вели белого коня. Все смотрели, куда конь ступит: если в сторону орала, то будет мир, а если ступит на копые или меч, будет война. Когда же гаданье кончено, пели трижды славу Богу и расходились по домам.

Пращуры наши верили, что Бог живет с ними в доме — в печи, где огонь. А где огонь, там и Бог. Потому-то, когда горел огонь, входили в дом благоговейно, с поважением. Кричать в доме нельзя было. Ругаться тоже запрещалось. Дети в хате не смели шалить. Во дворе — бегай, сколько хочешь, а в хате нельзя, а то огонь уйдет! Ну, да и хаты были такие тесные, что там негде было

¹ Пищу, похлебку, варево.

разбежаться. Землю рали деревянным ралом, а хлеб жали деревянными серпами с кремешками, так что солому не резали, а перетирали. Сколько горстей колосьев, столько и работы. Трудно было жать! Потом стали делать медные серпы да железные. Тогда легче стало. И берегли же хлеб, каждое зернышко сохраняли. Ведь хлеб доставался вдесятеро трудней, чем теперь. Зерно тоже мололи меж двух камней, руками. Целый день ребята камни вертят, а когда кончали, и муки-то было не больше, как на два хлеба.

Легче стало, когда придумали водяные да ветряные мельницы. Однако ж и тогда мука была только грубая. Белой еще не знали. Хлеб был черный, как сама земля. Картошки тогда еще и в помине не было. Пращуры ели моркву, пастернак, бурачки¹, горох, фасоль и чечевицу, а то пекли в печи репу, капусту или тыкву. Ходили на охоту, так приносили зайчатины, медвежатины или свинины. Мясо солили и сушили, как и рыбу, — на солнце. Много набирали дикого меду по лесам. Сохраняли его в горшках. Сушили яблоки, сливы, ягоды, сохраняли с медом, зимой варили, как мы, взвары. Пища была грубой, но прашуры жили — не тужили и были здоровее нас. Когда кто болел, его первым делом отправляли в баню. Потом поили травяным отваром. Человек выздоравливал.

Дедовщину прашуры хранили свято и нерушимо. Не отступали от родных обычаев ни на шаг. Женились и выходили замуж только за своих. Жили по сту человек сразу. Бывало, что старший Родич заедал жизнь молодых. Ну, его терпели как могли. А некоторые уходили и основывали свой род. Ну, так вот, скажем, ты... Слышал про прадов наших да и скажешь: «Ну, они тогда так жили, потому что дурные были, а вот я — умный, и буду лучше жить!»

— Никогда, праба, никогда не скажу так! — вскричал я. — Разве можно?

— Ну, дай тебе Бог сдержать слово! — ответила она, задумавшись. — А то разное в жизни бывает...

— Я, прабушка, буду жить, как они жили!

— Ну, ну... Пращуры любили друг друга, ссорились редко, и то больше слухались старого Родича. Как он скажет, так и делали...

¹ Свеклу.

Ну вот, храни же и ты дедовщину!.. Трудно, но хорошо жили наши прады!

Я помню, как сейчас, что весь ушел в мечты. То я себя видел русским воином, скачущим в бой, то старым Родичем, вершившим дела рода, а то простым пахарем, сеявшим жито.

Как у нас молятся¹

У нас за деревней два мольбища. Старики ходили, деды, прадеды, и мы ходили. Это у нас своя вера...

Обычно мы ходили весной и осенью. Весной, когда снег растает, в понедельник, среду и пятницу. В субботу не ходили, во вторник и в четверг — нельзя.

Идем утром. Весной гуся берем, осенью — барана. Весной — обещаем, осенью — благодарим, большая жертва.

Барана водой поливают. Отряхивается — боги приняли.

Бывает, и по одному люди ходят болезни лечить.

В кереметище специальные столики стоят, чтобы раскладывать там еду, питье. Пиво туда носят из солода и свеклы, пиво в пять чашек разливается. И пьем постепенно. Сами и убираем. Скатерти есть.

Раньше в марийских костюмах ходили, а теперь в любом, только почище. Перед этим надо сходить в баню, чтобы на теле все было чисто и сам тоже.

У нас все оборудовано, и котлы есть. Гуся или барана режут. Голову, лапы, хвост, перья, пух — в костер. От барана шкуру сжигаем. Баран и гусь должны быть белыми. И не гусиха, а именно гусь. Утку — ее в избе положено жертвовать. И от нее в печке все сжигают.

Если болезни, обещают от гуся до быка. В кереметище их живыми ведут. А там обливают водой. Если гусь не отряхнется, стекает вода — не принимает бог. И с бараном так, и с быком.

Ну, а если бог принял, отрезают мясо от сердца, от печени, кости, голову, кожу — все бросают в костер, богам. Пока мясо варится, все молятся. Молитвы-то только старший знает, карт. Как

¹ Записано от нижегородских марийцев, ходивших молиться в священные рощи. Были священные рощи и у русских, на Русском Севере они и посейчас существуют.

его выбирают? А кто больно памятливым, тот и есть. У нас его еще порука называют.

Весной ходят, как листья на березе распустятся. Осенью тоже идут — обществом. Нет дождя — среди лета идут молиться, обещают чего-нибудь. И на следующий день глядишь — дождь.

В кереметище утром идут, как хлеб испекут, как печку истопят. Хлеб пекут особенный, с узором. Пять хлебов должно быть. Коровьим маслом их мажут — другим нельзя. В роще столы ставят. Чашки с собой приносили, из них пили деревенское пиво. Делали чашки из ольхи или из липы. Каждый по пять чашек брал. Какому богу молятся, столько и чашек ставят. А одному двенадцать чашек ставили. Богов всех порука знал. Бог ветра есть, бог дождя...

Кереметище — это священная роща. У нас и сегодня старые люди туда ходят, уходят на целый день молиться. Осенью идут в конце сентября, приносят в жертву барана, весной в конце мая — гуся. Женщины в праздничные одежды одеваются — в белые рубахи, на голову — платки разноцветные. Поклоняются кереметю — Юму. Юмы — это бог по-марийски. От керемета и название рощи — кереметище.

Келемель есть возле Кувербы. Туда только одни старухи ходят. Мужчин не пускают. Как-то раз я попросила свою бабушку взять меня с собой. Я хотела посмотреть, что там делают.

С председателем колхоза договорились насчет барана. Напекли пирогов. Склали в корзины. Взяли большой котел. Все это они несли в келемель. Мусора там нет совсем — чистота. Под березой столик стоял.

Барана привязали к дереву. Старухи окружили его и начали плескать на него воду. Если баран отряхнется, это означает, что бог его принял, и после этого барана можно приносить в жертву. А если бы он не отряхнулся, то этого делать нельзя. Ну, вот барана поливали-поливали, и вдруг он как встрепенулся и стал рваться с привязи. Тогда барана зарезали. Уж я не стала смотреть, как его разделывают — страшно больно смотреть-то.

Потом развели костер и повесили над ним котел. В костер бросили шкуру, голову, ноги, кишки, слова сказали, а мясо — в котел. Потом все стали молиться. Молятся не так, как русские, не

крестятся. Двумя руками взмахи делают, всем телом преклоняются. У бога погоды просят. Дождь лил все время — они солнышка просили.

Шла однажды женщина по деревне. Проходила она как раз по тому месту, где речка течет. Споткнулась она и нехорошо воду обругала. Стала она после этого сильно болеть. Старые люди посоветовали ей сходить к знахарю в соседнюю деревню. Он мог по нательному кресту распознать, какая у человека болезнь приключилась. Пришла женщина к знахарю, посмотрел тот на крест и сказал, что болезнь эта от воды приключилась. Обругала женщина однажды воду, вот и болеет. Посоветовал знахарь сходить на то место, где споткнулась эта женщина, и сказать какие-то слова, то есть извиниться перед водой. Выполнила она все, что знахарь говорил, и с тех пор не болеет.

Был у нас старичок, Максимушка. В лесу в избеке жил. Печечка маленька, иконки у него были, лампадочка теплится. А уж чем питался, уж не знаю. Старичок старенький, к нему ходили спрашивать, он присказывал. Жил он в Ботове, болотничка там, досочки положены. А другие говорили, что не было у него печки. В избе камни большие. Если замерзал, начинал камни ворочать. И зимой тоже. Как холодно, он камни ворочал, ему и тепло. Жил-то он один.

Максимушка говорил не явственно, потом уж догадывались.

Отец болел, пошли к нему. А он говорит:

— Поправится. У церкви стоит дом, от всего лечит.

А там никакого дома не стояло, погост был. Отец и помер.

Спрашивали, жениться — не жениться, как неприятность али что. Два парня пошли к Максимушке, жениться или нет, какую судьбу скажет. Шли по дороге, один другому:

— Что нам Максимушка поболтает?

Вот пришли. Максимушка говорит:

— Проходи, ребята.

— Ты, Максимушка, скажи судьбу.

А он вышел в сени, потом входит с квашней, молчит и так ее болтает. Так они и ушли.

Я-то маленька была, не ходила, а сестра Катя ходила. Только уж чего спрашивала, не знаю. Катя собирается, говорит:

— Ему заплатить надо.

А мама (маму Марфой звали) говорит:

— Нету у нас денег, вот возьми пять копеек.

(Раньше деньги были ведь настоящие, не то что нынешние эти тыщи проклятушие, разве ж это деньги!) Встречает хорошо:

— Заходи, заходи, матушка, садись.

Катя спросила, поговорил он, а потом говорит:

— Денежку домой неси, мне не надо, нету ведь денег у вас дома.

А пять копеек он не видел, так знал.

У нас на хуторах был мужчина, четверо детей у него, а жонка померши. В деревне была женщина, он посватался, она согласилась. Она уж пожилая такая была. Она пошла к нему, к Максимушке, прежде чем согласилась, выходить — не выходить, ведь все-таки четверо. Он ей говорит:

— Ожерелье, ожерелье, ожерелье.

А что это «ожерелье», мы и не знаем. Она еще трех или четырех от него родила, вот и «ожерелье».

Потом убили его. Пускай присказывал, зачем кумунисты убили? И присказывал всю правду, он никому худого не говорил, только хорошее. Церковь в городе, Илья-Пророк, теперь разрушена, там он похоронен. И все только хорошее присказывал.

Жила старушка. Ночью во сне сказал Господь, что в гости придет.

Утром стала готовиться, пироги печь. Нищий к утру пришел, она его не пустила, сказала, что некогда. Второй раз к ней нищий пришел днем, она его опять не пустила в дом. К ночи пришел нищий в третий раз, она опять сказала, что некогда, отправила в соседний дом.

Ночью пришла к ним и спросила про нищего. Ей сказали, что за печкой спит. Она поглядела — за печкой нет никого.

Господь может в разные виды превращаться, вот и тут превратился в нищего.

Мущина работув на поли, ды выронив крошку хлеба. А павуку вы́значено от Бога глядзець за хлебом. Дык ён узяв гэту крошку хлеба, ды на дзераво зь ёю. Тоды, як став вецер, ён и пусьчив свою павучину. Вецер як понес яе, и яго зь ёй, як понес, — до воболок ажны.

Крошка гэта подросла ужо и заплесневела. Тоды ён сев на воболоко, ды на небо. Пришов к Богу, пока́зыець яму гэту крошку:

— Божа, Божа! На што ты даеш им стольки хлеба, што яны ня могуць поесьци? Глۇмютца з дара Господняго, валяюць под ногами, усюдых!

— Ну, — каець Бог, — я буду им мэни даваць!

Дык вот, як яси, не надо крошак кидаць, бы павук собираець и к Богу на́ небо носиць. А Бог мэни хлеба даець.

Рассказ Матрёшки Антоненкавый а сваей жисти

Дятіны́е годы

Ма́линькии, паночик, были мы хитрува́ты. Як, бывала, на мя́ляля¹ выйдем и ўсё гаво́рим:

Мой го́рад,
Мой го́рад!
Я на го́ради стаю́,
Калачики прадаю! —

и пихаим одна другую с горада. Приходятъ мальцы:

— Наш горат! Ах вы, чирипахи!..

Турнуть нас — и бягим мы па возиру, як каторыму видна. Тады будим беч, а по́тэм сами сабе:

— Зачим мы будим беч етага карнаухыга?!

— Карнаухий, даўганосый, тупаносый, криваногий, криваротый! — усим хвамилию наложим, и начинем мы на кулачики да и ату́ мальцыў с горада.

¹ Настил из перетертых стеблей льна, пеньки либо костры — жесткой коры растений, годной для пряжи льна, конопли. Кору мнут мялицею, затем мельчат и выбивают трепкою и ческою.

Ипять яны за нас примутца — мы на ухот. Ипять жа мы уз-
бигаим на мяльля — мальцы за нами. Начанем ипять на кулачики.

— Ну, стойтя, дóсьть¹, — будим на мир!

Запьем песню на расход, иде каму ночку начувать:

Красным девушкам на тёрим,
А робятушкам на с...!

— А, ды вот як вы нам?

Тады мы изнову их дражним:

На паповыи лазни дым казлом,
За рибятами чорт з ражном,
А за деўками поп с хрястом...

Ипять у нас валка тады.

А то:

Квач-бильмач²,
А уси квачи бильмачи,
Адин я не!..

А то:

А йшла свинья пу бару,
И рвала траву-либяду;
Друженьчики-бярвеньчики,
Я шишиў, а вы вышиў, —

вот и застанитца идна.

Як купаимся, кричим:

Казá, казá, дай малака;
Кузнец, кузнец, дай дёхтю!

¹ Хватит, достаточно.

² *Квач* — палка с намотанной на нее паклей или тряпкой, помазок для дегтя; *перен.* о слабовольном, бесхарактерном человеке.

Нескальки ашмётак зачепим, запрягем, свяжем у поля, сложим их, як гной¹, и пяём:

Паехыли, паехыли:
Хто пражіра,
Хто пражарёнык,
Хто жлўкта,
Хто га́нец,
Хто кары́та...
Стой, дубина!..
Што ты едиш, дубина, у катку?

Хто не смысил, тэй сматрыць, а хто и панимаить, што каток биз дубины (оси) ни бываить.

Хто наследнию клёцку² съесь, то́га у барану³ качать.

По́тэм разсорютца:

— Не хади к нам на двор: я тябе сабаками зацуюю.

— Ни баюсь я сабак.

— Я батьки скажу.

— Ни баюсь я твайго батьки.

— Забаисьтя, як хахол надьметь.

Забралась я раз у мак с братым, а іон, братиц мой, и малинький, и картавый, іон яще щиплить мак, а я ужу досыть; хажу да кричу:

— Хади скарей двору, а то увидють!

— Падажжи, падажжи, Маерёска: во яще мак сядить, во іон! Ого-го, Матрёска, во сколько нарвали... — яще няўсё!..

— Хади скарей, мыш, — велий другим разым сходим.

Як мы придим двору, большии и спрашиють нас, аткуль мы набрали маку и гароху. Я ни сказала, а маханький братиц ат чистыга сердца усё рассказаў:

— Там еще іось, вичаром ящо туды сбегаім с Матрёской, яще болий нащипим.

¹ Навоз.

² Колобок, комок из пресного теста, иногда скоромный, в похлебку.

³ На бревне.

Забыретца малый у гарод, хозяин ловить яго; ловить, да и лавить яго баитца: іон от хазяина на каноплях хувайтца и канопли топчить; дагонять яго — ящо болий пакомсить канопли. Ужу хазяин хатеў яго за ручиньку схватать, — іон ипать шарх у канопли.

Тэй хазяин:

— Госпади, твая воля! Што тут делать?! Хади ка мне, душичка-детычка: я яще табе болий гарошку падщиплю на рубашичку, зайди ка мне...

— Да ты ж пасякеш!..

А то зайдим мы на гумно, на хливарычик: там ли лошади, усигда будить дёгать.

Во напали дихтярку¹ — квач вон, и кожная бернушка² мазать. Приходить дед:

— Што вы наделали?! Во золатарі так золатарі! Я ж возьму крапиву да пасяку вас...

Мы у канопли...

Мы якую штуку ящо удрали... Вылазил дед пчол на начоўки и поставил в амбари. Мы пасабрали к сабе других дятишек: дячковича да Ганну, — знаете Ганну Артемыўну.

Миску узяли, меду наклали; кулпанию собраўши, за стол сели. Дячкович у етый кулпаниі. Приизжаить дед из поля — мы пируем.

— Ну што ж вы, детки, ета делаить? Хто ж вам мядку дал?

— Сами узяли, дедичка.

— Ну што ж з вами тапера делать? Якоя вам наказания налажить?.. Мед етый паесьтя!

Мы есть етый мед (дед наш над нами стаить) — ня сила наша яго есть: мы давай яго пад стол брасать.

Дед наш и гаворить:

— Ну, есьтя ж, есьтя, штоб паели!..

Паглядить пад стол: мы пад стол яго набрасали. Мы мижда собе засуятились. Тады дед ипать гаворить:

— Хто махаить пад стол — ета грех!

Мы на дячковича:

¹ Дегтярка — бочка, ведро, банка и т. п. для дегтя.

² Бревнышко.

— Ета етый даўгагривый махаить пад стол.

Дедушка гаворит на дячковича:

— Иван Василич, так нихарашо делать: я твайму батюшки скажу...

А дячкович плачить, просить ни гаварить. Тады мы што дячковичу етому зделали? Засадили яго у бук, давай яго качать — іон кричить. Закачали мы было яго.

Хто-та нам — уж ня помню — крикнуў:

— Што вы делаитя?

Так мы и разышлись: дячкович пашол сваей дарогый, а мы сваей...

Таперича вот иде гумнища, там сад был бальшей — вишанник; паспели вишни и стали такея — ажно чорныя, причорныя. Я была ладная ужу девачка, а систра мая памений, да ящо Степашка Маркина, да ящо мальчик, — и забярьись мы у вишни, и ни заметили, што барин, ваш дядуня, паўзётъ к нам.

А у дядуни вашига был сабака Балабон (бальшуций у няго ищё был такей калтунуватый хвост). Балабон забрехал на нас.

— Балабон, Балабон, што ты на нас брешиш, Балабон?

(Балабона мы харашо знали.)

А тут глянь — ажно и сам барин устал пирид нами:

— Ну, малинькии, идитя за мною!

Каторыи паболии, тых іон узял за рученки и павёл за сабою.

Мы идем, а барин вядеть нас по саду, у горницу увёў сы парадныга сы крыльца у зал. Печка у зали была такая красивая, кафельки у етый печки такея нарядныя.

Мы и разсматриваим, што усё тут так харашо, пригожа.

Приходить барыня (чарствия ей нябесныя!), а барин ей гаворить:

— Тоська, палавил я дятей у саду!

— Што яны у саду зделаютъ? Ты их, нейди, перипужал... На што ты их пупривёл?!

Вот барин гаворить:

— Я вас буду сеч!..

Як справили мы гук у зали етым. Тэй гаворить:

— Я ни щипал!

И тая:

— Я ни щипала!

Барин гаворить:

— Нада б задать и маткам!

А барыня:

— Ну уж поўна табе пужать их! Ти спужались вы яго?

— Не, ни спужались, а спужались сабаки Балабона!

Барин смяетца. Барыня нам сахарцу дала, и пашли мы двóру такея радья, што минула нас граза.

Идем, пирящитым вишни и сваримся¹ мижда себе.

Як пришла я двору, матка мая як забрóнитца:

— Чаво у вишни лезла? Мне супрати барина и барыни совисна, што ты такая сваяволка!

За роску да за мяне.

— Мамычка, барин и барыня знают, што мы у вишних были...

А дед с печи кричить:

— Паддай, паддай!

Так мне и паддали. Потэм сыйшоўшись и спрашиим друх у дружки:

— Ти секли тябе, Стяпашка?

— Ды не!

— А мне так пупала...

А сёлиташний жисти Матрёшки

Притамились мае ножиньки, апускаютца мае ручиньки, патускнули мае глазыньки; балить мае усё тела, — як псюк пад каленками кусаить: пара адубливать, пара дать спакой старым кас-тём...

Перевозчик

У нас в Шуе был перевозчик. Никто от него не слышал худого слова. Сорок лет держал он перевоз чрез реку Шую и никого не обидел, хоть и надоедали ему. Жил он с своею дочерью на берегу нашей реки Шуи.

Сидят это они один раз вечером, и слышит старик, кто-то кричит: «Паром!» Старик пошел к лодке, выгреб ее и поехал на другую сторону.

¹ Перебраниваемся.

Подъезжает к берегу, осмотрелся, крикнул:

— Кому перевоз?

Нет никого. Постоял, постоял он около берега и поехал обратно.

Лишь только вошел в избушку, снова слышит: «Паром!»

Опять поехал на другую сторону и опять там никого нет. Возвратился старик домой и говорит дочери:

— Что-то чудное деется. Кричит кто-то «паром», а никого там нет. Если еще будут звать, я поеду, а ты, дочка, смотри на тот берег. Может быть, кто шутит: когда я еду на лодке, он убегает от берега.

Сказал это и прилег на лавку. Опять слышит: «Паром!»

Привстал старик с лавки, присел, перекрестил глаза и тут же умер. Это звал его Бог.

На том месте, где жил старик, шуйцы наши поставили покойному крест. Это место берега стало размывать водою, и крест мог упасть. Теперь крест поставили на другом месте, повыше.

Хорошо гадали...

Гадали, на Новый год гадали. Вот мы пошли с подружкой-то на перекресток снег-от трясти. Фартук так одели и пошли-от. Ёна мне снегу поклала в фартук-то, круг очертили, снег-то трясти стали. Ой мы тогда испугались, ой испугались! Слушали-то, а где-то далеко-далеко будто кто крыльцо скоблит. Звук-то такой, как крыльцо скоблят. А мы-то испугались и ну домой!

А того году у нас умер тятя, дак вот как гроб-то делали, дык доски так вот и скоблили, и звук такой-то и был. А мы-то не поняли и убежали.

Вот если песни где поют, значит, замуж выйдешь в этом году.

А потом ходили еще камни кидали в пролубь¹. Вот высечем в речки там пролубь, возьмем камень в байни², с каменки, горячий, и когда его в эту пролубь, если зашипит этот камень в пролуби, шумно будет, значит будет злая свекровь, шипучая будет. А

¹ Прорубь.

² Бане.

если там на мужика — шипучий, будет шипеть. А если не будет — значит хороший, ласковый. Темно ж в байне, выбираешь какой-нибудь камешек, да чтоб поглаже, чтоб не зашипел, ну вот и кидаешь в эту пролубь.

А еще гадали, знаете как? Кокору¹ пекем, кокору, ну, хлеб раньше в квашнях пекли: муки да затворить. И вот кокору такую пекут, и эту кокору на голову кладут, в коляду, и бегут с этой кокорой по деревне. Если попадет парень, то замуж выйдешь, а если попадет мужик или женщина замужняя, то не выйдешь, а молодая там девка, то гулять будешь.

Вот как-то сидим мы. А в деревне такая вот была Вера. Схватила кокору-то и бежит в шубке. А у нас Лёша такой сидел, рядом сосед. Мы говорим:

— Лёш, погляди, Вера-то бежит с кокорой.

Он ей навстречу. Она под горку, на речку. На реку прибежал он, ее нагнал, кокору-то взял. Она:

— Ну вот, Лёшка отобрал у меня кокорину, давайте, девчонки, все съедем эту кокорину.

Девчонки-то уж тоже на реку прибежали. Разломали они эту кокорину, съели.

Вера и замуж за этого Лёшку вышла. Вот как хорошо гадали.

В Святки на ложках гадали. Налъешь воды и на мороз вынесешь, чтоб замерзали льдом. Помру — так ямкой замерзне, а жить буду — так горущечкой.

В зеркало гляделись. Брали хомут. Украдем, еще с какой лошади — с жеребенка, которым случат кобыл. Берем два зеркала, таки квадратны. Становим этот хомут, в хомут становим зеркало в наш рост, второе — себе на левое плечо. Смотрим в то, а тебе покажется в которо на плече. Пришли мы в пусту избу — пяти-стенок. Я только зеркало положила, мой жених сзаду и подходит. Я рванула, чуть зеркало не разбилось.

¹ Хлеб круглой формы.

Потом еще гадали. Мололи, в жерна кидали иголку и мололи в жернах. От она, до чего домелешь, она выговаривает, как человек. И имя выговорит или там вот что даже иному на три буквы. Три буквы только и говорит.

Настоящий ученый

О Брюсе

В Сухаревой башне¹ жил этот Брюс. Ну, тут только банки стояли с разными составами да подзорные трубы, а главная мастерская у него была в подземельи — там и работал по ночам. Мастер на все был. Вот раз взял да и сделал горничную из цветов. Настоящая девушка была: комнату убирала, кофий подавала, только говорить не могла. Приходит царь Пётр Великий.

— Хороша, говорит, у тебя служанка, только одно плохо — не говорит. Немая, что ли? — спрашивает.

А Брюс говорит:

— Да ведь она не рожденная. Я, говорит, из цветов ее сделал.

А царь не верит:

— Полно, говорит, зря языком трепать, мыслимое ли это дело?

— Ну, — говорит Брюс, — смотри!

Вынул из головы служанки булавку, она вся рассыпалась цветами. Царь и смотрит, дескать, что это за чудо такое?

— Как, говорит, ты этого добился?

— Наукой, — говорит Брюс.

— Да ведь наука науке рознь, — говорит царь. — Может, волшебством? Ты, говорит, лучше признайся.

¹ Сухарева башня (Сретенские ворота Земляного города) в течение нескольких веков была одним из самых монументальных и самых известных в Москве сооружений; ее, как и храм Христа Спасителя, было видно отовсюду в Москве. Башня была построена по указу Петра I в 1692–1695 гг. (разобрана в 1934 г.). На вершине башни, возвышавшейся над Москвой-рекой на 100 м, размещалась астрономическая обсерватория Я. В. Брюса. «Читаю в звездах тайну бытия, судьбу людей, прошедшее и будущее время...» — говорил Брюс.

В народе башню называли «Сухаревой барышней» и предлагали выдать замуж за Ивана Великого (колокольню Благовещенского собора в Кремле — другую сторожевую башню Москвы, бывшую на протяжении столетий самым высоким сооружением города). Рассказывали, что однажды ночью эта барышня плясала...

Сухарева башня. Алексей Саврасов, 1868 г.

А Брюс ему отвечает:

— Мне, говорит, нечего признаваться. Вот мои книги, вот составы, смотри сам.

Посмотрел Пётр книги. Видит — книги ученые. А Брюс не все книги показал ему: самые главные по волшебству были спрятаны в подземельи, тринадцать штук. Очень редкие и тогда были, а теперь и не найти. Но Пётр все же не поверил ему. А без волшебства тут ничего не поделаешь. Только ведь это не такое волшеб-

ство, вроде колдовства. Это в деревне раньше были колдуны. Действительно, попадались знатоки... И так у них заведено было: от отца сыну передавалось, весь род — все колдуны были. Но до Брюса им далеко. Есть и теперь в деревне, только не колдуны, а выдают себя за колдунов, и не от науки действуют, а наобум святого Лазаря. Иной-то дураком поймает лягушку и примется шилом ей голову колоть: «Мне, говорит, надобно достать лягушьи мозги, чтобы сделать лягушье масло». А для чего, спроси. Он и не скажет — сам не знает. Он слышал звон, да не знает, откуда он. Тут не каждая лягушка годна, а нужна жаба, да и не мозги ее требуются, а сердце. Положат ее в муравейник, муравьи и объедят ее. Да ведь все с умом надо делать, а не на авось. Тоже вот и травы: надо знать, какая против какой болезни действует. А то дадут тебе такого настоя, что ты на стену полезешь или станешь на людей кидаться. На все надо наука, но только без ума и наука ни к чему.

Тоже вот и Брюс: науки науками, а ум-то у него все разрабатывал. И все доступно было ему. Квартира его была на Разгуляе¹ — жена там жила. И посейчас дом этот цел, гимназия там раньше была. Так вот Брюс сделал вечные часы и замуравал в

¹ В оригинале: на Мясницкой, но по описанию — на Разгуляе. Речь идет о доме графов Мусиных-Пушкиных на углу Елоховской (ныне Спартаковской) и Доброслободской улиц. Дом вошел в историю тем, что в нем хранилась и погибла в пожаре 1812 г. рукопись «Слова о полку Игореве», которую Алексей Иванович Мусин-Пушкин, известный библиофил и собиратель, отыскал и издал. Я. В. Брюс в этом доме никогда не жил: он умер в 1735 г., а дом был построен в конце XVIII в. «Основанием» для молвы о «дворце колдуна Брюса» стал брак одного из Мусиных-Пушкиных и внучатой племянницы Брюса (Екатерины Яковлевны). Их потомки стали Мусиными-Пушкиными-Брюс.

На молву работала и вмурованная в стену между окнами второго этажа главного фасада дома астрологическая доска-календарь трапециевидной формы. Крест разделял доску на 4 части. По вертикали креста была выбита ось-восьмерка: по верхнему «кругу» (более выпуклому и короткому) располагались зимние и осенние месяцы, по нижнему (узкому и вытянутому) — весенние и летние. В середине креста находился стержень. Действовал календарь подобно солнечным часам: в полдень тень от стержня падала на определенное деление верхнего (нижнего) круга, отмечая текущий день года. Верхний и нижний круги были образами двух полусфер Зодиака: видимой «зимней» и невидимой «летней». Год объединял их в алхимическую фигуру: двух змей, обвивающих жезл (или древо) — символ целостности, полноты бытия. Колесница Солнца одаряла всех «золотом».

Итак, дом Мусиных-Пушкиных стал домом колдуна Брюса: люди живут своей жизнью, а мифы — своей. И правда мифов интереснее и, как ни странно, жизненнее правды протокола. Миф не знает времени и не знает места.

стену. И до настоящего времени ходят эти часы. Приложишься ухом к стене и слышишь, как стучат: тик-тук... тик-тук... А сверху вделал в стену такую фигуристую доску, а к чему — неизвестно. «Ну, — думает хозяин, — к чему эта доска? Долой ее!» Начали выламывать — не поддается. Позвали каменщика. Он стук киркой, а кирка отскочила да его по башке тоже стук! Каменщик удивляется:

— Что за оказия? — говорит.

Да тут хозяин проговорился:

— Эту, говорит, доску еще Брюс вделал.

Тут каменщик и принялся ругать хозяина:

— Чего же, говорит, ты раньше не сказал мне об этом? Пусть, говорит, черт выламывает эту доску, а не я! — и ушел.

Хозяин и приказал закрасить доску. Ну, выкрасили, а ее все еще видно. И вот тут что главное: как быть войне, доска становится красной. Перед японской войной замечали, перед германской... Закрашивали ее сколько раз, она все выступает. А где подъезд — медная доска прибита, и на ней какие-то буквы вырезаны, и тоже неизвестно для чего. Приходили профессора, смотрели:

— Это, говорят, Брюсова работа, а что означает — ничего, говорят, не можем понять.

А ведь, гляди, даром же прибита доска?..

Ну, это все не то. А вот как он из старого человека молодого сделал — это, действительно, чудо из чудес...

Работал-работал и добился-таки — выдумал эти составы. Сперва-наперво он над собакой сделал испытание: разыскал старую-престарую собаку да худющую такую — кости да кожа. Притащил он этого пса в подземелье, изрубил на куски, потом перемыл в трех водах. После того посыпал куски порошком и снова они срослись как следует, по-настоящему. Вот он полил на ту собаку из пузырька каким-то составом, и сейчас из нее получился кобелек месяцев шести. Вскочил на ноги, хвостом замахал и давай вокруг Брюса бесноваться. Известно, малыш, ему бы только поиграться. Тут Брюс и обрадовался:

— Наше дело на мази! — говорит. — Теперь всех стариков сделаю молодыми, пусть живут.

А этот кобелек так и остался при нем; как вечер, сейчас взберется наверх и поднимет брех: тяв-тяв... тяв-тяв...

А народ, который мимо идет, поскорее бежать: думает, что это Брюс собакой обернулся и свою башню сторожит. Понятно, не знали, в чем тут дело.

Вот приходит к нему царь Пётр и говорит:

— Где ты достал такого славного кобелька?

А Брюс говорит:

— Это я его из старой собаки переделал.

— Как так? — спрашивает царь.

Брюс все рассказал ему, а царь не верит.

— Ну, хорошо, — говорит Брюс, — приведи ко мне самого старого старика; я из него сделаю молодого парня.

Вот царь сделал распоряжение.

Отыскиали такого старючего деда, что он и лета свои позабыл считать, и ходить не может, не слышит ничего. В носилках приносили его в башню, спустили в подземелье. Вот как царская прислуга ушла, Брюс изрубил в куски старика, перемыл в трех водах, посыпал порошком. Вот видит царь: ползут эти куски один к другому, срastaются. И видит, лежит целый дед... Тут Брюс полил из пузырька, и вместо этого деда поднимается молодой парень. Встал, стоит и смотрит. Тут Пётр очень удивился и думает: «Наяву ли я или во сне?» Потом приказывает выгнать этого парня. Брюс и выпроводил его, ну, может, дал ему рублишко-другой... Потом натравил на него кобелька. Как принялся кобелек за икры хватать, так этот парень, точно полоумный, бросился бежать.

После этого Пётр и говорит:

— А ты брось свою затею, чтобы из стариков делать молодых.

— А почему бросить? — спрашивает Брюс.

— По этому, по самому, — говорит Пётр, — что из этого, кроме греха, ничего не выйдет. Ведь если переделать стариков на молодых, тогда и смерти не будет человеку. И как, говорит, тогда жить? Ведь ежели теперь люди грызутся, то тогда, говорит, за каждый вершок земли станут резаться. А с человека довольно и той жизни, какая ему определена. Ты, — говорит, — уничтожь эти порошки и составы и больше не занимайся таким делом.

Брюс послушался, уничтожил. Только он тут другую штуку придумал: сделал из стальных планок и пружин огромнейшего орла. Сядет на него верхом, придавит пружинку, орел и полетит. И сколько раз летал над Москвой. Народ и высыпет, задерет го-

лову и смотрит. Только полицмейстер ходил к царю жаловаться на Брюса.

— Первое, говорит, от народа нет ни прохода, ни проезда. А второе, говорит, приманка для воров: народ, говорит, кинется на Брюсова орла смотреть, а воры квартиры очищают...

Ну, царь дал распоряжение, чтобы Брюс по ночам летал. А говорят, не знаю, правда ли, что нынешние аэропланы по Брюсовым чертежам сделаны. Будто профессор один отыскал эти самые чертежи. И будто писали об этом в газетах...

Но только долетался Брюс на своем орле. Полетел раз и не вернулся: унес его орел, а куда — никто не знает. Царь жалел его:

— Такого, говорит, Брюса больше у меня не будет.

И верно, не было ни одного такого ученого.

Колдунья, она очень хитрая. Ее узнать трудно, никак не догадаться. Она ни за что не признается, очень не любят они, чтоб кто-нибудь знал. А если и знают люди, как поверить, колдунья ли она, то редко кто станет пробовать, ведь она и отомстит обязательно, они вредные.

Ведьмы есть, в пещерах живут. Они сильные колдовки. Заядлые ведьмы обрастают мохом. Портят народ. Они как женщины, только сразу по личности отличишь, которая ведьма.

Колдунами под старость становятся, когда им срок приходит творить.

Колдуны молоко у коровы отнимали, свадьбы портили. Не съездишь к киевской ведьме, так она спортит. Надо на речку, помыться перед свадьбой и у ей обязательно спроситься, не то спортит свадьбу. Мы до сих пор, когда ругаемся, говорим: «Ведьма ты киевская».

Добрейший поп

Був в однім селі піп, да такий же то добрий да розумний, що й сказати не можна (і де вже то він такий вродивсь, не знаю!); і бу-

ло часто він нас навчає своїми проповідями. От раз у неділю і почав він нам розказувать, да так то вже гарно, що ми слухали, слухали та давай плакать! Аж батюшці стало нас жаль: подививсь він на нас крізь очки, да й каже:

— Дак оце ви й плачете? Чого ж ви плачете? Ще може сему й брехня!

Промовив амінь, закрив книжку і пошов в олтарь.

Папа римский

А про папу римського, чи ж то правда, що про ёго розказують, ніби він ніколи не вмірає, а як світ начався, то все їден тай їден! Каже до нёго книжки з неба йдуть. Перше всякі сутки до нёго книжка сходила, а це й він щось прогрівив, то тепер вже на год їдна сходить з неба... То перше що суток була книжка, а тепер в рік їдна сходить.

Лопарь¹ на небе

Лопин все думал: «Вот небо-то близко, как бы мне туда попасть на небо». Взял вырубил лесину и стал строгать стружки. Строгал, строгал и настрогал большой костер. Потом закрыл его мокрой рогожей и эти стружки зажег. Стружки загорелись, а он и выстал на рогожу; жаром его вверх поднимать будет, вот какой расчет имел. Его и стало поднимать дальше и дальше.

Ну, по небесам ходит, живет, народу никого нету. Неделю прожил, скушно стало, что земли не видать. Ходил, ходил, нашел у Бога ярус и видит, что ярусов много наложено у Бога, а Бога самого нету. Думает: «Я свяжу и спускать буду, и хватит до земли». Привязал за дерево большое. Спускался, спускался. Не хватает на полверсты, не больше. Качает ветер над долиной и над горами носит. Понесет над долиной, все города видны и все деревни. Кричит. Прикатилось такое время, земля, гладкое место. «Развяжу узел». Развязал — только уши запели. И угодил он в дряп² по грудь и с руками, вылезть не может.

Весной налетели разные птицы. Прилетел и лебедь... Видит —

¹ *Лопари* (самоназвание — саами) — народ, живущий в России на Кольском полуострове, а также в северных районах Норвегии, Финляндии и Швеции.

² Болото.

на болоте сено. Но у лебедя известно: где бы нашел кусочек, тут и гнездо делать. Плавал, плавал, видит клоч. Лапками огладил, пришел с берегу земли, яйцо положил, другое, третье. И начал парить.

Вдруг бежит волк, чует гнездо, а попасть не может. Волк прибежал, лебедя не было, яйца съел, гнездо разворотил. А лопин как зубами сцапит за хвост! Волк как прыгнет, его из дряпа выдернет. Так и вышел.

Пришел и рассказывает:

— Нет, ребята, не нужно попадать на небо.

И с тех пор охотники-лопари не стали хотеть на небо попадать.

Девичьи зори

Так поселяне называют три звезды подле Млечного Пути¹. Они рассказывают о них следующее.

Жили когда-то на белом свете три родные сестры. А были те три сестры родством и дородством сестра в сестру: что глядеть на одну, то увидишь и на другой. Жили те три сестры в одном доме, без отца и без матери, сами правили домом, сами пахали, сами хлеб продавали.

Приходили сваты и свахи сватать тех сестер за молодых ребят. Придут сваты к воротам — ворота сами растворяются. Пойдут к избе — двери сами отойдут настежь. Взойдут в избу — в избе нет ни живого, ни мертвого, как после мора. Постоят, постоят, так и пойдут ни с чем. Выйдут на улицу, посмотрят на окна, а у окон сидят три сестры вместе, прядут одну кудель.

Вот и придумали бабы сжить тех трех сестер: они де повелись, оттого и живут врозь от народа крещеного. Сдуманно и сделано. Пойдут ночью зажигать городьбу, глядят — городьбу и огонь не берет. Зажгут избу, и изба не горит. Пытались бабы достать и живой огонь в Ивановскую ночь; и тот огонь не берет их. Ходили по знахарям и колдунам; и те ума не приложат, что с тремя сестрами делать. Уж какие кудесы не строили над ними! Им все ничего.

¹ Это три звезды в поясе охотника Ориона. Их связывают с богинями судьбы, тремя Парками — прошлым, настоящим и будущим. Линия трех этих ярких звезд направлена точно на Сириус.

Комета. Василий Кандинский, 1900 г.

Вот раз и видят бабы: летит огненный змей по селу и прилетел прямо в избу к трем сестрам. Что ж, скажите, змей в избу влетел? Не тут-то было. Побегал, побегал вокруг избы да и прочь полетел. «Вот так народец, — думают бабы, — и змей не берет их. Ну где тут сладить бабам?»

Дознались бабы, что померли те три сестры. Хочется бабам поглядеть на тех трех сестер, да как войти в избу? Страшно и подумать, кому идти наперед. Всякому своя жизнь дорога. Сжалились мужики над бабами да и пошли сами вперед. Подходят к городьбе, городьба расступилась на четыре стороны. Подходят к избе — изба рассыпалась на мелкие щепки. Тут-то мужики догадались, что те три сестры были прокляты на роду. Да и после смерти им худое житье: досталось весь век гореть зорями. Вот их уж немножко осталось: только три красных пятнышка...

Зачарованный сад

Есть тут у нас, недалеко от Пачелмы, лес, Кундель называется. Ходим мы туда по грибы. Весной там много сморчков бывает, только там они у нас и рождаются. Так вот, говорят, что там, в этом лесу, есть зачарованный сад.

Моя бабушка в том саду побывала. Она говорила:

— Там деревья большие, а яблоки наливные, слаще меда. Гляди, сколько хочешь, и ешь, сколько хочешь, однако с собой яблоки не бери, а то из лесу не выйдешь.

А моя бабушка взяла яблочков с собой. Взяла и — заблудилась.

— Вот, — говорит, — и тропинка, кажись, знакомая, и приметы все, а выхода из леса никак не нахожу. И все, — говорит, — меня так и подмывает — «выброси яблоки... выброси яблоки...»

Пришлось бросить яблоки. И как только она яблоки выбросила, так враз и дорогу к дому нашла.

Зарастающие озера

Первоначально каждое болото было озером, которое вследствие проклятия или чародейского воздействия стало сужаться, заноситься илом и порастать травой и деревьями. Так, известное в Велижском уезде Промочёвское болото возникло следующим образом.

Какая-то вдова, жившая на берегу озера, пекла блины и послала своего единственного сына за водою, а спустя немного времени она услышала крики сына. Оторопевшая мать выбежала из дому со сковородою на чепеле и налитым тестом и увидела, что сын тонет. Несчастная не могла помочь сыну, который погиб на ее глазах...

В крайнем, но неразумном отчаянии она прокляла озеро, бросив в него сковороду: растворившийся в воде блин образовал болотную грязь и дал начало зарастанию озера.

Говорят, что это болото снова станет озером, когда со дна его будет извлечена сковорода.

Зачарованный погреб

В трех верстах от села Веляшковицы (Витебского уезда), на левой стороне дороги, ведущей в местечко Яновичи, близ фольварка Бабывщины¹, есть зачарованный погреб, следы которого сохранились до переживаемых дней в правильной насыпи и мощенной тропинке от погреба к роднику. Этот погреб устроен для склада и притона давними разбойниками, которые, уходя на промысел, каждый раз запирали дверь, заваливали ее жерновом, присыпали землею и зачаровывали, чтобы сторонний не

¹ По местному толкованию, название «Бабы(о)вщины» дано было фольварку [небольшому поселку] потому, что первыми и в то же время единственными поселенцами его были женщины, кои здесь отправляли все хозяйственные работы, мужские и женские, безразлично. — Н. Я. Никифоровский.

мог ни войти, ни выйти оттуда. Между прочим, разбойники полонили единственную дочь знатных родителей и поместили в свой погреб, оставляя на время отлучек живую добычу под запором и очарованием.

При содействии царских войск разбойники были схвачены и казнены, причем от них было исторгнуто указание на местонахождение пленницы. Начались немедленные раскопки: все слышали радостные возгласы заключенной, а счастливые родители уже переговаривались с дочерью, отделенною от них лишь дверью да приставленным жерновом. Но в это именно время на присутствующих нашел неудержимый сон, и каждый уснул там, где находился — у двери, на погребе, — каждый в том положении, в каком увидел откопанную дверь.

После просыпания уцелевшие в живых увидели погреб в том виде, в котором он был до раскопки, причем стоявшие у дверей оказались засыпанными землею, где прежде всего погибли родители девушки, раскопщики и стоявшие ближе к двери.

Что произошло тогда, то же повторялось и при новых попытках проникнуть в погреб, и последующие искатели уже не решались возобновлять их. Удостоверяют, что деды современников еще слышали стоны и мольбы о помощи злополучной пленницы, которая, между прочим, указывала и на средство спасти ее: для этого следовало разыскать жерновный исподень и приставить его к вирхёню, приваленному к погребной двери, вслед за чем спадет очарование — засыпанная земля отвалится прочь, и дверь отворится.

Оказалось, однако, что исподень давным-давно разбит на две половины, из коих одна находится в фундаменте дома родителей пленницы, а другая, лежавшая у церковной паперти, вместе с церковью ушла в землю.

Ушедшая в землю церковь

В том же месте, хотя и на другой стороне Яновичской дороги, при деревне Городок, на крутой с трех сторон горе стояла когда-то церковь, которая с многочисленным составом богомольцев во время богослужения внезапно ушла внутрь горы.

С тех пор наиболее достойные люди слышали в горе колокольный звон, раздающееся оттуда церковное чтение и пение, а

также стон и вопли богомольцев. Ныне это слышится реже прежнего, что свидетельствует об ослабевающей жизни заживо погребенных людей. Но кто слышал помянутые звуки, те единогласно утверждали, что подземное богослужение в воскресные и праздничные дни совершается одновременно с богослужением в соседних церквах, что, например, обедня там отправляется при солнечном закате, и только в пасхальные дни она бывает одновременною.

Существует уверенность, что ушедшая в землю церковь некогда выйдет на поверхность и займет свое место, которое посему не зарастает лесом, несмотря на то, что окружные леса в изобилии посылают сюда свои семена. Если на ровной площади церковища есть кое-какие березки да кусты орешника, то первые уцелели от бывших вокруг церкви насаждений, а вторые появились на поверхности из тех орехов, которые имелись в карманах некоторых богомольцев...

Уже было однажды время, когда ушедшая в землю церковь начала подходить к поверхности, так что слышались радостные клики молившихся, церковный трезвон; показался даже церковный крест. Когда же не по разуму усердные соседние жители стали раскапывать землю, чтобы облегчить церкви выход, последняя еще глубже ушла в землю, причем сровнявшеюся землею были засыпаны некоторые копатели¹.

Лев Толстой и американцы

Когда Толстого предали проклятию, приехали к нему американцы и стали упрашивать, чтобы он ехал к ним жить.

— Какое, говорят, вам тут житье? Одна ругань да беспокойство, и, того гляди, ушлют в Сибирь. А у нас, говорят, вам будет жить хорошо: любой дом на выбор отдадим вам на веки вечные, жалование положим тыщу рублей в месяц, а прислуга и автомобиль бесплатно. Какой, говорят, хотите, берите сад и какие угодно деревья сажайте — никто слова не скажет. И пишите, и печатайте что вздумается — никакого запрету не будет.

¹ Окрестное население чтит место городищенской церкви: сюда не допускаются дети для игр, скот для пастбы, а некоторые прохожие и проезжие набожно крестятся, как и перед обыкновенною церковью, капищею [часовней], крестом, иные же творят молитву о спасении подземных заключенников... — *Он же*.

Только Толстой не согласился:

— Я, говорит, в России родился, в России страдания принимаю, в России и помереть должен. А что, говорит, касается Сибири, так я ее не боюсь: пусть ссылают — и в Сибири люди живут.

Так и не поехал. А рассказывал мне про это в ночлежке один старик. Раньше он по Русе¹ странствовал, а теперь ослабел ногами, с рукой стоит². И рассказывал он еще про Толстову религию:

— Эта, говорит, его религия вот такая: каждый, говорит, как хочет, так и верует. Как, говорит, хочет, так и пусть молится. Ежели, говорит, не хочет ходить в церкву, так и не надо — греха от этого никакого не будет. И молиться, говорит, можно по-разному. Хочешь, говорит, молиться на икону — молись, а не хочешь — выйди на двор и на восход солнца помолись, а ежели кому желательно — можно и на звезды молиться. Во всем этом, говорит, нет никакого греха, лишь бы у тебя руки не были запачканы человеческой кровью. А ежели, говорит, ты убил человека, то тут и есть большой грех. А кто, говорит, живет чужим умом и по чужой указке ходит, тот есть анафема-проклят человек. Вот за это самое, говорит, и прокляли Толстого.

И много он рассказывал про эту религию, да я не все понял. Старик с башкой.

— Другие, говорит, все из книг берут, а я, говорит, беру от людей и от жизни, и на моей стороне правда, а на ихней — ложь.

Только я так думаю, что книга книге рознь: иную только и остается, что бросить на помойку, а из другой можно что-нибудь взять для развития ума.

Песня быков с золотых гор

Давным-давно это было. По шорской тайге два быка шли. Они возвращались из Абаканской степи на Алтай. Кости тех быков очень большими были, рога огромными были. По непроходимой тайге им идти тяжело было. Рога за деревья зацеплялись, идти не давали. Копытами за корни деревьев задевали. Упавшие колодины дорогу им преграждали. Когда по болоту шли, ноги их в болоте увязали.

¹ По Руси.

² Просит милостыню.

Дальше они по хребтам шли. Когда они на хребет поднялись и когда по хребту шли, хозяева гор пути им не давали. Хозяева гор хотели их в свои горы утащить. Когда они к плесам спускались и шли по берегу реки, хозяева рек хотели их втащить в воду.

Те быки по непроходимой тайге все вперед шли. Когда они по земле шли, путь, по которому шли, утапывали, рогами деревья ломали. Молодые деревья с корнями выдергивались, большие деревья обламывались. Те быки, идя, вспоминая свою землю, скучали. О своей земле думая-тоскуя, мыча, шли.

— Любимый наш Алтай, золотые наши горы, на которых мы родились и выросли, когда же мы увидим вновь наши золотые горы, наши белые степи?! — говорили.

— Если кругом нас послушать, шум тайги слышится. Если кругом поглядеть — деревья, имеющие листья, до неба достают. Ветви деревьев синеву неба от нас заслоняют. Днем лучи солнца до нас не доходят, ночью лучи месяца не доходят. В землю айны что ли мы пришли? — говорили.

— Э, э, хозяин наш, зачем нас из золотых гор отправил? Вверху находящийся великий куда-то забыл что ли нас? — говорили.

— У подножья тайги быстрые реки текут. Хоть какая быстрая река, нам чужая река! Высокие синие горы с синим небом соединяются. Хоть какие высокие горы, для нас чужие горы! Вот мы плача, плача идем! Э, э, э, хозяин наш из земли, где мы родились и выросли, зачем ты нас отправил? Зачем мы ушли из земли, где мы родились и выросли? Вверху стоящий куда-то, почему ты нас бросил? — так говоря, плакали оба. Плача-плача, в великое рыдание вступили.

В то время один охотник в тайге промышлял. Диких коз подстерегал. В то время, как он диких коз подстерегал, в далекой тайге сильный треск раздался: трескали деревья и камни. То услышав, охотник, не боявшийся до сего времени, испугался. Сам про себя подумал: «Уж не хозяева ли гор, водки напившись, камнями, деревьями швыряются?!»

Потом, когда взглянул, увидел: с огромными рогами быки идут. Рогами деревья ломают, копытами землю разрывая, приближаются. Видя то, охотник еще пуще прежнего испугался. Тот охотник, с тех пор, как родился, таких громадных быков не видел, таких больших рогов во всю жизнь не видел. Глядя, охотник очень удивлялся:

— Абу! С какими огромными рогами звери в нашу землю вошли! Рога их огромные, глаза их кровавые, подобно огню сверкают! Из какой же это земли пришли такие звери? Как бы не из земли айна они пришли!

Те быки по горам шли, вспоминая о своей земле, скучали, песню мыча, пели. Охотнику та песня в сердце крепко запала. Тот охотник эту песню долго слушал.

Потом сделал из кедра комыс, вырвал из хвоста коня волос и натянул на комыс. Потом, на комысе играя, ту песню стал петь. Он песню тех двух быков запомнил. Придя с промысла домой, он на том комысе играл и пел.

Говорят, что потом тот охотник стал великим сказочником. Когда он ночью играл на комысе и сказку рассказывал, стоящие на небе звезды к земле приближались, стоящий на небе месяц к земле приникал. Бушующий в тайге ветер затихал. Звери и птицы, бросив детенышей, из тайги выходили. Старики плакали.

Без смерти не умрешь: о конце света

О конце света и страшном суде

«Хлеба, покуль помреш, не перееси. Ге, — знаеш ти, шоб хлеба людям не стало? Хлеб все останетьця, нехай все помрем». — «А Бог дасть, шо у мене не врадїть, у другого — где таді хлеб возметьця?» — «Е! Що то говорить, будзе так, шо хлеба людзям не стане». — «Це звесно, голод будзе. Але зразу на тебе не прийдзе. Первий скот поиреть; леса нігде не будзе, таді вже на людзей голодная смерць найдзе. А так шоб зразу на человека, ото не!

Таді Михаїл-архангел в трубу затрубе, — всі на суд стану, страшний суд настане.

Може птица, которая съела человека, — та будзе кость несті; звер може колі заєв — і тот будзе кость несті, шоб усе собралось на место. Все людї пособираются. Всем, хоч стар, хоч молод — буде наче 30 лет; все поробляться, как наче каждому 30 лет було... Таді праведнии, где схочут... у рай, а другим придется, шо в смоле будут кіпець. Смола буде кіпець. Свет не знїчтожитьця; он той же свет буде.

Тогді їдолу дасца на три часи, штоб он бив себе, як хочет. На три часи, — только, больше ёму не дасца. Ідол буде тоді ходить: у

мене, каже, хлеб є і даст тебе, коли ёму уклонися. А то видіш, как на корме тебе хлебом, ето, не хлеб буде, а конское г...о. Идол, сказано; думаеш, — ен правду соблюдаеть? А не склонися, — за нїм печка железная буде ездить, у печку тебе кинє. В печке жар буде, значит, для страху, — а вскочиш, холодно стане. Значит, не кланяйся только, а там Бог помилуєць».

Кончина старой земли и наказание Сатаны

Небо свернется в скатерть; эта старая земля сгорит, а будет новая, и на ней Господь устроит рай. И будут пороть железными прутьями Сатану 12 ангелов, и будет верещать он на всю Вселенную, а потом кинут его на кумову постель.

А та постель такая, что ее и теперь боится он: вся в огне, вколочены в нее железные гвозди. Вот как кинут его на нее, тогда ему и придет шабаш; а теперь пока слободно.

А миру определено быть семь тысяч лет: говорят, теперь восьмая тысяча идет, и это все правда может быть...

Сказки

Да это не сказка кака, а взаболь у нас так: кругом народ читающий, знающий, соврать не дадут. У нас так и зовется: «не любо — не слушай».

Степан Писахов, «Звездный дождь»

Шел я мимо, видел диво;
Висит котел —
Девяносто ведёр.
Это, брат, правда!
Я шел мимо, дуб увидел,
На дубе — свинья
Гнездо свила.
Это, брат, правда!
Шел, мимо прошел,
На дубе-то — ветки,
На ветках-то — детки.

Клубок первый, золотого царства

Марья-царевна — Лягушчонка

У царя Микидона было три сына и все нежанаты. Вот они просятся:

— Батюшка, жани нас.

— Нет, дети, вы сами уж выросли, ищите себе нявесту. Я тады могу свадьбу сыграть, бал собрать, на пир гостей созвать.

Те ребята собрались обдумливать себе нявесту, иде какую кому свататься, и придумали:

— Давайте мы себе поделаем стрелы.

Поделали они стрелы, и такой у них уговор: куды попадет стряля ихняя, там и ихняя нявеста.

Вот первый брат натянул свою стрялю-луч и выпалил стрялю. Попалась стряля в государственной дворец.

Другой брат натягивает свой луч и выпускает стрялю. Попала яво стряля, и пошел он разыскивать свою стрялю в княжецкам дворцу.

Потом заряжает свою стрялу, наставляя свой луч Иван-царевич. Выпаливает свою стрялу прямо в речку. Пошел он ее отыскивать и нашел свою стрялу в речке. И заплакал Иван-царевич. Плачет Иван-царевич, и по речке раздаются волны. Раздаются волны, в зубах нясеть она яво стрялу, Марья-царевна — Лягушчонка, и говорить:

— Квак-квак! Что, Иван-царевич, вы плачетея?

— Ну, — говорить, — как жа ня плакать, все мои братья нявестьяв нашли, а мне, — говорить, — нявесты нет...

— Ну, да что жа, буду и я твоя нявеста.

Ну, хуть и ня ндравится Иван-царевичу, а судьба довяла.

Приходить к отцу, объявлять отцу, что «у меня нявеста есть». Хотя совестно сказать, что лягушчонка нявеста, ну, все жа сказал.

Те братья хохотом принаполнилися. Подняли брата на смех. Вышел отец и говорить:

— Полно вам грохотать, пора за дяла браться.

Первому брату, бóльшаму сыну, приказал утирку¹ принесть. И второму также, по утирке им. И Иван-царевичу велел утирку принесть.

Да, пошли они, заказали своим жонам, что «батюшка требует от вас по утирке в подарок».

Приходя Иван-царевич к речке и слезно плача. Плывет яво лягушчонка:

— Ква-ква! Что, Иван-царевич, плачешь?

— Как жа мне ня плакать? Мой батюшка приказал утирку принесть, игде я ее возьму?

— Ну, ляжись спать, утро мудрянея вечера.

Там палатка выстроена прекрасная, лег он спать в этой палатке. Выходя Марья-царевна прекрасная, махнула рукавом:

— Собирайтеся, мамки, няньки, ткать утирку, какой батюшка мой утиралси.

Те собралися, подали ей такую утирку, лучше, чем батюшка утиралси, разными морозовыми цвятами. На утро поднимается Иван-царевич и нясеть своему отцу рóдному утирку.

Те подали утирки. Одна хороша утирка у старшего сына, у среднего — яшшо лучши. А Иван-царевич подал утирку — и нельзя описать: красивей всех и лучши всех!

¹ Полотенце.

На другой день задает он им, чтобы принесли все по скатерти. Бóльшой брат пошел своей заказывать, середний — своей, а Иван-царевич опять заливается слезьми...

Раздвоились на речке волны, плывет лягушчонка, спрашивая:

— Ква-ква, Иван-царевич, что плачешь?

— Как же ня плакать, батюшка приказал мне принести скатерть, а игде я ее возьму?

— Ну, Иван-царевич, ляжись спать, утро мудрянее вечера.

Лег он спать, выходит Марья-царевна прекрасная, Василица, махнула рукавом:

— Мамки, няньки, собирайтесь суда ткать скатерть Иван-царевичу в точности такую, как у мово батюшки на столе.

Выткали они скатерть — такая скатерть прекрасная: по краям узорами — лясами, посередине — морями.

Наутро встал Иван-царевич, взял под мышку и пошел. Собрались братья. Стал отцу бóльший брат подавать — такая же красота, так хороша! Отец радуется. Подал другой сын — яшшо лучши. Бóльший брат на Иван-царевича говорить:

— А ты что от своей лягушчонки принес?

Подаеть он отцу, Иван-царевич, скатерть — какая же красота выткана: и морями, и лясами, и звездочками, и месяцами, и кораблями! Невозможно вздумать и невозможно сказать, не видал он отродя таких скатертей в своей жисти.

Потом он им даеть такое приказание: сказываеть-приказываеть, чтобы испякли по пирогу. Энти пошли к жонам заказывать, Иван-царевич опять пришел к речке, заливается: «Где я, — говорить, — батюшке пирог возьму?»

Раздается волна по речке, плывет лягушчонок:

— Ква-ква! Что плачешь, Иван-царевич?

— Вот мой батюшка приказал по пирогу принести в подарок. Братья мои пошли жонам заказывать, а я где буду брать?

— Ну, Иван-царевич, ляжись спать, утро мудрянее вечера.

Тот лег спать, вышла прекрасная Василица, махнула рукавом:

— Собирайтесь, мамки, няньки, пякитя мне пирог, какой мой батюшка ядал.

Испякли пирог. До того пирог вышел воздушен — всякими цвятами алыми, какия только бывают, все, все уставлены на пирогу!

Просыпается Иван-царевич, завертывая она яму пирог, нысетъ он отцу в гостинцы.

Приносить бóльший брат — до того пирог хорош. А середний — и того лучши. Бóльший брат на Ивана-царевича говорить:

— А ты от своей лягушонки, должно, не принес и скорки.

Вынимая Иван-царевич из-за пазухи пирог, связанный в сал-хетке. Салхетка блиститъ — таких ня видал. А развязал он пирог — отродясь таких во всем свете не было, яшшо лучши всех!

Теперь отец приказываетъ им:

— Надо собрать бал, ваших жон посмотреть.

Эти пошли своим жонам заказывать убираться завтрашний день на гульбу.

А Иван-царевич призадумалси, пошел к речке. Сел и обдумливаесть: «Энти жон привязуть, ну, я кого?»

Плыветъ лягушонка по речке, и раздается волна:

— Квак-квак, Иван-царевич, что ты слезно плачешь?

— Как жа, батюшка приказал нам завтрашний день с жонами приезжать на бал. А я с кем приеду, кого я покажу?

— Иван-царевич, ляжись спать, утро мудрянея вечера.

Наутрие собираются они. Вымая она яму костюмы, галстуки — таких ни на ком не было. Как она яво нарядила!

Первый брат приехал с своей жаной — разукрашан, разоде-тай. Там их слуги встрявають, разувають, раздываютъ, в стульи сажають. Та сноха приехала роскошно одета, та — яшшо лучши. А Иван-царевич идеть один. Когда он пошел, она яво провожала и яму приказала:

— Тебе будут спрашивать: «Иде твоя жана лягушонка?» — «А она, кажись, скоро приедить».

Те братья сустряваются¹ и спрашиваютъ:

— Одет-то хушъ хорошо, но хуть бы ты свою лягушонку в коробку принес. (На смех поднимають.)

Вот поднялся вихорь, и пыль столбом, и коннай топот. Лягушонка едя в карете, всё стоня ды гремить. У коней яё из-под копыта огонь брызжа, из ноздрей дым валить. Карета яё в золоте убратá, сама в драгоцени вся наряженная.

Братья Иван-царевича спрашиваютъ:

— Что за такая поднялася гул?

¹ Встречаются.

Царевна-лягушка. Виктор Васнецов, 1918 г.

— Это моя лягушчонка в коробочку плыветь.

Подъезжает к царскому дворцу. Ня ихние прислуги с нею, а свои сенные девки, каждая убрата — невозможно на нее глянуть. Все убрáты — какая красота, какая чистота! Подскакивает Иван-царевич яё ссаживать, брать под руку. Яё прислуги вядут, за ней хвост нясут. Он с ней под ручку к отцу подходить — отец сроду ня видал такой красоты.

Пошел у них пир на весь мир. Столы их этими скатертями убрáты, утирки им на руки подáты.

Марья-царевна не допьеть и в рукав лъеть. Те снохи глядеть и сабе так же: не допьют и в рукав лъют. Мясо она не доядая и мослы¹ в рукав складая.

По кончания всяво пиру пошла у них танця. Махнула правым рукавом — вода в комнату полилась, море, поплыли гуси и лебеди, стали прекраснаи скирды по берягам. Махнула другим рукавом — полетели птички, запели пташки. И так гости заслухались, разочаровались — добré хорошо Марья-царевна такую

¹ Кости.

бяседу проводить. А Иван-царевич растёт, на Марью-царевну не нарадуется — какая же она красота!

Пошла бóльшая сноха также плясать-танцевать.

Махнула правым рукавом — всяво свекра щами залила, махнула другим рукавом — лоб прошибла мослом. Середняя сноха за ней поспяшила и тожа яму по уху мослом ввалила.

Рассярдилси царь, прогнал их. Иван-царевича проводил с добрыми дялами.

Этот Иван-царевич вперед убяжал и взял яё шкурочку сжег, Марьи-царевны, лягушачью.

Тут жа это время приехала она:

— Ах, Иван-царевич, что вы сделали, вы бы нямного повредили, я бы была ваша жана.

На тот грех Кашшей-бяссмертной и унес Марью-царевну. Заплакал Иван-царевич опять и пошел нявесел, головушку повесил.

Идеть старой старичок, встрелси яму навстречу:

— Что плачешь, Иван-царевич?

— Вот, Кашшей-бяссмертной унес у мене нявесту.

— Я табе дам клубочек: куда клубочек покотится, туды ты и иди, — говорить тот старичок.

Теперя идеть он, клубочек котится — два чорта дярутся.

Подхóдя:

— Что вы дяретесь?

— Ды вот мы делим вешши.

— Какия жа вешши?

— Дубинка-самобивка, шапка-невидимка и скатерть-самобранка.

— Ну, теперя я вам их подялю.

Связал им сорокаметровую оборку¹.

— Кто скорей до конца добежит, тот и получает вешши.

Они схватились за эту оборку и перехватывались, пока Иван-царевич не ушел с теми вящами.

А клубочек все котится. Прикатился клубочек под дубочек. Под этим дубочком стоит сундучочек. Откопал он этот сундучочек, там ляжить заяц. Вот он разорвал зайца — в нем утка. Он яё разорвал — в ней яйцо. В этом яйцу Кашшей-бяссмертного смерть.

¹ Веревку.

Подходить он к Кашшею-бьясмертному дворцу. Там стоять львы, там стоять тигры, ревом рвать и проходу Иван-царевичу не дают. Надел он шапку-невидимку, пустил дубинку-самобивку. Шапка-невидимка в дом яво пустила, дубинка-самобивка зверей яво покорила.

Вошел он в дом — добре разукрашен, хорош дом у Кашшея-бьясмертного. Сидит Марья-царевна во светлице. Как она царевича увидала и без памяти стала.

Кашшей-бьясмертной учуял:

— Это кто жа пришел? Набрасывается в дверь и чуть-чуть Иван-царевича не задавил. Иван-царевич яйцо раздавил и яво душу загубил.

Тады Иван-царевич свою царевну за руку брал, в праву шшоку целовал.

Я там была, их сустрявала. А когда чай-то пила, по губам тякло, а в рот не попало.

Вот и сказке конец.

Орел-царевич и его сын

Жили-были мышка да воробей. Ну, как мышка в страду напаёт себе всего, а воробей — летучий: ничо. А зима на тот раз была жестокая, трескучая, холодная. Воробью спастись некуда, он — [к] мышке в нору:

— Голубушка-кумушка, содорми меня, покаль лютый мороз.

— О, — говорит, — оннако, у меня провянтю не хватит.

Ну, он ее милости просит: пусти да пусти, мышка.

— Ну, пойду я провянты свои посмотрю; ежели хватит, так пушшу тебя.

Обсмотрела свои закромы и согласилась она его пустить:

— Хоть сыты не будем, а с голоду не пропадем.

Ну, согласились они вместе жить.

— А летом будем вместе рóбить. Ты будешь пшаницу собирать, а я носом молотить да таскать буду.

Весна прилетела, воробей споркнул и улетел. Мышке обидно стало, пошла она к своему старшóму на воробья просить. Собрался их суд большой. Собралися. И птицы ето вся слетелася и гнусина: мыши, кроты там. И пошел суд у их. Суд имя ешшó недостаточно, открыли войну между собой. Воевали они двое суток.

Ну, и разошелся их суд, одному орлу подстрелили крылья — остался на пеньке.

Пошел в одно время Иван — купеческой сын за охотой и видит етого орла, и снимат винтовку, метит его убить. А орел человеческим голосом отвечает ему:

— Иван — купеческой сын, не бей меня, я такой же человек, как и ты, только заклётый на некоторое время, а лутче возьми да корми, я тебе полезен буду.

Подходит Иван — купеческой сын, спрашивает:

— А долго я тебя кормить буду?

— Один год, — говорит, — меня надо кормить.

— А каку же ты пи́шшу ешь?

— В сутки барана.

Ну, взял купеческой сын орла, приносит отцу:

— Вот так и так, таку находку сделал, — обсказывает все.

Отец помолчал.

— Это, — говорит, — дорого.

Ну, и опять, хоть и ворчит, да единственный сын — запретить жалко.

С полгода кормил, отец ругаться стал:

— Што же ето такó — в сутки барана? Гля¹ какой ты пользы его кормишь?

Потом отец осердился, выбрал, как сын отлучился, — и велел орла в овраг бросить, и не велел сказавать, куды и бросили. Одна горнишная только заметила, куды его понесли, и потихоньку ему сказала. И он етого орла взял из оврагу и предоставил на фатеру к древной старухе. Предоставлят в сутки барана и только кормит потихоньку от отца.

Остается до году кормить один только месяц, а отец узнал, што сын все-таки кормит его, рассердился на нёслуха-сына — взял и выгнал в одним пинжачке его. Приходит купеческой сын к орлу с горьким слезам:

— Не то што, — говорит, — тебя кормить, самому есть нечего стало.

— Ну, так што ж, пойдем, — говорит орел, — силу пробовать.

Вышли они там на плошшедь.

— Ну-ка, — говорит орел, — садись на меня да доржись по-

¹ Для.

крепче.

И поднял его на себе под облака, поднял под облака и опустил — бросил. Иван — купеческой сын только хотел не жив упасть, тот не дал ему упасть и подхватил его.

Потом как они остоповались:

— А што же ты думал, — спрашивает орел у этого купеческого сына, — когда летел?

— Да што думал? Думал: «Упаду, так разобьюсь».

— А ето я первый долг уплатил вам. Когда я на пеньке сидел, ты в меня целил, я тоже думал, што смерть моя будет. Ну, тогда садись на меня и полетим, куда наши глаза глядят.

Вот они долго ли, коротко ли летели, прилетают к какому-то городу и останавливаются за городом.

— Ну, вот што, Иван — купеческой сын, дай три пота с себя, сослужи мне одну службу.

— А где же я могу спотеть? — отвечает.

— А вот лезь на заплот¹.

Тот залез.

— Вот трясина меня за уши до тех пор, покуль у тебя руки, ноги опустятся.

Ну, тот трёс, трёс — уж моченьки у его нет. Пот с его градом льет.

— Ну, отдохни, — говорит, — ишо два пота дай мне! — говорит.

И стали у его уж по колени ноги человечески из етой шкуры. И опять давай его трясти. Трёс, трёс. Уж моченьки у его нет. Пот с его градом льет, а стало его уж до грудей видать.

— Ну, теперь треси в последний раз, докуль кожа на руках останется. А то не выдюжишь, все наше с тобой пропало!

Вытряс он его из етой кожи, стал орел молодцом пред ём.

— Ну, топерь побратуемся!

Стали они назывные братья — и условие дали, штоб не покидать друг друга.

— Топерь иди в такой-то дом, там есть така-то надпись, и проси там милостыню. Тут в етом дому моя сестра старшая живет. И приходи к окну и проси милостыню не ради-христа, а ради орла-царевича. И хозяйка спросит: «Каку же милостыню тебе

¹ Ограду из бревен.

надо?» Ты проси от подвала золоты ключи и обратно слушай, што она скажет, ежели не даст ключи.

Подходит он и просит, начинат такую милостыню, не ради-христа, а гля орла-царевича. А у окошка стояла горнишна, бельё гладила. Ну, и со всех ног к барыне бросилась:

— Што такое, по новой форме милостыню просят?

Барыня ето дело догадалась, пошла сама к окну, рассказал он ей все про дело — и просит ключи. Она выслушала ето дело и говорит:

— Хош сколько я с братом не видалась, но пушай ишо столько не увижусь, а ключи не дам.

Ну, приходит он к ему, обсказывают.

— Што же, тут не удалось, пойдём к другой сестре, в другой город.

Ну, короче сказать, тут имя также отказали. Пошли в третий город к меньшей сестре; опять пошел Иван — купеческой сын просить ету же милостыню. Та от всего сердца обрадовалась:

— А где же он, орел-царевич?

— А вот дай мне ети ключи, я на свиданье тебя ему приведу.

Подала она ему ключи ети. Ну, и потом пришли они с етим с орлом, стали беседовать, пир у них. Свиданье, значит, у сестры младшей с братом сделалось. Ну, и потом орел-царевич повенчал Ивана — купеческого сына со своей сестрой.

— А я, — говорит, — пойду себе долю искать.

А Ивану — купеческому сыну все двенадцать подвалов препоручил, в них много всякого злата и серебра.

А орел-царевич приходит в чужестраной город. В етим городу жил бессмертной Кашшей, владал етим городом. И у его была купческа дочь украдена — доржал он ее у себя.

Несколько времени проживал етот орел-царевич в етом городе, и стал гостить к етой Кашшейе, как Кашшейе в городу нету. И ета Кашшейе стала от него забеременела. И в одно время захватил Кашшей бессмертной орла у себя в дворце, и снес ему голову. А она осталась от него беременна. И как Кашшей уехал, она без его родила. И не знат, куды с ём деться. Все равно Кашшей его убьет. И удумала она его в дубовой бочонок положить, на бочонке надписала, што «не хрешшоное чадо», и спустила в море.

И етому же самому купеческому сыну, который на орловой сестре женился, пригрезился сон, што будто на его пристали но-

вые корабли пришли. И он будит свою жану рано утром.

— Што такое за сон? Я поеду на присталь. Все ли там благополучно?

Приежат на присталь — плават у его на пристали бочонок. Ну, зловил он етот бочонок, видит литерá, што «не хрешшоное чадо», схватывает етот бочонок и везет домой к жане. Вот они с жаной етот бочонок взяли, раскупорили, вынули оттуль дётишше, и там записка, што от орла-царевича прижитки. И они оба с жаной обрадовались:

— Ето што же, от нашего брата.

И пошли у них крестины. Окрестили, дали имя ему Василий. И своих у его было двое парнишек. И стали они с жаной растить, как своего.

Растет он у их не по годам, не по дням, а прямо по часам. И вот ондали они его в школу вместе со своим детям. Виду ему не подають, што «ты не наш». Из школы дети бегут — балуют. Василий их тихонько толкнет — имя не смаготно. Придут, жаяться, што «вот нас Васька обижат». Ну, они ничего не говорят ему. Дети да и дети.

Вот однажды дети рассорились — старшой парнишка и говорит ему:

— Ты не наш, тебя нашли мы.

Тот прибежал со слезам к отцу, к матери. Те хотят его разговореть; ну, он одно твердит:

— О[т]пустите меня; коли я не ваш — пойду гулять.

Ну, уговорели его кой-как. Остался он. По училишшу-то он лутче всех. Кто три года учится, он в один год все понял.

В одно время детишки играли стрелками, и улетели его стрелки на старый, на дряклый подвал. Пошел он за етой за стрелкой и увидел етот бочоночек, и прочитал ети литерá самые. И приходит топерь к отцу, к матери.

— Нет, вы неправду сказали. Вот и бочонок етот. Опускайте меня, пойду на все четыре стороны свою долю искать.

А темя жалко опускать его. Но несколько с ём время бились, не могут ничо с ём сделать, и они уже сами все патребно ему рассказали, кто он и чей сын.

И пошел он в етот же город, где етот Кашшей бессмертной. А топерь у Кашшея етого уж ограда вокруг городу́ сделано: не пропускать никого. Прямо етого Кашшеева дворца жила старушка в

ветхленькой избе. Заходит к этой старушке етот самый Вася, просится переночевать. Пустила его старушка, покормила, што бох послал.

— Кто, бабушка, у вас етим городом владат? — спрашиват.

— О, дитятко, бессмертной Кашшей етим городом владат! Народ весь замучил!

— Как, бабушка, етот город у вас крепко охранятся? — спрашиват.

— О, дитятко, ране просто было, все по-простому ходили и ездили; ето все с причины доспелося.

— С какой такой причины?

— А у Кашшея жана из русских украдёна, и тут рицарь жил, и стал к Кашшеихе ходить, и Кашшей сознал ето все дело и ссек ему голову, а потом заставил тут заставы. И Кашшеиха была от орла-царевича брюхата, и не знаю, куды скрыла младенца.

А етот все на ус мотат.

— Так вот, бабушка-голубушка, быдь ты мне вторая мать родная, а я к тебе с докукой. Сходи ты на базар, купи мне женску одёжду и скрипочку, и вот тебе денег — купи нам закусочку. И не сказывай никому просто. Вот, мол, женска у меня гостя, да и только!

Вот старуха пошла на базар, купила ему женску одёжду, скрипочку. Он в женску одёжду оделся, и старуху молил и просил, усердно просил, штоб она не сказала, што он из му[ж]скóго полку.

Сял он к окошку на дворе, напротив Кашшея, и стал играть во скрипочку — Кашшею понравилась музыка. Слушал, слушал да и давай на своем балхоне плясать, и посылат прислугу.

— Подите-ка, спросите ету девушку, не пойдет ли она на вечер ко мне играть?

Девушку прислуга спрашиват — а та (Вася-то):

— Я, — говорит, не сумею, оннако, гля вашего барина сыграть — я из простых. Простая челдонка¹. Как сумею гля него сыграть?

Вторично посылат прислугу, штоб, мол, не отказывалась. Потому очень игра нравится. Ну, посулился играть, а сам ладит записочку гля матери. Што «ваш сын, который был в бочонке, нашолся, возрос я у дяди. И, дорогая моя мамонька, спрашивай у

¹ Крестьянка.

Кашшея, где его смерть. Он два раза соврет, третий правду скажет. А скажет, где смерть, так уважай ее хорошенько».

И пришла прислуга, повела ету девушку играть. Кашшею она очень понравилась. Хорошо играют, и очень умная, уважительная девушка. А Кашшеихи своей даже и ей не показывают — доржит ее в 12-м этаже, за проступку ету. Но Вася все-таки схитрѣлся, послал с горнишной записку матери. Как отошла ета тѣнцѣя, провозжат ету девушку прислуга домой, подает Кашшей ему 50 рублѣв, а он тайным образом ети деньги горнишной и передал, штоб та записку оддала.

Ну, и как он, Кашшей, натонцовался, нахлопался, натрепался, назавтре спит долго. Никовда етого у Кашшея не бывало. Ей [Кашшеихе] подали чаю, она его будит — и так ласково его просит чай пить. Кашшей тому весьма зрадовался. То она его не любила, а тут чай зовет пить с собою. И за чаем разговор с ѣм повела:

— Што ето сколь мы с тобой, душечка, ни живем, а никогда с тобой не говорили. И как ето охота тебе ети вечера делать, убивать себя до такой степени, и вот ты топерь устал. А [г]де же, душечка, ваша смерть находится?

Кашшею смешно стало:

— Гля чего же вам моя смерть?

— Какая же, — говорит, — я тебе жана буду, когда ничего знать не буду?

— Моя смерть, — говорит, — у коровы в рогах.

— У которой?

— Да у пестрой, — говорит, а сам улетел.

А она сечас приказала ету пеструю корову занести к себе на этаж. Поставила ее на дорогой ковер, и уставила ее всяким светѣм¹, и увязала ее разным лентам. Вот приезжат Кашшей, взглянул:

— Ето што еще такое ты удумала?

— Ну, да што же ето, душечка, рази подобно твоей смерти по дворам таскаться. Ишо могут твою смерть убить — да я вдовой останусь. Лутче же я сама буду содаржать, ходить за ей вместо всякой прѣслуги.

Кашшею любо ето стало.

— Выведи, дура, не тут моя смерть!

¹ Цветами.

Ну, корову угнали, светы сняли, она заплакала:

— Што, мол, правды не скажешь.

А Кашшей от радости не знат, куды деваться, што злюбила его баба.

Вот опять вечер делат, опять зовет ету девушку играть, и опять сын записку наладил: «Спрашивай пушше, где смерть». Ну, короче сказовать, Кашшей опеть натанцовался, опять лег спать — и опеть по утру она его будит и спрашивает про смерть его:

— Какая же я вам жана буду, когда ничего знать не буду?

— Моя смерть у козла в рогах, — сказал и улетел.

Она сечас приказала нести етого козла к себе на верх, на ковер поставила, увила женчугом, золотом.

Вот опеть прилетат Кашшей, взглянул:

— Ето ишо чо такое?

— Ну, да што же, душенька, рази хорошо твоей смерти по дворам таскаться?

А он смеется:

— Дура ты, дура, выведи его вон.

Потом она заплакала:

— Сечас, как ты меня не любишь, добром правду не скажешь, я себя смерти предам. Я [к] тебе всей душой, а ты не любишь меня, да правды не говоришь.

Ну, развылась, — Кашшей и стал правду сказывать:

— Ну, дура и дура! Да вот где моя смерть: моя смерть за трем землям, на дикой степе, никто туды не ходит, никто туды не ездит, за морем. За этим морем стоит будка, в етой будке — яшшик прикованный, в етим яшшике — коробка, в етой коробке — утка, в етой утке — яичко, в етом яичке — моя смерть. Ковда ето яичко изломатся, товда моя смерть будет.

Она взяла, все ето списала на гумажку и послала сыну с горнишной. Сын получил эту записку, весьма рад сделался.

Ну, со старушкой попрошсался — оставил ей капиталу и говорит:

— Ты, баушка, никому не говори и не вына́сивай, может, еще и повидаемся, а я пойду страмствовать.

Долго ли, коротко шел он, до такого места дошел, што ни купить, ни нанять ничо нельзя, и идет голодной. Какой-то плés-ненный сухарёк был ишо у его. «Дай-ка, — думат, — помочу в море да сьем». Только на берег пришел, помочил, подбегат рыба и

вырвала у его етот кусочек.

— Што же ты у меня, у прохожего, остальной кусочек взяла?

Ну, он плечом пожал и пошел.

День был ясной, жаркой. Вышла самая большая рыба сушиться на солнце. Лежит, как большая гора. Вот он себе и думат: «Отпушу я свою трость, отлетит от нее какой-набить обломок, и съем я ету рыбу». Рыба отвечат ему:

— Не умышляй, прохожий, ты моим куском вечно сыт не будешь, а мне будет вечно больно, а лутче я тебе [с]гожуся.

Пошел, не стал шевелеть рыбу. Переносит на себе (голод).

Бежит собака — у ей три шшенёнка, а он до того голодный, што хотел палкой одного шшенёнка убить. Собака отвечат ему:

— Вечно моим шшенёнком не наешься, а я вечно буду на тебя жалобу творить. А я тебе еще гожусь.

Ну, и пошел он далее, опять путем-дорогою, и доходит до того самого моря, где будка стоит. А у моря ни перевозу, ни олдьи¹ — ничо нету. Сял, повесил голову и сидит. Вот видит: море колыбаться, ета самая рыба, у которой он шпат хотел отрубить, зволновалась, и прет ему будку на себе.

— Ну, што, доволен ты моей зaslуге?

— Спасибо, — говорит.

Заходит он в будку, ломат етот ящик, разломал ящик — а в будке дверь не запер — утка из шкатулки и улетела на степь. «Вот грех какой!» И сял, тошнее того голову повесил. «В руках была, да не мог взять». Не откуль ета собака, у которой он шшененка пожалел, тащит ему утку, на полету́ задавила.

— Ну, видишь, прохожий человек, и я тебе пригодилась.

Собаке поклонился до поясу. Сял, утку распороть; утку-то распорол, яйцо и укатилось назад в море. «Што же ето я за дурак, што я за неучь такая!» Вдруг видит, море зволновалось, и ета, котора сухарь выдернула, рыба — тащит ему яйцо. Положил яйцо на место и пошел обратно.

Ну, а Кашшею дома плохо стает. Смерть тронулась его. Ну, скоре сказать, доходит он опять до етой старушки, у которой был первый раз.

— Ну, што, баушка, у вас новенькое?

— Вот и новенькое, Кашшей в постели лежит, ничем уже не-

¹ Лодки.

движимый лежит.

Переночевал он у старушки. Завтре идет прямо во дворец к Кашшею — смелó уже идет. Кашшей его из милости просит:

— Ондай ты мне ето яйцо, ставай на моим занятии, а я уйду отсель.

Он тому не внимат, взял ето яйцо, хлопнул — и Кашшей здох. Вот он Кашшея сожог, пепел перевеял, просеял и отправил на пух-прах. Народ-то весь облегчился. Пошел звон, пение, радость. А сам пошел отца отрывать. Отца отрыл, етим яйцом намазал — и отец у его ожил. Ну, и вот стали жить-поживать да добра наживать. И дядя на етот пир пришел, у которого он жил.

Уточка — золотой хохолок

Жил-был один человек, ружейник, с хозяйкой. Жили они богато. Хозяйка у ружейника была распутная: с купцом водилась. Муж ее по ночам сети ставил, а днем с ружьем ходил. Расставил он на ночь три сети; поутру встал, смотреть пошел. В одной нет ничего, в другой нет ничего; в третью посмотрел: видит — уточка Золотой хохол и на лбу подпись: «Кто съест головку, тот будет купец, а кто сердечко съест, тот будет царь». Принес он ее в дом и отдал хозяйке на сбережение; позавтракал и пошел с ружьем. А у них в училище было два мальчика, лет по двенадцаты, и у них был повар нанятой.

Полюбовник-купец пришел, хозяйка ему обрадовалась и говорит:

— Ах, милый мой, какую птицу хозяин пымал!

Купец говорит:

— Покажи, какая!

Она показала. Купец прочел и говорит:

— Вот что: кабы ты ее мне зарезала, век бы с тобой не раздружились!

— Как же, — говорит, — мне ведь хозяин строго наказал ее блюсти?

— Вырвалась, скажи, да улетела, повесу¹ тебе за это не будет. Ну, повар, зарежь ее, ожарь!

Повар зарезал, ожарил ее. Покуда уточка жарилась, купец до-

¹ Строгого наказания.

мой ушел, замешкался там, а робята пришли:

— Дай, повар, нам поесть!

Он одному дал сердечко, другому — головку. Робята поели, побежали на двор играть.

Купец пришел.

— Повар, — кричит, — давай жаркое-то!

Подали жаркое.

— А где головка с сердечком?

— Да робятам отдал.

— Ну, так мне это не нужно. Зарежь-ка, — говорит, — робят, вынь из них сердца, а то брошу! (Это он хозяйке-то и говорит.)

Та задумалась.

— Ну, повар, нарежь моих робят, пускай будет по его!

А повар добрый был и говорит робятам:

— Идите с Богом!

Зарезал кутят, а те ушли в лес.

Много ли, мало ли шли, приустали. На острове черных ягод нашли; наелись и нарвали. Смотрят на себя, и стали они, как скотина, в шерсти. Пошли лесом дальше, нашли красных ягод. Поели и этих. С этих ягод стали они еще лучше, чем до этого были. Взяли и красных в запас; дошли до царского дворца, начали ягоды продавать.

Царевна высылает служанку за ягодами, денег с ней выслала:

— Продайте!

— Мы, — говорит, — за деньги не продаем, а так дадим. Вышлите самоё царевну.

Царевна вышла. Они ей красных ягод не казали, а черные ей понравились. Она заплатила деньги, и скорым бытом пошли они в другое село, верст за тридцать в сторону.

Покуда царевна шла, все ела по ягодке и сделалась в шерсте, подобно скотине. Ее и не узнали. Никакие лекаря царевну не могли излечить. Государь указы послал: кто мою дочь излечит, за того замуж отдам.

Робята услышали и пишут во дворец: «Ежели вы сделаете Божеску правду, то мы вылечим. Мы вот там-то живем». Император посылает к ним. Привезли. Они велели истопить царевне баню и в баню ее взяли. Там они с ней вымылись и дали ей красных ягод; все с нее и спало. Дочь излечили, привели во дворец. Царь отдал ее за старшего, а второму возле дворца купеческий дом выстро-

ил. Пожили они и поехали домой.

Приехали в село не по-мужицки, а в карете, и спрашивают:

— Где этто мужик-ружейник жил? Он птицей занимался... Нам птицу бы надо.

Им показывают:

— Вон де!

— Они прежде, слышно, жили хорошо?

— Да, — говорят им, — и повар у них был, да два мальчика без вести пропали: жена у мужика этого распутничала, с купцом водилась.

Подъехали к своему дому, кричат под окошко:

— Ружейник здесь?

— Здесь.

— Есть нонче что-ли?

— Нет, батюшка, я мало нонче занимаюсь этим.

Вышел отец, спрашивает:

— Вы откуда?

Они дальше да больше.

— Да, родимы, у меня вот два мальчика пропали.

И стал про жену рассказывать. Мать-то, видно, детей признала, отошла в другую комнату и удавилась. Старик смотрит, а она мертвая. Поглядел он на робят, признал и говорит:

— Ах, батюшки вы мои, не мои ли вы детки?

— Да, батюшка, твои, а матушка нас зарезать хотела; пушай висит!

Взяли и увезли отца с собой.

Чаревна — золоты косы

Ну это, милая ты моя, опять про чаря. Как хошь! Хошь пиши, а нет — не надо. Теперь чари не в почет пошли, а только так я в старину слыхала. Хошь? Ну, ладно.

Так, я говорю, жил чарь. И был у него одинакой сын. Он поехал на охвоту. И заехал в цюжое чарство. Тама была девушка — раскрасавица. Он ю полюбил. Ну, засватал и к себе уехал.

Ладно. Время подспело, она к ему на свадьбу сряжается. Все справила. Наладила. Срядили ей корету, платье богатое. Да девку Чернавку ей дали. Ну, знаешь, как в услужение. Они и поехали. Тут бы ей дорогой большой ехать. А она все скорей бы. Вишь, ее

забота берет скорее к хозяйству притти. Они и сверни лесом. Тут народу нет. Чашоба одна да лядины¹, вода...

Время лето. Она и стомилась. Видит колодечь. Она из кореты вышла, припала и пьет. А та девка Чернавка и толнет ю в колодечь. Она пала, одним пестом зацепилась и конается²:

— Девка Чернавка, выздынь³ меня.

— А не выздыну.

— Девка Чернавка, дам тебе свое цветно платье.

— Не выздыну.

— Девка Чернавка, дам тебе скатный земчуг.

— Не выздыну. Отдай мне-ка все. Стану я за госпожу, а ты за прислугу. Тогда выздыну.

Ну, делать нечѐ. Лучшо в прислуге жить, чем под воду итти. Она и согласись. Тут та девка Чернавка ю вынела.

Обрядилась в ейно платье, в корету села, а та за ей след идет. А у той чаревны, знаешь, золоты косы были. Ну, чисто, как жар, горят. Девка Чернавка взяла да ей всю голову грезью залѣпила. Штоб, значит, не видно было. Сама это платом накрылась. Ну, приехала. А Иван-чаревич ю как невесту стречат, за руку берет. Повенцались они. Он смотрит — будто не та. А сказать не смеет. Ну, она и говорит:

— У меня больно прислуга худяща. В грезе вся. Можно ли послать ю коров пáсти?

Ту чаревну и послали коров пáсти. Целый день она пáсла. Исть совсем ей худо давали. Короцки да воду каку ли. Она день пасет. Над ей все изгаляются — зачем така в грезе вся. Ну, а она вечером-то молока сдоит да молоком косы-те вымоет. Они и опеть, как жар, горят.

Вот она ночью и приходит, где Иван-чаревич с женой спал. Приходит и говорит:

— И не стыдно тебе, Иван-чаревич, с девкой Чернавкой спать?

Он утресь выстал и говорит:

— Што ле приходила ко мне девушка. Такая красавица, и косы золоты. Она говорит: «И не стыдно тебе, Иван-чаревич, с девкой Чернавкой спать».

¹ Низкие места, заросшие мелким лесом.

² Просит.

³ Вытащи.

А та говорит:

— Врак, вак¹, все тебе во сне грезелось!

На другой вецор она молоком умылась и к ему пришла:

— А не стыдно тебе, Иван-чаревичь, с девкой Чернавкой спать?

А он нэ спал. Да хватъ ее за волосья. Она и убежала. А он глянь — а в руке зóлот волос. Он утресь жоне ницего не баит. Как вецору быть, он и пойдит на пожню. Сел под кушь. Она взяла, молока надоила, давай мыться. Как грязь смыла — волосья, как жар, горят. Он и увидел, што это та самая, што он сватал.

А ночью он своего слугу у окна спрятал. Она пришла и гóворит:

— И не стыдно тебе, Иван-чаревичь, с девкой Чернавкой спать?

Он ее за волосья схватил. Она — в окно. А тут ее и пымали.

— Это, — говорит, — што за омман?

— У меня не омман, омман в твоей постели спит.

Ну разбудили тую. Она как увидела, кака та стоит красавица, волосы, как золото... Дак и повинилась. Привязали ее к кóням, да в поле и пустили. Кони ее рóзорвали. Те повенцелись и, может, и сейчас живут.

Глиняшка

Жил старик со старухой. У них детей не было. Вот они надумались — сделали парня из глины. Ну, парень живой стал, заговорил, заходил.

И вот, старик ушел в лес дров сечьцы, а старуха сидит на печи, прядет куделю. Веретно-то одно напярла, а другое-то там, в задней. Она и запосылала:

— Глиняшко, сходи, принеси клуб с веретешком!

Глиняшка пошел в заднюю. Приходит и говорит:

— Бабка, ты что знашь?

— А что мне знать? — говорит.

— Бабка, — говорит, — я съел клуб с веретешком, семь печей хлéбов, семь печей калачей, и тебя, бабка, с прялкой съем!

И бабку съел с прялкой. И пошел дальше. И этот дедка идет из

¹ Неправда.

лесу с топором.

— Ты, дедко, что знашь?

— А чего мне знать?

— Я, дедко, съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, и тебя, — говорит, — дедко, с топорком съем.

И дедка съел, дальше пошел, и идет. И идет девка с ушатом за водой. Он и говорит:

— Ты, девка, чего знашь? — говорит.

— А чего мне знать?

— Я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, и тебя с ушатом съем!

И девку съел с ушатом. А идет жонка с коромыслом. Он и говорит:

— Ты, жонка, что знашь?

— А чего мне знать?

— А я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, и тебя с коромыслом съем!

И жонку съел. И дальше пошел. Идет, а идут семь сенокосыщей с косами. Он и говорит:

— Вы, сенокосыщи, что знаете? — говорит.

— А чего нам знать?

— Я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, жонку с коромыслом, и вас, — говорит, — с косами съем!

И всех съел и дальше пошел.

Попадают семь гребцей с граблями. Он и говорит:

— Вы что, гребцы, знаете?

— А чего нам, — говорят, — знать?

— А я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, жонку с коромыслом, семь сенокосыщей с косами, и вас, — говорит, — с граблями съем!

И всех съел и дальше пошел.

Вдруг идет баран — золотые рога.

— Ты, — говорит, — баран, что знашь?

— А чего мне знать?

— Я, — говорит, — съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, жонку с коромыслом, семь сенокосыщей с косами, семь гребней с граблями, и тебя, баран, съем!

Тот и говорит:

— Съешь, — говорит, — так поди, стань под гору, а я на гору. Открой, — говорит, — рот и закрой глаза, я, — говорит, — с горы-то побегу и прямо тебе в рот.

Глиняшка и стал под гору, открыл рот и закрыл глаза. Баран разлетелся и прямо рогами в живот ему. Глиняшко и рассыпался, и все побежали оттуда, и люди, и караван покатались, и все закричали:

— Спасибо те, баран — золотые рога!

— Спасибо те, баран — золотые рога!¹

О петухе красном и лисице прекрасной

Зело удивительно: шла же лисица из дальних пустынь; заведши петуха на высокоем древе, говорит ему ласковые словеса:

— О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высокоем древе да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые; вы держите жен помногу: кто держит десять, кто — двадцать, йнный — тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдетесь, тут и деретесь о женах своих, как о наложницах. Сниди, мое милое чадо, на землю да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела, — все тебя, милое чадо, исповедать хотела...

— О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в йнное время.

— О милое мое чадо, петел! Не постися и не молися, но да не в грехах умреши. Сниди на землю, покайся!

— О мати моя, лисица — сахарные уста, ласковые словеса, лстивой твой язык! «Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете». «Кто что посеял, тот то и пожнет». Хочешь ты меня силой к покаянию привести, и не спасти, а тело мое пожрать...

— О милое мое чадо, петел! Пошто ты такую речь говоришь? Пошто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фари-

¹ Последние строчки поются при рассказывании.

сея, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высокоем древе погибнешь... Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе, прощен и разрешен и до спасения допущен...

Узнал петух на своей душе тяжкой грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек... Спустился петел на землю, сел перед лисицу... Скочила лисица, аки лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежещет острыми зубами, хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать. Рече петел лисице:

— О мати моя, лисица — сахарные уста, ласковые словеса, льстивой твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое пожрешь?

— Не дорого твое тело и цветное платье, да дорого некую отплатить дружбу. Помнишь ли ты: шла я ко крестьянину, хотела малого куренка съесть, а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах, — закричал, завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал... Тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы; бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами, и хотели мне за куренка смерть учинить. У них сова не из роду в род пребывает, а всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник! — не быть теперь живому!

Рече петух лисице:

— О мати моя, лисица — сахарные уста, ласковые словеса, льстивой твой язык! Вчерашнего числа звали меня к Трунчинскому¹ м...² в дьяки, выхваляли всем крылосом и собором: «Хорош молодец, изряден; горазд книги читать, и голос хорош...» Не могу ли тебя, мати моя, лисица, упросить своим прошеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи³, и масличко, и яички, и сырчики...

Узнала лисица петушиный признак, отпустила петуха из своих когтей послабже... Вырвался петух, взлетел на высокое древо,

¹ Трун, трунѣ — тряпка, тряпицы, отрепье, лохмотье, ветошь, обноски; *трунѣ* — хлам, всякая мелочь, плохой скарбишка.

² Купюра в оригинальном тексте. В позднейших публикациях сказки: митрополиту.

³ Сладкое сдобное печенье из белой муки.

закричал, завопил велиим гласом:

— Дорогая боярыня, просвирня, здра[в]ствуй! Велик ли доход? Сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша¹, до орехов, да есть ли у тебя зубы?..

Пошла лисица в лес, яко долгой бес, и возрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала!.. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы — в просвирнях?..»

Ему же слава и держава, отныне и до веку... И сказке конец!

Своя радуга

Ты спрашивашь, люблю ли я песни?

Песни?.. Без песни, коли хошь знать, внутрих у нас потемки. Песней мы свое нутро проветривам, песней мы себя, как ланпой, освещам.

Смолоду я был песенным мастером, стихи плел. Девки в песенны плетенки всяку ягоду собирали.

Песни люблю, рассказы хороши люблю, вранье не терплю! Сам знашь, что ни говорю — верно, да таково, что верней и искать негде.

Раз ввечеру повалился спать на повети² и чую: сон и явь из-за меня друг дружке косье мнут. Кому я достанусь? Сон норовит облапить всего, а явь уперлась и пыжится на ноги поставить.

Мне что? Пуцай в себе проминаются. Я тихим манером да в сторону, в ту, где девки песни поют.

Мимо меня текла широка, гладка. Как тут устоишь? Сел на песню, и понесло, и вызняло меня в далекой вынос.

Девки петь перестали, по домам разошлись, а меня несет выше и выше. Куды, думаю, меня вынесет? Как домой буду добираться? В небе — ни дороги, ни транвая. Долго ли в пустом месте себя потерять. Смотрю, а впереди — радуга. Я на радугу скочил, в радугу вцепился, уселся покрепче и поехал вниз.

Еду, не тороплюсь, не в частом быванье ехать в радужном сверканье. Еду, песню пою — это от удовольствия: очень разноцветно вокруг меня. Радугу под собой сгинаю да конец в нашу

¹ От «враг», «ворог».

² Сеновал.

Уйму правлю, к своему дому да в окошко. И с песней на радуге в избу и вкатился!

Моя баба плакать собралась, черно платье достала, причитанье в уме составляют. Ей соседки насаказали:

— Твоего Малину невесть куда унесло, его, поди, и в живности нет, ты уж, поди, вдова!

Как изба-то светом налилась, да как песню мою жона услыхала, разом на обрадование повернула. Самовар согрела, горячих опекишей¹ на стол выставила.

В тот раз чай пили без ругани. И весь вечер меня жона «светиком» звала.

На улице уже потемнь, а у нас в избе светлехонько. Мы и в толк не берем отчего, да и не думам. Только я шевельнусь, свет по избе разныма цветами заиграет!

Дело-то просто. Я об радугу натерся. Сам знашь, протерты штаны завсегда хорошо светятся, а тут тер-то об радугу!

Спать пора и нам, и другим.

Свет из наших окошек на всю деревню, все и не спят. Снял рубаху, стащил штаны, в сундук спрятал, темно стало.

В потемки заместо ланпы мы рубаху или штаны вешам. И столь приятственный свет, что не только наши уемски, а из дальних деревень стали просить на свадьбы для нарядного освещения.

Эх, показать сейчас нельзя. Портки на Глинник увезли, а рубаху — на Верхно-Ладино. Там свадьбы идут, так над столами мою одежду повесили, как лимонацию. Да ты, гостюшко, впредь гости, на спутье захаживай. Будут портки али рубаха дома — полюбуешься, сколь хорошо своя радуга в дому.

Яичко

Был старик да старуха. У их была пестра́ курочка. Снесла яичко у Кота Котофеича под окошком на шубном лоскуточке. Глядка мышка выскочила, хвостом вернула, глазком мигнула, ногой лягнула, яйцо изломала. Старик плачет, старуха плачет, веник пашет, ступа пляшет, песты толкут.

Вышли на колодец за водой поповы девки, им и сказали, што

¹ Печенье.

яйцо изломали. Девки вёдра изломали с горя. Попадье сказали — та под печку пироги посадила без памяти. Попу сказали — поп-от побежал на колокольню, в набат звонит.

Миряна собрались. «Што жо сделалось?» Тут межу собой миряна стали драться с досады.

Клубок второй, серебряного царства

Про Елену, прекрасную девицу

Жил-был охотник. Вот он только и питался тем, што убьет: вутку или там што; только тем, например, и питалси. Находил яйцы, тоже подбирать их, береть дамой — все кушайть. И никада ему тово случаю ни было, а только раз стал подбирать яйцы, а они ему отвечают, говорят:

— Мы, гырть¹, тебе годимси.

Да.

Потом он етаму не поверил, — подбирать, приносить жене яйцы и говорить:

— Вот никогда такова случаю ни было: говорят яйцы человеческим голосом: «Ни бяри нас, — мы, гырть, тибе годимси».

А жина отвечать, говорить:

— Атниси их на то место, положи, — пускай лижать: мы, гырть, тем ни наедимси.

Через несколько времени вывелись еты яйцы — двенадцать молотцов. Из етых яиц вывелось. И голос — у голос, рост — у рост, волос — у волос, — нельзя узнать, какой старший, какой меньший.

Да.

Стреваютца с етым охотником и говорят:

— Здрастуй, гырть, папаша!

Он отвечать:

— Што вы за дети, што вы называете мне «папаша»?

— В таком-то году, — гырть, — вы нашли двенадцать яиц, и мы отвечаем, што «не бери, брат-охотник, — мы тибе годимси».

— Ай-ай-ай! Ну, здрастуйте, дети! — вспомнил он про то дело.

Да.

¹ Говорят (говорит — далее).

— Ну, вот што, — гырь, — папаша: дай нам друг друга как звать.

Звание, значит. То он им дал званья: ково — Макар, ково — Давид, а меньшому гырь:

— Ты будь Иван Меньшой — Разум Большой.

Распрошались они с своим отцом и пошли. То они ишли, ишли, — долго ни мало, доходя́ть — стоит дом. В етом доме сидить бапка.

— Здрастуй, — гырь, — бабушка!

— Здрастуй, — гырь, — дети! — она отвечаить им.

— Ни будишь ли ты нам тешша?¹

Она гырь:

— Отчего, гырь, можно.

— А сколько у тебе, гырь, дочерей? — спрашивают.

Она отвечаить:

— Десять.

Десять дочек у ей былó.

— Нет, — гырь, — ты нам ни тешша, а мы тебе ни зятя.

Распрошались и пошли. Ишли, ишли, — долго ни мало, доходя́ть — опять стоять дом, и у доме сидить бапка.

— Здрастуй, бапка!

— Здрастуй, дети!

— Ни будишь ли ты нам тешша?

— Отчего, — гырь, — можно!

— А сколько у тебе дочерей?

Ана сказала:

— Одиннадцать.

— Мы, — гырь, — тебе ни зятя, а ты нам ни тешша!

Потому, — пары одному нет.

Распрошались и пошли. Ишли, ишли, — долго ни мало, доходя́ть — стоять опять дом. Третий. И в етом доме сидить бабка. И она была пристрашная волшебница.

— Здрастуй, — гырь, — бабушка!

— Здрастуй, дети!

— Ни будишь ли ты нам тешша?

— Отчего, — гырь, — можно!

Спрашивают:

¹ Теща.

— А сколько у тебе дочерей?

Она говорить:

— Двенадцать.

— Ну, — гырь, — ты нам тешша, а мы тебе зятя.

Она сейчас позвала дочерей и всех их попаровала: старшую — с старшим, меньшую — с меньшим, — всех попаровала.

И дочки были голос — у голос, волос — у волос, рост — у рост: нельзя узнать, какая старши, какая меньши.

И их попаровала и послала их у комнату:

— Ложитесь отдыхать.

Кажнаго с своей невестой.

Те все позаснули, а Иван Меньшой — Разум Большой ни спать. И спрашивать у своей невесты:

— А што, гырь, у твоей мамашеньки есть? — гырь.

Она отвечать:

— У моей мамашеньки есть меч-самосеч. (Сам сикеть.)

— А нельзя, гырь, ево принесть суда показать? — у ей у спрашивать. У своей невесты.

— Нет, гырь, нельзя: он, окромя мамы, никаво ни допушшаить, — она ему отвечать.

— А ишшо, — гырь, — што у твоей мамы есть?

Она отвечать:

— Есть, гырь, гусли-самограйки: очень хорошо грають, мысли отбирають.

Вон и говорить:

— Нельзя ли их принесть?

Она:

— Нет, — гырь, — нельзя: окромя мамы, они никаво ни допушшають. Ни даюцца в руки никаму.

А он сам себе: «А, с... дочь! Хорошая штука, ды нильзя взять».

— А ишшо што у твоей мамы есть? — то опять спрашивать.

Она отвечать:

— Есть у мамашечки жеребец золотогривай.

И опять:

— Нельзя ли ево показать?

— Нет, — гырь, — нельзя: вон, окромя мамы, никаво ни допушшаить — слопаить.

— А ишшо, — гырь, — што у твоей мамы есть?

— Есть, — гырь, — гребешочик золотой.

— Нельзя ли ево принести?

— Можно! — гырьть.

Она принесла ево, он узял, опустил ево себе в карман; и опять спрашива¹:

— А ишшо што у твоей мамаши есть?

Она отвечаить:

— Есть белое полотенце.

— Как бы принести?

— Можно.

Она принесла — вон опустил сибe в карман. Потом спрашивать:

— Што ишшо у твоей мамаши есть?

Она отвечаить:

— Золотой корчик².

— Нельзя ли принести?

Она гырьть:

— Можно.

Она принесла, он взял, опустил у карман. И вдрух ево невеста сичас же заснула. Ивана Меньшова. Рассказавши ета дѣла.

Он подымайтца, вдрух заснувши невеста ево, — подходить под бабкину комнату и слушаить, што будить бабка говорить. Бабка ложитца и говорить:

— Меч-самосеч! Ступай, гырьть, суда! (Вызываить меч-самосеч.)

Меч приходить. Ана и говорить:

— Меч-самосеч! Поди в ету комнату, там лижать двенадцать молотцов с моими дочерями: усем и головы отсеки. Которыи в шапках, тем отсеки, а которыи в платках — тем не секи.

Он, Иван Меньшой, пустился от бабкиной комнаты и прибежал в ету комнату, иде оны спать, и своим братьям пообвязал головы, а на невест понадевал шапки. И сибe голову обвизал, а на свою невесту надел шапку. Сибe лех и спить. Будто што спить.

Прилетаить меч-самосеч, начал головы отсекаить; поотсекал тем, которыи у шапках.

Меч-самосеч улитаить, Иван Меньшой — Разум Большой подымайтца и будить братьев:

¹ Спрашивает. Иногда рассказчик — Василий Нечаев, спеша перейти к следующему предложению, не оканчивал слов. — *Е. И. Резанова.*

² Ковш.

— Вы, — гырьт, — спите, ничево не видите, гырьт, што делатца. А вот, гырьт, поотсек усем головы: то-то п¹ и нам было, ежели б только я спал. Ну, давайте уходить, гырьт.

Поднялись и давай бежать. У ночь.

На утре бабка встаеть, гырьт:

— Што такое, гырьт, мои дочери до сих пор спять? Им [молодцам] уже головы поотсекали, а оны до сих пор спять. (Ето бабка сама сибе говорить.)

Приходить у комнату, а им усе головы поотсечены — дочерям; а их [молодцов] нету — ушли.

— Ай-ай-ай! — гырьт. — Ета, гырьт, Иван Меньшой — Разум Большой наделал!

Садитца на своево добрава коня и в погонь за ним гнать.

Вот близко догоняить — он вынимаеть из кармана грибишочик (етот, который он выпросил у невесты), махнул туда-суда, взат [сиде, а вперет ей], — сделался лес такой, што ни пройтить, ни проехать — густой дужа. То этот конь копыта́ми рубить лес, и откидаить, и дорогу очишшаить, и, как муха, литить.

Потом близко догоняить — он вынул полотенце, махнул туды-суды — взат сиде, а вперет их, и изделались горы крутые, яры², бугры. Конь опять жа, значить, бугры рубить, сикеть, у яры кидаить, дорогу равняить и, как муха, литить.

Вдрух догоняить — Иван Меньшой вынимаеть золотой корчик, махнул туды-суды — изделалось море, што ни перейтить, ни переехать. И обратилась назад — гнать некуда уже.

Потом оны бегли, бегли, забегли во десятое царство, у русское государство. Докладывают государю. Государь выходить и здрастуетца с ними:

— Здрастуйте, молодцы!

Они отвечають:

— Здрастуйте, ваше великое царство!

— Што пожаловали ко мне? — государь их спрашиваеть.

— Жалаим к вашей милости нанятца.

Он отвечаить:

— Можно!

Он их нанял и послал на конный двор и дал им штук по пяти,

¹ Это бы.

² Овраги.

по шести лошадей — кормить-поить. А старшаво брата поставил старшим конюхом над всеми ими досматривать. Жалованья им дал каждому по двадцати пяти рублей у месяц; а старшему — тридцать пять.

Ивану Меньшому припáли¹ лошади худьи да коростоваи². То Иван Меньшой издумал, што делать: выгонять их на яру³ пше-ницу нá зарю пасть во маю месяцу на двенадцать зорь.

То он двенадцать зорь пропас, — то они поделались таиии гладкии⁴, то лучши и чишша ишшо тех, которые, например, были у царя лошади. Государь каждое утро выходить на конюшню, осматриваить. Приходить к Ивану Меньшому — Разуму Большо-му:

— Ах ты, Иван Меньшой — Разум Большой! Я тобою доволен, што ты мою скотину оправил. Сколько ни было конюхов, ни могли оправить их, а ты мне зделал удовольствие, выправил скотину.

И набавил ему жалованья — тридцать пять рублей.

А в государя была кухарка; и старший брат занялся с ней гу-лять. То эта кухарка говорить старшему брату:

— Вот Иван Меньшой — Разум Большой награду получил от государя, што оправил скотину. Вот он старши тебе будеть.

А брат говорить:

— Што ш ему теперь сделать?

А кухарка говорить:

— Давай мы ево стребим; а то он старше тебе будить.

Он отвечаить:

— Каким же родом мы ево стребим?

Она говорить:

— Как придет государь на конный двор, так вы ему пореко-мендуйте: што он не то што коней оправить, а может етакой штуки достать: в етаком царстве есть меч-самосеч; и то он может достать. Он поедить доставать, а там ево стрибать.

То государь приходит, а старший брат говорить:

— Ваше великое императорство! Он не то што етакой штуки, а в етаком царстве, в таком государстве што он может меч-самосеч

¹ Достались.

² Больные чесоткой.

³ Яровую.

⁴ Жирные.

достать.

Да.

Государь Ивана Меньшова — Разума Большова призывать и говорить:

— Иван Меньшой — Разум Большой, служил ты службу, послужи ишшо: в етакое царстве, у таком государстве достать меч-самосеч.

Иван Меньшой — Разум Большой отвечать:

— Никаким родом нельзя, ваше великое императорство, достать.

Государь отвечать:

— Ну, ты мне ни слухаешь, то — моя речь, а с тебе долой голова с плеч. Иван Меньшой пошел на конный двор и заплакал слезно. Приходить у конюшню и плачить. Конь ему один отвеча[ет]:

— Што ты, Иван Меньшой — Разум Большой, плачешь?

— Как, — гыть, — мне не плакать? Задал мне государь службу: «штоп ты достал меч-самосеч»!

Конь ему отвечать:

— Не робей, гыть, Иван Меньшой — Разум Большой, садись да держись: ета в наших руках.

(Этот конь тому золотогривому коню брат, што у бабки; он забех от ей у русское государство: она искала-искала — не нашла.)

Сели, поехали. Доезжают близко к дому, — к этой же бабке опять.

— Ну, — гыть, — ступай же ты, Иван Меньшой, в комнату и ни с кем ни здрастуйся, а скажи: «Здрастуй, меч-самосеч!» Когда он скажет: «Здрастуй», — то: «Прóсить вас государь на хлеб, на соль — на войске¹ повоиватца». И меч сойдет к тебе на руки, потому — он любительный воевать. Тада бери дубинку, бей бабуку и уходи на ухот.

Иван Меньшой ушел у комнату и поздравовался:

— Здрастуй, меч-самосеч!

Он ему отвечать:

— Здрастуй!

— Прóсить вас государь на хлеб, на соль — на войске повои-

¹ На войне.

ватца.

Тогда он сошел к ему на руки. Он узял дубинку, вдарил бабку рас, и в другой, и в третий, — сел и въехал¹.

Да.

То она думала, што блохи кусают, а то ие Иван Меньшой — Разум Большой ударил. То она:

— Меч-самосеч!

А иво нету.

— Ах, — гырьт, — ета Иван Меньшой — Разум Большой наде-
лал!

То садится на своево добраво коня и — гнать за ним в погонь. Догоняить, вынул он грибишочик, махнул суды-туды — взат сибе, а вперет ей, — сделался лес такой, што ни пройтить, ни проехать, дужа густой. То конь копыта́ми рúбить лес, и отки-
даить, и дорогу очишшаить, и, как муха, литить.

Догоняить — он вынул полотенце, махнул туды-суды — взат сибе, а вперет их, — изделались горы крутые, яры́, бугры́. Конь бугры рúбить, сикёть, у яры кидаить, дорогу равняить и, как му-
ха, литить.

Вдрух догоняить — он вынимаить золотой корчик, махнул туды-суды — изделалось море, што ни перейтить, ни переехать. Она обращаитца назат — гнать некуда.

Он тада привозить меч-самосеч и подаеть государю. Государь ему назначаить пятьдесят рублей жалованья и сто рублей награ-
ды за ето удовольствие, што он привез меч-самосеч.

Кухарка та и говорить:

— Вот, гырьт, с...го сына! Достал, гырьт, меч-самосеч! (Брату старшому.) Ну да одначе вы порекомендуйте государю, што он может ни етакой штуки, а может достать в етаком царстве, в таком государстве гусли-самограйки — очень хорошо грають и мысли отбирають.

Когда государь приходить на конный двор, старший брат ему и говорить:

— Ваше великое императорство! Он ни етакой штуки, он может достать в етаком царстве, в таком государстве гусли-само-
грайки — очень хорошо грають и мысли отбирають.

Потом он позвал Ивана Меньшова — Разума Большова.

¹ Уехал.

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Служил ты мне службу, сослужи ишшо!

— Какую? — Иван ему отвечать.

— Штоп ты мне, — гырьть, — достал в етакое царстве и в таком государстве гусли-самограйки — очень хорошо грають и мысли отбирають.

Иван Меньшой — Разум Большой отвечать:

— Никаким родом нельзя достать!

— Ну, — государь отвечать, — моя речь, а твоя голова долой с плеч!

Иван Меньшой заплакал, пошел опять на конный двор на конюшню. Приходить на конюшню и плачить.

Конь ему отвичаить:

— Чиво ты, Иван Меньшой — Разум Большой, плачешь?

— Как, — гырьть, — мне не плакать? Задал мне государь службу — достать гусли-самограйки.

Он говорить:

— Садись, гырьть, да держися: это в наших руках.

Подъезжают под етат, например, дом, и говорить конь:

— Как ты войдешь в етат дом, ни с кем ни здрастуйси, только скажи: «Здрастуй, гусли-самограйки!» Они отвечают: «Здрастуй-ти!» — «Прбсить вас государь на хлеп, на соль — повеселить беседу!» Они сойдуть тебе на руки. Тада бери дубинку, бей бабку, — три разá вдарь и уходи.

Он ухóдить у комнать и грить:

— Здрастуй, гусли-самограйки!

Гусли отвечают:

— Здрастуй.

— Прбсить вас царь на хлеп, на соль — повеселить беседу!

Они ему сошли на руки, он узял дубину и давай бабку бить — и раз, и другой, и третий.

— То ни вор, — гырьть, — што краткома¹ береть, а надо хозяйина разбудить. Штоб она знала, што украли.

Узял гусли-самограйки и въехал.

Она чухну́лась, — думала, што блохи кусають, а то Иван Меньшой — Разум Большой дубинкой ударил. Хвати́лась гусли-самограйки — нéтути.

¹ Украдкой.

— Ах, ето Иван Меньшой — Разум Большой штуки подделал!

Садитца на своего добраво коня и за ним гнать. Догоняить, а он вынимае гребешочик, махнул суды-туды — сделался лес такой, што ни пройтить, ни проехать. Конь копытами рубить лес, и откидаить, и дорогу очишшаить, и, как муха, литить.

Вдрух догоняить — Иван Меньшой — Разум Большой вынимаит полотенце, махнул суды-туды — сделались горы крутыи, ярбы, бугры. Конь бугры рубить, сикёт, у яры кидать, дорогу равнять и, как муха, литить.

Вдрух догоняить — он вынул золотой корчик, махнул суды-туды — издалось море, што ни перейти, ни переехать. Шабáш! Нёкуды гнать.

Привозить государю гусли-самограйки. Государь завел гусли-самограйки — и говорить даже нечего: сами грають, мысли отбирають. Доволен очень государь Иваном Меньшим — Разумом Большим и дал ему сто рублей на месяц жалованья и двести рублей награды — ето за те вешши, што достал.

Да.

Потом кухарка и говорить:

— Вот, достал, гыртъ, гусли-самограйки. Ну, одначе порекомендовать государю, штоп он достал жеребца золотогриваво. То он пойдеть доставать, а он ево слóпаить.

Государь приходит на коннай двор:

— Здрастуйти, господа конюхá!

— Здрастуйти, ваше великое императорство!

— Ну, как дела?..

— Слава Богу! (Ето отвечають конюха.)

Брат старший отвечаить ему:

— Ваше великое императорство! Он ни ёдакии может штуки делать, што он вам достал меч-самосеч, гусли-самограйки: он можить в едаком царстве, в таком государстве можеть жеребца золотогриваво достать.

Государь призываетъ Ивана Меньшова — Разума Большова:

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Служил ты мне службу, послужи ишшо!

— Какую?

— Достал ты мне меч-самосеч, достал ты мне гусли-самограйки — сами они хорошо грають, мысли отбирають. Теперь ты мне послужи службу — достань жеребца золотогриваво, в таком

царстве, в етакое государство!

То Иван Меньшой — Разум Большой отвечать:

— Эх, гырь, ваше великое императорство! Никаким родом нельзя достать!

Он ему отвечать:

— Ну, моя, гырь, речь, а твоя голова с плеч!

Он заплакал слёзно и пошел на конный двор. Он кода заплакал слёзно в конюшне, то конь спра[шивает]:

— Што ты, гырь, Иван Меньшой — Разум Большой, плачешь?

Он отвечать:

— Как же мне не плакать? Загадал государь службу — достать жеребца золотогриваво.

Он говорить:

— Не плачь, гырь, ето в наших руках. Садись, гырь, да держися!

Тада приезжают близко к дому, — стоять большая осина. Ну, конь ему и говорить:

— Ну, лесь ты на ету осину и дожидай, пока я буду. Он будить бежать уперёт, дык ты на ево ни садись, а садись на mine.

(У тово коня золотогриваво прыжок — тринадцать верст, а у тово — двенадцать верст.)

Конь, как подбежал к етому, заржал богатырским голосом. Бабка услышала и говорить:

— Ах, с... сын! Сколько лет ты ни бегал, а моево двора ни миновал!..

Бабка пустила тово коня у двор. На вўтре встает бабка и выпушшайть их поить, — обоих етых жирипцов. Пустила она по двору гулять. (Ета ей нравитца, как они по двору жируют, балуютца.)

То они гуляли, гуляли, — то етот конь сигнул через ограду, и золотогривай за ним. Бабка говорить:

— Ды чорт с ими! Погуляют, погуляют ды прибигать.

И ни стала за ими гнать.

Конь бижить упирёт золотогривай, етат — за ним; доскакавать он до етай осины, Иван Меньшой с осины слазить и садитца верхом — и повел их до государя. Золотогриваво жеребца. Государю приводить — государь рад до смерти.

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Благодарю тебе! Получаешь ты сто рублей в месяц, — даю тебе двести рублей в месяц

и триста рублей награды за твое старание, што ты мне достал меч-самосеч, гусли-самограйки и коня золотогриваво.

То кухарка опять говорить:

— Ну, достал он коня златогриваво!.. Ну, одначе порекомендуй государю: што в етакое царстве, в таком государстве есть Елена, прекрасная девица, безсметная, неоцененная красота, и живеть она за двенадцать верст у воде в мори и три разá лицом переменяетца в день. То тада порекомендуй государю, то вон ево пошлеть доставать, то вон там пропадеть.

Тада государь приходить на коннай двор:

— Здрастуйти, господа кучера!

Они отвечают:

— Здрастуйти, ваше великое царство!

— Ну, как дела?

— Слава Богу, все благополучно.

А брат старший отвечать:

— Иван Меньшой — Разум Большой не етакой штуки можеть достать, што он вам достал: меч-самосеч, гусли-самограйки, жеребца золотогриваво. Он можеть достать вам Елену, прекрасную девицу, безсметную неоцененную красоту; живеть за двенадцать верст у воде в мори и три разá лицом переменяетца в день.

Тада призывает Ивана Меньшова — Разума Большова:

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Служил ты мне службу, послужи ишшо!

— Какую?

— Достань ты в таком царстве, в етакое государстве — достать Елену, прекрасную девицу. Она живеть за двенадцать верст у воде в море, нисметная красота, три разá лицом переменяитца в день.

— Эх, — говорить, — ваше великое императорство! Никаким родом нельзя достать!..

— Ну, — гырьть, — моя речь — твоя голова с плеч!

Заплакал слёзно, пошел на коннай двор. Конь ево спрашивать:

— Чиво ты, Иван Меньшой — Разум Большой, плачешь?

— Как, — гырьть, — мне не плакать? Загадал государь службу: достать Елену, прекрасную девицу, нисметную красоту; три разá лицом переменяитца в день и живеть за двенадцать верст у воде в море.

Конь ему отвечать:

— Эх, — говорить, — Иван Меньшой — Разум Большой! Не могу и я прознать про эту штуку!

Заплакал Иван Меньшой ешшо злёя.

— Ну, да, Иван Меньшой, не плачь! Сходи-ка до етово до золотогриваво — не знаить вон Елену, прекрасную девицу, достать?

Иван Меньшой — Разум Большой пошел к золотогривому жеребцу и заплакал очень дужа слезно. Конь золотогривай отвечать:

— Што ты, Иван Меньшой — Разум Большой, плачешь?

Да.

— Загадал мне государь службу — достать Елену, прекрасную девицу, в некотором царстве, в таком государстве; за двенадцать верст у воде у море живеть, несметная красота, три разá в день лицом переменяетца.

Значить, конь ему отвечать:

— Скажи ш ты государю, штобы вон от свово дворца до тово моря хрустальной мост изделать. И када будим ехать, штобы яблоко цвели, а оттуда — штобы яблоки кушали. Кругом моста, например, штобы яблоко росли по-над мостом. По такой¹ дороге ее нельзя везть, штобы не запылить.

(Ето конь Ивану Меньшому рекомендуе, а вон уже буде государю рекомновать.)

— И штобы дли етаво моря выстроить три комнаты: одну — медную, другую — серебряную, третью — золотую. Да. И штобы первое кушанье в первой комнате было хорошее, другое — ишшо лучше, третье — ишшо лучше. И взять гусли-самограйки — ее веселить.

Приходить Иван Меньшой — Разум Большой к государю и говорить:

— Ваше великое императорство! Загадали вы мне службу, — я должен служить вам. Типерь — ни в гнев вашей милости — я вам загадаю службу: штобы выстроили от своиво дворца да тово моря хрустальной мост; и када будим ехать, штобы яблоко цвели, а оттуда — штобы яблоки кушали; штобы кругом моста яблоко росли по-над мостом (по такой дороге ее нельзя везть, штобы не запылить); и штобы дли етава моря выстроить три комнаты: од-

¹ По обыкновенной.

ну — медную, другую — серебряную, третью — золотую; и чтобы первое кушанье в первой комнате было хорошее, другое — ишшо лучше, третье — ишшо лучше; и взять гусли-самограйки — ее веселить.

Государь ему сказал, што ето все будет встроено.

Тада приходить и к¹ коню.

— Садись, — гырьт, — да держись! И бери гусли-самограйки с собою.

Тада сели и поехали. (Ето уже и мост, и дома, — ето уже все как есть повстроили.) Приезжают к етаму морю, и говорить конь Ивану Меньшому:

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Поставь жа ты гусли в медную комнату и заведи их, штоп играли; а ты садись у серебрянай комнаты. То вона выйдет, придет в ету комнату, у медную, сядить, покушаить, потом поидеть танцовать, умóритца, сядить она на сту́ло² и заснет. Тада ты бери ее со всем и стулом и неси ко мне, и увезем ее со всем. Да смотри, гырьт, не спи!

Сидить, ожидать. Выходить Елена, прекрасная девица, с етава моря (часов в двенадцать ночи) — как сонця съеть! И прямо в медную комнату идеть. Вошла у комнату, села, кушанья покушала. А Иван Меньшой сидить, ожидать, смотреть. Кушанья покушавши, пошла танцовать: ну ни танцуить, а пирóм пишить.

А Иван Меньшой — Разум Большой и заснул. И она села у сту́ло и себе заснула. Уморёвши.

То время пришло — она прокинулась³ и пошла. А Иван Меньшой — Разум Большой хватилси себе тоже — а ее нету.

Приходить к коню и говорить:

— Нет, гырьт, не была!

А конь говорить:

— Нет, ты, верно, спал! Она выходила! — гырьт.

Тада и он винúитца коню:

— Виноват, гырьт, конь! Приснул и я, — не видал, как она ушла.

И поехали они без Элены, прекрасной девицы.

На другую ночь приезжают опять.

— Смотри ш ты, Иван Меньшой — Разум Большой, садись у

¹ В Ивне, по большей части, к предлогу «к» прибавляют «и». — Е. И. Резанова.

² Крестьяне Курской губернии называют стул в среднем роде: *стуло*. — Она же.

³ Проснулась.

медную комнату, да не спи. Она придет в серебряную комнату. Гусли-самограйки заведи у серебряной комнаты. Смотри ш ты: ишшо раз она выйдить, а больша не выйдеть, — не спи.

Ну, Иван сидить, ожидать.

Удрух Елена, прекрасная девица, выходить из моря. Ну, идеть, как сонца сяеть. Вошла в комнату, села, покушала кушанья. Покушавши кушанья, пошла танцовать: ну, ни танцуить, а пером пишить.

А Иван Меньшой сидел, сидел себе и заснул. Опять же заснул. (Она иво обмариваить: она была сильная волшебница.)

Она села у сту́ло и себе заснула. Потанцовавши. Время пришло, проснулась и ушла.

Иван Меньшой — Разум Большой хватился тоже — ее нету.

Приходить и к коню и говорить, што ей ни было.

— Нет, — гырьть, — она была, да ты проспал. Смотри ш ты, Иван, больше, гырьть, она не выйдить, не спи. Когда теперь не поймаешь, то больше она не выйдеть, гырьть, третий раз.

Поехали опять без Елены, прекрасной девицы.

Приезжают на третью ночь. Как оны ехали, конь говорить:

— Иван Меньшой — Разум Большой, сорви еты две колюки себе (арипьеваи).

А он отвечать:

— На што? — говорить.

Конь ему сказал, — говорить:

— Тибe нужны будутъ еты колюки.

Приезжают оны к етим комнатам.

— Ну, — гырьть, — садись ты в серебряную комнату, а она выйдить у золотую. И заведи гусли-самограйки в золотой комнате. Ды, Боже упаси, не спи, а то больше не выйдеть. И поставь ету колюку промеж колёнам (ето конь ему все дихтуеть): то ты будешь дремать и мордой будешь у колюку ткать¹, то она тибe не будетъ давать спать.

Удрух близко к полночи выходить Елена, прекрасная девица, с моря и идеть, как сонца сяить! И идеть в золотую комнату. Вошла она в комнату, села, покушала кушанья и пошла себе танцовать. Ну, ни танцуить, а пером пишить.

А Иван как ткнулся мордой в колюку — пристіх ему сон — и

¹ Тыкаться.

набил колюк полну морду. Стал выбирать с морды колюки и сон разогнал.

То она танцевала, танцевала, — и села в стуло и заснула. Крепким сном. Иван Меньшой подскакивайт и береть ее со всем со стулом и несеть и к коню золотогривому. Сел на добраво коня и привез как есть к государю. То она проснулась уже у государя.

Государь не знайт, чем теперь наградить Ивана Меньшова — Разума Большова, а «бери, сколько хочешь, денех и чево там хочешь, и ничего не работай, гуляй там себе, што хочешь делай» — значить, по дому у нево.

Государь увидел Елену, прекрасную девицу, безсметную красоту, — ну, хотить на иё жинитца. Елена, прекрасная девица, говорить государю:

— Нет, позвольте, ваше великое императорство, не женитесь. У меня есть у воде у мори за двенадцать верст три кареты золотых, и три коня вороных, и [три] кучера молодых. Тада ты, гыртъ, будешь женитца на мне, када достать их.

Позвала она Ивана Меньшова — Разума Большова:

— Иван Меньшой, гыртъ, Разум Большой! — гыртъ. — Вы мне, гыртъ, достали, Елену, прекрасную девицу. Теперь ты достаць мне за двенадцать верст у воде у мори три кареты золотых, и три коня вороных, и три кучера молодых. То хотить государь на мне женитца. То когда ты еты штуки достанешь, тогда государь буде на мне женитца.

— Эх, Елена, прекрасная девица! Никаким родом нельзя етава достать!

— Ну, моя речь, а твоя голова с плеч! Нашел срество мне достать, штоб и еты кареты достал!

То он заплакал слёзно, пошел к коню золотогривому.

То конь ему отвечае[t]:

— Што ты, Иван Меньшой — Разум Большой, плачешь?

— Как, — гыртъ, — мне ни плакать? Загадала, гыртъ, мне Елена, прекрасная девица, штоб достать три кареты золотых, и три коня вороных, и три кучера молодых.

— Ну, — гыртъ, — не рабей ты ничево! Загадай теперь ты ей задачу: штобы она свила в тринадцать верст канат и смолой засмолила. Тада бери канат, и сядем, поедем.

Иван Меньшой — Разум Большой пошел к Елене, прекрасной девице. Приходить к ей и говорить:

— Елена, прекрасная девица! Вы мне задачу задали; ни в гнев вашей милости, и я вам задачу задаю.

— Какую? — гырь.

— И свить канат тринадцать верст и смолой засмолить.

То в государя все готóвая.

Скоро сказка говоритца, да ни скоро дело делатца.

Иван Меньшой — Разум Большой берет канат и садитца на добрава коня и пошел у путь до етаво моря. Доизжаить близко — стоять двенадцать дубов; на тех дубах сидить птица. И вона сколько лет ведётца, ну дитей своих не видеть.

(Ето конь говорить Ивану Меньшому.)

— Ну, почему вона своих детей не видеть? — Иван спрашивать у коня.

— Находить сильнай дош¹, она влетаить², а дош забиваить дитей до смерти. Дак ты помни ету птицу. Когда ты мне перевяжешь канатом, и я опушшусь у моря, захвачу ету всю сбрую — три кареты золотых, три ко́ня вороных, три кучера молодых — все звание.

Как канат затрясетца, то ташши, а я оттуда пособлю. Када ты вытащишь mine аттуль, дык я не выдержу, а лопну. Дык ты как ни можно сбериги дитей етых, тада и я жив останусь.

Тада вонь приезжают к етому морю, перевязал коня поперек; опустил конь туда колом в это море. Захватил ету усю сбрую конь. Канат затрёсса, начал Иван Меньшой — Разум Большой канат себе ташшить.

Когда выхватили ету всю сбрую, конь сичас жа и лопнул, не мог выдержать: набрался воды. Золотогривай.

И вдрух скоро нашла сильная туча, и пошел сильнай дош. И Иван Меньшой поглидаить на ету птицу. Как улил дош!.. Птица сидела, сидела, взяла и полетела с гнезда с этава.

Иван Меньшой скорей-скорей на ето дерево и сел на етых дитей. То до тех пор дош лил, што чуть Ивана Меньшова — Разума Большова не залил.

И остались дети живы. Етой птицы. Сберег Иван Меньшой.

Потом дош перестал, Иван Меньшой слез с етаво древа и стал дли³ етава коня. И очень слёзно плаче над ним. Над етым конем.

¹ Дождь.

² Улетает.

³ Подле.

Птица прилетает и спрашивает у своих детей:

— Как вы могли живы остаться?

— Нас спас Иван Меньшой — Разум Большой!

Птица колом прилетает к Ивану и спрашивает:

— Штó тебе за это нужно, што ты моих детей спас?

— Мне то нужно, — кабы ты оживила мово добраво коня — больше ничево не нужно.

Полетает она, берёт два пузырька с гнезда. Птица. То одним пузырем збрызнула — исцелился конь; другим збрызнула — живой конь стал.

Иван Меньшой скинул шляпу и поклонился низко птице:

— Покорнейше благодарю, доволен я тобой, што ты мне коня спáсла.

Привозить ету всю сбрую Елены, прекрасной девицы, — и говорить [Елена] Ивану Меньшому:

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Вот хотить на мене государь женитца, а я ему отвечаю: «Подожди немного. Есть у тебе двенадцать кобыл с подсо́сами¹?» — «Есть! — говорить». — «Ну, приведи их, гырь, суда. К дому»².

Он их привел. Позвали кухарку. Кухарка начала их доить. Надоила котел молока. Скипитила ево белым ключом Елена, прекрасная девица.

— Ну, ваше великое государство, лезьте в это молоко, купайтесь, тада на мне будете женитца. То вы теперь — красота, а то чишша и краше будете.

— Как же можно, — гырь, — лезть в это молоко, когда оно белым ключом кипить? (Ето государь у ей спрашивать.)

Отвечать:

— А ежели вы боитесь, пошлите Ивана Меньшова — Разума Большова: пускай он скупайтца уперёт вас.

— Ну, Иван Меньшой — Разум Большой! Лезьте в это молоко, купайтесь!

— Как можно лезть, — гырь, — када оно белым ключом кипить? Здесь можно пропасть, гырь.

Она ему на ногу ступать:

— Лезь, гырь, не бойси ничево.

¹ С жеребятами.

² Рассказчик, по-видимому, забыл, что это говорит Елена. — *Е. И. Резанова.*

(А она там подделала, што кипить — кипить, а молоко холодное. Она была сильная волшебница.)

Иван Меньшой как скочил, скупалси, то такой красота стал, што чишша, краша яснава сонца: сонца горить, а вон ишшо злей.

— Ну, ваше великое императорство! Лезьте вы теперь, купайтесь!

(А она ужо подделала — горячее молоко теперь.)

Государь как вскочил, так и закипел. В етом молоке.

— За тово я, — гырть, — замуш пойду, хто мне доставал, но ни за тибe.

И начали пить и гулять.

И я там был — Василий Нечаев, — мёт-вино пил, по губам текло, а в роте не былó. Ухватил шлык¹ ды под ворота шмык! И насили ушел.

Про царевну

Мужик пражил в салдатах 25 лет, царя в глаза ни видел.

«Штой-то такое за дурак? Двадцать пять лет пражил — царя у глаза не видал! Пайду пасматрю на царя!..»

Пришел, даложили слугам, слуги — царю. Царь потребовал иво влично. Пришел к царю.

— Што ты, — гырть, — служивай?

— Ды я, ваше великое императорство, двадцать пять лет пражил у салдатах, вашава великава императорства не видал.

— Ну, будишь ты у мене служить сторожем, дóчеря караву-лить?

Гырть:

— Отчево ж, буду!

— Ежели ни укаравулишь за три дня, то с тибe галавú далоу.

— Чиво?.. Буду! Ничиво, — гырть, — укаравулю!

— Бери, сколько хочешь, денех, иди пей-гуляй, а у вéчири являйся ко мне.

Ён набрал денех и пошел пить. А у вечери явился к йиму, к царю. Приходить и к царю, а царь и гаварить:

— Ну, иди ш ты, каравуль, куды дочь пойдеть.

Блись полночи устаёт дочь с сваею служанкой.

¹ Шутовскую шапку.

— Хрейлина!

— Чиво золишь, барыня?

— Позволь двенадцать пар ботинок, двенадцать пар чулок и бакал вотки сторожу!

Приходить она к сторожу:

— Ну, пей, стораш, вотку!

Ён выпил и упал. Она иво ударила волшебницкай рукою, а ён ни проснулси.

— Ну, спить: пайдём жа ш таперь.

И пошли они.

Сварачаютьца наутра аттыля.

— Ты што, служивай, спишь? Пастой, я папиньки скажу! Стала, так ты каравулишь?

Приходить и к царю, — царь успрашивать:

— Ну, как, служивай?

— Слава Богу!

— Ну, бери ш деньги, — пей-гуляй, а у вёчиря являйся ка мне!

Ён набрал дених, пашел пить. Папил, пагулял и приходит апять к царю. Пришел и к царю.

— Ну, иди ш, каравуль таперь. Да сматри!..

Пашел он каравулить. Блись полночи опять подымайтца царевна с сваей служанкай.

— Хрейлина!

— Чиво золишь, барыня?

— Пазвольти двенадцать пар ботинок, двенадцать пар чулок и два бокала вотки!

А ета все представила ей. Придаставила, подошла и гыръть:

— Ну, пей, служивай!

Он выпил и ударилси ¹.

Она иво ударила два раза волшебницкой рукою.

— Ну, спить: таперь пойдём!

Пашли они.

Вазвращаютьца наутра, а ён спить — служивай.

— Ты што, служивай, спишь? Стала, так-та каравулишь? Пагади, я папиньки скажу!..

Приходить и к царю. Царь и гаварить:

— Ну, как, служивай, дела?

¹ Упал.

— Слава Богу!

— Ну, иди, последний день, сматри! Бери денех, иди.

Набрал денех и пашел. Приходить, сел и зажурилси¹. Подъивляйтца бродяжка и спрашивать:

— Што ты, служивай, зажурилси?

— Ды как мне ни тужить? Последний день каравулю: с мене галаву́ далой, если ни укаравулю я. Два дня каравулил — ни укаравулил, а на третий день наврят укаравулишь.

— О, ни гарюй: я знаю, што сделать. Вазьми, купи быка — сколько там за иво запросют — и зарешь иво, выташши пузырь. Пузырь выташши, а говядину им (у каво кúпить) отдай, быка усиво.

Вон взял, купил быка, зарезал иво, вытинул пузырь с иво, а тó [быка усиво] оддал.

Тогда:

— Вазьми, — гырьть, — падвижи пад бороду пузырь етат, — бутта што как у рот, ды у пузырь сливай усё.

Пришел он туды на старошку.

Блись пóлначи падымайтца царевна с своею служанкой. И кричить ета барыня:

— Хрейлина!

— Чиво зволишь, барыня?

— Пазвольти двенадцать пар ботинок, двенадцать пар чулок и три бакала вотки!

Падашла к служиваму:

— Ну, — гырьть, — пей!

Ён ни пил, все посливал у етат пузырь и ударилси. Ана иво ударила три раза валшебницкай рукою, — чуть он не крикнул.

— Ну, — гырьть, — пойдём: спать!

Тольки ани пашли, — ён услед за ими поднялси и пашел.

Приходють они в сат. Сарвали па яблаку. Царевна паткинула у гóру² яблачка и гаварить:

— Лети, яблочка, высакó, разступись, земля, ширакó!

И загудела она под землю.

И служанка — падкинула яблочко и гаварить:

— Лети, яблочко, высокó, разступись, земля, ширакó!

¹ Опечалился.

² Вверх.

И она загудела за ею услёт.

И ён сорвал яблочка, паткинул и говорить:

— Лити, яблачка, высокó, разступись, земля, широко!

И ён туды за ими пашел.

И ани ушли ат иво.

Идеть ён, — сустрелись с ним два чорта: нашли они дубинку-самобивку, шапку-невидимку и кавер-самолет; па днэй¹ падилили, а третью не разделяють и дерутца, — тот гырítь «мине», а тот гырítь «мине». А он и гаварить:

— Я, гыть, знаю, как вам разделить.

Он гыть:

— Как?

— Ды, — гыть, — во-он дуб стоять! Хто до таво дуба скорей дабегить, — таво кавер.

Ани как удрали, — адин аднаво на вѣпиритки². А он сел на ковер-самолет, на дубинку-самобивку и на шапку-невидимку и нагнал их [царевну со служанкой]. А те прибегли да таво места — нимá ничево: ни дубинки-самобивки, ни кавѐра-самолета, ни шапки-невидимки.

Нагнал он их, ишли, ишли — стаить жилезнай лес. А служанка и гаварить на барыню:

— Барыня, штой-та лес шумить?

Ана разсерчала:

— У, хто суды можить зайтить, акрóме нас?

А ён узял, сламил ветачку и палажил в карман — етат стораш.

Ишли, шли — стаить меднай лес. А хрейлина и гаварить:

— Што ш, барыня, апяť лес шумить!

Ана апяť разсерчала:

— Хто суды можить зайтить, акрóме нас?

А ён сламил меднаю ветачку и палажил в карман — етат стораш.

Ишли-шли, ишли-шли — стаить сиребринай лес. Ана апяť ни стирпела и гаварить:

— Што, барыня, апяť лес шумить!

Ана разсирчала апяť:

— Хто суды можить зайтить, акрóми нас?

¹ По одной (вещи).

² Наперегонки.

А ён сламил ветачку и палажил в карман.

Ишли-шли, ишли-шли — стаить залатой лес. Ана апять гырїть:

— Барыня, гыртъ, лес шумить!

Ана апять разсирчала:

— Хто суды можить зайтить, акрѡме нас?

Ён сламил и ету ветачку, в карман палажил.

Ишли-шли — стаить дом. И на дверях — змей об двенадцати голов. И етат мужик заклїтай (она ш ходила к заклїтаму мужику под землю) велел змею, штоп никаво не пускать, окрѡме двух барышень етих — царевну ды служанку.

Ани прошли, — и ён за ними: змей иво ни видал.

Ана приходить, надиваить батинки и чулки. Тут заиграла музыка. А она — што ни раз пройдетца, то далой и далой пара. И пабила все двенадцать пар ботинок и двенадцать пар чулок.

Потом етат мужик и гаварить — заклїтай (последний день — ужо ему венчатца с ею):

— Пайдѡм, я тибѡ покажу платьѡ, кольца — усѡ.

Повел ее.

— Вот шѡлкаваи платьѡ, вот и кольца залатыи, и брошки, и брусклѡты.

Усѡ показал ён ей, у чем венчатца.

А етат стораш ходить и усѡ падбираить, што ён показываить: платьѡ, кольца. Позабрал усѡ, и ён [заклїтый мужик] их выправажїить.

И етат стораш прашел с ими вместе. Ён счас упирѡт их, — и кинул яблачка, гыртъ:

— Лити, яблачка, высакѡ, разступись, земля, ширакѡ!

И вышел он аттыля, и пришел и лег на старошку.

Приходють ани. И гаварить царевна на иво:

— Што ш ты спишь, служивай? Стала, тах-та каравулишь? Пагади, я папаши скажу!

Пришел к царю етат стораш. Царь успрашиваить:

— Ну, как, служивай, — укаравулил?

— Укаравулил, ваше великое императирства!

— Ну, — гыртъ, — иде ш ты был?

Разсказал он царю, показал усе предметы. Царь удивилси.

Тада призвали царевну, — дочирѡ. Царь иѡ взял, к конному хвосту привизал, пѡ палю разматал.

Иван злосчастный, мужик несчастный

Был-жил Иван злосчасной, мужик безчасной, денёг клась не́ во што, мешок купить не́ на што; которо заслужит, дак потерят, а не заслужит, дак украдут, не заслужит — и получить нечево.

Пошел он на свое бесчасье суда просить. Царь на то сказал:

— Как сам нечево не можешь заслужить, дак я как вам могу тут суда дать?

А у царя была доци; на то она сказала:

— Батюшко! Как экому мужику не могли суда дать? Я што есь, женско дело, и то бы россудила.

А на то царь сказал:

— Как его россудишь?

А на то царска доци сказала:

— Пускай женитца, можот, жону счасливу возьмет, а если жо-на несчаслива попадет, будут дети счасливы, будет жить хорошо.

Царь россердилса, за мужика доцерь отдал, и указы везде розослал, штобы их на фатэру нехто ноцевать не спускал.

Иван злосчасной с царской дочерью идут по городу, он и говорит:

— Не печалься, царевна, худинькой домок хоть — свой уголок.

Пришли, стоит избушка, нету оконич, в другом месте простенков нет, а печки по́давну не бывало. Царевна своими платками и нагрудниками призавесила, призатыкала лишно дырьё, и наж́гом¹ стали согриватця около огня. В ту́ю ночь царевна вышла ширинку² и послала Ивана продавать:

— Ты одному лавочнику продавай, другому не отдавай, а третьёму и продай.

Побежал Иван с ширинкой. Один лавочник даёт сто рублей, другой двести, третьей триста. За триста продал. Взял для своей фатеры, што ему требуется, побежал. Прибежал на ростани, выскочил Ярышко, лоб залущил, глаза выторащил:

— Оддай, мужик, деньги; добром оддашь, дак слово скажу, добром не оддашь, дак ли́хом возьму, ничего не скажу.

Мужик шевелилса, копалса, деньги отдал. Ярышко слово ска- зал:

— *Без судьбы Божьей не один волос с головы не гинет.*

¹ Жечь, не переставая.

² Полотенце.

Иван прибежал к своей хозяйке, сказал про свое похождение. Хозяйка на то сказала:

— Винно, ты безча́сной, я несчастлива, обои онна́ки сошлись.

И другу ночь ночевали, — опять ширинку вышила. Послала продавать и сказала:

— Ты одному продавай, другому не отдавай, третьему отдай.

Побежал Иван с ширинкой; один дает сто, другой двести, третей триста. Отдал за триста рублей. На ростанях опять Ярышко стретил, лоб залушил, глаза выторащил:

— Отдай, мужик, деньги; добром отдашь, дак слово скажу, добром не отдашь, дак ли́хом возьму, ничего не скажу.

Мужик шевелился, копался, деньги отдал. Ярышко слово сказал:

— *Когда вы́шат, дак не нисься.*

Прибежал домой, хозяйке рассказал в подробность. Хозяйка на то ответила:

— Ты, винно, бесча́сной, а я несчастлива.

На третью ночь третью ширинку вышила да добавила денег петьдисят рублей:

— Когда пройде́шь ростани, то для дому кое-чего побольше купи.

Побежал Иван с ширинкой. Отдал за триста рублей. На ростанях опять Ярышко стретил, лоб залушил, глаза выторащил:

— Отдай, мужик, деньги; добром отдашь, дак слово скажу, добром не отдашь, дак ли́хом возьму, ничего не скажу.

Шевелился, копался мужик, деньги Ярышке отдал.

— Ну, петьдисят рублей еще вынимай.

Шевелился, копался и ти отдал. Ярышко слово сказал:

— *Наднеси, да не опусти.*

Иван побежал домой, дорога была по крутому крёжу¹, да загнулся да и пал, а в руках тащил ковригу хлеба; ковригу выринул — коврига укатилась под крёж. А собака по-под крёжью бежит,хватила ковригу, утащила. Он про себя обдумал: «С чем же я тепере к царевне евлюсь?» Прибежал на пристань карабельню, корабли побегают за морё, нанелся в матросы и убежал за морё.

Бежали корабли в море и остановились. Стали хозяева выкликать из матросов охотника:

¹ Горé.

— Кто сходит в морё, тому половина карабля с животом¹, со всем, а если нехто из вас не согласитца, то мечите жеребьи — кому итти.

А Иван про себя обдумал: «Мне ведь Ярышко сказал: „Без судьбы Божией не один волос с головы не гинёт“. Неужели, если Бог не судит, дак я утону в мори?» Иван доспел с хозяином условьё, с условия снял сибe копию и скочил в воду. Скочил и затонул.

Схватил его человек, по воды потащыл. Тащыл, тащыл, притащыл к городу. Воды не стало. Ворота отворили и пошли по городу.

— Вот у нас царь да царица спорят, один говорит: «Уклад да булат дороже злата-серебра быват», — а другой говорит: «Злато-серебро дороже укладу-булату». И надо так их: по одному россудить и другого не россердить.

Привел Ивана в полаты, завел в горнични, только зей зёёт², где сидят чарь и чарича. Садить стали Ивана за один стол с царем, с царицей. А Иван припомнил то слово, Ярышко сказал: «Когда вышат, дак не ниссе». Не под порок же битця? Сел за стол. Царь-царица стали его спрашивать:

— Ну, как вы, руськой человек, нам понадобилса ты для справки дела. Как у вас: уклад да булат дороже злата-серебра быват или злато-серебро дороже укладу-булату?

— У нас так в России: если войны нету, уклад-булат не почём, злато-серебро дороже, а чуть dospелась война, тогда уклад-булат дороже злата-серебра быват; тогда будут копыя, оружья накупать и отдают за него злато-серебро.

Царю и царице это обеим ланно стало. Они подарили ему по кальчику³. Иван обдумал про себя: «Кальчики в нашем месте стоят пять копеек?» Передали Ивана тому человеку, которой его и привел. Тот человек повел по городу, привел к воротам, опять по воды потащил, притащил к кораблю, выбросил.

Как ступил Иван на караб — и полон хозяин стал полукараблю. И тут карабли побежали по морю. Прибежали к заморскому царю, и стали карабельщики походить, заявлять о себе царю, прописать белеты и поносить стали подарки, хто можот — на сто рублей, а хто можот, быват, и на тысяцю. Иван понес царю каль-

¹ Имуществом.

² Свет светит.

³ Небольшой стеклянной бутылке.

чик. Подарил Иван кальчик. Царь принел купцей-гостей, стал угощать, их посадил всех в одну комнату, а Ивана — в другую, котора повыше. Гости погостили, веселоваты стали и как-то не удовольствуютца:

— Мы хто на сто рублей принесли, хто — на тыщу, а Иван — десять копеек; его посадил царь выше всех.

Об этом подноскики донесли царю. Царь взял Иванов кальчик, вынес, где купцы сидели:

— Вы этот подарок у Ивана нечем считаете, а вот его подарок...

Потрёс кальчик — выпала пробка, выпали два шара, катаются, серебро отсыпаетца, отгребать не могут. Царь за кальчик подарил Ивану подарок — три карабля со всем с животами и с народом. Иван оттуль побежал домой на трех караблях с половиной.

Прибежал, стал на пристань карабельню, а вечером тёмнилось, пошел розыскивать свою избушку. А в том месте стоит каменной дом. Иван стал колотитця у дверей; вышла женщина:

— Вам што нужно?

— А я приежкой человек, мне надо ночевать.

— Милости просим, у нас дом постоялой, мы от того деньги получаем, хлебы едим от того.

Иван зашел в избу. Поставила Ивану закусывать; чего Иван просит, то Ивану и несет. Поужинал, валит его в ту комнату ночевать, сама походит в другу. Иван на то сказал:

— Мне бы свечка нужно засветить, я без свечи не сплю.

Хозяйка сказала:

— Надо, дак хоть пару засвети: мне больше расходу, боле приход.

Свечку засветила, сама ушла в другу комнату. Иван с час времени пролежал, пошел в ту комнату, куда хозяйка ушла. Увидал: она спит, а по обеим сторонам у ей молоды мужики, она в серёдках. «Ах, она спит с двумя дружками». Вынел саблю, ладил у всех головы отсеки. И обдумал про себя: «Мне ведь Ярышко слово сказал: „Наднеси, да не опусти“». Стал будить и стал спрашивать у ей:

— Это хто таки?

— Это у меня сыновья, бывало, я замуж выходила, муж за морё убежал, эти от него в брюхе остались. Не вы ли будете мой муж?

А Иван ответил:

— Я ваш муж.

И стали будить сыновей, с отцом здороватца. Робята стали здороватца с отцом, падать в ноги отцу. И стали жить вместе.

А до царя весь дошла, што его зять прибежал на трех караблях с половиной. Царь послал послов его звать к себе в гости. Пошел Иван со своей женой и с детьми, взял в подарок другой кальчик. Принял Ивана царь как следует быть. Иван гостил долго ле, коротко, походить стал, подарил в подарок кальчик. А царю то не понравилось: «Такой богатой прибежал, да копеек на петь мне подарок принес».

Иван пошел домой, царь кинул кальчик в спину Ивану. Выпала пробка, выпали два шара, катаются, злато-серебро отсыпайтса, отгребать не могут. Закричал царь:

— Воротись, Иван! Ты и владей царством, ты богаче меня стал.

Иван воротилса, поручил ему все царсво.

Снегурушка

Жили-были старик со старухой, у них ни сына, ни дочери, и у них окна заколочены. Вот лежат они на печке, а дедушка и говорит своей бабушке:

— Я, — говорит, — чего вздумал, поди принеси снегу.

Принесла баба в решете снега. Толкли, толкли они снег и вытолкли Снегурочку. Посадили ее в печурочку, она высохла и стала расти не по дням, а по часам. Быстро выросла — к весне уж девушка.

Узнали об этом в деревне, что у деда Снегурушка, и пришли:

— Отпусти Снегурушку в лес по ягоды.

Раз двадцать просили. Сжалился, наконец, дед:

— Ну, ладно, идите.

Пошли. Идут. Бабка дала ей чашечку, хлеба. Снегурушка взяла чашечку и шанежку взяла. Девушки едят, а девушка Снегурушка рвет ягодки и в чашечку кладет. Смотрят, полная у Снегурушки чашечка, а у девушек ничего нет.

Обидно стало девушкам, и убили они девушку Снегурушку. Убили, чашечку разбили, ягоды разделили, шанежку съели. Тело закопали и еще прутиком пристегнули. Ну и пришли домой.

— Ну, а где наша девушка Снегурушка?

Снегурочка. Михаил Врубель, 1895 г.

— Не знаем, потерялась.

Ну, поплакали, поплакали — делать нечего. Вдруг по этому самому пути ехали купцы с товаром, у них сынок был маленький и увидел, дудочка под кусточком растет:

— Папа, срежь мне дудочку, буду на ней играть.

Ну, срезали ему дудочку, он начал на ней играть, а она и запела:

Дяденька, помаленьку,
Свет родной, потихоньку,
Две меня сестрички убили,

Под кусточком схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили,
Шанежкой помянули,
Прутиком пристегнули.

Ехали, мальчик все играет и играет. К деревне подъехали, вздумали отдохнуть, как раз к бабушке и заехали. Бабушка накормил лошадей, самоварчик поставил. А мальчик сидел на крылечке. Он взял эту дудочку, — она заиграла эту песенку:

Дяденька, помаленьку,
Свет родной, потихоньку,
Две меня сестрички убили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили,
Шанежкой помянули,
Прутиком пристегнули.

Вот баба слушает:

— Ох, как хорошо играет. Дай я попробую.

Взяла, а дудочка:

Маменька, помаленьку,
Свет родная, потихоньку,
Две меня сестрички убили,
Чашечку разбили,
Ягодки разделили,
Шанежкой помянули,
Прутиком пристегнули.

Старуха, как прослушала, так и обомлела:

— Ох, что такое? Старик, поиграй.

Старик взял дудочку — она и заиграла:

Батюшка, помаленьку,
Свет родной, потихоньку,
Две меня сестрички убили,
Чашечку разбили,

Ягодки разделили,
Шанежкой помянули,
Прутиком пристегнули.

Народу собралось, все слушают, девушки те тоже сюда прибежали. Она им дает дудочку, а та девушка как хватит дудочку о землю:

— Не буду я играть.

Дудочка разбилась, а там Снегурочка сидела. Вот они обрадовались, даже не знаю, что у них было с этой радости. А купцы напились чаю и на ярмарку дальше поехали.

Дорогое имячко

Это еще в те годы было, когда тут стары́ люди жили. На том, значит, пласту поддерново золото теперь находят.

Золота этого... кразелитов¹... меди... полно было. Бери, сколько хочешь. Ну, только стары́ люди к этому не свышны были. На што им? Кразелитами хоть ребятишки играли, а в золоте никто и вовсе толку не знал. Крупинки желтеньки да песок, а куда их? Самородок фунтов несколько, а то и полпуда лежит, например, на тропке, и никто его не подбирает. А кому помешат, так тот его сопнет в сторонку — только и заботы. А то еще такая, слышь-ко, мода была. Собираются на охоту и наберут с собою этих самородков. Они, слышь, маленькие, а увесистые. В руках держать ловко, и бьют ёмко. Присадит таким, так большого зверя собьет. Очень просто. Оттого нынче и находят самородки в таких местах, где бы вовсе ровно золоту быть не должно. А это стары́ люди разбросали, где пришлось.

Медь самородну, ту добывали маленько. Топоры, слышь-ко, из нее делали, орудия разную. Ложки-поварешки, всяку домашность тоже. Гумешки-то² нам от стары́х людей достались. Только, конечно, шахты никакой не били, сверху брали, не как в но-

¹ Хризолитов.

² Гумёшки (от слова «гумёнце» — невысокий, пологий холм) — Гумешевский рудник, один из старейших на Урале медных рудников. Гумешевский и вся прилегающая к нему местность фигурируют в уральских сказках как Медная гора. Основная выработка Гумёшек состояла из высокопроцентной углекислой меди — малахита разнообразной окраски и строения.

нешнее время.

Долго ли, коротко так жили. Зверя добывали, птицу, рыбу ловили, тем и питались. Пчелы дикой множина была. Меду — сколько добудешь, а хлеба и званья не было. Скотину — лошадей, напримерно, коров, овцу — не водили. Понятия такого у них не было.

Были они не русски и не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает. Чудь, што ли... Только опять та в землю ушла, а эти нет, по лесам жили. Одним словом, стары́ люди.

Домишек у них либо о[б]заведенья какого — ба́нешек там, погребушек — ничего такого и в заводе не было. В горах жили. В Думной горе пещера есть. С реки ход-от был. Теперь его не видно — соком¹ завалили. Поди, сажень уж на десять. А самоглавная пещера в Азов-горе была. Огромнейшая — под всю гору шла. Теперь ход-от есть, только обвалился будто маленько. Ну, там дело тайное. Об этом и сказ будет.

Вот живут себе стары́ люди, никого не задевают, себя сильно не оказывают. Только стали по этим местам другие народы проявляться. Сперва татара мимо заездила: по подгорью от Думной горы к Азов-горе тропу протоптали. С полдня на полночь², как из оружия стрелено. Теперь этой тропы не знатко, а старики от дедов своих слыхали, будто ране-то видно было. Широкая, слышь-ко, тропа была, чисто тракт какой, без канав только.

Ну, ездит и ездит татара. Торговлишку завели. В одну сторону одни товары везли, в другу — други, а насчет золота ничего, видно, сами не толкуют, либо случая такого не подошло. Стары́ люди сперва прихоронились. Потом видят — никто их не задевает, стали жить потихоньку. Птицу-рыбу полавливают, золотыми камнями зверя глушат, медными топорами добивают.

Вдруг татара что-то сильно закопошилась. Целыми утугами³ на полночь пошли, и все с копиями, с саблями, как на войну. Мало спустя обратно побежали. Гонят, свету не видят. А это Ермак с казаками на Сибирь пришел и всех тамошних татар побил. Которые пособлять своим приходили, и тех до смерти перепугал:

¹ Шлаком от медеплавильного и доменного производства.

² С юга на север.

³ Толпами.

как дело тогда внове было — из ружья стрелять. Татара этой стрельбы и забоялась.

Невдолге после того появились в здешних местах русьски казаки, то есть ермаковски. Небольша ватажка, пеши пришли. Эти сразу золото сметили. Хватовщина пошла, чуть до смертоубийства не дошло. Потом образумились, видят — золота много, с собой не унесешь. Что делать? Туда-сюда зачали соваться. Нет ли где жила¹ близко, чтобы там лошадей добыть. И набежали так-то на старых людей. Сейчас, конечно:

— Что за народ? Какой веры-племени? Какому царю ясак² даешь?

Казаки, слышь-ко, ране вольные были, а на Сибирь они уже проданные пришли. Купцам продалися, а царь их вовсе подарил. Набольшому — Ермаку-то — свою, слышь, серебряну рубаху царь послал. Так Ермак той рубахи с себя не сымал. Гордился, значит. Так и утоп в ей — в царском-то подаренье. Вишь, до чего глупость-то наша доводит. А говорят, вовсе хороший мужик был. Умный и твердый такой, а на ласку и подался. Другие казакишки и вовсе разбаловались на новых местах. Народ покоренный сильно перепуганный был, казаки и давай хозяйевать, как кому любо. Возьмут, кого им надо, за горло: подавай того, другого. Баб хватают, девчонок, вовсе подлесток и протча. Одним словом, баловство развели хуже некуда... Не лучше царских приставников. О том и думать забыли, кем раньше были. Как есть изварначились.

Вот и эта ватажка стала так-то наступать на старых людей. Те им свое маячат: дескать, ваша нам не нужна, наша вам не мешат; проходите мимо. Казакишки опять на испуг берут. Из оружия пальнули. Старые люди испужались, в гору побежали. Казакишки за ими, думают, так и есть — победили, а не тут-то было. Старые люди сильно смелые были. Это они сперва только испужались. Думали, огонь, например, с неба. Ну, потом отошли. И здоровые были — куда нашим, русским-то! В полтора раза, может, больше. Добежали, значит, до пещеры своей да как начали казакишек золотыми камнями пушить, знай держись. Чуть не всех заколотили, казаков-то. Двое, либо трое все-таки убежало. А старые лю-

¹ Жилья, поселений.

² Подать, дань.

ди и гнаться за ими не думали. Утурили, и ладно. Пушай-де идут, куда им надо, лишь бы к нам больше не лезли.

Подивились на убитых, что у них нахватано у каждого желтых камешков через число: как только тащили эку тягость! А того не смекнули, на что им камни. По-своему думали, что тоже для бою набрали. Осмотрели оружьи убитых, а одно оказалось заряжено. Вот один из стары́х людей вертел-вертел оружьи-то, копался-копался, оно и пальнуло. Сполоху наделало, самого маленько ушибло, а никого не убило. Тут стары́ люди и домекнули, что это не с неба огонь. Стали доходить, как бы еще пальнуть. Оснимали мертвых, все перещупали, обсмотрели, обнюхали. Порох нашли, свинец рубленый, а что к чему, так и не добрались.

А те трое-то, которые убежали, вышли-таки к своим. Обсказали своему начальнику. Напали, дескать, на нас незнанные люди и чуть не всех побили. Трое вот только и выбежали. Начальник, — может, он пьяный был, — «ладно» говорит. Ну, конечно, военное Сибирь-покоренье-то. Мало ли всяких случаев было! Побили и побили. На том дело и заглохло.

А про золото те не сказали. Думают, так и есть — погуляем, потешимся. Только золото, оно и золото. Хоть веско, а само кверху лезет. Его, вишь, первым делом разменять требуется. Тут они óха и поймали¹. Хватали самородки покрупнее, а как с таким объявишься? Сейчас спросы-расспросы: где взял?.. Догадались все-таки. Раскрошили самородки на мелочь да и понесли купцам продавать. А уж таиться стали один от другого! Известно, золото. Один к одному купцу пришел, другой к этому же и третий тоже. Да так всех купцов и обошли. Купцы, конечно, с полным нашим удовольствием. Деньги, значит, дают, а сами примечают. Денег наменяли — куда их? Оделись перво-наперво, как только кто удумал, милашек завели и занялись пьянством да гулянкой. Из кабака, например, не выходят и кого доходя поят. Ну, и другим казакам стало подозрительно: откуда у людей таки деньги? Стали дознаваться, а у пьяных долго ли? Вывели все до тонкости и тоже ватажку сбивать стали. За золотом, значит, сходить.

Не все, конечно, казаки одинаковы были. Один — не знаю, как его звать-величать — из Соликамска, слышь, к ним пристал. Пошел в Сибирь за хорошей жизнью, а видит: тут грабеж, да

¹ Óха поймать — неожиданно оказаться в трудном положении.

пьянство, да распутство, — и отшатился от казаков. Услышал, что опять собираются грабить, и стал их совестить:

— Как вот, дескать, не стыдно! Раньше купцов да бояр облегчали, а теперь несчастных народов, которые тут живут, грабите да купцам же барыш даете?

Тем, конечно, не по носу табак, а как все оборуженные, то сейчас у них свалка пошла с саблями и другой оружием. Ну, соликамской-то этот парень проворной был, удалой. Ото всех отбился, только сильно его изранили. Он в лес убрался, чтобы его не нашли. Леса страшные были — где найдешь?! Побегали-побегали казакишки, пошумели и разошлись один по одному, а тот, раненый-то, думает, как дальше быть. Показаться в жиле — наверняка убьют, а то и под палача подведут — за разговор-от. Вот и придумал: «Пойду к тем людям, которых грабить собираются, упрежу их».

Дорогу он понял, куда то есть идти собирались. Путь все-таки не ближняя, а запасу у него, например, никакого. Отошал в дороге, да еще и раны донимают. Еле идет. Полежит-полежит и опять плетется. У самой Азов-горы — вон у того места — совсем свалился.

Увидали стары́ люди — чужестранный человек лежит, весь кровью измазанный, и оружье с им. А бабы набегали первые-то. Баба, известно, у всякого народа жалостливее и за раненым ходить любит. Тут еще девка случилась, ихнего старшины дочь. Смелая такая, расторопная, хоть штаны на такую надевай, и красивая — страсть. Глаза — как угольки, щека — как розан расцвел, коса до пяток и вся протча в полном акурате. Лучше нельзя. Плясать первая мастерица, а ежели песню заведет с переливами, — ну, одним словом, люботá. Одно плохо — сильно большая была. Прямо сказать, великанша. И как раз девка на выданье была. Восемнадцатый год доходил. Самая, значит, пора. Ну, ей и приглянулся, видно, пришлый-то.

А он тоже по-нашему мужик рослый был. Из себя чистый, волосом кудрявый, глаза открытые. Ей и любопытно стало. Пока другие бабы охали да ахали, эта девка сгребла раненого в охапку, притащила в пещеру, на свою постелю, и давай за ним ходить. Водой там смачивать, раны перевязывать. Отец-мать ничего, будто так и надо. Другие суседи, которые рядом жили, тоже помалкивают и помогают, подают того, другого. Бабам, вишь, жал-

ко, а у мужиков свое на уме: не научит ли, как огонь пущать. Очень к этому любопытствовали.

Раненый мало-помалу оклемался. Видит, какие-то вовсе неизвестные люди. Рослые против наших и по-татарски бельмень¹. Сам-от он мараковал² маленько по-татарски. На то и надеялся, когда шел в эти места. Ну, делать нечего, стал маяками дознаваться, как и что они прозывают. Учиться, значит, стал по-ихнему. А девка от него не отходит, прямо прилипла. И он тоже человек молодой, к ней тянется. Поправа, однако, плохо идет. Главная причина — хлебушка у них не было. Притащит это ему девка пищи самолучшей. Рыбу, мяса наставит, меду, чашу вскрай полнехоньку, а его с души воротит. Ему бы хоть яшничка³ ломоток. Просит у ней, а она не понимает, какой есть хлеб. Заплачет даже. Это она-то. Известно, русскому человеку без хлебушка невозможно. Кака уж тут поправа?! Ну, все-таки ходить стал и разговору мало-мало обык, а девка обратно от него русский разговор переняла, да так скоро, что просто удивленье. Такая уж удачливая была и, видать, не простая. Тайная сила в ей была.

Стал это он, соликамской-от, ходить. Оглядел всю местность, показал, как с оружьём поступать, и весь установа объяснил, что и как.

— Эти, — говорит, — камни желтые, крупа, песок и зелененьки стеклышки — это и есть самое вредное для вас. Купцы разнохали, они уж спокою не дадут. Найдут людей, которые к вам полезут. А до царя дойдет — и вовсе житья не станет. Вы, говорит, вот что сделайте. Камни эти, самородки-то, значит, куда с глаз уберите. Хоть вон в Азов-гору стаскайте. И кразелиты туда же сгребите. А крупу и песок зарыть надо. Снизу черной земли выворотить, чтобы травой заросло. А пока все это не угоите⁴, никаких чужестранных близко не подпускайте. Бейте их, все одно как зверя. Чтобы нечаянно не пришли, поставьте, говорит, на Думной горе и на Азов-горе караулы надежные. Пушай досматривают по дороге, не идет ли кто, а как заметят чужестранного, пушай знак подадут — костерок запалят. Ну, тогда всем наготове

¹ Не понимают, не говорят.

² Понимал.

³ Ячменного (ячного) хлеба.

⁴ Устроите, сделаете.

быть и этих чужестранных бить насмерть, хуже они зверя всякого при вашем-то положении.

Девка все это растолмачила своим. Они видят, что человек для них старается, — послушались. Караулы поставили, как он сказал, а сами занялись самородное золото да кразелиты подбирать да в Азов-гору стаскивать. Штабеля наворотили — глядеть страшно, и кразелитов насыпали, как угольную кучу. Потом оставшуюся крупу и песок зарыли, а чужих на то время близко не подпускали. Увидят с Азов-горы, либо с Думной, кто идет ли, едет ли, — сейчас же знак подадут, огнем, значит. Все сейчас и бегут, в которую сторону надо. Навалятся, в одночасье прикончат. Прикончат и в землю зароют. Оружьёв они уж тогда не боялись.

Только ведь золото-то человеку, как мухе патока: сколь ни гинут, а пуще лезут. Так и тут. Много людей сгнуло, а другие идут да идут. Это, значит, слушок про золото дальше да дальше идет. Кто-то, видно, и до царя дотолкал. Тут вовсе худо стало — с пушками полезли. Со всех сторон напирают. Даром, что лес страшный, нашли пути-дороги.

Видят стары́ люди — дело неминуемое, сила не берет. Пошли к раненому-то посоветовать, как дальше быть-поступать. А он на то время на Думной горе был. Для воздуха его девка-то туда притащила, как он вовсе слабый стал. Азов-гора, она сроду в лесу, а на Думной-то на камнях ветерком обдувает. Девка и таскала его. Отходить все охота была.

Думали они тут целых три дня. Оттого и гора Думной зовется. Раньше по-другому как-то у ней имя было. Обмозговали все по порядку и придумали переселиться на новые места, где золота совсем нет, а зверя, птицы и рыбы было бы вдосталь. Он же надоумил, соликамский-от, и рассказал, в которую сторону податься. На этом дело и решили и в путь-дорогу снаряжаться стали. Хотели стары́ люди этого своего радельца с собой унести, а он не пожелал:

— Смерть, — говорит, — чую близкую, да и нельзя мне.

Почему нельзя, этого не сказал, а стары́ люди допытывать не стали. И девка объявила:

— Никуда не пойду.

Мать, сестры в рев, отец пригрозить стал, братья уговаривают:

— Что ты, что ты, сестра! Вся жизнь у тебя впереди.

Ну, она на своем стоит:

— Такая моя судьба-доля. Никуда от своего милого не отойду.

Сказала, как отрезала. Кремень-девка. По всем статьям вышла. И не найдешь такую в нонешнем народе, поди. Родные видят — ничего не поделаешь. Простились с ней честно-благородно, а сами думают — все равно она порченная. У которой ведь девушки жених умирает, так та хуже вдовы. На всю жизнь у ней останется.

Вот ушли все, а эти вдвоем в Азов-горе остались.

Людишки русски и татара уж со всех сторон набились в те места. Лопатами роют, друг дружку бьют. Поднимет кто самородок неприбранный, сейчас на него налетят. Отобрать стараются. Шум, гам, драки, смертоубийство.

Больной-то вовсе ослаб. Вот и говорит своей нареченной:

— Прощай, милая моя невестушка! Не судьба, знать, нам пожить, помиловаться, деток взростить.

Она, конечно, всплакнула женским делом, и всяко его уговаривает:

— Не беспокой себя, любезный друг, ни об чем не сумлевайся. Выхожу тебя, проживем сколь-нибудь.

А он опять ей:

— Нет уж, моя хорошая, не жалец я на этом свете. Теперь и хлебушком меня не поправить. Свой час чую. Да и не пара мы с тобой. Ты вон какая выросла, а я супротив тебя ровно малолеток какой. По нашему закону-обычаю так-то не годится, чтобы жена мужа, как робенка, на руках таскала. Подождать, видно, тебе причтется — и не малое время подождать, когда в пару тебе в нашей земле мужики вырастут.

Она это совестит его:

— Что ты, что ты! Про такое и думать не моги. Да штобы я, кроме тебя... да ни в жизнь этому не бывать...

А он опять свое:

— Не в обиду, — говорит, — тебе, моя милая невестушка, речь веду, а так оно быть должно. Открыто мне это, когда я поглядел, как вы тут по золоту без купцов ходите. Будет и в нашей стороне такое времячко, когда ни купцов, ни царя даже званья не останется. Вот тогда и в нашей стороне люди большие да здоровые расти станут. Один такой подойдет к Азов-горе и громко так

скажет твое дорогое имячко. И тогда зарой меня в землю и смело и радостно иди к нему. Это и будет твой суженый. Пушай тогда все золото берут, если оно тем людям на что сгодится. А пока прощай, моя ласковая...

Вздыхнул в остатний раз и умер, как уснул. И в ту же минуту Азов-гора замкнулась.

Он, видать, неспроста это говорил. Мудреный человек был, не иначе с тайной силой знался. Соликамски-то, они дошлые на эти дела. В лесах живут, с колдунами знаются.

Так с той поры в нутро Азов-горы никто попасть не может. Ход-от в пещеру и теперь знатко, только он будто осыпался. Пойдет кто, сейчас же осыпь зашумит, и страшно станет. Так впусе гора и стоит. Лесом заросла. Кто не знает, так и не подумает, что там, в нутре-то.

А там, слышь-ко, пещера огромная. И все хорошо облажено. Пол, например, гладкий-прегладкий, из самого лучшего мрамору, а посредине ключ — и вода, как слеза. А кругом золотые штабеля понаторканы, как вот на площади дрова, и тут же, не мене угольной кучи, кразелитов насыпано. И как-то устроено, что светло в пещере, как в комнате хорошей. Золотко поблескивает, ровно от его тепло идет, а кразелитики будто смеются, зелеными глазками подмигивают. И лежит в той пещере умерший человек, а рядом девица неописанной красоты сидит и неутихаючи плачет, а совсем не старится. Как был ей восемнадцатый годок в доходе, так и остался.

Пытались которые в эту пещеру пробраться. Всяко старались. Штольни били — не вышло толку. Даже деомид¹, слышь, не берет. Хотели омманом богатство добыть. Придут это к горе да и кричат слова разные, как почуднее. Думают, не угадаю ли, дескать, дорогое имячко, которое само пещеру откроет. Известно, дураки. Сами потом как без ума станут. Болбочут что-то, а ничего разобрать нельзя. Имена, слышь-ко, все выдумывают.

Нет, видно, крепкое заклиятие на то дело положено. Пока час не придет, не откроется Азов-гора.

Одинова только знак был. Это еще когда батюшка Омелян Иванович² проявился и рабочие на Думной горе стали тайком

¹ Динамит.

² Пугачёв.

собираться. Так вот старики наши сказывали, будто на то время из Азов-горы как песня слышалась. Ровно мать с ребенком играет и веселую байку поет.

С той поры не было. Все стонет да плачет. Когда крепость сымали, нарошно многие ходили к Азов-горе послушать, как там. Нет, все стонет. Еще ровно жалобнее.

Оно и верно. Денежка похуже барской плетки народ гонит. И чем дальше, тем ровно больше силу берет. Наши вон отцы-деды в мои годы по печкам сидели, а я, слышь-ко, на Думной горе караул держу. Дровяную площадь барина Соломирского¹ охраняю. Потому, каждому до самой смерти пить-есть охота.

Да не дожидаться мне, вижу, когда Азов-гора откроется. Хоть бы песенку оттуда повеселее услышать довелось.

Вы вот молоденькие, может, и дождетесь. Не может же быть того, чтобы люди не отняли у золота эту его силу-то. Соликамский-от с умом говорил. Понять это надо.

Кто вот из вас доживет до той поры, тот и посмотрит клад Азов-горы. Узнает и дорогое имячко, которым богатства открываются.

Так-то. Не простой это сказ. Шевелить, видно, надо умишком-то, — что к чему.

Лиса и волк

Жила-была лисицка-сестрицка, воровка страшенна, а оприць всяво — гусей, вутят да курят дюже любила. Вкрала раз гусака, съела, а кишецки оставила. А выма проходя волк, горазд отошшавши, а ись смерть хоца.

— Кумушка, — прося волк, — дала бы мне хуть кишецки, смерть ись охота.

— Ату, кум, нешто тебя, облаежу такого, кишкам накормишь? Вон кобыла попова пасется, заведи в лес да и съешь.

— Да яна привязан!

— Ну так што, а ты отвязи яну.

— Да яна убязжить!

— На што убязжить? Оберни веревку вокруг себя, яна и сама пойдё.

¹ Последний владелец Сысертских заводов.

Отвязал волк веревку, обкрутил яну вокруг своо брюха, только не волк кобылу вядё, а кобыла волка. Спужалась кобыла, бягё и волка за собой волокё.

— Кумушка, кумушка! — вопя волк.

— А ты, кум, ногам шипци, бори, бори.

— Не, кумушка, бори, не бори, а бывать в поповом двори.

Покуль бяжала кобыла, потуль волк и душу Богу отдал.

Приходя к лисы вядьмедь¹ и гомонит:

— Лисицка-сестрицка, не по закону ты поступаешь. На што ж ты волка-то подманула?

А лиса на то:

— Ту так што; дураков уцить надобе.

Смерть

Живет хресьёнин, у него была хозяйка и был сынок. Хозяйка померла, живут двое с сыном. Отец стал хварать, сын и говорит:

— Отеч, ты помрешь, а што мне оставишь?

— Я, дитя, оставлю тебе Божье да мое благословеньё. Мать-то была жива, пекла калач, он сгорел, я его все пас, тот оставлю тебе. Съешь ты его с тем с моим другом, которой некакой скúпы² не берет.

Отеч и помер, сын отца и похоронил.

Немного время прошло, ись захотел. «Ох, мне ведь отец-от колаць оставил». Нашол колаць, хоцёт колаць ись, ему в ум пало: «Отец велел съись с тем, которой некакой скúпы не берет». Остановилса, пошол отцова друга искать. Идет по дороги, стретилса ему старицёк белой, седáтой:

— Куда, молодец, пошол?

— Пошол я отцёва друга искать, которой некакой скúпы не берет.

И рассказал все.

— Я отцёв друг.

— Нет, ты светитель Христов. Микола-угодник, не отцёв друг. Прítця³ целовеку приходит, посулят вам свецю, вы притци свободите.

¹ Медведь.

² Откупа, взятки.

³ Прítча — порча, болезнь «от глазу» или наговору.

Розошлись, опять вперед пошел. Стретилса опять старицёк в ту же пору́, бел-седáтой:

— Вы куды пошли?

— Пошел я отцёва друга искать, которой скúпы не берет.

— Я отцёв друг.

— Нет, ты светитель Егорей, не отцёв друг. Посулят вам свещу на петь, на десеть копеек, вы от притци свободите.

Опэть вперед пошел. Идет, встретилса высокого росту, пере-слиговатой¹, страшнóй. Тот спросил:

— Ты куды пошел?

— А я пошел отцова друга искать, которой скúпы не берет.

— Я отцёв друг.

— Поцему ты отцёв друг?

— Потому, я у отця душу вынел.

— Ну, так-то дак, отцёв друг, ты некакой скúпы не берешь.

Сели они, этот колаць съели. Отцёв друг и говорит:

— Поди в этот город, царь худ, он ищёт человека, про свою смерть знать хоцёт. Ты в этот город поди, скажи, што «я про царску смерть знаю». Меня нехто не видят, а ты увидишь; если сижу в головы, царь оживет, а есле у ног, то помрет. Он оживет, тебя пошлет в ба́нок денёг брать, а ты много не бери, по силы возми.

Пришел в город, сказал:

— Я бы про царску смерть знал.

Вес[т]ь донесли до царя, от царя послали розыскивать и нашли его. Привели к царю, царь на кровати лежит. Зашол, Богу помолился, на царя посмотрел и отцова друга увидел, сидит у головы. Молодец поклонилса царю:

— Ваше царско величество, трудно хворали, тяжело, Господь дас здоровья, будите живы.

Царю мýмо² полегче стало. Оградил царь его крестом и послал в банк:

— Скольки надо денёг, возьми.

Пошел, взял немного. Ушел из городу, сошлись с отцовым другом опять вместеях. Отцов друг спросил:

— Много ле денёг взял?

¹ С тонкой, перетянутой талией.

² Сейчас же, вслед за тем.

Показал:

— Эво сколько.

— Ну, умеренно взял. Ну, поди, в другой земли царь худ, скажись, што «я бы про царску смерть знал». Ты увидишь меня, в ногах сию, ты царю скажешь: «Вы умрите». Он тебя крестом оградит и тебе долгá-животá на царстве сидеть. Будешь триццеть лет царствовать, и в которой час корону примёшь, в тот же час и помрешь, припасайся к тому времени.

Молодец ушел в город и вес[т]ь провёл: «Я бы про царску смерть знал». Дошла вес[т]ь до царя. Этого человека привели к царю. Молодец поглядел, увидел отцёва друга, сидит у ног.

— Ваше царско величество, ели-ели у вас душа в теле, помритё.

Царь крест сложил, оградил его:

— После долгá-животá моего тебе на царство сидеть.

Успел слово сказать, и с плечь голова покатилаь. Помер. Царя похоронили, а молодца на царство посадили.

Вот он живет и хорошо дело управлят. Хватилса, прошло двадцеть лет, остаетця десеть лет, и стал печалитце: «Ах, мне смерть близко». На его тоска нашла, печаль стала долить¹. Стало времени один год, и стали синаторы и вси удумывать: «Што жо у нас царь худ стал, одва живой». Што бы с ним царь не говорит, веселья нету, об одном думат: «Смерть приходит».

Между тим пришли последни сутки, пришел тот час, в которой и корону принел. «Пойду ище в сады, прощусь». На пороге отчёв друг стретилса:

— Куда пошол?

— Я жду тебя, а пошол в последнёй час простицца с садами.

— Тебе сказано было, што раньше ты поправся, я не дам тебе шагу шагнуть больше.

— Пойдем со мной товарищом, некуды ведь я не уйду.

— Ну, давай, пойдем.

Походили в садах, прощалса, подходят к городу, спрашивают царь у отцёва друга:

— А што у нас в городи плачут?

— Ревут: где мы с тобой говорили, тут царь и помер, а ты ведь ходишь одна душа.

¹ Одолевать.

Ворона и виноград

У хозяина был сад, в саду рос виноград. Повадилась летать ворона, начала воровать. Нахитрился мужик, поставил колоду и налил воды полную.

Прилетела ворона, стала воровать ягоды и упала в колоду, в воду. Упала в воду, тóрбалась, тóрбалась, тóрбалась, да и вѣторбалась и полезла по краю-то (мокрая ворона). Лезла, лезла, лезла, да и стала сохнуть. Сохла, сохла, сохла, да и высохла.

Ветер дунул, да опять ворона упала в колоду, да опять и тóрбалась, тóрбалась, тóрбалась, да и вѣторбалась... и т. д.

Клубок третий, медного царства

Как сажал мужик репу

Беднячок, значит, был мужичок, сеял репу. И вот репа не растет никак. Придет, посмотрит: репа не растет. Вот он пришел, конечно, последний раз посмотреть.

— Возьми ее, чорт, чтоб я ее больше наблюдал, ходил смотрел! Только, — говорит, — пашню занастил¹, да и семена.

Теперь пришел одного² посмотреть, смотрит: репа из поля растет.

И вот уже время пришло сымать репу. Приходят репу сымать с женой двое.

И чорт явятся.

— Так ты, — говорит, — брат, чо? Ты сказал: «Возьми, чорт, ее!»

*Голос*³: Обошли чорта!

Не глянется ему, завел спор на собрании. После этого собрания у них вышла драка.

Голос: Ну, парень!

Звери птиц перебили, отобрали у мужика всю репу. Мужик пошел с горем домой. Идет, смотрит: сокол сидит под вершиной,

¹ Загубил.

² Однажды.

³ Реплики и вопросы слушателей. Сказка стенографировалась тогда, когда сказочник — П. А. Петренко, окруженный своими слушателями от 20 до 80 лет, сапожничая, рассказывал сказку за сказкой.

подшиблено крыло, пораненный после этой драки. Взял этого сокола пришибленного и понес домой.

Теперь дома там этого сокола держал. Заживил ему крылышко, завязал. Кормил его все время, наблюдал.

Теперь, когда у сокола срослось крылышко.

— Теперь я тебя, хозяин, буду кормить, спасибо тебе, что ты меня не бросил. Пойдем, — говорит, — мы с тобой на охоту.

И вот выйдут с ём на охоту, утки летят — стадо уток подшибат, гуси летят — стадо гусей посшибат. Залетит сверху и сшибат птицу. Мужик стал поправляться.

Голос: Сокол-то?

Теперь стал возмозжать здоровьем своим.

Голос: Могутной¹ стал?

Быстрый стал.

Голос: Крылышко, значит, срослось?

Летат! Почувствовал себя здоровым. И говорит:

— Довольно, хозяин, я у тебя погостил, теперь пойдем ко мне в гости.

Хозяин говорит:

— А куда же я пойду?

— А куда я тебя поведу. Я тебе заплачу за это за все.

Голос: Что он его лечил?

Теперь садится он ему на правое плечо. Пошли они с ём, набрали продуктов.

Голос: Ясно уж что: сухарей!

Шли они много ли, мало, конечно, там время, доходят — медный дворец. Крыша медная, лучи принут² от солнца.

Голос: Светит шибко.

Теперь он говорит:

— Моя сестра младшая живет тут.

Голос: Это сокол говорит?

Да.

— Теперь, — говорит, — заходи к моей сестре, она будет обо мне спрашивать:

Голос: Он не кажется?

Не кажется.

¹ Сильный.

² Нагревают.

«Не видел ли моего брата?»

Ты говори, что видел. Будет она тебе золото и серебро давать — не бери, только чтоб представь брата, мол, покажи. Проси, говорит, золоту коробочку, больше ничего не бери.

Голос: Она спрашивала про брата?

Она спрашивала про него.

Теперь она сказала:

— Ого, далеко ты забросился, пушай мой брат остается, не увижу больше, а золоту коробочку не дам.

Голос: Не нужен брат, а коробочка!

Теперь он приходит и говорит:

— Так и так, не дает, говорит, золоту коробочку сестра твоя.

— Ну, не дает, тогда, — говорит, — идем дальше. Стало быть, говорит, сестра не дорожит обо мне.

Подались они дальше.

Идут дальше. Теперь смотрят — серебряный дворец. И там также ответили.

— Тебя, — говорит, — сестра спросит: «Не видел ли брата?» Ты говори, что «видел, знаю я его». И вот также будет тебе золото и серебро, сундуки откроет, не бери. Проси все-таки золоту коробочку у ней.

Теперь приходит он, объяснят ему, что такое и такое дело, также ответила и эта сестра.

— Ну, тогда, — говорит, — пойдем к старшей сестре.

Идут, смотрят — опять дальше лучше уж пленут золотой дворец, крыша золотая, а стены мраморные. Дверей не найдут, все под одно. За один квартал построен дворец.

Теперь заходят к сестре этой.

— Тут и мать живет моя, что уж тут скажут! Если откажут, то пойдем обратно.

Теперь заходит он сюда, тут его напоили, накормили, на постель спать положили, стали спрашивать его:

— Не видел моего брата?

Он говорит:

— Видел. Слыхал про его и видеть видел.

— Не слыхал ли, не видел ли ты брата? Там он был скраденный.

Он имя ответил:

— Действительно, я про вашего брата знаю.

Они ему говорят:

— Не представите вы его сюда как-нибудь? Я вам заплачу.

Отворяют ему сундуки с золотом и серебром. Вот, говорят:

— Набирай капиталу, что тебе надобно, бери, только поставь мне брата.

Он ей говорит:

— Ничо мне не надо, и золота и серебра. А дайте мне золотую коробочку.

Она ему сказала:

— Не худо ты поддумал тоже!

Постояла, подумала.

— Ну и что же? Придется отдать. Мы с братом же наживем такой капитал. Только был бы брат живой. Отдам, — говорит, — тебе золоту коробочку!

Вернулся он обратно, значит, по сокола. И говорит:

— Отдает сестра, с матерью абсоветовались, что золоту коробочку отдают.

— Ну тогда, — говорит, — пойдем гулять к сестре на свидание.

Когда, конечно, явились, имя большая была встреча. И он тут прогулял, кажется ему, как три дня только. Стал ему сокол говорить:

— Будет, хозяин, гулять, можешь теперь домой идти. Ты уже, говорит, прогулял три года.

Он говорит:

— Не так долго я гулял — три дня.

— Нет, — говорит, — три года.

Ишь, ему с хорошей жизни показалось.

Вынула сестра на золотом блюде золотую коробочку, подала ему. Когда он принял коробочку, и положил в карман ее. Маленькая коробочка, конечно.

Теперь много ли, мало, скоро сказка говорится, время много минуется.

— Дай посмотрю, кого я принял? Сколько мне богатства досталось? Я не принял сколько богатства давали, а каку-то взял маленьку коробочку, дай раскрою, посмотрю, что в ней есть?!

Када раскрыл коробочку на чистом месте (в горах воды не было). Раскрыл коробочку: вдруг построился город, из коробочки из этой. Город и дворец, а он уж там при этом дворце оказался царем. Вот какое богатство они ему дали!

Каждый день к нему едут с докладом. И приходят люди докладывают, что воды нет.

— Поселил нас хозяин не на месте. Копают колодец и до воды докопаться не могут. На суходольи построил город!

Тут теперь мужичок запечалился, как мол, снять этот город, отцеда убрать. Вдруг является старый старик, сутул, горбат, вперед на кляп, является в его дворец и говорит:

— Вот, говорит, царь, я, говорит, тебе соберу этот город в твою коробочку, что ты, говорит, мне заплатишь за это?

Он говорит:

— Не знаю, что я тебе заплачу. Половину государства андам.

— Ничо, — говорит, — мне не надо. Только, говорит, отдай мне то, что ты дома не знаешь.

Собрал вдруг, вдунул в эту коробочку весь город, закрыл коробочку этот самый старик.

Теперь взял эту коробочку и пошел в свое государство, в свою деревню мужичок.

Приходит домой, конечно, у него уже семи лет мальчишка, он его не знал, когда засеял, что засеял ребенка. Пришел, уж тут семья по миру ходит, нагишам, босикам без него. Он уж у него семи лет сделался. Теперь они, конечно, с женой пошли облюбовали реку, облюбовали степь, где можно построить этот город.

Вдруг он раскрывает коробочку, построился такой же у него город опеть. Семья вся при ём. И жена при ём, прислуга ухаживат, и уже он во дворце, она уже царица, а он царем. Прислуги за имя ходят и они жизни не могут нарадоваться, не видали этого срода и пришлось ей так жить, не думала. А он все печалится, поглядит на ребенка своего и заплачет. Тогда она стала спрашивать:

— Об чем ты печалишься? Так мы хорошо живем, все у нас в достатке, что тебе еще не хватат?

Стала его пытатъ. Наконец-то она его все-таки допыталась. Сказал он ей, что вот я этого сына за это богатство отсулил чорту.

Теперь до двенадцати лет рос ребенок. Изучился хорошо в грамоте. Чорт является.

— Ну, — говорит, — что сулено, то давай, брат. Я, говорит, двенадцать лет дождаюсь.

Но вдруг отец заплакал тут, жалея над ребенком. Мать плачет.

— Ну что же, — говорит, — придется отдавать, раз такое дело!

Теперь, када он взял этого ребенка, вдруг оказался под ём конь, и он поднял под облака и унес этого ребенка.

И вот он там жил, с чертями работал. За какую только работу не возьмется, скажет:

— Восподи благослови!

И черти все от него бежать. Их жгет, убегают от него.

Теперь черти говорят:

— Ну, говорят, царь наш, убирай этого парня куда хошь, нам с ём работать нельзя. Како-то «восподи благослови» говорит и нас как огнем жгет. Не можем с ём работать.

И вот он взял его, опять так же схватил, поднял под облака, унес его в чисто поле, бросил его в поле, чтоб он не знал, куда выйти.

Вот он ходил много время, питался все время корешкам, голодом жил, выйти-то не знал куда. Вдруг угодил к озеру. Смотрит — палатка стоит раскинута. Зашел он в эту палатку, там и вина разные, там и закуска. Он, конечно, тут подзакусил хорошо.

Вдруг слышит: зашумел вихорь. Он с палатки сразу бежать. Пошел, лег под бугорком озера. Смотрит: откудова-то прилетают три голубя к этой палатке. Ударились об землю и сделались девушками и начали купаться. И он подобрался, у одной взял перо украл, спер! Те оделись, полетели, а ей не во что одеться. Она и говорит:

— Кто это мог взясь. Если, говорит, старше меня, будет отец мне, младше меня, будет брат мне, а если с мужского полку — молодой человек, то будет муж мне.

Он выходит и говорит:

— Это я сделал, над вам подшутил!

Она его признала:

— Ах, говорит, это Ваня! Так теперь, говорит, раз такое дело, я за тебя пойду замуж. Садись, говорит, на меня и крепче за шею держись. Полетим.

И вот када он сяд на нее, полетели они с ей в воздухе, под облака подняла она его. Дорогой наказывает ему:

— Иди к папе моему, сватайся на мне. Звать меня, говорит, Марией, Марусей. Папа будет за тебя отдавать замуж, только нас нарядит в одну одежду. Мы будем все три, как одна. Ты можешь, говорит, меня не узнать. Насыпет, говорит, пшеницы, сделает нас голубями, мы будем в парной одежде. Замечай, говорит, када я

стрепескнись¹, и покажи на меня.

Када они прилетели, и стал он сватать ее, пошел к отцу. Он же опять прилетел туда обратно к этому же самому чорту. Чорт увидел его и сдвинулся.

— Как ты мог попасть сюда?

— Я, — говорит, — затем попал, что хочу за себя вашу дочь замуж взять Марею, а то бы не вернулся.

Чорт подумал: «Большую волю имеет, вероятно, так мог он выйти».

Да, теперь чорт говорит:

— Я, говорит, дочь за тебя не отрицаю отдать. Отдам! Вот тебе задание: если ты, говорит, свою невесту признашь — отдам, не признашь, то я тебе голову срублю.

Теперь, когда он насыпал пшеницы, вызывал своих дочерей, сделались голубками, они бегают, пшеницу клюют.

Када, значит, он заметил, что она стрепескнулась, он говорит:

— Вот моя невеста!

— Да, говорит, молодец! — похвалил его тятя, этот чорт.

— Вот, — говорит, — тебе задание: построй, говорит, на той стороне собор, за седнишню ночь, чтобы попы были и сады были посажены и вся церковная утварь.

Теперь Ваня пришел, конечно, запечалился, задача несносная.

Она спрашивает его:

— Что запечалился?

— Вот мне папаша задачу тяжелую задал.

— Каку задачу?

— Вот, чтобы нам с тобой венчаться на той стороне, попы и дьяки были, сады посажены и вся церковная утварь.

Она ему говорит:

— Не печалься, молись спасу, да ложись спать. Утро вечера мудренее, а утром пораньше я тебя разбуджу.

Так он и сделал. Утром она его разбудила. Сама вышла за-светло. Вечером черти собрались, спрашивают:

— Что тебе, царевна, надо?

— Вот, — говорит, — постройте собор.

Тут налетело чертей, всякие разные мастера, поставили собор. Кто железа тащит, кто что, кто золота, разные штуки.

¹ Встрепенуться.

Да, теперь построили собор, она его утром будит:

— Иди, говорит, бери молоточек и постукивай!

Он пошел, постукиват рано. Чорт проснулся.

— Как так получился готовый собор?

Теперь призывает его к себе, подает ему хорошего вина, поздравил его, поблагодарил, что «молодец», говорит.

— Вот, — говорит, — тебе последнюю задачу дам, больше не будет задач. Через эту реку построй хрустальный мост, чтобы вам не бродком шагать, а через мост проезжать по сухому.

Теперь он опять запечалился также, пушше того. Эта задача тяжелая. Теперь, када, значит, он вернулся к своей жене, к невесте, скажем, и пояснят тако и тако дело. Пушше того запечалился, она ему опять же говорит:

— Молись спасу и ложись спать.

Теперь вышла вечером засветло опять. Налетели духи, она распорядилась с ими:

— Чтобы за севоднюшнюю ночь, чтобы был мне хрустальный мост построен через эту реку!

Тут, конечно, налетели, кто железа, кто сталь, хрусталу, все за ночь исправили.

Утром она будит его.

— Бери молоточек, иди постукивай, склепочки подбивай.

Опять так же, как будто бы это он сделал.

Чорт утром проснулся, вышел на балхон, смотрит, что за диво — уже мост стоит готовый, и Ваня уже молоточком ходит постукиват, доделыват.

Тут еще пуше того в жар чорта бросило.

Так, теперь он его зазывает еще к себе, пушше того залюбил.

— Вот тебе последняя задача, больше не будет.

— Все последняя, — говорит.

— Сегодня ты отдыхай, а завтрашний день тебе задача: обучить вороного жеребца, чтобы было на котором вам проехать венчаться.

Тут уж он остался доволен. Думат: «Что мне коня обучить? Силенку имею, проворство есть, выезжу его за день!» Приходит к своей невесте веселый. Она его спрашивает:

— Что такой веселый? Что тебе папаша радость какую дал?

Он даже не сказывает ей. Думат: «Я один справлюсь». Но она все же допытывается.

— Дак чо, — говорит, — это пустяк!

— Да какой же пустяк?

— Вот, — говорит, — вороного коня обучить, на котором нам можно было ехать венчаться.

Она ему и говорит:

— Это самое-то тяжелая задача. Это наш папаша и будет, самый сатана, на него и садиться будешь верхом, он тебя тут и убьет.

Она теперь, конечно, ему сказала:

— Некогда отдыхать, куй пуд железных подков, пуд стальных и пуд медных и скуй доску железную, чугунную двадцать пять пудов, бери, говорит, это себе все, када сядешь верхом, стягай его меж ушей по голове. А я, говорит, в то время буду подбегать, доску подставлять отбивать. Да смотри осторожней, только глаза не выстегни ему.

И вот он последний пуд стал дотягивать, стальных подков, угодил ему по глазу. Вдруг конь закрутился, она ему закричала:

— Саскакивай, убегай!

Теперь, значит, убежали в свой дворец и заложились там на засовы, крепко закрылись. На утро требуют его. Значит, чорт посылает слугу по него:

— Пушшай придет Ваня сюда!

Они за ночь подались бежать. Теперь за них там отвечать оставили они дух.

— Я, — говорит, — еще не умывался!

Теперь второй раз послали.

— Я, — говорит, — еще чай не пил!

Потом чорт схватился:

— Я сам пойду! Однако их нету дома, убежали они?!

Приходит, все заложено. Нету их!

Голос: След простыл!

— След простыл.

Они поехали в свое царство, где отец царствовал.

Теперь послал он за имя погоню. Вот погоня бежит, она ему и говорит:

— Послушай-ко, слезь с коня, не за нами ли погоня?

Он говорит:

— Ничо не слышу!

Она соскочила, послушала.

— Вот, — говорит, — сейчас догонит.

Она больше слуху имеет его.

Голос: Она чародей, как же!

Вот теперь их догоняют. Она сделала из коня старую церкву, а сама сделалась старым монахом.

Когда подъехали, спросили:

— Не видали таких?

— Давно проехали, — они говорят, — в то время, когда мы посвящены остались служить.

Говорят:

— Сколько это лет?

Спросили, сколько этому лет.

— Лет тридцать прошло!

Вот это вранье-то какое.

Теперь они вернулись обратно. Обманули, значит, погоню. Приезжают, докладывают чорту:

— Не могли догнать. Вот такое и такое дело. Видели старых монахов и старый собор. Больше, говорят, никого не видели.

— Эх, — говорит, — бараны! Это и надо было взять. Сейчас же ступайте, догоняйте их.

Теперь догоняют второй раз их опять. Она послушала; за ими погоня гонится. Живо она сделала из коня пшеницу, а сами сделались старым старичками, жнут эту пшеницу. Дескать, поле пшеничное.

Они спрашивают:

— Не видели таких-то, проезжали?

— Видели, — говорят, — давненько.

— Как давно?

— Когда сажали пшеничку и пахали.

А уж жницы жнут ее.

— Давно!

Теперь они сказали:

— Значит нам не догнать их. Вернуться надо.

Взяли три колоса на показ царю своему.

Теперь привозят ему три колоса и поясняют ему — так-то и так:

— Видели старика со старухой, жнут пшеницу. Они сказали, когда эту пшеницу посеяли и пахали, вот тогда это было. Вот взяли три колоса на показ для вас.

Развязали платочек, показали три колоса, оказалось три конских волоса.

Теперь, значит, он говорит:

— Эх, их и надо было! Теперь, говорит, я полечу! Сейчас если я не возьму сам, так и вам не возьмется.

Полетел он сам. Нагоняет их опять. Она и говорит:

— Слушай, Ваня, слазь, послушай, нет ли за нам погони?

Он слез, послушал.

— Я, — говорит, — ничо не слышу.

Она соскочила, послушала. Говорит:

— Сейчас догонит! Сам, однако, отец гонится за нам. Сильная, говорит, погоня идет!

Тут она живо сообразила: из коня сделала озеро, а из его сделала березу у берега, а сама сделалась совой, летат, садится на березу.

Теперь чорт прилетат, вдруг сделался соколом и за совой за этой. Сове некуда деваться, сова в воду, он за ей в воду. Теперь сова сделалась ершом. Он сделался щукой. За ей. Он как к ей ни забегат, она все хвостом подвертываются. Все-таки ерш ведь колючий, за хвост не возьмешь его!

Теперь что же? Сколько за ей не гонялся, устал.

— Ну, — говорит, — попускаюсь¹!

Сколько я ни хитрый, но дочь еще хитрей меня, придется бросить.

Попустился в то время, вернулся назад, обратно. Приехали када они домой, сама не вошла в его дворец, там отец у него царствовал, как царствовал.

— Вот, — говорит, — ступай домой, обрадуются тобой все, и ты, говорит, и отца, мать и братьев всех целуй, а девка есть чернявка — ее не целуй. Если, говорит, ее поцелуешь, то про меня забудешь.

И вот он так и сделал. Сестре охота его поцеловать, он не дался поцеловать. Сестра обиделась, но он все-таки жену свою слушатся.

Теперь, когда гулянье у них было большое, бал, он подвыпил и уснул крепко. Она взяла его сонного поцеловала, сестра, и он забыл, что у него Марья есть, жена-то его и забыл, как и нету ее.

¹ *Попуска́ться* — поступаться чем-либо, отказываться от чего-либо.

Тут живо, конечно, невесту нашли, женить скорее Ивана-царевича. Наследник явился!

Голос: Она, однако, ему наказывала!

Теперь уже они стоят за столом с другой невестой уже короноваться, венчаться, как бы сказать.

Да, теперь она прилетат голубкой под окно. А у них уже чаркой угощают, с новой невестой стоят. Она ему говорит:

— Я, говорит, тебе говорила, Ваня, не целуй девку-чернявку, про меня забудешь, забыл, брат, про меня!

У него в то время упала рюмка из рук.

— Эх, — говорит, — папаша, я, говорит, женат, забыл я про свою жену.

И вот теперь они с этого начали гулять, гулять! Царь велел всех нищих, всяких инвалидов пригласить, пьяных всех проходящих угощали.

И я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Мне дали синь кафтан, а сорока видела: «Синь да хорош. Скинь да положи». Я скинул, на пень положил. Я после того к ним заходил, их раскулачили, с престола сбросили царя, он как бы был Иван-царевич, его сбросили с престола. Сейчас его нету-ка.

Про царя Гороха

В некотором царстве, не в котором государстве, а может быть, в том, в котором мы живем, под номером седьмым, где мы сидим, жил-был царь.

Имя его было — Горох. И было у него очень много ума. Решил царь его засолить. Собственноручно сложил его в 12 деревянных бочек, 6 пудов соли извел (по полпуду на бочку)¹ — для сохранности; чесночку, разных трав положил — для аромату; укупорил бочки, опечатал царскою печатью и поставил в погреб. Все сам. Но даже 12-ти бочек оказалось мало: не разместился в них весь царский ум. Пришлось брать еще одну, 13-ю бочку.

...Прошли годы. И как-то царю понадобился его ум — на страну черной тучей надвигались кочевники, а царь был верховным главнокомандующим, и ему надлежало отдать приказ — выхо-

¹ Пуды и бочки были не простые, а сказочные: умножайте всё на 12.

дить вперед или держать оборону. Сопротивляться или покориться? Вопрос — не шуточный.

Бросил царь свою бинóклю и бегóм с командного пункта (он был на царской голубятне — самой высокой точке всего царства: царь был большой охотник до этого дела) — бегóм к солениям — в погреб, за умом.

А надо вам сказать, что 12 бочек взорвались прежде, чем стали нужны. Ум стал бродить, искать себе применение, задачу — что-то Горох упустил при засолке, а повара близко не подпустил: не его ума дело. Жена же Горохова все время проводила на курортах (инспектировала их), так что догляду за ним никакого не было. Так царский ум и вырвался на волю. А рассол ушел под землю — теперь под столицей целые соляные моря, можно добывать соль.

Много народа те бочки покрушили, рев стоял страшный, в соседних странах думали — война началась, никак не могли понять, какого калибра артиллерия. Жители ж Царьграда — столицы империи — почитали, что живут при конце света. Всем было растолмачено, что «идут испытания новых видов оружия; не мешайте работать».

Итак, оставалась одна, последняя 13-я бочка, на которую была вся надежда. Царь сам вскрыл ее, но там... ничего не оказалось. Бочка была пуста. Трава вся иссохла, рассол вытек — эта бочка потому и не взорвалась, что была дырявая, — но куда делся ум-умище? Непонятно. Как царь бочку ни тряс, как он ее ни катал, оттуда ничего более не сыпалось. Взмок только весь. Осерчал тут Горох:

— Куда глядели? — набросился он на охрану (к бочкам была приставлена целая рота почетного караула; смена караула происходила каждые три часа, вечером — с залпами салюта). — Никому ничего нельзя доверить!

— Да никого, царь-батюшка, не подпускали. Муха не пролетала, — ответствовала, разводя руками, служба.

— «Муха не пролетала»... Кто ж пролетал-то? Слон, что ли? — не унимался Горох. — Го-су-да-а-ре-во де-е-ло, — пропел-прокричал, — а им — тьфу!!

Упал царь в кресла, голос у его от крика пропал. Бледный стал. День меж тем клонился к ночи. Надо было принимать решение.

— Зря засолили — лучше б этот агромадный ум кіснул вместе с молоком: я блины бы пек, — встрял не к месту тяжело вздыхавший все это время повар.

— Идиот, — проскрипело у царя в горле, но никто его уже не услышал.

Солнце скрылось за горами. Страну охватила непроглядная ночь. Верховный главнокомандующий обхватил свою несчастную голову руками. Голова трещала. Что делать? А делать было нечего, перегрев центрального процессора угрожал всей системе. Царь тоже так подумал (последними умными остатками) и сказал чуть слышно:

— Ну что же, буду я теперь дураком жить, раз ума маво нигде не видно. Не выписывать ж нам ум з'заграницы — позориться. Нет — и не надо. С дурака и спроса нету. А у заграницы мы теперь попросим безвозвратных кредитов — на порушенную военными действиями голубятню.

И во все концы государства были посланы гонцы с известием, что царь отныне — дурак, приемные дни отменяются. Послам иностранным — вручены ноты: так, мол, и так, царь наш изменился, в лице переменился, если чтó — не сердчайте, а лучше — денег дайте. В скобочках, мелкими буковками была приписка: из-за несвоевременного извержения царского ума живем при полной и окончательной разрухе. А по периметру всей бумаги вензелями было выписано (рукой с ума сошедшего Гороха): серебро и золото едут к нам в трех кóробах. Такая вот белиберда.

— Мудрёно, — сказали, прочитав послание, иностранные цари и — дали денег: послали Гороху 40 карет разных ассигнаций. А философов своих засадили разрабатывать новую военную доктрину, менять концепции управления государством, двигаться вперед, — как Горох.

Вот с тех самых пор дураки на земле в царях ходят, а цари в дураках обретаются.

А что же кочевники? — спросите вы. А кочевники как пришли, так и ушли. Потому что они — кочевники. Возможно также, что они прослышали об имеющемся у Гороха сверхсекретном оружии — бочках-самовзрываках. Вместе с тем достоверно известно, что часть кочевников осела в царстве Гороха: наукой выявлены отдельные (происходившие повсеместно — здесь мнения ученых

расходятся) случаи братания¹.

А царство царя Гороха как стояло, так и стоит. Люди говорят, что и в наше время его видели. Без ума Горох, а все живет. Видать, так сподручней. И голос у него выправился. В хоре стал наш Горох петь, славить Вседержителя. Скажу вам по секрету: Горох теперь три октавы берет. А голубятню себе отстроил — до неба.

Интересно, что жена Горохова ничего этого еще не знает — ни об опустевшей мужниной голове, ни о соляных копиях, ни об интервенции, ни о послевоенном строительстве — она еще не возвращалась с курортов. Царь же, когда сидит на своей голубятне, обозревая пространства, нет-нет да и подумает: «Чего бы еще засолить к приезду женушки? Чем ее порадовать?»

Однако времени на голубей у Гороха все меньше: царь ведет интенсивные переговоры с иностранными державами о покупке ими лицензии на серийное производство начиненных умом бочек-самовзрывок.

Уже утверждена Международная единица измерения ума — 1 Горох. Многое предстоит еще сделать... Горох намерен взорвать весь оставшийся на земле ум.

Торговля дуростью становится важнейшей статьёй дохода и приоритетным направлением внешней политики Горохова царства.

Несмотря на свою занятость, распевается Горох при любой погоде. Вот и сейчас с голубятни доносится: «В саду опустевшем тропа далеко видна...»

Горох готовится к празднику Огня и Воды, свадьбе Солнца и Луны. В столице праздник начинается на Перуновом подворье — Лубяной площади и сливающимися с нею Яблочными рядами. Напротив Яблочных рядов, в Старых Лучниках, где нашел себе прибежище Перун — главный бог, метатель молний, покровитель подрывников и страж законности, — добывают из дерева живой огонь. Когда огонь возжен, тут вся карусель и начинается.

Возгремляет музыка, оповещая всех о начале. Перуново по-

¹ См. об этом: *Исторические пути народов, или Весенняя распутица* : методы, средства и задачи изучения : сборник материалов 547-й международной научно-практической конференции «Мир в преддверии глобальной катастрофы» / Колл. авторов. [Б. м., б. г.]. С. 10015.

дворье — его хоровод — приходит в движение: огонь несут к воде — расположенному в центре Лубянки фонтану. Самородный огонь описывает вокруг фонтана одну за другой восемь петель — лепестков, хоровод плывет, составляя 4 громадных восьмерки, общим центром которых является бьющая фонтаном вода. Затем процессия, растекаясь по прилегающим улицам и захватывая новых членов, спускается к Неглинке и идет вдоль нее строго на север — огонь направляется к опоясывающему старый (Царев, или Белый) город Кольцу бульваров.

Ныне Неглинка (от «неглинок» — болотистое место с ключами; речку образовали множество бивших из-под земли ключей) ушла под землю. Вот как это было.

Пошла баба на речку белье полоскать и обронила в нее кольцо обручальное. Приходит домой, — а муж ее мертвый лежит. Плакала она и пошла опять на речку — за водой, — обмыть покойника. Приходит, а речка пропала — ушла под землю. Возвращается домой — покойника уж нет: сам пошел омываться в подземной речке. И больше не возвращался, так там и остался.

Баба ждала-ждала его на высоком берегу, у того места, где кольцо обронила, сидела-сидела и — окаменела. На Рождественке — улице, бывшей раньше дорогою вдоль речки, есть камень — та самая окаменелая баба. Одно время камень этот медленно передвигался к северу. Говорили, что это муж толкает свою бабу туда, где им назначено встретиться.

Рядом с Бабым камнем было также два маленьких — двое ее деток, но потом они куда-то подевались. Дети с ними все играли. Камни и ушли, наверное, с ними. А баба все сидела... Окрестные жители носили ей молоко, хлеб, чтоб поела. А в темные безлунные ночи, когда городской шум стихал, слышно было, будто кто разговаривает у камня. Говорят, что это муж выходил из-под земли к жене, чтобы утешить ее.

Постепенно вокруг этого камня вырос целый женский монастырь — со своими высокими стенами он стал одним большим Бабым камнем. Первой насельницей монастыря была женщина, которую звали Марией. Все сидит баба; сколько ей еще ждать — никто не знает... И посейчас только в безлунные ночи разговор там слышен, когда Луна близко к Солнцу подходит; их две-три всего в месяце и бывает. В другие дни или ничего не слышно, или плач тихий.

Монастырь стоит в самом конце идущей строго на север Рождественки — дотолкал-таки мужик свою бабу, теперь она открывает солнечные врата Царева города.

Достигнув Бульварного кольца, процессия взбирается на Рождественскую гору — обыкновенно это происходит в полдень, когда солнце в зените и тени исчезают. Вылившись на Бульварное кольцо, хоровод идет *по часовой стрелке*. Это поток Солнца, огня. Возглавляет его разнаряженная тройка коней¹. Первый бульвар на их пути — Рождественский, поблизости от Рождественского монастыря (сам монастырь построен в память Рождества Богородицы — девы, рождающей Солнце, открывающей врата в небо).

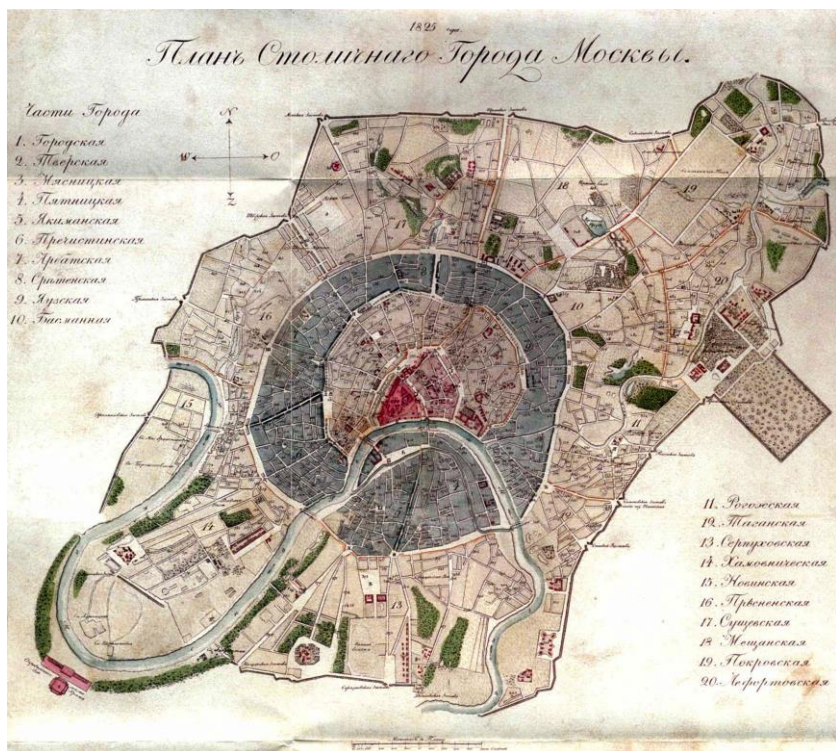
Бульварное кольцо имеет форму подковы — это след небесного коня Громовержца². Своими концами подкова выходит к мать быстрее реке Смородине, воды которой замыкают ее. Таким образом, часть солнечного пути проходит по набережной — здесь от самородного огня зажигают факелы, которыми позже, с наступлением темноты, возожгут стоящие повсюду вдоль реки деревянные колеса (охваченные языками пламени, они символизируют Солнце). Ночью они покатаются в реку, вода которой — это вода Луны, нареченной подруги Солнца. А днем факелы по воде (вверх и вниз по течению) направляются к своим солнечным колесницам. Гуляющие на челнах сопровождают первобытный огонь песнями.

На другом, еще большем кольце — Садовом, свои хороводы, которые с играми и песнями двигаются *против часовой стрелки*, символизируя собой движение девицы-души Луны. Здесь впереди идут украшенные лентами, колокольчиками, гирляндами баранок быки и коровы. Животные рассредоточены по всему кругу. Они идут не спеша, могут прилечь, их никто не гонит. Напротив, дети, пользуясь этим, несут им пучки сена, березовые ветки (вдоль всего коровьего пути стоят ясли). Особое место здесь — Коровий брод — в Рачьем регионе города³.

¹ Конь связан с Солнцем — Духом. С Луной — Душой связана корова. Кони символически рождаются в солнечном круге, а быки — в лунном. Почему и местом начала праздника избрана Лубянка — традиционное место сбора ямщиков и стоянка лошадей, их водопоя. — Ученая коллегия царя Гороха.

² Закладывал Бульварное кольцо (прежде это была оборонительная стена Царева города) тоже конь — человек по прозвищу Конь. Звали его Фёдор. — Она же.

³ Царьград являет собой подобие мирового яйца: внутри него — желток, солнечный круг-подкова; облекает город белок — лунный круг, или коровий путь. Царьград застраивала Горохова жена, чтобы Горох в ее отсутствие помнил о вечном, не расслаблялся. Она же наказала ему водить хороводы. — Опять она.

Царьград. Старинная карта города

К вечеру оба потока, совершив каждый свой круг, встречаются — это кульминация праздника. Солнечный поток вытекает к Лунному по руслу исчезнувшей речки, ныне — бульвару Цветов (где происходит последняя смена коней) и прилегающим улицам, а церемония их встречи происходит на площади у Сретенских (от «сретенье» — встреча) ворот Земляного города — на вершине одного из 7 холмов, на которых стоит город.

Именно здесь и находится знаменитая Горохова голубятня (во втором ярусе ее — чугунный резервуар на 7 тысяч ведер, отсюда вода поступает в Царев город). Горох смотрит в свою бинóклю, наконец объявляет: «Едут!» — и выпускает всех своих голубей. Коней выходит встречать наряженный медведем городской голова. Доставленным огнем он поджигает огромную смоляную бочку. После чего здесь, на Сретенском холме, и начинается главное представление праздника.

Лунные и солнечные люди — гуляющие в хороводах Луны и Солнца — обмениваются подарками. Дарят кто что: цветы, деревянные и глиняные фигурки зверей и птиц, лапти, лукошки, яблоки, ватрушки... Стариков угощают пирогами и лепешками, детям раздают конфеты и печенье в виде петушков, коровок, лошадок, медведей, овечек... Когда же потоки полностью перемешиваются, растворяясь друг в друге, а представление заканчивается, ночное небо озаряют фейерверки. С холмов в воду летят огненные колеса. А с воздуха — с аэропланов — на город сыплются лепестки цветов, конфеты, орехи, булки... Выстреливают всем этим и с крыш домов. Радость стоит необыкновенная. Солнце и Луна повенчаны.

Бюджет проекта в этом году — 12 триллионов рублей серебром¹. Должна подъехать и Горохова жена — с инспекцией. Телефонграмма от нее уже получена. Вот Горох и репетирует: «И там, где расстались, мы встретимся нынче вновь...» Стараются. Жена у него — строгая, глупостей не любит...

Иван-царевич в Подсолнечном царстве

Против неба на земли жил старик в одном сели, полусотни сказок знал и одну мне рассказал.

А в одном не в каком царстве был царь-император, и было у него три сына: старшего сына звали Васильем, середняго звали Степаном, а меньшого звали Иван-царевич. Этот царь на царстве царствовал. Не стало мочи. Исходят ему года, стал сыновей просить слетать в Подсолнечной град, «в Подсолнечном граде есь молодецкие яйца, а хто достанет эфти молодецкие яйца и хто съест молодецкие яйца, в двадцать лет будет молодой и в лицё будё красив». Захотелось царю омолодиться и друго столько поцарствовать, как сиби, так и государыни.

Отправляе старшего сына на своим быстрым коні. Старший сын уезжает, проходит времени полгода, домой он приезжат. Отправляе сына Степана, второго, дават еще бйстрее коня, и второй уезжает; прошел год, ни которого их нет. Просится меньшой сын Иван-царевич:

¹ Умножайте на 72.

— Я тебе, папа, помогу; дай мне конька-горбунка, который лететь может по воздуху.

И взял конька-горбунка, и заседлал его, и отправился в Подсолнешный град. Видли Ивана-царевича сядучи и не видли его поедучи. Уезжал Иван-царевич в иностранное царство и приезжал к иностранному королю, как к своему государю-батюшку. Просится он ночевать, выходит на парадное крыльцё. Государь дает ему задачу:

— Накорми моего коня и загладь в гладкую рубаху¹ на три дня тебе строку, погости у меня.

Заплакал Иван-царевич, не покормить государева коня. Отвел государь ему коня, у коня одни кося²; этого коня в три дня накормить и сгладить, чтобы был он сыт и гладок. Иван-царевич задумался, што «задачи мне не справиться».

Учит конек-горбунок: «Разотри шкуру до костей».

Иван-царевич у царского коня ростер шкуру до кости, sprыснул водой живой и мертвой, сделался конь сыт и гладок; отводит к государю, как так и надо. Принял государь коня: замысловато дело, допросил Ивана-царевича:

— Куда едешь и куда путь держишь?

Отвечал Иван-царевич, што «еду в Подсолнешной град, захватить малодетские яйца, омолодить своих родителей». Государь и говорит, што «если я помогу, тогда ты найдешь Подсолнешный град, а если не помогу, тогда не найти. Сослужи мне службу: достань мне котка-горбунка и медведя для утешения детей».

Отправляется Иван-царевич на своем коні-горбуні. Приезжает к бабки-задворки, спрашивает бабушка-задворинка:

— Котка-горбунка для утешения, медведя царских детей утешать, чтобы он мог столп ставить.

Выдаст ему бабушка-задворенка котка-горбунка и чудесного медведя для утешения царских детей. Приезжат к государю Иван-царевич, привозит котка-горбунка, чудесного медведя; спустил кота-горбунка, кот заиграл в покоех на разный голос, а чудесный медведь стал ставить в разные столба, утешать царских детей. Восхвалил его государь, дал ему подорожну ехать в Подсолнешной град.

¹ Загла́дить в гладкую рубаху — откормить.

² Кости.

Поехал Иван-царевич, приезжает к одной старушке, построенная у неё избушка на веретеной пятки, на солнцё лицём, а на сивер крыльцём. Попросился он ночевать; бабушка его пустила и спросила:

— Куда ты идёшь, куда путь держишь?

— Я еду в Подсолнешной град, за молодецкими яйцами.

Бабушка-старушка ответила, што «если я тебе не помогу, ни-где тебе не бывать. В Подсолнешном гради 12 дочерей белаго царя, подсолнешных красавиц, от их достать яйца крепко трудно, они мои племянницы. Заежай ко мни, так я тебе и помогу, оставь своего коня, а возьми моего; приедешь к моей сестры, — такая же сестра, как я, и такая же фатерка у её, как моя, — попросись у её ночевать».

Поехал Иван-царевич, приезжает к бабушки-задворенки, просится у ей ночевать, она спрашивает его строго:

— Куды едешь, куды путь держишь?

Отвечал Иван-царевич, што «я еду в Подсолнешной град». Бабушка отвечала, што «если я не помогу, то негде тебе не бывать. Там живут мои племянницы — белаго царя дочери, их 12 дочерей, я тебе накажу. Покуль оставляй сестринаго коня здесь, поезжай на моем. Приедешь в Подсолнешной град, — стена и крепость 12 сажен кверху, — вткни шпорами под бока моего коня, и с разбегу мой конь перескочит эфту каменную крепость, ноги яво не заденут, струни не зазвонят, кобели не залают, соловьи не запоют. На племянниц на родных наложу смертельный сон; двенадцать племянниц в смертельном сну спят и все они разлягавши и вси они распинавши, рубашки на их травчатые, скрозь рубашки видно тело, скрозь тело видно кося, сквозь кося видны мбзги, как жаркий жемчуг пересыпается». Бабка наказывает строго, што «делай дело скоро, не пакости, не пролей крови; если ты прольешь кровь, ни-где тебе не бывать».

Пришел он, а одиннадцать дочерей царских, и вси они разлягавши, и вси они распинавши, — удержал он свое сердцо; пришел к 12-й сестры, спит она в белом браном пологу, и всих ее сестер сестра красивее в свите нет; как она сбóхня от себя¹, так полог бранный себя, как она сдох возьмет в себя, белый бранный полог прелягается к сибí. Не стерпело сердце, приздынул он бранной

¹ Выдохнет.

полог, царску дочь обнасилничал ю скоро. Выходит он с белого бранного пологу, на столи — чернило и бумага, он написал скорописаную запись, што «кот тут был и молоко пил, и стола не закрыл».

Взял молодецкие яйца, пару, для своих родителей, положил в правой карман, обкатился обы, и с конем, живой водой, одны заднии шипы не хватили воды, вткнул шпорам под бока резваго коня, — как скочил через крепость, задел шипами за струну. Струны эти вси зазвенели, соловьи запели, кобели залаяли, царские дочери вси вы́стали, прохватилась главна доць Настасья:

— Кровь прóлита, и рубашка в кровь замарана! Какой был хитрец, я ничего не слышала. Ставайте, сестры любезные, поедем в погону.

Кака была поляни́ця нетленная, недосуг было разглядывать скорописные записи. Иван-царевич утекал на бабкином добрым кони, только леса гнутся, а конь бежит, што птиця летит, а 12 сестер вси вслед. Приезжат Иван-царевич к бабки-задворинки, отдают коня, берет другого. Бабушка-задворница наказывает:

— Коль можь, рой записки на ходу, пиши в записках: «Хто меня догонит, того до смерти за...у».

Роет записки, задние сестры увидали на ходу записки, разглядели, строго:

— Какой-то Иван-царевич у...т сестру да у...т нас, если догоним.

Возвратились одиннадцать сестер вси взад, 12-я сестра, которая была главная и им была оппакощена, тая не спрашиват ничего, гонится вслед. Соединились у второй бабушки:

— Постой, царский сын, ты мни будешь драгоценный муж, ты меня оппакостил, оставил мни два яблока, два сына любезных.

Отвечал Иван-царевич, што «ты умно сделала, поступила со мной как следует. Приезжай ко мни через год, привози двух сыновей» (сичат двоинку заковырнул с одного разу). Отвечала царская дочь ёму, што «приеду на двенадцати кораблях, и вси будут наполнены приданого живота¹». Распростились оны прикрасно.

Иван-царевич поехал домой, а Настасья-царевна — в Подсолнешное царство, свиданье сделать через год. Поехал Иван-царевич домой, приезжает недалеко от дому, напала на него боль-

¹ Имущества.

шая тягость, захотел он приуснуть на зеленом лугу. Спускает своего конька-горбунка, роскинул белый шатер, свалился на чесной покой, заснул долгонько.

Поехал родной брат Степан, зашел без всякого доклада в белый шатер, оглядел, и зашел в правой карман, и взял молодецкие яйца, и увез впереди родителям, омолодить своих родителей.

Приезжает Иван-царевич домой, и так он не весёл. Спрашивает его родитель:

— Отчего ж ты, Иван, не весёл?

Отвечает Иван-царевич, што «я был в Подсолнешном гради и добрался до молодецких яиц. Кто вас, родители, омолодил?» Государь и отвечает, што «нас омолодил Степан». Оборотился Иван-царевич жалкими словами своему отцу и матери, што «я был в Подсолнешном граде и достал молодецкие яйца, и родители стали молоды». Не взял от его внимания царь.

— Вам известно будет, — отвечал Иван-царевич.

Через год и является жена на 12-ти кораблях с грузом. Государь отправил сыновей, и из трех котораго признает хозяином.

— Старший сын Василий, стретай государыню-цярицу во всем фрунти.

Государыня его не признает, што «это не мой возлюбленный, не этот оставил мни два гóлуба». Отправляет государь сына Степана. И его не признала:

— Это не мой возлюбленный, не драгоценный муж.

На третий раз отправляет Иван-царевича; является в самой простой одежи, видла государыня, — цярска дочь брала ёго за руки белые, целовала его в уста сахарныи:

— Это мой муж возлюбленный, он оставил мни два голуба.

Стретил ю Иван-царевич за любовь, корабли поставил на место, вывел государыню в свои покои, выгрузили цярские трои слуги корабли, и потом поварили родители, што «Иван-царевич нас омолодил, и он достал молодецки яйца, когда возвратился с Подсолнечнаго граду».

Пóжила невеста полгода, не полюбилось ей в эфтом царстве, и уезжает она в Подсолнечное царство с своим с драгоценным мужем и к своему белому цярю. Стали жить в своем Подсолнечном граде и забыли все мужа царство, не бывая на своей стороне. Привыкнул к Подсолнечному граду, к теплой стороны и тогда будут жить хорошо.

Антошка, медведь и черт

Жил в старину мужик Антошка. Он был первым вором в деревне. Жил также медведь, который давил скот. Жил и черт, который смущал людей. И вот в деревне вошло в привычку: если кто кому досадит, то говорят: «Взял бы тебя Антошка и черт!» — или: «Задавил бы тебя медведь!»

Антошке деревенская пословица не нравилась. Пошел он однажды в лес и по дороге встретил черта, который тоже шел из деревни; и черту не было, что им попрекали. Шел и жаловался на свою судьбу: «Напрасно меня поминают, я совсем не виновен». Пошли вместе.

Идут, а к ним навстречу медведь. Тоже жалуется на свою горькую участь: «Кто скотину задавил, а я все виноват». Антошка и черт взяли его в компанию и пошли дальше.

Достигли дремучего леса и остановились в одной избушке. А так как питаться было нечем, то каждый решил промышлять своим промыслом. Антошка воровал хлеб, черт смущал людей оставляя без запора и замков амбары с хлебом, медведь зорил пчел, ломал колоды и таскал мед в избушку.

Вот друзья надумали сварить пиво. Пиво вышло хорошее. Выпили. Пондравилось. Надумали другой раз сварить. Когда пиво было уже готово, кто-то выпил его у них. Снова сварили пиво, и опять кто-то выпил его. Решили они еще сварить пиво и поставить караулить медведя.

Сказано — сделано. Пошли Антошка и черт на добычу, а медведь сидит у бочки, караулит пиво. Смотрит — бежит к нему Баба-Яга на ступе, толкачем погоняет, в зеленом фартуке, и на голове голубой колпак, сзади ступы метла привязана — след замечает. Слезла Баба-Яга со ступы, берет ковшик и начинает пить пиво. Медведь хотел задушить Бабу-Ягу, но она такхватила его по лбу ковшем, что он без ума свалился, а из головы у него пошла кровь. Выпила Баба-Яга пиво, села на ступу и уехала обратно.

Пришли ночью Антошка и черт, видят — медведь лежит около кадки с пивом, глаза заплыли кровью и еле ворочается. Антошка заглянул в кадку — пива нет. Стали спрашивать медведя, куда он дел пиво. Стыдно Мишке сказать всю правду — с бабой не мог управиться. Вот он и заявляет:

— Уснул я и не видал, кто выпил пиво.

Приготовили друзья еще пива. Когда пиво вскисло, то не оказалось хлеба. Антошка с медведем решили пойти добыть хлеба. Черт остался у кадки караулить пиво. И с чертом случилось то же, что и с медведем: прискакала Баба-Яга, угостила черта поварежкой по лбу, а сама выпила все пиво. И черт заявил друзьям, что спал и не знает, куда девалось пиво. Медведь поглядывает ему на лоб и говорит сам с собой: «Знаю я, как ты спал; я тоже так спал».

Еще раз сварили пиво. Остался караулить пиво Антошка. К вечеру прискакала Баба-Яга в своем наряде на ступе и прямо к кадке — давай ковшем пить пиво. А Антошка играет на балалайке. Напилась Баба-Яга допьяна и стала танцевать. Плясала, плясала, попросила у Антошки балалайку, чтобы самой поиграть. Играет, играет, ничего у ней не выходит: руки были косые.

Вот просит она Антошку поучить ее, как надо играть на балалайке. Антошка согласился поучить ее. Взял он бревно, рассек топором большую щель и вколотил в щель клин. Потом велел Бабе-Яге засунуть свои косые руки в эту щель. Как только Баба-Яга засунула руки в щель, Антошка сразу выбил клин из щели. Бабе защемило руки, ни взад, ни вперед повернуться не может. Стал ее Антошка бить и спрашивать, где у ней дочь живет. Баба-Яга сначала обманывала его, как бы выручить свои руки, а Антошка продолжал бить ее и выпрашивать, как пройти к ее дочери. Не стерпела Баба-Яга побоев, указала дорогу к дому дочери. Антошка убил Бабу-Ягу.

Пришли черт с медведем и видят, что пиво цело, а Антошка смеется и показывает им на мертвую бабу. Выпили друзья пиво, и Антошка стал звать своих товарищей в гости к бабиной дочке. Товарищи было не соглашались, но Антошка соблазнил их.

Пошли в гости тайгой, алтайскими горами несколько сот верст и встретили в дремучем лесу пятиэтажный дом. В верхний этаж вела лестница, и на самом верху жила дочь Бабы-Яги. Вошли они в дом. Дочь приняла их и угостила. Всем им охота было жениться на ней. Решили так: кто из них в чем-нибудь отличится, тот и женится на дочери Бабы-Яги.

Вот медведь залез в кусты и давай валяться в них, — только кусты трещат, но никого не мог просмешить. Потом решили так: тому достанется в жены дочь Бабы-Яги, кто испугает других. Медведь первый залез в кусты и давай реветь, но никого не испугал. Затем черт стал пугать, но тоже никого не мог испугать.

После всех стал пугать Антошка. Надел он одежду Бабы-Яги, сел на ступу, толкачем упирается, метлой след замечает. Как только черт с медведем увидели Бабу-Ягу, бросились без ума бежать, кто куда мог; не подумали они, что это Антошка. А Антошке только этого и надо. Взял он себе в жены дочь Бабы-Яги и женился барином в пятиэтажном доме.

Сердитая барыня

В усадьбе была барыня — и до того была сердитая, никому житья не было! Эта староста утром как придет спросить што, наряд дать какой, — ёна ево не отпустит так, што не отхвостнет. А мужикам-те житья не было никакого: драла как собак.

Солдатик проходил на побывку домой. Пришлось ему ночевать в этой усадьбе. Ему это все рассказали, а ён и сказал:

— У меня есть сонных капель!

Дали ей сонных капель. Ёна уснула.

Солдат велел лошадей запрячь. В деревне был сапожник и до того сердит — дак страсть. Вот ён к этому сапожнику и отправил ю. Сапожник не знал, шил сапоги, а ён положил на постелю, а ёво жёну взял туды, положил на барынину кровать.

Вот сапожника жена пробудилася, видит дом преотлишной. Сецясь служанки подбегают, подают на руки.

— Я до цево дослужила!.. Откуды берётсы? Это што такое?!

Помылась, подали полотенце, вытерлась. Подают самовар. Села она цяй пить. Староста приходит на ципоцьках. Она зглянула, што за мушшина.

— Вам, — говорит, — што надо?

— Я, — говорит, — барыня, к вам пришел спросить, какой наряд дадите, што работать.

А ёна догадалась:

— Нешто вы не знаете, што вцера делали, то и севодни делайте!

Староста вышел на куфню и говорит:

— Севонни какая барыня добренная, просто от роду такая не бывала!

Ну, ёна живет тут мисяц и другой — и так её розхвалили хрёстная, што цесьть отдать.

Вот сапожникова жёна утром пробудилась и кричит:

— Слуги!

А ён сидит шьет.

— Ты што, растакая мать?

А ёна:

— Што такое, сволоць?

— Ах ты стерва несцясная! — скопил со стула, здёрнул с ноги ремень и давай её нахаживать: — Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до тово катал её, колько ему хотелось. Потом ёна взмолилась. Побрела за дровам, принесла дров, затопила печь, кой-цево сварила. Ну, это время так продолжалось месяца два. А ён её раза три да четыре изрядно поколотил.

И потом этот солдат дал сонных капель и переменил иф. Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты:

— Што это я в старом доме? Откуда я взялась?

Спросила служанок:

— Служанки! Как жё я сюды попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с теф пор барыня мягкая-розмягкая розделалась. А швецова жёна стала жить по-старому.

Поп Пахом

Один приход без священника все жил. Крестьяне и выбрали мужичка пойти искать попа. Ну, пошел мужичок, и попался ему навстречу старичок.

— Как тебя зовут, старичок?

— Меня зовут Пахом.

— Так будь у нас попом!!

Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он из дому, конечно, приказал жену и детей. Ну, дети работой у него занимались, хозяйством. У церкви земли, покосу было много. Они заживали да денежки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедню служить; народу собралось много слушать новаво попа. Ну, он обедню так служил: взял большую книгу, кверху поднял:

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Не знаем, — ответили ему.

— Не знаете, так нечево и сказывать!

Второй раз и говорят:

— Ну, ребята, как поп зделает так, скажем, что знаем.

Опять взял большую книгу, кверху поднял:

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Знаем.

— Ну, а знаете, так нечево и сказывать!

Недовольни попом, что худо служит. Стали роптать прихóжане! Ну, третью обедню стал служить. Много пришло прихожан: охотно обедню слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и зачал распевать:

— Тут дыра и тут дыра! Тут дыра и тут дыра! Тут дыра и тут дыра!

Потом и говорит:

— Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить!

Прихожане испугались, все из церкви и разбежались: испугались, что долго. Ну, прихожане и уговорились, что надо прошенье подать архиерею, что поп худо служит. Архирей отписал, что на такое-то время приеду на ревизию. Архирей приехал с певчими и с протодиаконом. Собралось прихóжан много. Архирей заставил обедню служить отца Пахома. Ну, архирей пошел вместе слушать с певчими, с протодиаконом, и мужички вошли слушать, как при архирее будет служить. Начал обедню служить:

— Преосвященнейший владыко! — возглас первый. — Служаху при сей церкви 12 лет и составил капитал 12 тысяч. Вам жертвую 6 тысяч и протодиакону 500 рублей, певчим — 300 рублей. По-ехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутилася кони ево, и бысть глас с небесе: «Прру!»

Певчие и подхватили:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Архирей вышел и говорит:

— Миряне, поп-от ничево служит!

— Это при вас хорошо, а без вас плохо.

— Нет, пусть служит. Нельзя хаять!

Рыбы головы

Один бедный мужик слыхал, что в одном месте есть клад — золото. А он часто ходил и все искал, не покажется ли ему клад,

но как ни ходил, а клад все не пожелтеет. Он стал копать, нашел место и не раз копал, и однажды вдруг слышит голос: «Что ты, мужичок, трудишься и стараешься понапрасну! Клад ты можешь получить, если дашь мне голову».

Услыхал это мужик и незнай обрадовался, незнай испугался, но однако пошел домой и размышляет: «Как тут быть! Какую надо голову?» В доме, кроме жены и сына, никого не было; он и решился принести голову сына.

Пришел домой и обсказал все своей старухе, и говорит:

— Испеки-ко завтра, баба, мне рыбничек¹, а я с сыном пойду на озеро рыбу удить.

Баба испекла ему рыбник из мелких рыб, мужик с сыном и отправился к тому месту, где был клад. Жаль было ему сынка, да и клад-то надо достать.

Пришел на место и вздумал пообедать. Разломал рыбник, стал сам есть и сыну дал. В рыбнике рыбки были все мелинькие, он отвертывал у них головы и кидал в сторону.

Вдруг слышит знакомый голос: «Довольно мне, мужик, твоих голов. Бери клад и иди домой».

Обрадовался мужик, взял клад, в котором нашел золото, и пошел домой.

Петух и курица

Ходила куричка по поповой улички. Задавился петух в попово зернышко. Пошла куричка к озеру просить живой воды — оживить петуха:

— Озеро, ты озеро, дай ты мне живой воды оживить петуха.

Озеро и говорит:

— Поди к свинье, проси у свиньи клею.

— Свинья, ты свинья, дай мне-ка клею, а я клею озеру, озеро мне живой воды — оживить петуха.

А свинья говорит:

— Поди к сенокосцам.

Сенокосцы послали к щелье² — просить брусьев. Щелья дала брусьев, курица исполнила все, и петух ожил.

¹ Ры́бник — пирог с рыбой.

² Щё́лья — скалистый берег реки или моря; каменный кряж.

Я у их был, да мед пил. Мне дали колпак, да пóчали из избы-то толкать. Дали шшуку — я дверей-то не ушшупал. Дали шлык — я в поворотню-то швырк. Мне дали леденну лошадку, да репно седельшко, да сименну уздичку, да синей кафтан, да красны коты́. Я еду, — синочка и кричит: «Синь да хорош!» А мне почулося: «Скинъ да положъ!» Я и положил под кокору¹, и сам не знаю, под котору. Синочка опеть кричит: «Красны коты!» А мне почулося: «Драны коты!» Я взял да и бросил. Я замерз без кафтана-та; вот увидел огонь; приехал — у миня лошадка-та и ростаяла; а седельшко-то свиньи съели.

¹ Сухое дерево, вырванное с корнем.

Песни

Песни?.. Без песни, коли хошь знать,
внутрях у нас потемки. Песней мы свое
нутро проветривам, песней мы себя,
как ланпой, освещам.

Степан Писахов, «Своя радуга»

Сказка складка, песня — быль

Не ясен-то ли сокол,
Сокол по горам летал,
По горам сокол летал,
Что летал-то ли, летал,
Летал, лебедей искал,
Все лебедушек искал;
Что нашел-то ли нашел
Стадо на синем море,
На крутеньком берегу.
Все лебедушки сидят,
Все сидят белешеньки,
Ровно беленькой снежок;
Что одна-то ли, лебедь,
Лебедь побелые всех,
Побелые лебедь всех.
Побелые-то лебедь,
Лебедь понарядливее,
Понарядливее,
Понарядливей лебедь,
Лебедь посдогадливее,
Посдогадливее.
Из стада, стада перелетывала,
Перелетывала;
За собой-то ли стадо переманивала,
Переманивала;
На своево-то ли дружка
Часто взглядывала (2 раза).
Мне не жаль-то ли, не жаль,

Братцы, самому себя,
Самому себя не жаль.
Только жаль-то ли мне, жаль,
Жаль саду зеленова,
Зеленова саду жаль.
Во саду-то ли растут,
Растут три-то дерева,
Три-то деревца растут:
Что первое-то древо,
Древо кипарисовое,
Кипарисово древо;
Что второе-то древо —
Сладка грушица,
Сладка грушица растет.
Что третье древо —
Всяко вишенье,
Всяко вишенье растет.

Калинку с малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала.
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку в чужу сторону,
Во чужу сторонушку — во лиху семью.

Чужая сторонушка — без ветру сушит,
Чужой отец с матерью — без дела бранят;
Посылают меня молоду — во полночь по воду;
Зябнут, зябнут ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки к коромыслицу,
Текут, текут слезоньки по белу лицу,
Утираю слезоньки белым платком.

Не буду я к матушке ровно три года;
На четвертом годике — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой — кукушечкою,
Сяду я у матушки в зеленом саду,

На любиму яблоньку — на матушкину:
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу,
Закукую в садике жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.

Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
— Вставайте, невестушки — голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?
Что у нас зеленый сад без ветру посох,
Без дождя, без сильного, садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу дает?

Большая невестушка возговорила:
— Что это за пташечка — пойдем поглядим!
Средня невестушка: — Пойдем, изловим!
А малый-то братец: — Пойдем, застрелим!

Жена ему молвила: — Пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя,
Прилетела горькая с чужой стороны,
Со чужой сторонушки из лихой семьи!
— Али ты безумная! Сестрица моя,
Белая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяйюшка, худа и бледна.
— От того худа-бледна — в чужой стороне,
На чужой сторонушке плохое житье.

На степи-то, степи, на Саратовской,
На другой-то степи, на Камышинской,
У лесика было, у текучего,
У колодезя у студеного,
Млад донской казак коня поил,
Коня черного, возбочёного;

Не коня-то он поил, — он жену журил,
Он жену журил — погубить хотел!

Как жена-то мужу возмолилася,
Во резвы ноженьки поклонилася:
— Уж ты муж мой, млад донской казак!
Не губи ты меня рано с вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда детушки спать полягутся,
Шабры¹ ближние припокоются!

Просыпалися малы детушки,
Хватилися они родной матушки:
— Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Где девалася наша матушка?
— Ваша матушка в новой горнице,
Она белится и румянится,
В цветно платье наряжается,
В Божью церковь собирается!

Пошли детушки во Божью церковь,
А и всех людей они видели,
Ихней матушки там нет как нет.

— Ох ты батюшка, ты родимый наш!
Ты куда девал нашу матушку?
— Ваша матушка во сыром бору,
Во сыром бору берет ягоды!

Как пошли малы детушки во сырой бор,
А и всех людей они видели,
Берут ягоды, берут красные,
Ихней матушки все нет как нет.

Как расплакались малы детушки,
Как ударились об сыру землю,
Завопили громким голосом:

¹ Лошади.

— Не обманывай нас, родной батюшка,
Наша матушка во темном лесу,
Во темном лесу, под колодою,
Под колодою, под дубовою.
Уж и Бог тебе судья, родной батюшка,
Ты убил, убил нашу матушку!

— Вы не плачьте, малые детушки,
Я сострою вам нову горницу,
Я складу вам муравлену¹ печь,
Я собью вам дубовую дверь,
Я собью вам золотую цепь,
Я возьму вам молодую мать.

— Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!
Расколись, расколись, дубовая дверь!
Растопись, растопись, золотая цепь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты восстань, восстань, родна матушка!

Как бывало мне ясну соколу да времечко:
Я летал млад-ясен сокол по поднебесью,
Я бил, побивал гусей-лебедей
Еще бил, побивал мелку пташечку,
Как бывало мелкой пташечке пролету нет;
А нонеча мне, ясну соколу, время нет:
Сижу я, млад ясен сокол, во поимане,
Я во той ли, в золотой во клеточке,
Во клеточке — на жестенной нашесточке;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженьках путечки шелковые,
Занавесочки на глазыньках жемчужные!
Как бывало мне, добру молодцу, да времечко,
Я ходил, гулял, добрый молодец, по синю морю,

¹ Покрытую муравною (глазурью).

Уж я бил, разбивал суда, корабли,
Я татарские, армянские, бусурманские,
Еще бил, разбивал легки лодочки;
Как бывало легким лодочка проходу нет,
А нонеча мне, добру молодцу, время нет.

Сижу я, добрый молодец, во поимане,
Я во той ли во злодейке земляной тюрьме.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженьках оковушки немецкие,
На рученьках у молодца — замки затюремные,
А на шеюшке у молодца — рогатки железные.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты к чему рано зашумела,
Приклонила свои веточки?
Из тебя ли, из дубровушки,
Мелки пташечки вон вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемышная кукушечка.
Что кукует она день и ночь,
Ни на малой час перемолку нет,
Жалобу творит кукушечка
На залетнова ясна сокола:
Разорил он ее тепло гнездышко,
Разогнал ея малых детушек,
Малых детушек, кукунятушек.
Что по ельничку, по березничку,
По часту леску, по орешничку.
Что во тереме сидит девица,
Что во высоком сидит красная,
Под косящетым¹ под окошечком;
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят,

¹ Украшенным деревянными наличниками, косяками.

Жалобу творит красна девица
На заезжева добра молодца,
Что сманил он красну девицу,
Что от батюшки и от матушки,
И завез он красну девицу
На чужудальню сторону,
На чужудальню, незнакомую,
Что завезши, хочет покинути.

Стругал стружки добрый молодец,
Брала стружки красна девица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змей пекла, зелье делала,
Сестра брата известь думала;

Выходила по серед двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.

— Ты пей, сестра, наперед меня.
— Пила, братец, наливаючи,
Тебя, братец, поздравляючи.

Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорелася.

Сходит молодец с добра коня.
Вынимал свою саблю острую,
И снимал с сестры буйну голову:
— Не сестра ты мне родимая,
А змея ты подколодная.

Он клал дрова среди двора,
И он сжег ее тело белое,
Что до самого до пепла;
Он развеял пух по чисту полю,
Заказал всем тужить и плакати.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвела, когда вызрела?
Я весной взошла, летом выросла,
Я весной цвела, летом вызрела.
Под тобою ли, рябинушкой,
Что не мак цветет, не трава растет,
Не трава растет, не огонь горит,
Не огонь горит — ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ах, горит, горит, как смола кипит,
По душе ль, душе, по лебедушке,
По лебедушке, по голубушке,
По голубушке, красной девице.

Ты душа ль, душа красна девица!
На заре ль, заре, заре утренней,
При восходе ли светла солнышка,
Не простившись с отцом, с матерью,
Не выдавшись с добрым молодцом,
Жизнь оставила, скончалася.

Ой, вы ветры, ветры теплые,
Ветры теплые, вы осенние!
Вы не дуйте здесь, вас не надобно.
Прилетайте вы, ветры буйные,
Что со северной со сторонушки,
Вы развеите здесь мать сыру землю,
И развеевши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мне гробову доску,
Уж и дайте мне вы в последний раз
Распрощатися с моей милою,
С моей милою, с душой-девицей!
Окропив ее горячей слезой,
Я вздохну, умру подле ней тогда.

Не спала-то я, младешенька, не дремала,
Я ни думала, младешенька, ни гадала,
С правой руки ясного сокола опустила;
Подымался млад ясен сокол выше лесу,
Выше лесу, выше зеленой дубровы!
Опускался млад ясен сокол на сине море,
Он садился млад ясен сокол на кораблик;
По кораблику гостиный¹ сын гуляет,
Во звончатые он гусельки играет,
Он душу красну девицу утешает:
— Ты не плачь, не плачь, душа красна девица,
Наживай себе друга милого, иного.
Буде лучше меня найдешь — позабудешь;
Буде хуже найдешь — вспомнянешь,
Вспомнянув меня, душа моя, заплачешь.

Песни годового круга

Масленица, оклички весны

Масленица — гулёный праздник...

Масленицу как гуляли, а сейчас все побросали! Всю ночь огонь клали. За две недели до Масленицы ее встречали — выходили на улицу и средь деревни клали огонь. Мужики молодые поедут в лес, дрова все сожгут.

Кто выйдет замуж, идут к матерям с вином. А утром их вытасят на улицу, они подносят. Если нет, то их лопатками снегом закидают. Говорили: «Молодых зятьев зарывать пойдемте».

Катались на лошадях. Наряжались в рваньё: одну ногу в лапоть, другую — в чёсанки. Хороводы водили. Пожилых мужиков и баб тащили целоваться. Они не идут, упираются. Пели песни:

Девушонька лесом шла,
Красавица темным шла.

¹ Купецкий.

Как почувствовала девчина,
Во лесу листья шумят...

Блины пекли: богатые из крупы, бедные — из гречки. Дочь носила матери тарелку блинов. Масленица — гулёный праздник.

Несу свинью, эй да масляницу!

Встречать Масляницу народ начинает с понедельника. Уже в этот день везде пекутся блины — необходимая принадлежность масленичного стола и начинает прекращаться работа, но собственно празднование Масляницы начинается с четверга, с «перелома», как называют этот день крестьяне. С «перелома-четверга» физиономия деревни положительно меняется: обыкновенно тихие, безлюдные улицы наполняются расфранченной молодежью, ребятишками, «солидными» домохозяевами, стариками и старухами — все жители деревни высыпают из душных хат за ворота, и всякий по-своему празднует широкую Масляницу.

Вы видите катающихся на лошадях, разгуливающих. Вон там парни с хохотом опрокидывают в снег пьяного мужичка, крича в напутствие: «Не сердись, хозяин, покатись! Это мы блины поздравляем, тебя ублажаем. Отлежись малость!» Здесь видите качающихся на качелях, а недалеко у дома на завалинке собрались старики и старушки, которые «гуторят», вспоминают свою юность, «преданья старины» и смеются на забавы молодежи.

Детвора тоже не дремлет. Большой гурьбой ходят ребятишки по деревне, останавливаются у окон домов и распевают:

Тинька, тинька,
Ты, дяденька,
Ты, тетенька,
Подайте блинка,
Оладышка,
Прибавишка,
Последний кусок —
Мочальный усок
Для масляницы,
Обманщицы!

Масленица. Борис Кустодиев, 1920 г.

Вот дети обошли всю деревню, пред последним домом пропели свою песенку, получили от радушной хозяйки по куску белого хлеба, встали в круг и запели:

Прошли дворы,
Наполнили сумы,

Ах, масляница, обманщица!¹

К коням пошли,
Со двора свели,
Надели зипуны²,
По гостям пошли,
Кати домой,
Шевели ногой,
Шевели ногой,
Во всю рыс-цой!

¹ Этот припев повторяется после каждых двух стихов (строк), кроме последних.

² Кафтаны из домотканого сукна, без воротника.

— Рысцой! — снова повторили последнее слово песни детские голоса хором, и не успел еще замереть последний звук песни, как вся детвора бросилась бежать по деревне врассыпную, обгоняя прохожих, натываясь на лошадей катающихся. Скрип от саней, смех, песня, говор — все слилось воедино, и стон стоит над деревней. Всюду весело, оживленно, всюду жизнь бьет ключом — в деревне широкая, разгульная Масляница!

Но «не все коту будет масляница — придет и великий пост», — говорит русская пословица... Наступил вечер воскресенья, вечер «прощенного дня». На сельской колокольне ударили в колокол. Гулко разнесся его голос по полям и лесам и достиг деревни. Поднялись с завалинки сидевшие на ней старички и старухи. Замелькали заскорузлые руки, откладывающие истовое крестное знамение. Замерло все на минуту в деревне. Яснее стал звук церковного колокола. Замелькали поклоны. Широкой Маслянице настал конец...

Улица деревни постепенно пустеет. То тут, то там из круга катающихся отделяются потные лошади и скрываются за воротами темных дворов. Калитки то и дело хлопают, впуская оставивших гулянье крестьян. Многие из них собрались уже у себя в хатах и садятся за ужин — последний сытый ужин до Пасхи... На дворах зашелестело сено. Слышатся окрики на животных. Деревня кончает день и готовится отойти ко сну. Но не всех сон зовет к себе: молодежь еще на улице, — она не простилась еще с широкой Масляницей, не пропела последней песни, не сожгла прощального костра. Кучками бродит она по деревне, притаптывая взбитый копытами лошадей и пожелтевший на дороге снег.

Ночная тень пала на землю. На небе загорелись звездочки. С конца деревни раздался свист. Кто-то громко крикнул:

— Масляницу жечь!

Засуетилась молодежь, бросилась на дворы и к одоньям¹. Скоро в руках парней и девушек появились снопы соломы. Кто-то вынес со двора соломенную куклу и закричал:

— Идет наша! Несу свинью, эй да масляницу!!

— И-де-ем! — раздалось со всех концов деревни, и к кричавшему подскочила молодежь, держа в руках снопы соломы. Куклу привязали на короткий кол. Кто-то сострил над соломенным из-

¹ Небольшим скирдам круглой формы.

делием, назвав куклу «мадамой», подал рукою знак и скомандовал:

— Ребя, шагом а-рш!

Захрустел снег, зашумела солома, поднялась над головами кукла, и молодежь отправилась за деревню в поле жечь костер, «палить масляницу».

Покрытое снегом поле. Снопы сложены в груды, — кругом молодежь. Появился огонь. Забегал он по сложенным снопам. Быстро горит солома. Пламя растет. Густой дым поднимается к небу. Шумит, толкается молодежь, сыплятся остроты, раздается звонкий смех, поются песни. Ребятишки тоже здесь. Они не остались дома: разве могут они усидеть, когда так интересно в поле, когда там их братья и сестры жгут костер, провожают масляницу. Им вручила старшая молодежь держать куклу. Рады шулуны доверию старших: кукла для них забава. Они надевают на куклу шапку, обвязывают тряпками, кидают в нее снегом и поют:

Масляница, обманщица;
Обманула, провела,
За заулочек завела,
Дала редьки хвост
На Великий пост.
Пошли по миру
С кузовами¹ на боку, —
Никто не давал,
Всякий фик казал:
Ничего не ели
До святой недели.

Масляница-блиноеда,
Масляница-жораеда,
Масляница-обируха,
Масляница-обмануха,
Обманула, провела,
До поста довела,
Все ежи² взяла, —

¹ Коробами из лыка или бересты.

² Жирное мясо, сало.

Дала редьки хвост
На Великий пост.
Мы его поели —
Брюха заболели!

Масляница, масляница,
До чего ты довела:
До Великого поста,
Нет хлеба ни куска,
Дала редьки хвост
На Великий пост.

Костер догорает. Подошел парень, взял у малышей куклу и
бросил в огонь. Поднялся столб огня и дыма; полетели искры.

Масляница загорела,
Всему миру надоела, —

раздалась песня детворы.

Обманула, провела,
Годика не дожила, —
До поста довела, —

и, сцепившись руками, малыши бешено помчались вокруг
догорающего костра, продолжая петь:

Шла сторонкою к нам,
По заулочкам, закоулочкам,
Несла блинов чугуны;
Надорвала животы,
Блинов напекла,
Сама все пожрала,
А нам редьки хвост
Дала на пост,
Весело гуляла,
Песни играла,
Протянула до поста,
Гори, сатана!

Ай, масляница, обманщица!
Довела до поста, —
Сама удрала.
Масляница, воротись,
В новый год покажись!

Песня прекратилась. Догорел костер. Кто-то бросил в него кусок снега.

Курва, курва-масляница, —
До поста довела,
Здорово, прощай,
На тот год приезжай! —

«гаркнули» последний раз ребятишки.

— Ходи домой! — раздалась чья-то команда, и вся молодежь, медленно двигаясь, без песен, направляется от потухшего костра в полусонную деревню.

Хороним покойничка

Оригинальнее всего справляется Масленица в деревнях Мериново, Свечино и прилегающих к ним селениях Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. Во вторник пекут из теста кукол, а в тех домах, где есть маленькие дети, делают кукол из тряпок величиною в 0,5–1 аршин. Куклы эти изображают собою мужчин и женщин, по большей части с протянутой рукой. Их надевают на шестики, высотой 3–4 аршина и ставят перед окнами сажень в 4–5 от дома. А так как малые ребята есть почти в каждом доме, то в этот день деревенские улицы Меринова и Свечина пестрят от выставленных кукол, около которых толкуются целый день густые толпы детей, любующихся куклами или осыпавших их снежками. Вечером перед ужином куклы снимают и отдают ребятам в полное их распоряжение. Одни уничтожаются ими тут же, другие хранятся в течение нескольких дней до самого поста. Куклы же, испеченные из теста, съедаются за ужином и запиваются вином.

В среду «балуются» молодежь. Ночью, пока еще деревня спит, парни и подростки потихоньку увозят, например, ото всех домов

санки. Просыпаются утром хозяева и видят, что по крайней мере три десятка саней втащены на растущую среди деревни ветлу и там развешаны по сучкам, — а другая часть саней увезена в соседний лес. В ответ на эту шутку раздается с утра громкая матершинная брань со стороны потерпевших хозяев, пока те не найдут своих саней.

В четверг с утра «барышни», как зовут с недавнего времени деревенских девушек, рядятся цыганками, медведями и т. п. Они ходят из дома в дом и собирают пироги, сахар, чай, деньги и прочее — кто чем подаст, а подают им все. В конце концов у них получаются корзины припасов, из которых они устраивают потом поминальную трапезу.

Ей предшествует похоронный обряд. Девушки берут зыбку или бельевое корыто и по их размеру делают большую куклу. Кладут ее, как в гроб: одетую в саван, подхватывают снизу полотенцами на плечи и несут по всей деревне. Впереди идет наряженная попом девушка, с льняной бородой, одетая в ситцевую ризу, в руках у ней — пустой половник или на веревочке конфорка от самовара, изображающая кадило, несколько позади попа — подобный же дьякон и дьячок, а сзади гроба — группа девушек, оплакивающих покойника. «Церковный причт», главную роль в котором играет «поп», поет похоронные песнопения: «Вечную память...» Но к этому вместе с тем присоединяются разные шутки вроде следующих:

Хороним покойничка
И с ногами, и с руками,
И с телячьей головой...

Обычно поп импровизирует и смешит всех своими выдумками. Время от времени останавливается по деревне и служит панихиды. В промежутках между службой причта плакальщицы в свою очередь «вопят» по покойнику. В текущем году они оплакивали умершего «камору», как называют там возлюбленного.

Дойдя до проулка, в который выносят из деревни покойников, они останавливаются, «погребают покойника» и тут же его поминают: едят пироги и выпивают вино. Особенно угощают попа с дьяконом. Затем возвращаются в деревню следующим образом: сажают церковный причт на санки-салазки — поп сзади, дьякон с

кропилами в середке, дьячок правит спереди, а все девушки, запрягшись гусем, везут их на «старшее подворье», где готова яичница и выпивка. Последняя начинается с того момента, как подъедут к дому. Тут же на «мосту», то есть на крыльце или в сенях, выпивают первые стаканы, а затем продолжают поминальный обед в доме.

В пятницу и субботу, как и в других местах на Масленице, происходит гуляние и катание на лошадях.

С 1 марта ст. ст. — дня *Евдокии-Плющихи* (снег начинает плющиться, слеживаться, становится волглым и грязным) — начинали окликать весну, петь веснянки:

Ты, пчёлынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золотые.

Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни летечко,
Летечко теплое,
Летечко теплое,
Лето хлебородное!

В Курской губернии в *Сороки*, день сорока мучеников (9 марта ст. ст.), дети собираются на огородах и приносят с собою «куликов», которых пекут из пшеничного или ржаного теста. Иногда они называются «жаворонками». Этих «куликов» привязывают нитками к шестам, которые втыкают в одонки. Ветер качает «куликов», так что они представляются как бы летящими, а дети поют:

Весна красна!
На чем пришла?

— На жёрдочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке.

А мы вясну ждали,
Клочки допрядали.
Лятел кулик
Из-за моря,
Принес кулик
Девять зámков.

Кулик, кулик!
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай вясну —
Теплое лето.

В Хитровке¹ в Сороки пекут ржаную лепешку с загнутыми краями, изображающими крылья, и шарообразной головой, посредине которой справа налево идет гребень, без шеи, с ямочками вместо глаз.

Дети находят «куликов» очень красивыми и прежде, чем их есть (они приносят их себе на завтрак), они их «закликают». В нынешнем, 1904, году на большой перемене дети вынесли из класса несколько парт, поставили их в ряд перед окнами школы и, посадив своих «куликов» рядышком наверху парт, начали их «закликать»:

Кулик-самарóт²
Палетел на гарот³,

¹ Хитровка — очень маленькая деревушка с великорусским населением, состоящая дворов из тридцати с лишком, лежит в северной части Суджанского уезда, в 45 верстах от Суджи и в 55 верстах от Курска. Жители ее (279 чел.) почти все очень бедны. Суеверия здесь царят в полной силе. — *Е. И. Резанова.*

² Самород.

³ Огород.

Слабил палку,
Убил галку.
Галка плачить,
Кулик скачить.

Потом дети начали закликать весну:

Весна-красна! На чем пришла?
На сошечки, на бароначки!
На овсянам снапочку,
На ржаном каласочку!

Накричавшись вволю и налюбовавшись своими «куликами», дети, не без сожаления разламывая их, начинают завтракать.

✱

В *Егорьев день* — 23 апреля ст. ст. — впервые после зимы выгоняли скот на пастбища, подхлестывая животных ветками вербы — у вербы первой среди древесных растений набухают почки.

Дети ходили по домам с песенкой:

Батюшка Егорей,
Спаси нашу скотинку,
Всяку животинку
В поле и за полем,
В лесе и за лесом.

Волку да медведю —
Пень да колода,
Ворону, вороне —
Камешек дресвяный¹!
Батюшке Егорью во свечку,
А нам, молодцам, — по яичку.

Егорий отмыкал землю, начинался сев...

¹ Мелкий.

Сев

Уроди, Господи, на всякую долю...

По наблюдениям М. И. Смирнова в Переславль-Залесском уезде Владимирской губернии (1920-е годы), самые сборы и отправ-ление на сев носят торжественный характер.

На божнице зажигают лампадку или свечку пред иконами, на стол кладется коврига хлеба и на нее соль. Все семейные собираются в избу, садятся в глубоком молчании, потом по знаку хозяйина встают, молятся с крестами и земными поклонами, после чего хозяин едет в поле сеять.

В некоторых селениях (дер. Лихарево и др.) от ковриги отрезают кусок, дают его лошади и после этого едут на первую пашню.

Приехав на поле с мешками семян, крестьянин снимает с телеги сетево (лукошко) и мешок ржи, отсыпает из него для сева, сколько нужно, и, прежде чем надеть сетево через плечо, крестится на все четыре стороны света и молится:

Пошли, Господи, в поле хлеба, на дворе живота на всех голодающих, на воров, на немощных, на скот.

Уроди, Господи, на продажу, на кражу и на прокормление.

Уроди, Господи, на всякую долю — на людей, на зверей, на птиц.

Господи, благослови и уроди на бедную долю.

Пророче божий Еремия, подними сетево, Борис-Глеб, уроди хлеб, святой Федул, теплом подуи, святой Фуст, сей овес под куст и уроди густ.

Нередко такие молитвы традиционно сохраняются в семье, очевидно, с давних пор, и переходят от отца к сыну. О них крестьяне не любят распространяться и держат в тайне. Грамотеи же молятся по Требнику и читают заклинание мученика Трифона, призывают на свой труд Николая-чудотворца и других святых. Богомольные старики молятся подолгу.

В деревне Киучер к яровому севу начинают готовиться задолго. На Крестопоклонной неделе¹ пекут кресты, засушивают их и

¹ *Крестопоклонная (Средокрестная) неделя* — четвертая неделя предшествующего Пасхе Великого поста. Со среды этой недели пост «ломался» пополам,

хранят до ярового посева. Во время сева кладут такой крест в лукошко вместе с просфорой и начинают сеять. Просфору съедает по окончании работы севец, а крест отдается скотине.

В Малороссии в Юрьев день совершают общие крестные ходы на нивы и поля — в это время сам св. Юрий ходит по полям и родит жито.

А в Северо-Западной Руси в Юрьев день крестьяне рано утром обходят засеянные поля с пирогом, водкою и другими съестными припасами, обтыкают межу косточками, сбереженными от пасхального стола, или посыпают ими те места, где растет осока. При этом они поют:

Юрий, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На цеплое лето,
На буйное жито,
На ядронистое,
На полосистое, —
Людзям на здоровье!

Как податель весенней живительной влаги, св. Егорий называется в народе водоносом.

Святой Юрья, божий посол,
До Бога пашов;
Узяв ключи золотые,
Атамкнув землю сырусеньку,
Пусцив росу цеплюсеньку
На Белую Русь и на у весь свит, —

пели белорусы.

Юрьева роса считалась особой, и в Юрьев день дети барахта-

клонился к завершению. В Средокрестье выпекали печенье в форме креста — символа Земли, а также в форме сельскохозяйственных орудий.

лись в лужах и котловинах, больные выходили в поле и катались по росе.

В *Вознесение*¹ молодежь с яйцами и блинами отправляется в поле; каждый отыскивает свою полосу, подбрасывает раза три яйцо кверху, потом разбивает его, откусывает от яйца и от блина по куску, а остальное зарывает в полосу, при этом приговаривает:

Христос, полетишь на небеси,
Потяни нашу рожку за колоски.

По поверью, рожь начинает по-настоящему расти только с этого дня.

Семик. Троица

Семик (Русальная неделя) праздновался на седьмой по Пасхе неделе, в конце весны — начале лета, когда плачет береза, а птицы начинают вить гнезда.

Главные действующие лица Летних святок — девушки; главные персонажи семицких обрядов — светлая березка — олицетворение девицы-души, а также не вьющая гнезда, одинокая кукушка:

Береза моя, березанька,
Береза моя белая,
Береза кудрявая!

Стоишь ты, березанька,
Посередь долинушки,
На тебе, березанька,
Листья зеленые,
Под тобой, березанька,
Трава шелковая.

¹ *Вознесение Господне* — 40-й день после Пасхи, всегда в четверг. Ночь под Вознесение — соловьиная.

Близ тебя, березанька,
Красны девушки в Семик поют,
Под тобой, березанька,
Красны девушки венки плетут.

На Семик рядили березку, на Троицу — разряжали. На поле носили, где рожь цветет, колосится. Провожали и там оставляли на озими, ребяташки ее там изломают. Водили хороводы, пели хороводные песни, песни разыгрывали. Женщины наряжались парнями. Раньше любили чудить — наряжались офицером, барыней...

На *Троицу* яичницу варили, прятали в рожь, ребята ее искали. На реку идут, венков навьют, на воду бросали:

Как все венки
Все поверх воды,
Ай мой веночек
Все на дно плывет.

Во время праздника Троицы девочки-подростки выбирали одну из подруг и наряжали ее плясуньей: в лучшее платье, украшенное лентами, на голову надевали веночек из цветов или шляпу, убранную лентами или цветами. Иногда кроме девочки-плясуньи наряжали мальчика-плясуна.

Весь его наряд, как и вся фигура его, представлял совершенную противоположность плясунье: его одевают в изорванное платье, привязывают горб и к подбородку — бороду из конопли или конских волос, на голову надевают войлочный колпак с войлочными же рогами, лицо пачкают сажей, в руки дают большую палку.

Все девочки в один ряд идут по улице и поют песни; плясунья впереди них танцует, а плясун, сгорбившись и опираясь на палку,

наподобие дряхлого старика, отгоняет от процессии любопытных ребятишек.

Терень-ту зеленой.
Не расстался бы с тобой,
Я с тобою, с молодой,
С молодою со вдовою.

Там коляска ехала,
Во коляске девица,
На девице — веночек,
Лавровый цветочек.
«Что ты, девка, побледнела?» —
«Оттого я побледнела,
Что на молодца поглядела.
У молодца бело личико,
Бело личико, кругло личико.
Поплывем-ка мы с тобой,
Мой селезень белокосистый,
Белокосистый, воронистый».

По лугам, по лугам разливалась вода...

В лес у нас¹ в Семик ходят исключительно девушки: это их праздник. Разодевшись в лучшие наряды, запасшись припасами: печеными или сырыми яйцами для яичницы, лепешками, пирогами, орехами, зернами и конфетами, — девицы отправляются в ближайшую рощу. Здесь они выбирают кудрявую молодую березку, украшают ее лентами, венками из трав и цветов и, ухватившись за руки, устраивают хоровод и поют свои семицкие песни.

Песни девицами поются до обеда, до той поры, когда дойдет очередь до принесенных яств. Затем они снимают с березки венки, идут с ними на озеро или речку, бросают их в воду и гадают: утонул венок — может умереть девица в этот год или просто не выйдет замуж; выплыл венок, плавает на воде — кинувшая будет год жить счастливо, ее может ждать брачный союз.

¹ В деревне Ильинка Покровского уезда Владимирской губернии.

В семицком веселье принимают участие и дети — девочки. Они тоже ходят в лес, сламывают здесь для себя кудрявый березовый сук, приносят его в селение, украшают разноцветными тряпочками и торжественно расхаживают с ним по улицам, распевая свои коротенькие песенки:

Во лесу, во лесочке
Росла травка-муравка, —
До пояса доросла,
Березку обвила.
Мы веночки плели,
Березыньку завивали,
Кукушечку выкликали:
«Кукушечка ряба,
Проводи нас до двора!»

На поляне, на лугу
Гнулася березонька, —
Завивали девушки,
Лентой украшали,
Березку прославляли:
«Белая березонька,
Ходи с нами гулять,
Пойдем песни играть!»

Недолго гуляют девочки со своею березкой, раза два только пройдутся они с ней по улицам, и направляются к речке или пруду.

Здесь они обламывают у березки веточки, вяжут из них венки, примешивая сюда травы или цветы, и бросают в воду, напевая:

По лугам, по лугам
Разливалась вода,
Расстилалась трава —
Трава шелковая,
Перешелковая,
И вся мятая,
В пучки первезатая,
В воду побросатая.

Побросав веночки в воду, допев песню, девочки оставляют на берегу обломанный ствол березки и бегут к домам играть в свои игры.

Завивание березки повсеместно относится к Семику. Так, в деревне Маслово Дмитровского края березку завивают на Егорьев день и развивают на Троицу. В деревне Телешово завивают березку на самую Троицу, а развивают в Петров день.

В большинстве же деревень в среду перед Троицей девушки отправляются выбирать — «заламывать» березки, а на другой день, в семицкий четверг, или же в субботу с яичницей и пивом идут завивать выбранные березки. Каждая приносит с собой глазок яичницы.

После того, как все березки завиты, яичницы размещаются вокруг одной березки, а девушки, взявшись за руки, водят хоровод:

Березка, березка,
Завивайся, кудрявая!

К тебе девки пришли,
К тебе красны пришли,

Пирога принесли
Со яишницею.

В большинстве случаев яичницу приносят не в четверг, а на самую Троицу, когда рядят березку.

С четвергом же связан обряд «кумления», когда девушки по очереди целуются через венок, завитый на березе, а остальные в это время поют:

Покумимся, кума, покумимся,
Полюбимся, кума, полюбимся,
Чтобы век нам с тобой не браниться!

Поцеловавшиеся девушки считаются до Троицы кумами.

В Орловской губернии кумиться могли и девушка с девушкой, и парень с девушкой. Менялись при этом крестами, платками или лентами:

— Кукушечка ряба!
Кому ж ты кума?
Кому ты душа?

— Я — кума Марьюшке,
Я — душа Марьюшке.
Ой лели!
Я — кумушка,
Подруженька вам.

Пойдем в лес
Вяночки вить
На свою головушку,
На свою гряливую¹.

В Калужской губернии в Троицын день при завивании венков пели:

Уж вы, кумки,
Вы, голубки,
Не потайте!
Гадай, гадай, девица,
Змеиная крыльица,
Через поле едуци,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом персыпаючи.

*

Похороны березы и кукушки совершались в Троицын день. Сломанную ветку или траву, называемую кукушей (кукушкины слезки), наряжали и затем закапывали на огороде.

¹ Веселую, игривую, любящую погулять.

В других местностях в Троицын день начинали хоронить Кострому. В обрядах костромушка был представлен наряженным в женскую одежду снопом. В разных местах его похороны могли продолжаться до *Петрова дня* (29 июня ст. ст.).

В пригородных слободах Муром, на Оке, обряд совершался в последнее воскресенье перед Петровым постом. На вынесенную из избы на середину улицы деревянную скамью ставилось корыто, приносился большой пук соломы и начиналось делание Костромы — куклы наподобие женщины. При этом пели:

Кострома моя, Костромушка,
Моя белая лебедушка!

У моей ли Костромы
Много золота, казны;
У костромского купца
Была дочка хороша,
То Костромушка была!

Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебедя!

У Костромы-то родства
Кострома полна была;
У Костромина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пир затевать;
Кострома пошла плясать,
А чужие-то притаптывать.

Кострома, Кострома,
То Костромушка была!

Я к тее, кума, незванная пришла,
Я ли тея, Костромушка,
За рученьку возьму,

Вином с маком напою,
В хоровод тебя введу.
Стала Кострома поворачиваться,
С вина-маку покачиваться;
Вдоль по улице пошла,
На подворьице зашла,
На подворье костромское,
На купецкое.

Кострома ли, Кострома,
То Костромушка была!

Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина с маком нализалась.
Вдруг Костромка повалилась:
Костромушка умерла.

Костромушка, Кострома!

К Костроме стали сходитьсь,
Костромушку убирать
И во гроб полагать.
Как родные-то стали тужить,
По Костромушке выплакивати,
А чужие-то плясать, притаптывати:
«Была Кострома весела,
Была Кострома хороша!»

Костромушка, Кострома,
Наша белая лебедушка!..

Женщины и девушки одевают чучело в сарафан и рубашку, голову повязывают косынкою и убирают цветами, на ноги надевают башмаки и, убрав таким образом Кострому, кладут ее в корыто.

Парни одеваются в рогожи и идут вперед. Один из них берет лапоть, изображающий собою кадило, и все шествуют медленно, не спеша. А женщины и девушки, покрыв головы белыми платками, берут корыто с куклою на руки и точно так же медленно несут ее по направлению к реке. Одна группа девушек, изображающая плакальщиц, поет:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была.

А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла,
И к тее ль, Костроме,
Сошлись незванные сюда.

Стали Кострому собирать, одевать,
Собирать, одевать и оплакивать:
«Кострома, Кострома,
Костромушка моя.
У тея ль, Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченые ¹,
Лошки крашенные,
Чашки липовые».

Пришедши к реке или озеру, Кострому разоблачают, снимают с нее все уборы и бросают ее в воду.

Поют следующее:

Во поле было, во поле,
Стояла береза,
Она ростом высока,
Листом широка.

Как под этой под березой
Лежала Кострома;
Она убита, не убита,
Тафтою покрыта.
Девушка-красавица
К ней подходила,
Тафту открывала,
В лице признавала:

¹ Настоянные на меду.

«Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь;
Твои кони вороные
Во поле кочуют,
Дороженьку чуют».

Девушка-красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
«Создай, Боже, дождя,
Дождичка частова,
Чтобы травушку смочило,
Костроме косу остроу притупило».

Как за речкой, за рекой
Кострома сено косит...
Бросила косу
Среди покосу.

Купала

В середине июня — в дни летнего солнцестояния — Иван¹ падал в воду, Солнце вступало в знак Рака, поворачивая на зиму, на Великую Зиму — в окаменелое царство:

Ноньча Купáлы,
Завтра Ива́ны.

Купалы́ на Иваны́!

Купався Иван
Да в воду упав.

Купалы́ на Иваны́!

Ох, брат сястру двару кличить,
Загубить хочить.

Купалы́ на Иваны́!

¹ Празднество приурочилось к Иванову дню, т. е. дню Рождества Иоанна Предтечи (24 июня ст. ст.).

— Ой, братяц мой Иванушка!
Ни губи мне у будённай день,
Загуби мне у васкреснай день.
Палажы мне у вагра́дя¹,
Абсади мне стріліцамі,
Абвешай мне німёткамі²,
Абсе́й мне васілё́чкамі.

Купа́льі на Іва́ны!

Малатцы ідуць, стряліцы рвуць,
Старушкі ідуць, няме́тки бяруць,
Дзявіцы ідуць, васілё́чкі рвуць,
Васілё́чкі рвуць, вяно́чкі вьуюць,
Міне, маладу, паміна́ць будуць.

Купа́льі на Іва́ны!

Эта песня была необычайно распространена во всех славянских землях. Приведенный выше текст записан в Курской губернии. А вот ее украинский (а) и белорусский (б) варианты:

(а) Торóх, торóх по дорозе!
 Що за го́мон по дуброве?..
 Ой, брат сестру вбивать хоче;
 Сестра в брата проха́лася³:
 — Мой братечку, голубчику!
 Не вбивай мене у лесочку.
 Убий мене в чистом поле.

¹ За оградой; девушка огораживается цветами (как в других песнях клятью, замком): светло-синими васильками — посланцами неба и (в вариантах этой песни) алыми гвоздиками, которые зовут также искорками, звездочками, девичьей травой.

Интересно, что василек — постоянный спутник ржаного и пшеничного полей. Он вызревает одновременно с хлебными злаками, посеять его семена нелегко. И весной вместе с зерном он опять попадает в пашню, а к осени приветливо колыхается среди золотистых колосьев.

Скромный венок из васильков был найден в гробнице фараона Тутанхамона среди множества предметов из золота. Цветы высохли, но сохранили цвет и форму.

² *Намётка* — головная белая повязка замужних женщин.

³ Просила.

Ой, як убьеш, поховай мене!
Обсади мене трёмя зельями¹:
Першим зельем — гвоздичками,
Другим зельем — васильками,
Третим зельем — стрелочками!

Девочки йдуть — гвоздички рвуть
И мене зпомянуть;
Молодічки йдуть — василёчки рвуть
И мене зпомянуть;
Паробóчки² йдуть — стрелочки рвуть
И мене зпомянуть!..

(б) Купала на Ивана!
Да шумить, шумить по дубровя,
А звинить, звинить по дорозя³:
Да брат сястру хоча забить.

А яна ў яго просилася:
— Да Иваночка, браточка, ня бий мяне,
Ня бий мяне у Суботочку⁴,
Да забий мяне у няделячку!
Обсей мяне василёчками,
Обсади мяне стрелочками:

А будуть деўки к церкоўца йті,
А будуть яны василёчки йрваті,
Да вिति вяночки будуть;
А хлопчики унимать стрелочки будуть,
А мяне молодёнькаю будуть ўспоминать,
А тябе, мой браточка, проклинать⁵.

¹ Травами.

² Парни.

³ Шум и звон — безотлучный признак всех событий Купальских и самого праздника. — П. Бессонов.

⁴ То же, что в Купалу. — Он же.

⁵ То есть памятник послужит рассказом о были, бывшей основой Купальского праздника, и снова источником тех же Купальских явлений: свиванья венка для девушек; изготовления стрел, оружия для подвигов мужчин, молодцов; воспевания Иваночки, эпоса о Купале и Иване. — Он же.

Опубликовавший последнюю песню Пётр Бессонов оставил также описание купальских празднеств у западных, восточных и южных славян (приводим в сокращении):

Главное существо, которое влагает душу во весь праздник и дает ему имя, кому совершаются все обряды и о ком поют песни, кому принадлежит название самого обряда, дня его или, лучше, ночи, — это *Купала*: мать, женщина или баба, вдова; нередко она же и дочь. Но *Купала на Ивана*: Иван или Ян есть утро после ка-нуна, день после ночи.

Главный разгар праздника, гулянья, песен — ночью, на Ивана. Делают и убирают куклу, чучелу — женскую, носят ее, пляшут вокруг, зажигают, позже — топят в воде.

Гораздо употребительнее повсюду — как исключительная особенность, без коей нет Купалы, — костер, зажигаемый, сгорающий, иногда заливаемый водою: преимущественно дуб, солома, конопля, но и береза, сосна и прочее под рукою. Огонь в некоторых местностях разводится трением досок или из досок. Вместо костра или при нем горит иногда бочка, где есть — смоляная, где позволяет местность, — на пригорке или крутой горе. Заливают огонь кублами (чан, ушат с крышей) и ведрами; реже пускают его гореть на воде или на плоту.

В Купальскую ночь особенно дают о себе знать клады или котлы с золотом и серебром: над ними выскакивает волк, горит огонь, а всего более цветет папоротник. В эту ночь собираются вообще все травы, какие только пригодны для венков, лекарств и кушанья, — это их лучшая пора. Папоротник же цветет лишь в Купальскую полночь, раз в году, необыкновенным, чудным, ослепительно белым цветом. Но кто сорвет цвет, получает не одни клады: его сила всех одолевает, он отмыкает все замки и запоры, разрушает преграды, добывает все желанное, все знает, понимает язык птиц и деревьев, уничтожает покушения чаровниц. Трудно цвет подстеречь, еще труднее сорвать от окружающих чертовских страстей, еще труднее убежать с добытым.

Замечательна наружность главного черта, управляющего ватагою прислужников над цветом папоротника в Купальскую ночь. У белорусских крестьян это чудовище необыкновенно высокого роста. На челе у него один большой глаз, нос с одною ноздрей, обнаженная голова страшной величины, вместо ушей

Ночь на Ивана Купалу. Клавдий Лебедев, 1900-е гг.

большие дыры, на голове один крючковатый длинный рог. Правое плечо гораздо выше левого, шеи вовсе нет, вместо рук и ног — конские копыта. Вместо тела у него рыба чешуя, а грудь покрыта длинной шерстью.

Птицы в эту ночь разговаривают между собою и беседуют к людям. Деревья, особенно дубы, с места на место переходят, ведут разговор шумом ветвей. Язык каждого творения, птичий и растительный, можно слышать владельцу цветка папоротника.

Реки, по уверению рыбаков, серебрятся особым блеском. Сами реки покрываются горящими кострами: в чудной картине

огни мелькают на летучих плотях, гуляющие в челнах празднуют и поют на воде, а с берегов светят им маяки на пригорках.

На заре должно все кончиться, и именно, где есть обычай того, купаньем. Вслед за тем все отправляются смотреть восход солнца: оно на этой заре играет, дрожит блеском, делится на несколько частей, зайчиков, которые разбегаются, играют и снова сливаются в один круг. По другим, солнце в это утро едет к супругу, на трех конях, золотом, серебряном и перловом, пляшет на колеснице, сыплет с нее лучи и искры.

Утро 24 июня — перелом, после коего наступает уже Иван, Ян, Иваничка, Яночка, д'ень Иванов, Свято-Янский, Янь-день¹.

У пана Ивана
Посередь двора
Стояла верба,
На верби горили свичи,
С той вербы
Капля упала —
Озеро стало.
В озере сам Бог купаўся
С дитками, су дитками.

Купальские гулянья могли продолжаться до Петрова дня, когда молодые и старые брали с собой еду и уходили караулить солнце. Всю ночь они жгли костры, пели песни, ожидая восхода солнца — оно и в этот день «играло».

Начинался покос и затем — жатва:

Марья Ивана,
Марья Ивана
В жито звала!
Марья Ивана:

¹ *Белорусские песни*, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / изд. П. Бессонов издержками О-ва любителей рос. словесности. М. : Тип. Бахметева, 1871. С. 61–66.

— И пойдем-ка, Иван,
Пойдем-ка, Иван,
В наше жито!
Пойдем-ка, Иван!

В нашем жите,
В нашем жите
Сам Бог ходит!
В нашем жите

Сам Бог ходит,
Сам Бог ходит,
Жито родит!
Сам Бог ходит,

Жито родит,
Жито родит:
Ядро — с ведро!
Жито родит,

Ядро — с ведро,
Ядро — с ведро,
Колос — с бревно!
Ядро — с ведро.

Жатва

В августе (месяц назывался жнивень, серпень) жатва в самом разгаре:

Уж мы вьем, вьем бороду
У Гаврилы на поли,
Завиваем бороду
У Васильевича да на широком,
У Васильевича да на широком.

На нивы великой,
На полосы широкой,
Да на горы на высокой,

На земли чернопахотной,
На землицы на пахотной.

Ты, Пречистая мать,
Ты, Пречистая мать,
Ходи бороду полоть!

Ходи бороду полоть,
Ходи бороду полоть
Своей правою рукой,

Своей правой рукой,
Своей правой рукой,
Своим золотым серпом!

Во время жатвы как жнецы, так и жницы стараются найти на одном стебле самое большое число колосьев. Если таковых найдется 12, то он называется *житной маткой*, или *спорыньей*. Нашедшие эти колосья хранят их как зеницу ока в продолжение всего года, приберегая их к посеву, во время которого их рассеивают первыми с твердой надеждой на получение от них обильного урожая:

Яровая спорыня!
Иди с нивушки домой,
Со поставушки домой,
К нам во Кóщено село,
Во Петрóвково гумно.

А с гумна спорыня
Во амбар перешла.
Она гнездушка свила,
Малых деток вывела,
Пшеной выкормила,
Сытой выпоила, —

пели в Смоленской губернии.

Убрав хлеб, в поле оставляли немного колосьев (Влесу на бородку), несжатый пучок завивали или, пригнув его к земле, закапывали вместе с хлебом и солью. Последний сноп украшали и несли в дом.

Ох, и слава Богу,
Что жито пожали!
Что жито пожали
И в копы¹ поклали:
На гумне стогами,
В клети² закромами,
А с печи пирогами.

В Пересветове (Дмитровский край) последний сноп расстилался на полосе, и в него клали два серпа. Серпы клались так, чтобы лезвия образовывали замкнутый круг. После этого сноп связывался. Этот сноп назывался «христовой рубашкой».

Сноп ставили на лавку, в углу под иконами, там он должен был стоять до Покрова, когда им будут закармливать скотину. Некоторые хозяева хранили сноп в сусеке до посева и им засеивали.

Святки

Бабы глядят, а девки чудят...

На Новый год рядились стариками, молодыми, девки маски одевали, соломы набивали в рубашки. Лошадью покрывались. Старухой и стариком с ружьем, вроде охотника.

Наряжались покойником. Две палки положим, свяжем, положим куклу, накроем белым платком. Несем, кто плачет, а сзади песни поют. Несут по улице, народу соберется уйма. Бабы глядят, а девки чудят.

Все двенадцать дней бабы и девки пляшут, поют, рядятся. Бабу нарядим, наденем на нее желтый платок, как у попа риза.

¹ Копны (по 60 снопов).

² Амбары.

Наряжали ее священником. Она идет: «Господи, помилуй!» Кто во что горазд. На первый день в платьях плясали, на второй — свадьбу справляли, на третий — рядились, кто во что. Теперь все побросалось...

Я была в девках. На Новый год поставили корыто, один лег туда, его закрыли белым полотном, несли на конец деревни. Там он встал и побег за народом. Мне было двадцать лет, в Степанькове.

Летел соколог, уронил сапожок...

На Святки рядились конем: приделывали мужику две палки, морду лошадиную из льну. Он идет впереди, а святки за ним: барышни, мужики, кто матросом нарядится, кто кем. Подавали кокурки, казарочки, кони¹. Накануне Нового года пели таусень:

Таусень, летел соколог,
Таусень, уронил сапожок.
Таусень, а ты, Маша, подыми,
Таусень, Ивановна, подыми.
Таусень, недосуг, сударь, поднять,
Таусень, я на печке сижусь,
Таусень, я жерелья вяжу.

На Святки девки ходили:

Как у нашего хозяина
Дорогие ворота,
Золотая борода,
Золотой усок,
По рублю волосок,
Таусень, таусень!

Давали мясо, молоко, лепешки. Ходили взрослые — невесты, лет по девятнадцати.

¹ Различные изделия из теста.

В Переславль-Залесском уезде Владимирской губернии накануне Нового года детвора поет под окнами:

Овсей, Овсей
Шел по дорожке,
Нашел железце,
Сделал топорочек,
Ни мал, ни велик,
С игольные уши,
Срубил себе сосну,
Наснастил мосточек.

По этому мосту
Шли три братца:
Первой-то братец —
Рождество Христово,
Второй-та братец —
Крещение господне,
Третий-та братец —
Василий Кесаринский.

Блин да лепешка
На заднем окошке,
Подавай, не ломай,
Не закусывай.

У хозяина в дому
Велись бы ребятки,
Велись бы телятки,
Велись бы ягнатки,
Велись бы жеребятки *и т. д.*

Пение кончилось, и гурьба спрашивает:

— Будет ли подавание-то?

Обычно в этот день хозяйки готовили лепешки и оладьи и наделяли ими детей. Скупой хозяйке артель поет:

— Черт бы драл корову *и т. д.*

Как святочная игра во многих местах бытовала такая песня, исполнявшаяся «стариком» и «старухой»:

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Много ль тебе на свете пожить будет?
— Семьдесят лет, бабушка, семьдесят лет,
Семьдесят, Пахомовна, семьдесят.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Когда тебе умереть будет?
— В среду, бабушка, в среду,
В среду, Пахомовна, в среду.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Когда тебя погребать будет?
— В пятницу, бабушка, в пятницу,
В пятницу, Пахомовна, в пятницу.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Когда тебя поминать будет?
— В субботу, бабушка, в субботу,
В субботу, Пахомовна, в субботу.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Чем нам тебя поминать будет?
— Блинками, бабушка, блинками,
Блинками, Пахомовна, блинками.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Во что после тебя позвонить будет?
— В сковороду, бабушка, в сковороду,
В сковороду, Пахомовна, в сковороду.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Много ли после тебя детушек останется?
— Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
Чем мне поить, кормить будет?
— По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
По миру ходить, зима студена.
— В лапотках, бабушка, в лапотках,
В лапотках, Пахомовна, в лапотках.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
По миру ходить, собаки съедят.
— С палочкой, бабушка, с палочкой,
С палочкой, Пахомовна, с палочкой.

Государь ты наш, Сидор Карпович!
По миру ходить, не во что собирать.
— В сумочку, бабушка, в сумочку,
В сумочку, Пахомовна, в сумочку.

Другая игровая колядка — из деревни Дунаево (Бельский уезд Смоленской губернии):

Пашоў казёл и ў гарод,
Приламал казёл лук, часнок.
Вазьму казла за рага,
Пувяду казла у три тарга.
Дают за казла сто рублей.
Но я за ста ни прадам, —
Праминяю на тавар.
Набилюсь я, нарумянюсь.

Пад ту пару муж пришол:
— Атчаво, жана, красна?
— Пиряд пылым стаяла.
— Атчаво, жана, бела?
— Муку, сударь, сеила.

— Атчаво, жана, броў чарна?
— Сударь, трубы чистила.
— А иде, жана, бел казёл?
— Пашол казёл пад гару,
Зламал сибe галаву.

В навечерие Рождества девушки, во многих местах мальчики и парни, собравшись по несколько человек вместе, ходили кучками от одного дома к другому и пели под окнами:

Проходила Коледа
Наперед Рождества, —

Виноградье красно-зеленое мое!¹

Напала пороша
Снегу белинькаго.
Как по этой по пороше
Гуси, лебеди летели.
Коледовщицки,
Недоросточки,
Недоросточки,
Красны девушки
Сочили², искали
Иванова³ двора.
А Иванов двор
Ни близко, ни далеко, —
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинке
По жемчужинке.

¹ Этот припев повторяется после каждых двух стихов.

² Искали.

³ Называется имя хозяина избы.

Во этом во тыну
Стоит три терема,
Златоверхие:
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —
Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому,
Красно солнышко —
То хозяйюшка,
Часты звездочки —
Малы деточки.

Как самого господина
Дома нетути,
Дома нетути,
Не случилось,
В Москву съехавши, —
Суды судить,
Суды судить
Да ряды рядить.

Посудивши, порядивши,
Домой едет он.
Он жене-то везет
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своим-то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венку,
Своим служенькам
По сапоженькам.

Наша-то Коледа
Ни мала, ни велика,
Она в двери не лезет,

И в окно нам шлет:
Ни ломай, ни гибай —
Весь пирог подавай.
Виноградье красно-зеленое мое!

Пришла Коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку¹.

А дай Бог тому,
Хто в эвтом дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста²:
Ему с колосу осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полузерна — пирог.

Наделил бы вас Господь
И житьем, и бытьем,
И богатством,
И создай вам, Господи,
Еще лучше того!

Как ходила Коляда
Накануне Рож[д]ества,
Приходила Коляда
Из Нова-города.
Как искала Коляда
Государева села,
Что Иванова двора.

¹ В каждом доме пекли фигурки животных из пшеничного теста. Их хранили до Крещенья, последнего дня Святки, а затем размачивали и давали скоту.

² От *ужін* — количество сжатого хлеба. *Ужинистый* — обильный ужином.

У хозяина двор
Осушон, омощён,
Чисто выметен,
Ворота красны,
Верей¹ пестры,
Они то́ченые,
Позолоченыя;
Как Иванов двор —
Он тыно́м затынён,
На семи верстах,
На восьми столбах,
Что тычинушка
Ко тычинушке,
На тычинушке
По жемчуженке;
Круг Иванова двора
Всё шелко́вая трава,
Зелёная мурава;
На шелковой на траве
Всё лазоревы цветы;
Среди его двора —
Три высоких терема,
О двенадцати венцах,
Золотых верхах.

Как во первом терему́ —
Светёл месяц во окне;
Во другом-то терему —
Красно солнушко;
А во третьем терему —
Часты звездушки,
Румяныя зорюшки.
Светёл месяц во окне —
Сам Иванушка;
Красно солнушко —
Хозяюшка;
Часты звездушки —

¹ Столбы, на которые навешиваются полотенца ворот.

Их робятушки;
Румяные зорюшки —
Хозяйския дочушки.

А хозяин во дому́,
Словно царь во раю́;
А хозяйка во дому,
Как кутя¹ на меду;
Малы детушки,
Как оладушки.

Утром 1 января ст. ст. — в *Васильев день* — мальчишки-под-
ростки ходят «засевать». По двое, по трое, а иногда и в одиночку
заходят в каждую избу, не минуя ни одной. Войдя в хату, дети
разбрасывают по полу зерна ржи, овса, проса и проч., говоря:

Ходить Ёлья на Василья,
Носить трубу жестяную,
А другую просяную.

Заради, Боже,
Жита — пшаницу,
Всякую пшаницу!

В доме — дабро,
В поле — зярно!
В доме — пиражиста,
В поле — каласиста!

Васильева мать
Пашла шендровать² —
Зарасилася, замачилася.
На престоле стаяла,
Залатой хрест держала.

¹ Каша.

² Щедровать.

А вы, люди, знайте,
Богу свечи ставьте,
А нам грошик дайте!

Здрастуйте, хазяин с хазяичкой!
С Новым годом,
С новым счастьем,
С новым здоровьем!

Хозяева дают детям лепешку, пирог, кусок сала или копейку, и они бегут в следующую хату, а на их место являются другие. Хозяева никогда не выгоняют их и дают всем, сколько бы их ни приходило. Отцы рассуждают так: «Я твоему дам, а ты — моему, вот и похватались».

Старшая женщина в доме собирала разбросанные по полу зерна, которые хранились до посева. При этом заклинали:

Уроди, Боже, всякого жита по закрому, что по закрому да по великому, а и стало бы жита на весь мир крещеный!

В Малороссии на Новый год при засевках пели:

Хóдить Илья
На Василя,
Нóсить пúгу¹
Житяную:
Де² замахне́,
Жито росте.

¹ Плеть. Кто видал, как славяне сеют жито, тот знает, что струя семян, летящая из руки сеятеля, совершенно сходна с размахнутою плетью. Но мы думаем еще, что здесь «пуга», может быть, одного корня со славянским «пугар» (кубок), означая сосуд, из коего Илья бросает жито. — П. Бессонов.

² Где.

Роди, Боже,
Жито, пшеницу,
Всяку пашницу:
У поле ядро,
А в доме добро!

В Новосибирской области:

Дева Мария
По земле ходила,
Ести носила,
Бога просила:
— Дай, Боже,
Урожай большой,
Жито, пшеницу,
Овес, гречиху.

У поле — зерно,
У доме — добро!
Добрый вечер!

На Дальнем Востоке:

Ходит Илля на Василя,
Носит пугу плетеную, жительную.
Где пугой махнет, там жито растет.
А в поле, поле на вороном коне
Иисус Христос едет и жито сеет.

Мать Пречистая обед носила,
Иисус Христа просила:
— Уроди, Боже, жито и пшеницу
И всякую пашницу.
На сторонах стогами,
В клети коробами,
На столе блинами.

Сколько в совке дырочек,
Столько свиночек,

Сколько поличек,
Столько теличек,
Сколько в бороне клецов¹,
Столько жеребцов.

Рождающееся, новое солнце в день зимнего солнцестояния
делало новым и год:

Новый год пришел,
Старый угнал,
Себя показал.

Ходи, народ,
Солнышко встречать,
Мороз прогонять!

Подблюдные песни-гадания

Подблюдные песни исполняются во время святочных гаданий (летних и зимних) с кольцами, серьгами и другими предметами, которые вынимаются поочередно из блюдца, покрытого платком. Кольца опускают также в чашку, шапку или во что-то иное.

Гадают и девушки, и бабы, и холостые парни, и женатые. Вынимает вещи кто-то один.

Песен-гаданий было множество, на разные случаи жизни. Первая песня часто пелась хлебу: «Хлебу да соли долгоденствие, слава!», «Мы не песню поем, хлебу честь отдаем!»

К урожаю, к богатству

Летел соловей через житенку,
Несет соловей жита горстоцку.
Ладо ладу!
Кому мы поем, тому честь воздаем!

¹ Зубцов.

Плывет медведь по речушке,
Слава, ладо мое!
Он плывет, плывет, попыхивает,
Слава, ладо мое!
Растянул он хвост на двенадцать верст.
Слава, ладо мое!
Кому вынется, тому сбудется,
Слава, ладо мое!
Хорошему не минуется.
Слава, ладо мое!

Ходит Микола по погребу,
Слава!
Ищет Микола неполницу,
Слава!
Хочет Микола наполнити
Слава!
Все лагушечки¹, все кадушечки.
Слава!
Кому песню поем, тому добро,
Слава!
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

За рекой живут мужики богатые,
Свят вечер! Свят вечер!
Золото гребут лопатами.
Свят вечер! Свят вечер!
Кому мы поем, тому добро будёт,
Свят вечер! Свят вечер!
Тому збудётца и не минуётца.
Свят вечер! Свят вечер!

¹ Бочоночки.

Золотые ключи во пшеницу ушли,
Ладо мое! Ладо мое!
Чья-то вынется — правда сбудется!

К бедности, беде

Летел коршун
С чужой стороны,
Слава!
Сел коршун
На высокие хоромы,
Слава!
Полетел коршун
В полуночную сторону.
Слава!
А кому песня досталась,
Тому сбудется — не минуется.
На печаль-горе, на несчастьице.

Скидывай портки,
Закутай окно!
Кому песня —
Тому добро!

К смерти

Висять скатирти на папирти,
Хто ни идет мима их, тот обтирайтца.

По горам хожу, полотно стелю,
Слава!
Еще похожу, еще постелю.
Слава!

Кому песню поем, тому добро,
Слава!
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

✱

Идет Смерть по улице,
Слава те!
Несет блин на блюде,
Слава те!
Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

✱

Белю, побелю
Белó полотно.
Это сбудется
Да не минуется.
Илею!

✱

Везут бревно на семи лошадях.
Если семь не повезут, восьмую подпрягут,
Далеко увезут и назад не привезут.
Это сбудется да не минуется.
Илия!

К свадьбе, к рождению ребенка

Растворю я квашонку¹ на донышке,
Я поставлю квашонку на столбике,
Я покрою ее черным соболем,
Опояшу ее красным золотом.

¹ Уменьш. от *квашня́* — забродившее (заквашенное) тесто, а также деревянная кадка для него.

Ты взойди-ка, квашонка, полным-полна,
Что полным-то полна, по краям ровна.

Да кому же мы спели, тому добро!
Кому вынется что, то и сбудется,
Скоро сбудется, ввек не минуется.

✱

Щука шла из Нова-города,
Слава!
Она хвост волокля из Бела-озера.
Слава!
Как на щуке чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченная;
Слава!
Как у щуки спина жемчугом сплетена,
Слава!
Как головка у щуки униженная,
Слава!
А на место глаз — дорогой алмаз.
Слава!

✱

Как идет ли кузнец да из кузницы,
А шубенка на нем вся худехонька;
Как одной-то поле цена сто рублей,
А другая пола-то — во тысячу.

Уж как всей-то шубеночке нет цены:
Всей шубенке цена у царя в казне,
У царя ли в казне, в золотом ларце.

Да кому же мы спели, тому добро!
Кому вынется что, то и сбудется,
Скоро сбудется, ввек не минуется.

Курочка-погребушечка
Свят вечер! Свят вечер!
Греблась на завалинке,
Свят вечер! Свят вечер!
Выгребла две жемчужинки,
Свят вечер! Свят вечер!
Зделала золот перстень.
Свят вечер! Свят вечер!
Кому этим перстнем обручатися?
Свят вечер! Свят вечер!
Отроку со отрочицою,
Свят вечер! Свят вечер!
Доброму молодцу со девицею.
Свят вечер! Свят вечер!
Кому мы поем, тому добро будёт,
Свят вечер! Свят вечер!
Тому збудётца, не минётца.
Свят вечер! Свят вечер!

Сидять галубычки на пралубычки¹,
Мыютца, умываютца,
Палатенным утираютца.
Ладу, ладу!
Кому выйдется, правда сбудется,
Тому добро!

Свился клен да с березою,
Люли!
А он совьется — не разовьется.
Люли!
Кому вынется, скоро сбудется!

¹ Прорубочка — небольшая прорубь.

Полно те, иголоцька, в коробоцьке лежать,
Пора тебе, иголоцька, дары припасать.

Ладо, ладу!

Кому мы поем, тому честь воздаем!

Коровка ходит по ельничку,

Набивает пузеничку,

Ладо мое! Ладо мое!

Чья-то вынется — правда сбудется!

К дороге, к разлуке

Стоят санки сонаряжены,

Слава!

На них подушечки раскладены;

Слава!

Они к лесу стоят —

Слава!

Покатиться хотят.

Слава!

Кому песню поем, тому добро,

Слава!

Тому сбудется, не минуется.

Слава!

Сидит воробей на Новом городе,

Слава!

Глядит воробей в чужу сторону.

Слава!

Кому песню поем, тому добро,

Слава!

Тому сбудется, не минуется.

Слава!

Лодочка от одного берега отстала,
А ко другому не пристала.

Илия!

Кому вынется, тому сбудется.

Илия!

Свадебные песни

Во саду ли, в огороде
Девуца гуляла.
Невеличка, круглоличка,
Румяное личко.

За ней ходит, за ней бродит
Удалой молодчик.
Он и звал красну девуцу
В сыр бор по груздошки...

Свадьба была обрядовым действием, воспроизводившим свадьбу Солнца и Луны, обручение Неба и Земли.

Свадебный обряд состоял из нескольких эпизодов; основными были сватовство, рукобיתье (сговор, договор), баня, девичник, мальчишник, приезд жениха, венчание, встреча молодых, свадебные столы. Каждый этап свадебной игры, свадебного действия сопровождался своими песнями.

Заручины. Песни сватов

С-под високого цирама
Росла травунык зялена,
На той травунык конь воронэй,
А на конику сидзельца,
На сидзельцу Сопрунка
И ён з коником говориў:

— Завязи мяне на гору
Ко високаму цираму,
Гдзе бояре мяды пьюць,

Там боярочны вянки вьюць,
Молоды свацюхны песни пеюць,
Там нам Гапульку отдадуць.

Петь песни подруги невесты начинали сразу после сватовства:

Уж вы гуси, уж вы лебеди,
Да вы куда же вечор лётали?
— Так уж мы лётали, лётали
Да на синё море плавати.

Да вы чего же тамо видели?
— Да уж мы видели, видели —
Млад ясён сокол купается,
Да лебедь бела умывается.

Дак уж вы что ж ее нё взяли?
— Дак уж мы не взяли, нё взяли,
Дак ее только заприметили.

Поезжане ¹, вы поёзжаны,
Поезжаны вы Ивановы,
Да вы куда же вечор ездили?
— Дак уж мы ездили, ездили
Да во хороше селеньице,
Да мы к почетному крестьянину.

Да вы почто туда ездили,
Да вы чего тамо видели?
— А уж мы видели, видели
Да душу красную девицу.

Да уж вы что ж ее нё взяли?
— Да уж мы не взяли, нё взяли,
Да ее только запоручили.

¹ Свадебные чины и гости, едущие *пóездом* — торжественной обрядовой ездой.

Уж вы соколы, соколы,
Вы куда же вечер лётывали?
— Уж мы лётывали, лётывали,
С моря на море перелётывали.

Да кого ж вы там увидели?
— Уж мы видеть-то, мы видели
Сизу утицу на заводи реки.

Да и что ж вы ее не взяли?
— Уж мы взять-то ее не взяли,
Сизы крылышки подрезали,
Сизы крылышки подрезали,
Лебединый пух повыщипали,
По синему морю пустили.

Ты плыви, плыви, мой беленький пушок,
Ты люби меня, мой миленький дружок!

Причеты невесты

После рукобитья (сговора) невеста — одна или с подругами — начинала причитать. Каждое утро невеста причитала матери, рассказывая ей свой «сон»:

Как при вечере, вечере¹,
При последнем часу вечера,
При свет Катеринином девичнике
Прилетали ясны соколы,
Ясны соколы залетные.

Один садился под окошечко
На серебряну решеточку,
На золочену причаленку².

¹ Каждый стих поется два раза.

² Подоконник, нижний косяк на окне.

Причалинка сколыхнулась,
Ясен сокол вострепнулся,
Вострепнулся, полетел
Мимо садика зеленого,
Мимо терема высокого.

Что узрела, что увидела
Ее родная матушка,
Говорила своей дочери:
— Ты дитя ль мое, дитятко,
Ты Катерина Григорьевна,
Ты притай-ко ясна сокола,
Ясна сокола залетного.
Добра молодца заезжего!

— Ты родимая матушка,
Я бы рада его притая, —
Мое сердце не оборотится,
Живот кровью обливается,
Резвы ножки спотыкаются,
Белы ручки опускаются,
С плеч головушка скатилась.

Ты родимая матушка!
Рассуди ты мой дивный сон,
Что я нонче во сне видела:
Будто у наших у широких у ворот
Сине море разливается,
Сизый селезень купается,
Сера утка окунается.

— Ты дитя ль мое, дитятко,
Ты Катерина Григорьевна,
Сине море — подворьице твое,
Серая утица — свашенька,
Сизой селезень — суженый твой.

Накануне дня свадьбы подружки топили для невесты баню. В Чердыни (когда-то столице Великопермского княжества, Старой

Перми) дорожку к ней украшали березками, зимой — ветками из веника или елочками.

В бане девушки пели песни и причитали, пили пиво и угощались гостинцами, присланными от жениха. Невеста смывала дивью красоту — намывала бабую красоту:

Мне ночесь, молодешеньке,
Мало спалося, много виделось:
Я ходила, млада, гуляла
Во зеленой во дубравушке.

Как во той во зеленой дубравушке
Тут стоит да белая березонька,
Зелена она, кудреватая,
Со цветочками со аленькими.

Как под той под белой березонькой
Тут и лежит да бел-горюч камень.
Как из-под того горюча камня
Протекали три медвяна¹ ручья.

По тому ли по медвяну ручью
Тут и плавали белы лебедушки.
Они плавали да купались,
Они вместе все за единое.

Что одна из них бела лебедушка,
Отменитая² от подруженек.
Она не плавает, не купается,
Она крылышком не умывается,
Она перышком не утирается.

Я сама, млада, знаю-ведаю,
Молодым умом догадаюся,
Не во сне ли мне снилось,
Наяву ли мне показалось.

¹ Медовых.

² Отменная, особенная, несхожая с другими.

То така зелена дубравушка?
То батюшков да широкий двор.

То така да бела березонька?
То стоит да тепла па́рушка ¹
Со дымами да со кудрявыми,
Со парами да со медвяными.

То кици цветочки аленьки?
То моя да дивья красота.

То кици три ручья текли?
То нагреты слизки щелоки ²
Про меня, да молодешеньку,
Мне помыться да попариться
Со кумами да со подружками.

То кици да белы лебедушки?
То мои да милые подруженьки,
Они моются да они парятся,
Они вместе все за единое.

То така да бела лебедушка
Она не плавает да не купается?
То ведь я, да молодешенька,
Отменита от подруженек.
Я не моюся, не купаюся.

Они сомьют с меня дивью красоту,
С ретива сердца тоску-кручинушку,
Со бела лица да горячи слезы.

Мне не смыть, да молодешеньке,
С ретива сердца тоску-кручинушку,
Со бела лица горячи слезы, —
Только я сомью да дивью красоту.

¹ Баня.

² Отвар древесной золы для стирки и мытья. *Слізкий* — скользкий.

Накануне девичника. Проводы невесты из бани. Василий Перов, 1870 г.

В свадебном обряде дивья красота — это лента, чаще алая, которую носили девушки на гуляниях и в хороводах. Невеста клала ленту на тарелочку, ходила с ней по дому, по двору, стараясь выбрать ей место вечное и спокойное:

Ты прощай, прощай, красна девица!
Ты прощай, моя дивья красота!
Вот пошла моя вольна волюшка
По путям, путям-дороженькам,
Посередь зимы студеные,
Во морозы, морозы клящие¹.

В песнях и причетах на девичнике невеста прощалась с домом, подругами:

По морю, морю, по морю синему,
Морю Хвалынскому²
Плавала лебедь белая,

¹ Сильные.

² Древнее название Каспийского моря. Произошло от слова «хвалисы» — славянского народа, населявшего в глубокой древности Прикаспий.

Лебедь залетная;
Крыльями бьет о сине море,
Да об Хвалынское.
Голову клонит на крутые берега,
Да на рассыпчатые,
Жалобу творила на холодную зиму,
На морозливую:

— Будет зима, зима холодная,
Зима морозливая;
Выпадут снега глубокие,
Будут морозы рождественские
И крещенские;
Позябнут лапочки лебединые.

Как будет отстать прочь от Волги-реки?
Как будет пристать к болотной воде?

По сеням, сеням батюшкиным,
Сеням матушкиным
Ходила-гуляла красна девица,
Душа Мария Ивановна.
Голову клонила на могучие плечи,
Руки жмет к ретивому сердцу,
Слезы роняет на цветное платье,
Жалобу творила на родимого отца:

— Бог тебе судья, родимый батюшка,
Зачем меня, молодую, замуж отдаешь?
Как будет прочь отстать от батюшки,
Как будет пристать мне к чужому отцу,
К чужой матушке?

Как будет назвать мне чужого отца?
Батюшкой назвать мне не хочется,
По имени звать — так не честь, не хвала,
Свекром звать — так не водится;
Сжав свое сердце, сжав ретивое,
Назвать батюшкой.

Песни жениху

В день свадьбы мать жениха и сваха одевали его для поездки за невестой. Перед отъездом жениху пели песни:

Что не шаричёк по горенке каталсы,
Да не с конца к концу по блюду рассыпалсы.
У нас Иван-то жениться снаряжалсы,
Да свет Васильевич сподоблялсы.
Да его матушка снаряжала,
Да государыня сподобляла,
Да хорошо кудри да расчесала,
Да словесами ему да наказала:
— Да ты поедешь, мое дитятко, женитьце,
Да что на душе на красной на девіцы,
Да тебе станут девіцы песни пети,
Да расхорошу невесту припевати,
Да у нас Нюшенькой называти,
Да что Ивановной величати, —
Да не дари ты ни рублем, ни подарком,
Да подари ты её низкиим поклоном,
Помилее всего поцелуй ты ею.
Ай Дунай, ай Дунай, за песню деньги отдай!

У сахарного древичка
Одна была веточка,
У родимого тятеньки
У Григорья Иваныча
Один был милый сын,
Свет Иван Григорьич сударь.
Его любили-лелеяли,
По головушке гладили.

Говорила же ему матушка:
— Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, мой милый сын!
Ты поедешь жениться

И приедешь на широкий двор,
Не пущай коня по двору,
А отдай коня конюху,
Пусть сведет его на конюший двор,
Пусть поставит во стойлышко,
Пусть накормит пшеницею,
Напоит медом, патокою.
Ты взойдешь на красно крыльцо —
Вытирай ножки резвые,
Не марай полы белые.
Ты взойдешь в новы сенички —
Ты снимай шляпу черную,
Ты бери ее в ручку левую.
Ты взойдешь в нову горницу —
Ты не долго Богу молися,
Ты не низко тестю кланяйся,
А пониже теще-матушке.
Докупайся до суженья,
До души красной девицы,
До Катерины Алексеевны.

Не по сахару речка бежит,
По изюму рассыпается,
Берега реки хрустальные,
Деревушки виноградные.

Что во саде, не во вишенья, —
Там гуляет добрый молодец,
Добрый молодец — Ванюшка.
Он гуляет, порасхаживает,
Слугам верным наказывает:
— Уж вы слуги, мои слуги, кучерá,
Запрягите тройку ко́ней с вечера́,
Я поеду себе сужену искать.
Моя сужена наряженная,
За столом она посаженная,
Целовать ею приказано.

Застольные песни

За свадебными столами много пели величальных песен.
Прежде всего величали молодых:

У Степана-то дом да на семи верстах стоит,

Да виноградьё, да красно-зеленоё!¹

Да у Михайловича да на семидесяти столбах,

Да кругом этого дома был железный тын,

Да кругом этого тына росла трава-мурава,

Росла трава-мурава, цветы лазоревые,

Там стояла ли береза кудреватенькая,

Виноградьё, да красно-зеленоё².

Да там стоял ли шатер белополотняный,

Да там сидела ли девица да душа красная.

Да она шить-вышивать да мастерица была,

Да она шила-вышивала трои пялышка злачены:

Да перво пялышко шила она во сто рублей,

Второ пялышко шила да во тысячу рублей,

Третье пялышко шила — ему не было цены.

Да первой угол вышивала — красно солнце со лучами,

Второй угол вышивала — ясный месяц со звездами,

Третий угол вышивала — сине море со волнами,

Сине море со волнами, со белыми кораблями,

На середку вышивала божью церковь со крестами.

Тут уж шел-прошел да детинуш[к]а молодой,

Он куницами-лисицами обвесился,

Он черными да соболями опоясался.

Не былыми-то словами да похваляется:

— Если б жил, если б был на одной с ей стороне,

Я бы эту березку под корень бы срубил,

Я бы этот шатер до подошвы разнес,

Я бы эти трои пяльцы прибил бы, приломал,

Я бы эту девицу за себя бы взамуж взял,

¹ Припев повторяется после каждого стиха.

² Далее после каждого стиха, кроме двух последних, повторяется этот припев.

За себя бы взамуж взял да во божью б церковь свел,
Во божью бы церковь свел да закон божий принимал,
Закон божий принимал да чудный¹ крест целовал.

Еще здравствуй, Степан да Михайлович,
Со душой прекрасной девицей, да Евгенией
Филипповной.

Как и по́-саду, садú,
По зеленому садú
Ходит голубь, ходит сизый
С сиз голубушкой.

У голубя у сизого
Золотая голова,
У голубушки —
Позолоченная.

Наш-от голубь, наш-от сизый —
Что Иван-государь,
А голубушка —
Пелагеюшка.

Приходили и судили
Товарищи его.

Товарищи его
Все завидывают его:
— Еще чья это жена,
Еще что чья молода?

Кабы эта жена
У меня, молодца, была,
Я б не бил, не журил,
А румян-белил купил.

¹ Вариант: чунный (чугунный).

У сизого голубя
Золотая голова.

Ай, калина моя!
Ай, малина моя!¹

У сизой голубушки
Позолоченная.
Позолоченная,
Разным шелком строчена.
Сизый-от голубь —
Иван Карпович,
Уж как сизая голубка —
Дарья Саввишна.

Ой, я вью, вью, да ель-елю².
Окол Нового города,
Круг стены городовья,
Воротá были стекольчаты,
Берега были хрустальные,
Подворотенка рывчата.
Это кто берега утесал,
Это кто ворота устрогал?
Утесали всё бóяра,
Устрогали всё сватовья.
Тут не знала-то Анна-душа,
Тут не ведала Ивановна.
Почему ж она уведала,
Чтой узрила, усмотрила
Из высока нова терема,
Скрозь околнку бела стекла?
А душа — красна девица,
Да и Анна Ивановна,

¹ Припев повторяется после каждого двустрочия.

² Этот припев повторяется перед каждой строкой, кроме двух последних.

Из окошка косивчата ¹
Тут сама ли сдивовалася:
У единого боярина
Голова была зачесана,
Русы кудри призывиты.
Зачесала ему голову
Его мати сударыня,
А завивала кудри
Сестрица родимая.

Проздравляем, Иван-господин, Иван да Михайлович
Со душой да со девицей, да со Марией Ивановной.

Хороводные, игровые песни

Танцевала рыба с раком,
А петрушка — с пастернаком,
А цыбуля — с чесноком,
Красна девка — с казаком,
А морковка не хотела,
Потому что не умела.

«Хороводы, — писал И. П. Сахаров, — мы встречаем у всех славянских племен. Литовцо-русы хоровод переименовали в *корогод*. Богемцы, хорваты, карпато-русы, морлаки, далматы обратили его в *kolo* — круг. Славянское коло также сопровождалось песнями, плясками и играми, как и русский хоровод. <...>

Важность русских хороводов для нашей народности столь велика, что мы, кроме свадеб, ничего не знаем подобного. Занимая в жизни русского народа три годовые эпохи: весну, лето и осень, хороводы представляют особенные черты нашей народности: разгул и восторг. Отделяя народность от простонародия, мы в ней открываем творческую силу народной поэзии, самобытность вековых созданий. <...>

Русские хороводы доступны всем возрастам: девы и женщины, юноши и старики равно принимают в них участие» ².

¹ Обрамленного косяками, наличниками.

² Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым : в 2 т. Изд. 3-е. Т. 2, кн. 7. СПб. : Тип. Сахарова, 1841. С. 77.

Танцевальный рисунок хороводов был разнообразен — шли «репьем» (гуськом), «змейкой», «вили верву» (веревку), «сновали основу», образовывали полукрест, крест, круг.

Удивительно, но в наше время хороводы еще можно встретить. Вот, к примеру, описание праздничных гуляний в древнем печорском селении Усть-Цильма, основанном свыше 500 лет назад в дремучих северных лесах новгородцами.

...Широкая, залитая солнцем улица. ...Пышная золотисто-алая гирлянда девушек и молодежь медленно движется, словно проплывающая, по высокому угору над широкой темной Печорой.

Тихо шелестят тяжелые шелка сборчатых сарафанов. Расцветают диковинные узоры, серебряные и голубые цветы на парчовых шубейках. Колышутся алые разводы штофных, затканых шелковыми букетами «летников» — летних безрукавок. Громадные шелковые платки, сложенные узкими лентами и завязанные на затылках, отливают множеством нежных оттенков — бледно-палевых, розовых, темно-синих. Тяжелые капли смоляных янтарей — прабабушкиных ожерелий — в пять рядов стекают по стройным загорелым шеям.

Девушки и молодежь двигаются навстречу друг другу, встречаются, останавливаются, низко кланяются друг другу, расходятся...

Вот с другой стороны улицы появляется шеренга парней — тоже принаряженных, тщательно причесанных. Они направляются к девушкам.

Звучит медленная протяжная песня:

— Да вы, бояра, вы куда пошли?
Да молодые, вы зачем пришли?..¹

В Москве в праздничные дни также более всего любили хороводы.

Помню хорошо один из таких хороводов, вспоминает П. И. Богатырев. Это было за заставой, недалеко от Калитниковского кладбища. Народу собралось много; один хоровод состоял,

¹ Колпакова Н. П. Песни и люди : о русской народной песне / АН СССР. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. (Из истории мировой культуры). С. 68–69.

смело скажу, не менее как из двухсот человек, если не больше. Пестрые, яркие платья и сарафаны женщин, рубахи и поддевки парней представляли веселую картину. Кругом на пригорочках, кучках и кочках — масса народа. Все оживлены в ожидании предстоящего удовольствия. Долго, помню, сговаривались о хороводе, наконец сговорились.

На середину в круг вышел молодой парень, фабричный с «Чесменской мызы». Красивый и ловкий на вид, он всем поклонился, потом обошел весь круг и стал на свое место.

Полоса ль моя, полосынька, —

завенел его раскатистый тенор.

Полоса ль моя, непаханая, —

подхватил хор и пошел кругом в одну сторону. На середине песни хоровод остановился и, немного постояв, пошел в другую сторону. Пение было стройное, голоса молодые, звонкие, да хотелось и щегольнуть — уж очень много слушателей было. Потом пели «Во лузях», «На горе-то калина», «Уж как пал туман» и, смотря по ходу песни, воспроизводилось и действие, — выходила девица к парню, кланялась ему и стлала ему «постелюшку», в виде платка, и т. д.

Я пошел домой. И долго потом, уже при догорающей заре я слушал в окно широкую русскую песню и думал об ее удивительной, захватывающей силе. Уже почти засыпая, я услышал до-несшийся до меня голос запевалы:

Надоели ночи, надоскучили...¹

Наборные песни

Звали в хоровод, набирали его песнями:

Уж ты верба, вербушка,
Золотая вербушка!

¹ Богатырев П. И. Московская старина // Московская старина : воспоминания москвичей прошлого столетия. М. : Правда, 1989. С. 170–171.

Не расти, верба, во ржи,
Рости к полю на межи.

Вербу ветер не берет,
Соловей гнезда не вьет.

Как бы кустушек не мил,
Соловей гнезда не вил.

Соловей-то — Ванюшка,
Кинарейка — Марьюшка,

Походи-ка, погуляй,
Хороводы набирай!

*

Я на камешке сажу,
Я топор в руках держу,

Ой ли, ой люли,
Я топор в руках держу!

Я топор в руках держу,
Изгородь горожу,

Ой ли, ой люли,
Изгородь горожу!

Изгородь горожу,
Я капусту сажу,

Ой ли, ой люли,
Я капусту сажу!

Я все беленькую,
Все кочаненькую,

Ой ли, ой люли,
Все кочаненькую!

У кого нету капусты —
Прошу к нам в огород,

Ой ли, ой люли,
Прошу к нам в огород!

Прошу к нам в огород —
Во девичий хоровод,

Ой ли, ой люли,
Во девичий хоровод!

Игровые песни

Семь загадок

— Те Бог на помочь, красна девица,
Воду черпать;
Загануть ли те, красна девица,
Семь загадок?

— Загани-ко, сын боярской,
Хоша восемь.

— Таки что, красна девица,
Краше свету?

— Краше свету — красно солнце,
Красное солнце.

— Таки что, красна девица,
Чаще лесу?

— Чаще лесу — часты звезды,
Частыя звезды.

— Таки что, красна девица,
По-под лесу?

— По-под лесу — пала роса,
Пала роса.

— Таки что, красна девица,
Да без крылья?

— Что без крылья — белы снеги,
Белы снеги.

- Таки что, красна девица,
Без умолку?
- Без умолку — течет речка,
Течет речка.
- Таки что, красна девица,
Без ответу?
- Без ответу — скот рогатой,
Скот рогатой.
- Таки что, красна девица,
Да без горя?
- Что без горя — горючь камень,
Горючь камень.

Хоровод кружится и поет:

Как по морю, как по морю,
Как по морю, морю синему¹
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Плывши, лебедь, плывши, лебедь,
Плывши, лебедь окунулася;
Окунувшись, окунувшись,
Окунувшись, встрепенулася;
Под ней море, под ней море,
Под ней море всколебалось.
Над ней вился, над ней вился,
Над ней вился млад ясен сокол.
Убью лебедь, убью лебедь,
Убью лебедь с лебедятами;
Я кровь пушу, я кровь пушу,
Я кровь пушу по синему по морю;
Я пух пушу, я пух пушу,
Я пух пушу по поднебесью;

¹ Каждый второй стих исполняется два раза.

Я перышка, я перышка,
Я перышка по под бережкам;
Кому будет, кому будет,
Кому будет это перьеще собирать?
Негде взялась, негде взялась,
Негде взялась красна девица душа;

В это время одна девушка выходит из хоровода и начинает ходить в середине хоровода, изредка наклоняясь к земле.

Брала перье, брала перье,
Брала перье, приговаривала:
Я батюшку, я батюшку,
Я батюшку во подушечку,
Со матушкой, со матушкой,
Со матушкой во сголовьице;
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку во перинушку.
Негде взялся, негде взялся,
Негде взялся удалой молодец.

Из хоровода выходит молодец и ходит за девушкой. Она как будто не узнает своего милого, принимает его за чужого молодца и потому отворачивается и не смотрит на него. Молодец продолжает ходить за девушкой и старается попасть ей на глаза; песня продолжается:

Божья помочь! Божья помочь!
Божья помочь, красна девица-душа!
Спесивая, спесивая,
Спесивая и гордливая моя,
Несклончива, несклончива,
Несклончива, непоклончива;
Молчи, девушка, молчи, девушка,
Молчи, девушка, успокаешься;
Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, высватаю за себя.
Станешь, девушка, станешь, девушка,
Станешь у кроватушки стоять;

Хоровод в селе. Алексей Саврасов, 1873–1874 гг.

Еще станешь, еще станешь,
Еще станешь горючи слезы ронять;
Еще станешь, еще станешь,
Еще станешь резвы ноженьки знобить.

Девушка как будто узнает молодца, поворачивается к нему и ходит за ним:

Я думала, я думала,
Я думала, что не ты, милый, идешь;
Не ты идешь, не ты идешь,
Не ты идешь, не ты кланяешься.

Девушка кланяется молодцу.

Склонилося, склонилося,
Склонилося, поклонилася;
Поклонившись, поклонившись,
Поклонившись, поздоровалася.

Девушка целует молодца.

Я по жердочке шла,
Я по тоненькой,
По еловенькой.
Тонка жердочка гнется,
 Не ломится;
Хорошо с милым водиться,
 Не стошнится.
Пойду, выйду, молода,
 За новыя ворота,
За новыя, кленовыя,
 За решатчатые.
Гляну, гляну, молода,
 Вдоль по улице конца:
У новых-то у ворот
 Стоит девок хоровод.

Эти девки хотят
 По лугу гулять,
По лугу гулять,
 Круга заводить,
А эти ребята хотят
 Девок целовать (2 раза),
Хорошую дважды,
 Пригожую трижды.
«А самую хударьбу
 Округ ее обойду,
Поцелую, обойму,
 Замуж возьму».

Между горочек ишла,
 На горушку вышла,
Одна горочка высóка,
 А другая нízка,
Один миленький далече,
 А другой-то близко:

А я дального милова
Людям подарую,
А я ближнего милова
Три раза поцалую.

✱

На Украине мандруют, наоборот, до дальней:

Гей у поли вышня, чому не черешня?
Любилися, кохалися, чомуш не берешмя?

Трай, трай, рай, рай, рай ¹.

Ой у поли нивка, на ней материнка ²,
Там дивчина жито жала, сама чернобрывка.

Одна гора високая, а другая низка,
Одна мила далекая, а другая близка.

Ой у сый близенькой волы да коровы,
А у той далекой черныя брови.

Ой у сый близенькой шкуры на колочку,
А у той далекой брови на шнурочку.

Ой я тою близенькую людам подарую,
А да той далекой сам я помандрую.

Котылися з горы возы, на долини стали,
Любилися, кохалися, тепер перестали.

Котылися возы з горы, поломали спицы,
А вжеж мене не ходити на ты вечерниці.

Чорт бы просив вашу мать с вашими дивками,
Колы за нас не отдоете, берити и сами!

¹ Припев повторяется после каждого двустихия.

² Трава душица.

Под пение песни хоровод «заплетал» и «расплетал» плетень:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка¹ кружчатая!

Из-за гор девица утей выгоняла:
— Тига, утушка, домой,
Тига, серая, домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким.

Ой свет, сера утица!
Потопила малых детушек
И в меду, и в патоке,
И во ястве сахарном.

Я старым старикам —
Киселя с молоком,
Молодым молодкам —
Шелковую плетку,
А красным девицам —
Белил да румян.

Расплетися, плетень, расплетися,
Ты развейся, труба золотая,
Развернися, камка кружчатая!

Из-за гор девица утей выгоняла:
— Тига, утушка, домой,
Тига, серая, домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким.

Ой свет, сера утица!
Вынимала малых детушек

¹ Шелковая ткань с разводами (вытканым двусторонним узором).

Из меду, из патоки,
Из яств сахарных.

При пении делают самые прихотливые и разнообразные фигуры, например:

1) при пении первой половины песни хороводник (или хороводница) ведет всех играющих сквозь последнюю пару и потом кругами обходит ее, так что последняя пара составляет средоточие, около которого все тесно стоят последовательными кругами; при пении второй половины песни хороводник расплетает играющих;

2) три пары ставят отдельно, и около них хороводница обводит играющих переплетом;

3) проходят между последнею парюю, потом между третьею, пятою, седьмою и т. д.

Девочки, взявшись за руки, составляют круг, в середине которого одна из играющих садится на земле.

Хоровод ходит кругом и поет:

Соловеечку, спадку, спадку!
Чи бував же ты в садку, в садку?
Чи видав же ты, як мак сиют?
— Ой так-так сиют мак!

При этом или весь хоровод, или только одна сидящая девочка показывает жестаи, как сеют мак. То же делается и при каждом ответе на следующие вопросы:

Соловеечку, спадку, спадку!
Чи бував же ты в садку, в садку?
Чи видав же ты, як мак росте?
— Ой так-так росте мак!

Соловеечку, спадку, спадку!
Чи бував же ты в садку, в садку?

Чи видав же ты, як мак полят?

— Ой так-так полят мак!

Соловеечку, спадку, спадку!

Чи бував же ты в садку, в садку?

Чи видав же ты, як мак ирвут?

— Ой так-так ирвут мак!

Соловеечку, спадку, спадку!

Чи бував же ты в садку, в садку?

Чи видав же ты, як мак йдят?

— Ой так-так йдят мак!

При последних словах бросаются к сидящей девочке и подхватывают ее на руки. Или поют:

Ой на гори мак.

Роды Боже так.

Мак, мак, моя маковочка,

Золотая головочка!

Потом, обратясь к сидящей, спрашивают ее:

— Пора ли сеять мак?

— Я уже посеяла, — отвечает сидящая.

Хоровод снова поет:

Ой на гори мак.

Роды Боже так.

Мак, мак, моя маковочка,

Золотая головочка!

Затем опять спрашивает:

— Чи взошел мак? — и, получив утвердительный ответ, поет.

И, наконец, когда на вопрос: «Поспел ли мак?» — получается ответ: «Да, поспел», — тогда все составлявшие хоровод девочки бросаются к сидевшей со словами: «Дай мачку, дай мачку!», — а она от них убегает.

Как ты, утена, как ты, серая,
По морю плыла?

— Вот и эдак и вот эдак
По морю плыла!

Как ты, утена, как ты, серая,
Гнездо завивала?

— Вот и эдак и вот эдак
Гнездо завивала!

Поющие повертываются кругом.

Как ты, утена, как ты, серая,
На гнездо садилась?

— Вот и эдак и вот эдак
На гнездо садилась!

Все присядают.

Как ты, утена, как ты, серая,
На гнезде сидела?

— Вот и эдак и вот эдак
На гнезде сидела!

Как ты, утена, как ты, серая,
Со гнезда слетала?

— Вот и эдак и вот эдак
Со гнезда слетала!

Встают и хлопают руками.

Как ты, утена, как ты, серая,
Детей выводила?

— Вот и эдак и вот эдак
Детей выводила!

Как ты, утена, как ты, серая,
Детей разводила?

— Вот и эдак и вот эдак
Детей разводила!

Все расходятся.

Как ты, утена, как ты, серая,
Детей собирала?

— Вот и эдак и вот эдак
Детей собирала!

Все собираются в кучу.

*

Зайчик беленикай, ушки череники,
Зайчик в сторону скочил, меду, сахару купил.

На другу переступил, там река глубока,
Там река глубока, речка тиновая,
Речка тиновая, река рябиновая.

Где рябинушка выросла, поцалуем в уста,
Где рябинушка выросла, поцалуем в уста.

*

Скочил козел в огород,
Скочил козел в огород,

Дзинь-динь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, в огород!

Стоптал козел лук-чеснок,
Стоптал козел лук-чеснок,

Дзинь-динь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,

Трем-трем-трипудры,
При долинушке, лук-чеснок!

Поймали козла за рога,
Поймали козла за рога,

Дзинь-дзинь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, за рога!

Повели козла на базар,
Повели козла на базар,

Дзинь-дзинь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, на базар!

Продали козла за три рубля,
Продали козла за три рубля,

Дзинь-дзинь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, три рубля!

На первый рупь набрали купорос¹,
На первый рупь набрали купорос,

Дзинь-дзинь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, купорос!

Чтобы ты, козел, пуще рос,
Чтобы ты, козел, пуще рос,

Дзинь-дзинь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, пуще рос!

¹ Использовался для защиты растений.

На второй рупь набрали белилы,
На второй рупь набрали белилы,

Дзинь-динь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, белилы!

Чтобы ты, козел, белый был,
Чтобы ты, козел, белый был,

Дзинь-динь ярмоза,
Гай ермолы-ермолы,
Трем-трем-трипудры,
При долинушке, белый был!

Третий рупь домой повезли!

Между «кумой» и хороводом ведется диалог:

— Дома ль кум воробей?
— Дома!
— Что он делает?
— Болен лежит!
— Что у него болит?
— Плечики!
— Сходи, кума, в огород,
Сорви травы гречки,
Попарь ему плечки!
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его пар не берет,
Только к сердцу придает.

— Дома ль кум воробей?
— Дома!
— Что он делает?
— Болен лежит!
— Что у него болит?

— Животок!
— Сходи, кума, в огород,
Сорви травки репеек,
Попарь ему животок!
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его пар не берет,
Только к сердцу придает.

— Дома ль кум воробей?
— Дома!
— Что он делает?
— Болен лежит!
— Что у него болит?
— Лы́точки ¹!
— Сходи, кума, в огород,
Сорви травки сныточки,
Припарь ему лыточки!
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его пар не берет,
Только к сердцу придает.

— Дома ль кум воробей?
— Дома!
— Что он делает?
— Болен лежит!
— Что у него болит?
— Пяточки!
— Сходи, кума, в огород,
Сорви травки мяточки,
Припарь ему пяточки!
— Парила, кумушка,
Парила, голубушка!
Его пар не берет,
Только к сердцу придает.

¹ Лы́тки — икры, голени.

Разборные песни

Разбирая хороводы, заканчивая их вождение, пели:

Свинья ходит по бору, по бору,
Рвет траву лебеду, лебеду,
Что рвет, что рвет,
Во беремячко¹ кладет.
 Что калина, что малина!
 Звезда вон пошла.

— Заяц белый, где был?
— В лесе.
— Что делал?
— Лыки² драл.
— Куды клал?
— Под колоду³.
— Кто взял?
— Воевода.
— Поди вон из хоровода!

*

Что на тоненькой ледок
Выпал беленькой снежок,
Выпал беленькой снежок,
Ехал Ванюшка-дружок.
Он и ехал, торопился,
Со добра коня свалился,
Он, сваливши, лежит,
Никто к Ване не бежит.

Две девицы увидали,
Быстро к Ване прибежали,
Быстро к Ване прибежали,
На добра коня сажали,

¹ Охапку, вязанку.

² Волокнистая древесная ткань, отделяемая от ствола; луб.

³ Толстый ствол упавшего дерева.

На добра коня сажали,
Приговаривали:
— Ты поедешь, Иван,
По чужим городам,
По чужим городам,
По купеческим домам,
Во купеческих домах
Не засиживайся,
На хороших, на пригожих
Не засматривайся.

Хорошие, пригожие
Ваню высушили,
Ваню высушили,
Сердце вымучили,
У Вани на лице
Чисто точная грязь,
Чисто точная грязь —
Разойтись приказ!

Эта песня бытовала также как игровая — с иной концовкой, когда играющие целуются:

Из Иванова лица
Выступали румянца,
Выступали румянца —
Цаловали молодца.

Частушки

Ставь-ка, милка, самовар,
Золотые чашки.
Придет милый чаю пить
В вышитой рубашке.

Все бы я к тебе ходил,
Все сидел с тобой —
Между нам крута, велика
Рицинька с водой.

Не брани, мамо, меня,
Я ни в чём невинная.
Не гонялись бы робята,
Я была бы смиренная.

Машина к станции подходит
И свистоцик подает —
Из вагон милый выходит,
Праву руценьку дает.

Хоть играй, хоть не играй,
Я те не игральщица,
У меня серые глаза,
Чистые омманщицы.

Мы с миленочком сидели,
Один яблоч кушали.
Хорошо любовь вели,
Пока людей не слушали.

Слава богу, понемногу
Стал я разживаться:
Продал дом, купил ворота,
Стану запираяться.

Цяй пила, баранки ела,
Со молодчиком сидела.
Посидела бы ешшо,
Скажут, что не хорошо.

Игры

Я горю, горю, горю
На калиновом мосту...

В играх воспроизводились те же мистерии: зайчика (Луна, Рак) оказывался запертым за семью воротами; вознесшийся к вершинам коршун (Сатурн, Козерог) кидал в цыплят камешки и т. д. Впрочем, смотрите сами...

Бык

В слободе Покровской Купянского уезда Харьковской губернии дети берутся за руки и составляют круг, стоя лицом в поле. Затем начинают вертеться всем кругом, с увеличивающеюся быстротою, пока кто-нибудь из них не упадет.

Тогда все убегают, а упавший *бык*, схватившись, ловит убегающих. Пойманный или же только побитый быком сам становится быком и в свою очередь ловит других и все вместе ловят остальных.

Когда все пойманы, игра кончена.

Змейка

Играющие, взявшись за руки, следуют за вожакom, который бежит извилистой линией; потом на бегу, не разрывая рук, вожак пролезает под высоко поднятые руки двух играющих, от чего в цепи образуется узел. Попавший в этот узел должен быстро обернуться и восстановить цепь.

Таким образом вожак пролезает по порядку через руки всех играющих, образуя несколько узлов; или же велит остановиться заднему в хвосте и бежит около него до тех пор, пока змейка не свернется в клубок.

Затем змейка развивается и опять свертывается хвостом около головы и т. д.

Другая змейка завезена к нам из Китая.

Игра называется «*Поймай за хвост дракона!*».

Играющие становятся друг за другом, кладя правую руку на правое плечо впереди стоящего. Тот, кто стоит впереди — *голова дракона*, последний в цепочке — *хвост дракона*.

Голова дракона пытается поймать хвост. Шеренга находится в постоянном движении, тело послушно следует за головой, а голова старается схватить последнего игрока. Шеренга не разрывается, игроки на стороне хвоста не дают голове ухватить хвост.

Если же голова поймает хвост, последний в шеренге игрок становится головой, а новым хвостом — игрок, бывший в шеренге предпоследним.

На Могилевщине за хвостом гоняется щука.

Щука

Игра села Хоново Быховского уезда Могилевской губернии.

Уси дети — мальцы и диўчаты — пыбярутца ззаду адин за другога. Папэради станя самый большой и будя за *щуку*.

Щука ганяйтца за задними, што ў хвасьце, и варóчыитца то ў той бок, то ў другой, пакулицька ня схопить самого заднига.

Етый атойдя прочь, а щука ганяйтца за другим.

Горелки

С помощью считалки играющие определяют *горельщика* (водящего). Остальные разделяются на пары, берутся за руки, пары становятся друг за другом. Впереди, на расстоянии одного-двух метров, спиной к ним стоит горельщик. Затем кто-либо один или все играющие хором поют:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло!

Глянь на небо:
Птички летят,
Колокольчики звенят!

В это время вожак должен взглянуть на небо, а последняя пара разъединяется, и игроки бегут справа и слева вдоль всей колонны, чтобы соединиться вновь впереди горельщика. А он гонится за кем-либо из бегущих, стараясь коснуться его рукой (осалить). В случае успеха с осаленным он становится в ряды играющих, а оставшийся без пары водит (горит).

Утица

Играющие в утицы девочки (в слободе Каменка Купянского уезда Харьковской губернии) берутся за руки, за исключением одной, стоящей в стороне с палкою в руке, и становятся в ряд.

Тогда подходит к ряду стоявшая в стороне и начинает по порядку перегонять каждую из стоящих в ряду с одного края на другой, причем приговаривает:

— Пошла, утица, домой! У тебя семеро детей, восьмой селезень, девятая утка, десятая прутка, что на тебе шутка!

Убегая, каждая должна пробегать под руками стоящих в ряду, заплетая плетень, то есть обегая последовательно каждого стоящего в ряду, одного спереди, а следующего сзади.

Гуси и волк

Из числа играющих избираются *хозяин* и *волк*. Остальные — *гуси*. Хозяин остается «дома», волк уходит «под гору», а гуси забредают дальше «горы», оказавшись таким образом отрезанными от «дома». Через некоторое время между ними и хозяином начинается следующий диалог:

— Гуси, гуси!

— Га-га-га!

— Есть хотите?

— Да, да, да.

— Так летите же домой.

— Нам нельзя идти домой:

Серый волк под горой —

Зубы точит, нас съесть хочет.

— Ну, летите, как хотите!

Гуси бегут «домой», волк выскакивает из засады и ловит их. Пойманный становится волком.

Гуси-лебеди

Играющие Олонецкой губернии выбирают из своей среды *волка* и *хозяина*, а сами изображают *гусей-лебедей*. Волк уходит на указанное ему место, называемое горой, а гуси-лебеди, посидевшие некоторое время дома — у хозяина, убегают в поле.

Через некоторое время хозяин, хватившийся гусей-лебедей, идет в поле и кричит:

— Гуси-лебеди! Домой!

Гуси отвечают:

— Волк под горой!

— Что волк делает?

— Траву щиплет.

— Ну, бегите же домой!

Гуси бегут, а волк их ловит и поодиночке уводит на свою гору.

Когда переловит всех, тогда хозяин топит волку баню, принося для этого щепки, камни и тому подобное. Потом просит волка в баню. Волк идет и в бане показывает вид, что он умеет и париться, и мыться, и проч. По выходе из бани хозяин берет камень или палку и, показывая их волку, говорит:

— Волкушко! Я тебе коровушку брошу!

Бросает камень или палку, волк бежит за брошенным, а гуси-лебеди в это время убегают к хозяину.

Подобная же игра, под названием «*Вор гусей*», встречается в Германии.

В Курской губернии похожая игра называется «*У гуси*».

Выбирают *волка* и *хозяина*. Последний нанимает *бабку* (девочку или мальчика) «стеречь» гусей, а сам сидит на месте. Бабка гонит гусей на травку, и они рассыпаются пастись. Вдруг, увидав волка, бабка кричит:

Гуси, гуси!
Идите дамой:
Волк пад гарой —
Серай, белай, паласатый!

Гуси бегут к ней, волк их ловит и пойманных уводит к себе. Бабка снова гонит гусей пастись и также кричит, увидав волка:

Гуси, гуси!
Идите дамой:
Волк пад гарой —
Серай, белай, паласатый! —

а волк ловит бегущих. Так продолжается до тех пор, пока волк переловит всех гусей. Тогда бабка идет к нему.

— Што, у вас гуси? — спрашивает она.

— Не, у нас адни вутки! — возражает волк. Для подтверждения его слов дети начинают «крякать» по-утиному. Бабка уходит домой...

Потом приходит во второй раз и предлагает тот же вопрос:

— Што, у вас гуси?

— Не, у нас вороны.

Дети начинают каркать, и бабка уходит. Придя в третий раз, она снова спрашивает:

— Што, у вас гуси?

— Не, у нас индюшки.

(Волк отвечает по фантазии: иногда он говорит, что у него галки, куры — что придет в голову. Дети же должны подражать крику той птицы, которую он назовет.)

— Пойду погляжу, — говорит бабка, делая вид, что не верит.

Начнет глядеть и говорит:

— Тот-та мой: вот беленькая пятнушка, и тот-та мой — чупатенькай и т. п.

Потом гонит их двару¹. Они идут и хромают, — будто волк им ноги переел. Бабка ругает волка:

— А, штоп ен здох!..

Она загоняет гусей, и игра оканчивается.

¹ Домой, ко двору.

Взрослые играют «у гуси» несколько иначе.

Когда волк переловит всех гусей, бабка приходит к нему и спрашивает:

— У вас гуси?

— Нет! — отвечает волк.

Когда она приходит во второй раз и предлагает тот же вопрос, он ей говорит:

— Поди, погляди: там, у закути.

Поглядев, бабка заявляет:

— Эта мой — чупатенький, и эта мой, и эта...

Погонит их двару, а они:

— Ке-ке-ке!..

И тем кончается игра.

Заинька

Играющие в Великоруссии становятся в круг, а один *заинька* — посредине круга.

Хоровод начинает ходить из стороны в сторону и петь:

Заинька, серенький,
Я хожу, гуляю
Вдоль по хороводу.

Заинька, серенький,
Некуда заиньке
Выскочити.

Заинька, серенький,
Некуда заиньке
Выпрыгнуть.

Заинька, серенький,
Семеро ворот
Крепко заперты стоят.

Заинька, серенький,
У каждых ворот
По три сторожа стоят.

Заинька, серенький,
Попляши!

Заинька, серенький,
Поскачи!

Заинька, серенький,
В ладоши!

Заинька, серенький,
Скоком, боком
Перед нашим хороводом!

Заинька, серенький,
С боку на бок повернись,
Всем пониже поклонись!

При словах «некуда зайнке выскочити» зайнка старается выскочить из круга, но играющие то опускают свои руки вниз, то поднимают их вверх, не пуская зайца из круга.

При словах «попляши», «поскачи», «в ладоши», «скоком, боком» и т. д. зайнка проделывает все эти действия.

Окончив песенку, играющие останавливаются, и место зайники занимает другой.

В Астраханской губернии хоровод поет:

Заинька —
Горностаинька!
Да некуда зайнке
Выскочити.

Здесь города турецкие,
Здесь замочки немецкие.

Ну-ка, зайнка,
Скоком-боком
Перед нашим хороводом.
Ну-ка, зайнка,

Повернись,
Всем пониже поклонись
Да и поцелуй!

Заинька в кругу жестикулирует, исполняя требуемое песней.
Кого заинька поцелует, тот идет в круг.

В Кущевской станице Кубанской области заюшка становится
посредине круга, берется за голову и принимает болезненный
вид. Хоровод при этом поет:

Ишов, ишов заюшка по воду
Тай вдарився чолом в воду.
(Движение и пение ускоряется.)
Котри були в батюшки,
Котри були в матушки,
На базар ходили
И ножки помили.
То в ти, то в ти ворота,
А наши ворота позамикании,
Жовтим писком засыпаний.

К концу пения пляшут почти все, в том числе и заяц, но в то
же время он выбирает момент и прорывается сквозь цепь, а все
ловят его. Поймавший делается зайцем, и игра возобновляется.

В Старовеличковской станице Кубанской области хор поет:

Заюшка, батюшка,
По пожарни¹ ходила,
Белы ножки томила!

При этих словах заюшка обходит круг и прикасается к рукам
цепи. Хор продолжает:

То в те ворота,
То в те ворота!

¹ Погорелому месту.

При этих словах заюшка пролезает под цепь, причем девочки подымают руки. Слова:

А наши ворота позамыканы,
Желтым песком позасыпаны! —

поются чаще, причем заюшка пляшет, ударяя себя по коленам то одной рукой, то другой. При словах:

Заюшка, батюшка, не понись,
А старшей подрузе поклонись! —

заюшка кланяется одной подруге, которая входит в круг, и игра продолжается снова.

Волк и дети (Медведь)

Играют в Вятской и Тобольской губерниях.

Кто-нибудь по жребию изображает *волка* (или *медведя*). Волк, подперши лицо руками, сгорбленный, сердитый, сидит в стороне и молчит. Или же, как это делают в Тобольской губернии, медведь становится на четвереньки, рычит и делает вид, будто он кого-нибудь подкарауливает. Прочие игроки, местами носящие название *деток*, разбегаются в разные стороны, делают вид, будто собирают ягоды в лесу, и поют —

в Вятской губернии:

Щипаю, щипаю по ягодку,
По черную смородинку,
Батюшке на ставчик¹,
Матушке в рукавчик,
Серому волку
Травки на лопату.

Дай Бог умыться,
Дай Бог убежать и
Дай Бог убраться.

¹ Деревянную чашку, глубокое блюдо.

в Тобольской губернии:

Беру, беру ягодку,
Черную смородинку.
Батюшке в стаканчик,
Серому медведю
Травы на лопату.

С последними словами детки бросают в волка травку и бегут от него врассыпную, а он ловит их. Пойманный делается волком или медведем.

Если, однако, ловившему долго не удастся никого поймать, тогда он возвращается на свое прежнее место и снова принимает на себя роль волка или медведя, а остальные игроки по-прежнему начинают около него будто собирать ягоды.

В Нижегородской губернии игра называется «*В волки*».

Волк сидит на лугу. К нему подходят *овцы* — другие мальчики или девочки:

— Позволь нам, господин волк, поиграть на твоём зеленом лугу и пощипать травку.

Волк дает позволение. Тогда овцы подходят к нему; наклонившись к земле, они начинают щипать траву, приговаривая:

Щиплю, щиплю ягодку,
А серому волку —
Грязи на лопате
Подать на полати¹
На синей заплате;
Матушке — в ставчик,
Батюшке — в рукавчик.

При последних словах волк вскакивает, бежит за овцами и, поймавши одну из них, сажает на свое место. Пойманная овца делается волком, и игра в этом виде продолжается.

¹ Нары для спанья.

У медведя на бору

Другая игра Вятской губернии очень похожа на предыдущую. Один изображает *медведя*, а другие идут к нему в бор за грибами и ягодами и припевают:

У медведя на бору
Грибы, ягоды беру!
Медведь постыл
На печи застыл!

При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается и как будто неохотно идет на детей, которые между тем быстро бросаются от него в стороны. Затем медведь, все более и более раздражаемый песнью детей, бежит за ними и кого-нибудь ловит. Словленный делается медведем.

Если же медведю долго не удастся никого словить, то он идет опять на свое прежнее место; игра начинается таким же порядком снова.

Костромушка

В деревне Цепнино Покровского уезда Владимирской губернии собравшиеся для игры дети посредством счета или жребия выбирают *Костромушку*. Костромушка садится на землю, а остальные играющие, взявшись за руки, окружают Костромушку, ходят и поют:

Костромушка, кострома,
Чужадаляня сторона!

У Костромушки в дому
Ели кашу на полу;
Каша масляная,
Ложка крашенная;
Кашу брошу, ложку брошу, —
Душа по миру пойдет!

Пропевши приведенную песнь один раз, все играющие наклоняются к Костромушке и задают вопрос:

— Где Костромушка?

Костромушка отвечает:

— В лес ушла!

Получив такой ответ, дети снова поют:

Костромушка, кострома,
Чужадаляня сторона,
Зачем в лес забрела?
В лесу частые пеньки, —
Смотри, ногу не сломи,
Нас по миру не пусти!

Пропев этот стих, дети снова наклоняются к Костромушке и спрашивают:

— Где Костромушка?

Костромушка отвечает:

— В бане.

После этого ответа дети поют:

Костромушка, кострома,
Чужадаляня сторона,
Зачем в баню забрела?
В бане редкий полук¹, —
Расшибешь себе носок,
Спинку гвоздем расскребешь,
На тот свет скоро пойдешь.

Снова после песни дети спрашивают Костромушку:

— Где Костромушка? — и, получив на этот раз ответ: «Костромушка умерла», — поют:

Умер, умер наш покойник,
Ни во среду, ни во вторник,
Его стали кадить,
А он глазками глядит.

¹ Высокий помост в бане, на котором парятся.

Стали Кузькой величать,
Он ногами стучать,
Костромушкой величать,
Стал он спинку расправлять,
А как стали отпевать —
Он за нами бежать.

При последнем слове дети разбегаются, Костромушка быстро вскакивает и начинает ловить. Пойманный становится Костромушкой, и игра начинается снова.

Каравай

В центре круга, образованного играющими, — мальчик (или девочка), хоровод поет:

Как на Колины именины
Испекли мы каравай
Вот такой ширины
(круг расширяется до предела),
Вот такой ужины
(круг сжимается, дети плотно окружают стоящего в центре),
Вот такой вышины
(все поднимают руки вверх),
Вот такой нижины
(опускают руки до земли).
Каравай, каравай,
Кого хочешь выбирай.

Я люблю вас всех,
А вот эту больше всех.

Цепи кованые

Играющие произвольно разделяются на две партии, берутся за руки, образуя две шеренги, стоящие друг против друга на некотором расстоянии.

Затем следует диалог между игроками шеренг: «Цепи!» —

«Кованые!» — «Разорвите нас!» — «Кем из нас?» — «Колей!»

Коля бежит к противоположной шеренге и, рванувшись между игроками, всей тяжестью тела старается разорвать сцепленные руки двух играющих.

Если ему это удастся, то он с торжеством возвращается в свою шеренгу, уводя с собой двух игроков противоположной партии. Если не удастся это сделать, он остается в шеренге соперников. Игра начинается сначала.

Гуськи

Во Владимирской губернии (селе Орехово Покровского уезда) играющие становятся в тесный круг. В середине круга помещается один, выбранный по жребию, который детьми называется *дедкой*; в руках у него бумажка и платок.

Когда все играющие заняли свои места, дедка машет платком, и дети поют:

Сошлись гуси-гусяки
Вокруг дедки у реки,
Стали гоготати,
Дедке кричати:

«Дедка, дедка, пощади,
Нас, гусятюк, не щипли, —
Дай нам платочек,
Денег мешочек!»

Дедка дает одному из играющих бумажку и говорит:

На сумочку, поддержи,
Денежки не оброни!

Потом другому из играющих дедка дает платок, кланяется и говорит:

На платочек, поддержи,
Мне головку (глазки) завяжи,
Раз пятнадцать перверни!

Получивший платок завязывает дедке глаза, толкает его, и дедка вертится. В это время дети бумажку передают друг другу. Верчение дедки останавливается, останавливается и передача бумажки.

Дети, обращаясь к дедке, кричат:

Дедка слепой!
Бумажка пропала,
Кому попала?

Дедка старается отгадать, произнося имя или фамилию кого-либо из играющих. Если дедка отгадывает, у кого в руках бумажка, то игра начинается снова, и дедкой становится тот, на кого указано; если же дедка не узнал, у кого в руках бумажка, что обыкновенно и бывает, то игра продолжается далее. Имеющий бумажку подходит к дедке, ударяет его три раза и говорит:

Меня дедка не узнал,
Хрычем старым снова стал.

Дедка снова вертится, а дети поют:

Гуси-гусаки летели
Над дедкиной головой,
Золото теряли,
Дедке кричали:
«У меня, у меня,
Погляди, дед, на меня!»

При последних словах дедка срывает повязку и уже с открытыми глазами должен угадать, у кого бумажка. Дети теперь руки держат назади, передают бумажку и стараются ввести дедку в заблуждение.

Дедка бросается то к одному, то к другому, то в ту, то в другую сторону, присматривается к каждому движению и быстро направляется туда, где, по его мнению, должна находиться бумажка, просит подозреваемых показать руки, но они обыкновенно оказываются пустыми. Каждая ошибка дедки играющими осмеивается — они кричат:

Дедка слепой
Руки схватил —
Себе шиш получил.

Дедка ищет бумажку до тех пор, пока не найдет ее у кого-либо в руке.

Попавшего впросак дети приветствуют словами:

Здорово, хрыч!
Ты не гусак, а сыч, —

и заставляют быть дедкой. Игра начинается снова.

В мертвеца

Один из детей лежит неподвижно под кустом, изображая *покойника*. Остальные, взявшись за руки, подходят к нему и приговаривают:

Покойник, покойник,
Умер во вторник,
В среду вставай,
За нами успевай!

Раздраженный пением и приставанием «мертвец» просыпается и ловит убегающих. Пойманный становится мертвецом.

Иногда он обязан переловить всех, иногда лишь одного, в зависимости от уговора игры.

Редька

В станице Симикаракорской области Войска Донского играющих детей, лет семи-восьми, собирается человек десять-двадцать; из них избираются *матка* и *торговка*, остальные — *детки* — садятся все в ряд; перед ними садится matka. Торговка подходит к матке и говорит:

— Кума, кума, продай редьки.

— Нет еще редьки, только пашут детки, — отвечает matka.

В это время детки, представляя, что пашут, скребут пальцами

по земле. Торговка через некоторое время опять подходит к матке с предложением:

— Кума, кума, продай редьки!

— Только сеют детки, — отвечает мать, а дети, подражая сеянию, или, лучше, насаждению редьки, тыкают пальцами в землю.

После этого, тем же порядком, торговка несколько раз подходит к матке с предложением продать редьки, но каждый раз получает отказ. Отказы эти следующие: «только ростки пускает», «только всходит», «завязывается» и проч. Дети между тем весь процесс роста редьки показывают руками: ростки пускает — растопыря пальцы рук, приставляют их к земле; всходит — приложив ладони обеих рук к земле, поднимают их кверху и т. д.

— Выросла, купи! — заявляет мать торговке.

Торговка бросается к самому меньшему дитяти, берет его и показывает вид, будто вырывает редьку из земли, встряхивает им, будто бы отрясая землю; затем отводит дитя в назначенное место. После этого торговка идет «рвать» другую, третью «редьку» и так до последней. Все детки теперь поступают в распоряжение торговки.

— Ну, меньший, иди теперь зови свою матку ко мне в баню париться!

Младший идет с приглашением, но матка отвечает:

— Пусть постарше придет!

Посылаются все детки по одному, и все получают отказ. Наконец идет сама торговка. На зов ее отправляется матка, не забывши взять «рубашку» — лоскуток какой-нибудь. Все дети между тем становятся в два ряда лицом к лицу, и каждый с противостоящим берется крепко за руки. На руки их, как на полки в бане, ложится матка: вдруг руки разделяются, и матка падает на землю, а дети начинают ее прихлопывать ладонями — «парить золотым веником». Этим игра кончается.

У белорусов игра называется «У рэпу».

Дети садятся один к другому на колени и держат друг дружку за пояс. Двое или трое *покупающих* садятся на палки, будто бы на коней, и, подъехав к *матке*, спрашивают:

— Ти парá рвать рэпу?

— Не ище, только узарали¹, — отвечает матка.

Во второй раз она отвечает:

— Не ище, только пыскарóдили².

В третий:

— Не, только грады³ паделали.

Затем: «рэпу только пысадили», «ина только ўзыйшла», «зацвила» и под конец уже «вырасла».

— А за вóшта будитя куплять?

— За коний.

Покупающие слезают с коней и отдают их матке, а сами тянут репки за руки, пока не вытянут.

Молчанка

День наступает — все оживает, ночь наступает — все замирает. После того, как ведущий произносит первую половину зачина: «День наступает — все оживает», — все игроки начинают двигаться в хаотическом беспорядке (бегают, прыгают, танцуют, играют в догонялки и т. п.).

Когда ведущий произносит вторую половину: «Ночь наступает — все замирает», — все застывают в причудливых позах. Затем по выбору ведущего отдельные участники «отмирают». После слов: «День наступает — все оживает» — участники могут использовать любые движения.

Ящер

В этой игре более участвуют девицы, исключая ящера, которым всегда бывает мальчик. На него набрасывают платок, потом составляют около него круг, пляшут и поют:

Сиди, сиди, ящер,
В ореховом кусте;

Грызи, грызи, ящер,
Каленые ядра!

¹ Вспахали.

² Вздоновоали.

³ Грядки.

Дам тебе, ящер,
Красную девку,
Алую ленту!

Одна из девушек выходит из хоровода и спрашивает:

— Кто сидит?

— Ящер.

— Что грызет?

— Ядры.

— Кого хочет?

— Девку.

— Которую?

Ящер называет имя девушки, участвующей в хороводе. Вызванная бросает ему платок и садится возле него. Такое действие продолжается дотоле, пока все девушки не перейдут к ящеру.

Потом все девушки встают, снова становятся в хоровод, пляшут и поют:

Насиделся ящер
В ореховом кусте,
Насмотрелся ящер
На красных девок.

Отдай же, ящер,
Алую ленту,
Алую ленту
Девки Надёжи!

Ящер раздает по принадлежности платки, хоровод пляшет и поет, пока он всем не раздаст платки.

Разыгрывают еще ящера иначе. Избрав парня или девушку, ставят в середине круга вместо ящера. Играющие образуют круг и, побравшись за руки, ходят в одну сторону, припевая:

Сиди, сиди, ящер,
В ореховом кусте;

Гложи, гложи, ящер,
Ореховы ядра;

Лови, лови, ящер,
Девку-чернобровку.

По окончании припева весь хоровод начинает скоро вертеться в одну сторону. Ящер старается поймать кого-либо из кружащихся. Пойманная целует его и становится разыгрывать ящера.

Таким образом продолжается игра.

Коршун

Играют в Нижегородской губернии.

Один из мальчиков изображает собою *коршуна*, садится на землю и копает ямку.

Кругом него ходит толпа детей, держащихся один за другого: это *матка с цыплятами*. Они поют:

Коршун не спит, не лежит,
Богу молится,
Свечи топятся,
Растопляются,
Стадо гонится,
Разгоняется.

По окончании этого припева *матка* приветствует *коршуна* словами:

- Коршун, коршун, Бог помочь!
- Не в те ворота вошли, — сурово отвечает коршун.
- Снова *матка* ходит и приветствует.
- Бог спасет, — отвечает коршун на их приветствие.
- Что ты тут делаешь?
- Ямку копаю.
- На что тебе ямку?
- Копеечку ищу.
- Зачем тебе копеечку?
- Иголочек купить.
- Зачем тебе надобны иголки?
- Мешочек сшить.
- На что мешочек?
- Камешки класть.

- Зачем тебе камешки?
- В твоих детей шугать-порхать¹.
- В чем они повинны?
- Они лук-мак повиытакали и чрез забор повиыбросали.
- Какой у тебя мак был?
- Этакий (*показывает выше себя*).
- А у меня маненький был, да и то не съели.

После этого matka начинает снова ходить кругом коршуна, припевая:

Колесом, колесом,
Твои дети за лесом
Есть-пить просят.

Коршун, как бы раздраженный, стремительно бросается на матку со словами:

- Кровь пью детей твоих! Икры захотел!
- Матка, защищая цыплят от нападений коршуна, говорит:
- Икра на базаре, иди покупать!

Переловивши всех, начиная с младшего, стоявшего позади всех, коршун велит топить себе баньку. Матка, заколотивши где-нибудь колышек, посылает своего детеныша просить коршуна в баню.

- Ты еще мал, — говорит коршун первому посланному.
 - Ты неопрятен, — говорит он другому.
 - Поди почище оденься, — говорит третьему.
- Наконец приходит сама matka просить коршуна.
- Какая у вас баня? — чванливо спрашивает matka коршун.
 - Новая, — отвечает та.
 - Какой потолок?
 - Серебряный.
 - Какие тазы?
 - Вызолоченные.
 - Какие веники?
 - С позолотою.
 - Нет ли гадов?
 - Нету.
 - Не хочу я идти, пусть несут меня.

¹ Бросать.

Игроки берутся и несут коршуна на указанное место. Положивши коршуна на траву, начинают мыть его, то есть слегка ерошить голову.

Этим игра и оканчивается.

Интересный вариант этой игры записан в Симикаракорской станице области Войска Донского.

Из толпы детей человек в двадцать и более избираются трое: *матка, коршун и красная девица*; остальные носят название *детей*.

Игра начинается тем, что за матку цепляется красная девица, а за нее дети — один за другим за пояс или просто за платье своего товарища так, что из играющих составляется длинная вереница во главе с маткой.

Коршун тут же садится на землю и, взявши палочку, роет ямку. Мать с детьми ходит вокруг него и спрашивает:

— Коршун, коршун, что делаешь?

— Не слышу.

— Ну, завали тебе вовсе, — желает ему matka.

И так до трех раз — на вопрос: «Что делаешь?» — коршун отвечает: «Не слышу!» В четвертый раз на тот же вопрос он отвечает:

— Ямочку копаю.

— На что тебе ямочка?

— Копеечку ищу.

— На что тебе копеечка?

— Иголочку купить.

— На что тебе иголочка?

— Сумочку шить.

— На что тебе сумочка?

— Соль сыпать.

— На что тебе соль?

— Щи солить.

— На что тебе щи?

— Твоим детям глаза заливать.

— За что, про что?

— За то, что они у меня на займе всю капусту поели, потоптали, пощипали!

— Это, может, твои дети?

— Нет! Мои деточки — ангеляточки, они меня слушают, воровать не ходят, а твои — чертята, разбойники! У меня вот какие стены, и то твои пострелы ко мне лезят (*при этом коршун как можно выше подкидывает землю вверх*), а у тебя вот какие (*подкидывая землю низко*), и то мои не лезят.

— Брешешь, коршун! — кричат все — и matka, и детки. — Твои-то разбойники лезят. Кши! Кши, сапятник!

Коршун вскакивает и, подражая летанию настоящего коршуна, размахивает руками.

— Куда ты, коршун? — спрашивает мать.

— Полечу я на море икры искать, а твоими чертятами прилечу закусывать!

— Род твой не дождет, сапятник!

Коршун делает несколько кругов, как бы летая, и бежит куда-нибудь в сторону. Красная девица кричит:

— Полетел коршун за море, за море!

— Ну, детки, — наставляет мать, — соснем немного, покуда прилетит коршун, а там смотрите держитесь за меня, чтоб не отбил, проклятый! Ты, красная девица, смотри не спи, скажи нам, как будет лететь коршун.

Коршун, отбежавши на значительное расстояние, садится и, показывая вид, будто ест икру, подносит руки ко рту. После этого вскакивает и бежит к matke с детьми с криком:

— Икра хороша, а гусятина лучше ее!

Красная девица предостерегает matку:

— Коршун летит!

Matka, как бы просыпаясь, кидается навстречу коршуну, а дети, уцепившись один за другого, крепко держатся за нее. Коршун же старается забежать в сторону и отбить детей; matka кидается на него и бьет, а он — matку. После этого коршуну удается-таки отбить по одному всех детей — их он отводит в особо очерченный на земле круг; за matкой остается только красная девица.

После этого коршун берет палку и, держа ее за собою, подходит к matке, которая его спрашивает:

— Коршун, коршун, что за тобою?

— Помялица.

— А за мною — красная девица, — говорит matka и поворачивает ее к нему задом; коршун бьет девицу палкой.

— Твоя, твоя! — кричит девица, и коршун, переставая бить ее, отходит к деткам в круг.

Матка между тем, как бы горюя и не зная, где ее дети, идет разыскивать их то в ту, то в другую сторону со словами:

— Где вы, мои детки? Тега, тега!

— Ке-ге, ке-ге! — отвечают дети.

Мать их находит, но вот беда: они замкнуты.

— Кто вас замкнул?

— Коршун.

— Где он делся?

— Полетел на море икру трескать, а нами прилетит закусывать!

Вот летит коршун, и у него с маткою начинается бой. Матка старается отнять у него ключ. Коршун обыкновенно поддается, отдает ключ. Дети отмыкаются, выпускаются на волю. Мать спрашивает у них:

— Сыты ли вы?

— Нет, матушка, он нас не кормил.

— Брешете, кормил! — говорит коршун.

— Да чем ты нас кормил? Змеями да ящерицами? Трескай их сам!

— Ах вы, мои болючие! — соболезнует мать. — Ключите ж его, ключите!

Дети, если догонят, клюют коршуна, как попало, а он отмахивается на все стороны.

— Будет! Довольно! — кричит мать.

Дети перестают клевать, и игра кончается.

Баба сеяла горох

Девочки образуют круг, в центре которого одна из них. Все вместе поют и делают то, что и *баба* в песне:

Баба сеяла горох.

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Обвалился потолок.

Прыг-скок,

Прыг-скок.

Баба шла, шла, шла,
Пирожок нашла,
Села,
Поела,
Опять пошла.

Баба стала на носок,
А потом на пятку,
Стала русского плясать,
А потом вприсядку.

Золотые ворота

Игра Вятской и Астраханской губерний.

Число играющих неопределенное; чем больше, тем игра оживленнее. Двое из играющих, обыкновенно посильнее других, выбираются изображать собою *ворота*. Они отходят в сторону и тихонько совещаются насчет названий, которые при этом дают друг другу, а именно: один, например, называет себя «золотая коробочка», «фиалка», «яблоко»; другой — «серебряная шляпа», «незабудка», «дуля» и т. д. Кроме того, они договариваются между собою насчет того, что один из них должен изображать из себя содержателя рая, а другой — содержателя ада.

Потом оба, возвратившись на место, поднимают руки кверху, изображая ворота, и приглашают остальных проходить через них. Эти последние выстраиваются гуськом — в линию один за другим, или пленкой, по вятскому выражению. Кто из них стоит впереди, тот называется *маткой*. Следующие за ней кладут руки на плечи своего предшественника, и в этом порядке пленка проходит ворота однажды или дважды, пока, по обычаю Вятской губернии, окончит припев:

Шла, шла тетеря;
Шла, шла рябая —
Курица слепая:
Она торщилась,
Натугарилась ¹!

¹ От *туга* — печаль, скорбь, тоска.

Игроки, изображающие ворота, пропускают всю пелену, кроме последнего члена, которого тихонько спрашивают:

— К «золотой коробочке» или «серебряной шляпе»?

Смотря по ответу, последний в пленке переходит на ту или другую сторону. Игра продолжается до тех пор, пока все перейдут на ту или иную сторону.

После того объявляют, кто попал в рай и кто — в ад. Затем райские обитатели начинают преследовать адских пинками.

В следующей игре ворота изображают двое из райской половины, а остальные опять изображают собою пленку.

У вотяков Вятской губернии эта игра встречается под названием *«Солнце и месяц»*, у латышей Лифляндской губернии — под названием *«Через мост Амзале»*. В Германии почти совершенно такая же игра существует под названием *«Золотой мост»*.

В щуку

В Курской губернии играющие (мальчики и девочки, иногда и взрослые), взявшись за руки, образуют круг, причем становятся к середине спиной, крича:

— Шшука-мука! Шшука-мука!..

Кружатся все быстрее и быстрее, пока кто-нибудь оторвется и упадет. Другие, удержавшись на ногах, разбегаются. Иногда падают все.

И хвист¹. Кое-какой заголосит, пойдет домой.

В Харьковской губернии (слободе Ново-Глухов Купянского уезда) похожая игра называется *«Вареная репка»*.

Дети берутся за руки и составляют круг, стоя лицом вовнутрь круга. Потом, выворотившись под своими руками, образуют вновь круг, лицом к полю. Затем начинают вертеться всем кругом, приговаривая:

— Вареная репка, держись крепко! Кто оборвется, тому достанется!

¹ Конец.

Упавшие идут в круг, а остальные продолжают вертеться, пока от падения многих круг не расстроится.

В хуторе Заосколье эта игра называется просто «*Рипка*», и принимающие участие в игре дети сразу составляют круг лицом к полю. Вертясь кругом, припевают:

— Крав, крав рипки, полители дитки! Кто вырвется, тому не минется!

В слободе Колодежной эта игра носит название «*Колесо*».

Сперва составляется круг, в котором играющие стоят лицом к лицу. Потом одна из пар подымает вверх руки, образуя ворота, в которые проходят все прочие, не разрывая своих рук, так что, когда и те, под чьими руками проходит весь круг, вывернутся под своими руками, образуется круг, в котором все стоят спинами друг к другу.

Затем весь круг приходит в быстрое движение, влекущее за собою неминуемо падение участников.

Загадки

На горе колхоз, под горой — совхоз,
А мне миленький задавал вопрос...

Загадки — это целые поэмы. Отгадки разноплановы — за буквальным смыслом стоят иные...

На поле на Романове стоят кони отобранные, едят траву шелковую, пьют воду ключевую. — *Звезды на небе.*

Поле голубое серебром усыпано. — *Звезды на небе.*

Поле не меряно, семя не сеяно. — *Звезды на небе.*

Бежали овцы по калиновому мосту, увидали зорю — скинулись в воду. — *Звездное небо на рассвете.*

На синий лед пшеницу разбросал. — *Звезды.*

Рассыпался корабль по мхам, по морям, по всем городам — не собрать того корабля ни князьям, ни попам, ни думным дьякам. — *Звезды на небе.*

Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат. — *Небо, звезды и месяц.*

Стоит дуб Стародуб, на том дубе Стародубе сидит птица Веретеница, никто ее не поймает — ни царь, ни царица, ни красная девица. — *Небо и солнце.*

Двое стоячих, да двое лежачих, да два здорника, да два разбойника, разорителя. — *Небо и земля, солнце и месяц, день и ночь, огонь и вода.*

Два стоящих, два ходящих, два минующих. — *Небо и земля, солнце и месяц, день и ночь.*

Что всегда ходит, а с места не сходит? — *Солнце, часы.*

Из окна в окно золотое бревно. — *Солнечный луч.*

Чего в коробею не запереть? — *Солнечных лучей.*

Перед каждым окном стоит чашка с молоком. — *Месяц.*

Над клетью коврига виснет. — *Луна.*

Среди берез светящийся путь. — *Свет Луны.*

Шел я мимо, видел диво: висит котел о девяносто ведер. — *Месяц.*

Как за нашим за двором висит ватрушка с творогом. — *Месяц.*

Не стукнет, не брякнет, ко всякому подойдет. — *Ночь.*

Горный пейзаж. Константин Богаевский, 1942 г.

На нашем на мосту стоит яблоня с версту; как на яблоне
цвет — во весь белый свет. — *День.*

Царь еде по горы, царица — по подгорью; царица мигне —
царь крикне. — *Гром и молния.*

Ревнул вол за сто сел, за сто речек. — *Гром.*

Крикнул ворон на сто городов, на тысячу озер. — *Гром.*

Конь бежит — земля дрожит. — *Гром.*

Крякнула утка — на весь свет чутко. — *Гром.*

Ржет бурка-каурка в Сиянской горе, ищет коня во сырой зем-
ле. — *Гром и дождь.*

Летит пурхан, без пол кафтан, без пуговиц. — *Снег.*

Шла Божья мать к обедне, ключи обронила; месяц видел,
солнце взяло, заря схоронила. — *Роса.*

Чашечка медку закопана в ледку до нового годку. — *Озимый хлеб.*

Под мостом, под ярустом лежит кафтан однорядошной. — *Озимь под снегом.*

Загану загадку, брошу через грядку, год пожду, годовик сойму. — *Сеят рожь.*

Щука конура хвостом вернула — леса пали, горы стали. — *Косят траву.*

В городе во Кургане стоят курочки с серьгами. — *Овес.*

Прилетела птица на Егорьев день: деревянный нос, окован хвост. — *Соха.*

Стоит баба-яга, распорота нога, весь мир кормит — сама голодна. — *Соха.*

Стоит Егорий в полугоре, копьём подперся, шатром покрылся. — *Суслон из снопов.*

Шел я мимо, видел диво: головы избиты, брюха пропороты, тела в перевал велят, а души в рай тащат. — *Хлеб молотят.*

Залаяла собачка на Мурманском, заревел медведь на Романском, затопали кони на Кирилловом поле. — *Мельница.*

Трах-трах, стоит дом на горах, вода бежит, весь дом дрожит. — *Мельница.*

Старище Елизарище куплется и похваляется: «Есть у меня калина, дубина с двух концов свинцом залита». — *Мельничный вал.*

Серый зайко вкруг кружится — белый зайко спать ложится. — *Мелют в жернова, и высыпается мука.*

Сине море вкруг кружится — белый заяц спать ложится. — *Мелют муку.*

Кто же прежде Адама родился? Приехал к нему некакой человек, положил на свой конь, привез его в свой дом, посадил его на престол, дал ему в руки трость и стал ему кланяться, а он дает ему благодать. — *Камень и жернова.*

Два барашка грызутся, промеж их пена валит. — *Жернова.*

Еде скрипница, везе златницу: «Свет берлог! Пусти ночевать! Погодка займе, неделю проживе». — *Телега, на которой везут хлеб в овин сушить.*

Что выше леса подымается? — *Тесто в квашне.*

Распашу, распашу чистое поле, нагоню белого скота, есть у белого скота золотой пастушок. — *Печь, хлебы, огонь.*

Мать толста, дочь красна, сын храбер — в поднебесье ушел. —

Печка, огонь, дым.

Берега железны, вода дорога, рыба без костей. — *Пекут блины на сковороде.*

Выпашу, выпашу чистое поле, нагоню, нагоню белых лебедей. — *В печи хлеба.*

Комовато, ноздревато, и губато, и горбато, и тяскло, и кисло, и пресно, и вкусно, и красно, и кругло, и легко, и мягко, и твердо, и ломко, и черно, и бело, и всем людям мило. — *Хлеб.*

Возьму пыльно, сделаю жидко, брошу в пламень, будет как камень. — *Пирог.*

На воде родится, на огне вырастет, с матерью увидится — опять умрет. — *Соль.*

Из воды родится, а воды боится. — *Соль.*

Что́ в избе за белая Марья? — *Соль.*

Стоит бочечка да без обручечка, нет сучка, ни задоринки, пиво да вино не смешаются. — *Яйцо.*

Чего на кол не поставишь? — *Яйца.*

Во белом городе, во темном подвале стоят в одной бочке — цареве вино, царицын мед, розно, не смешано. — *Белок с желтком.*

Полна бочка вина — ни клепок, ни дна. — *Яйцо.*

Коли́ лед — доставай серебро, возьмешь серебро — бери золото. — *Яйцо.*

Под ледком, ледком стоит чашечка с медком. — *Яйцо.*

Сквозь стену быка испеку. — *Яйцо.*

За стеной, стеной да каравашек костяной. — *Младенец в утробе матери.*

Сахарный кусок на блюде не бывал, а всяк его едал. — *Грудное молоко.*

Поутру на четырех, в полдень — на двух, а к вечеру на трех. — *Человек.*

Вчера было, сегодня есть и завтра будет. — *Время.*

У ворот-ворот старичок Федот счет ведет: дюжину отсчитает и сызнова начинает. — *Календарь.*

Вырос куст из четырех мест, на том кусту двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцать

дцать яиц: семь беленьких да семь черненьких. — *Год, месяцы, недели, дни и ночи.*

Я судился да судился и высудил свинью о двенадцати титьках. — *Год и месяцы.*

Лежит брус через всю Русь, на этом брусѣ двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре яйца, а в каждом яйце по семи цыплят. — *Год, месяцы, недели, дни.*

Двенадцать соколов одно яйцо снесли. — *Год и месяцы.*

В печурке три чурки, три гуся, три утки, три тетерева. — *Четыре времени года по три месяца.*

В саду царском, на дереве райском с боку — малина, с другого — калина, с третьего — вишеньѣ, а с четвертого нет ничего — одно зябелѣ. — *Времена года (лето, осень, весна, зима).*

Пал брус во всю Русь, в этом брусѣ — двенадцать елок, в каждой елке — четыре вершинки. — *Год, месяцы, недели.*

Летит триста шестьдесят пять гусей, да с лишком пятьдесят лебедей, да двенадцать орлов. — *Год.*

Двенадцать орлов, пятьдесят две галки, триста шестьдесят пять воробьев снесли одно яйцо. — *Год.*

Выходило двенадцать молодцов, выносили они пятьдесят два сокола, выпускали триста шестьдесят пять лебедей. — *Год.*

По морю корабль катаѣтся, на том корабле триста шестьдесят пять работников имѣѣтся, пятьдесят два прикащика находятсѣ, двенадцать хозяѣв распоряжаетсѣ. — *Год.*

Кто двенадцать раз в году родитсѣ и двенадцать раз умираѣт? — *Месяц.*

Сѣмь полос, сѣмь борозд; каждой полосѣ разныѣ имена. — *Неделя.*

Шли семеро мужиков без топоров, срубили избушку без углов. — *Неделя.*

Триста орлов, пятьдесят соколов, дерево сухое — верх золотой. — *Будни, воскресныѣ дни и Пасха.*

Полдуба сухова, полдуба сырова, да макушка золотая. — *Пост, мясоед и Пасха*¹.

¹ Постных дней на Руси набираѣтся в среднем полгода — от 178 до 199 дней. Складывается это число прежде всего из сред и пятниц, еженедельных постных дней (сѣтъ недели, в которых не средопятничают). Кроме того, в году 3 однодневных поста (Иван Предтеча, Воздвиженѣ и канун Крещенія) и 4 длительных (Великий, Петровский, Успенский и Рождественский, или Филиппов пост).

Половина суха, половина сыра, покрышечка золота. — *Пост, мясоед и Пасха.*

Стоит мост на семь верст, по конец моста — золота верста. — *Великий пост¹ и Пасха.*

Отец велик, сын Филипп, мать Петровна, дочь госпожа. — *Четыре поста².*

Что жирней всего на свете? — *Земля.*

Лежит ряса расстегняя, как встанет — до неба достанет. — *Дорога.*

Что к стене не привалить. — *Дорогу.*

Дорога ровна, лошадь деревянна, везет хоть до куля не кормя. — *Лодка, корабль.*

Что бежит без повода? — *Вода.*

Течет, течет — не вытечет; бежит, бежит — не выбежит. — *Река.*

Сани бежат, оглобли стоят. — *Река и берега.*

Два братца в воду глядятся, век не сойдутся. — *Берега.*

Между гор, между дол бежит белый конь. — *Ручей.*

Не море, не земля, корабли не плавают и ходить нельзя. — *Болото.*

Сам Сампсон мост мостил без топора, без клина, без востра ножа. — *Лед на реке.*

Шуба нова, на подоле — дыра. — *Прорубь.*

В новой стене, в круглом окне днем стекло разбито, за ночь вставлено. — *Прорубь.*

Красное коромысло через реку повисло. — *Радуга.*

Поднялись ворота — всему миру красота. — *Радуга.*

Просватали Машу в деревню не нашу. — *Пересадили яблоню.*

Стоит дерево, цветет зелено; в этом дереве четыре угожья: первое — больным на здоровье, другое — от тьмы свет, третье — дряхлых пеленанье, а четвертое — людям колодец. — *Береза (банный веник, лучина, обвязыванье берестой треснувших горшков, березовый сок).*

¹ Длится семь недель.

² Речь идет о Великом (перед Пасхой), Филипповом, или Рождественском (после Филиппова дня, 14 ноября ст. ст., по Рождество, 25 декабря ст. ст.), Петровском (перед Петровым днем — 29 июня ст. ст.) и Успенском постах (с 1 по 15 августа ст. ст. — Оспожинки, день Успения Богородицы).

Стоит в поле древо, на этом древе — попитанье и покормление, слезы и нега; вылечит худого-дряхлого — два века живет. — *Береза*.

Все паны скинули кафтаны, один пан не снял кафтан. — *Ель*.

Горшочек маленький, опарочка сладенька; горшочка не разбить — и опарочки не добыть. — *Орех*.

«Зелено-кудряво, почто в лес побежало?» — «Криво-лукаво, тебя берегу». — *Огород*.

Антипка низок, на нем — сто ризок. — *Капуста*.

Телятки гладки, привязаны к грядке. — *Огурцы*.

Сидит девица в темной темнице, коса — на улице. — *Морковь*.

Сидит дед, многими шубами одет, кто его раздевает, слезы проливает. — *Лук*.

Желтая курица под тыном дуется. — *Тыква*.

Кругла, да не деньга, красна, да не девка, с хвостом, да немышь. — *Рена*.

Древо древоданское, листья лихохонские, цветы ангельские, когти дьявольские. — *Роза, шиповник*.

Мертвым в землю упал, живым из земли встал, красну шапку уронил и людей усыпил. — *Мак*.

Однолетняя трава выше двора. — *Хмель*.

Вокруг тына повисла золота грива. — *Хмель*.

Пан-панович, упал в колодезь, — сам не утонул и воды не смутил. — *Лист с дерева*.

Сидят чернички в темной темничке, вяжут вязёночки без нити, без иголки. — *Улей, соты, пчелы*.

Сидят девушки в горенках, нижут бисерок на ниточки. — *Улей, соты, пчелы*.

В тесной избушке ткут холсты старушки. — *Улей, соты, пчелы*.

Что же днем скамейкой стоит, а ночью калачиком лежит. — *Собака*.

На дворе калачом, а в избе пирогом. — *Собака*.

За лесом, лесом жеребята ржут, а домой нейдут. — *Волки*.

Пришла из лесу птичница в рыжей шубке кур подсчитать. — *Лиса*.

Летело турли-мурли, пролетело чрез Когтево село, растворило мякинницу, положило в белильницу. — *Гуси*.

На барышне сорок рубашек, ветер подует — спина гола бу-

дет. — *Курица.*

Дважды рожден, ни разу не крещен, в Евангелие помещен. — *Петух.*

В поле, в рове двенадцать сосен, в Рыкове — четыре, во Ржеве — две. — *Сосцы у свиньи, коровы, кобылы.*

Бочка стонет, бояре пьют. — *Свинья с поросятами.*

На вершине кривой жимолости снег не держится. — *Рога коровы.*

В болоте плачет, а из болота нейдёт. — *Кулик.*

Под кустом, под ярусом лежит пояс гарусный. — *Змея.*

Сидит титюшечка, ни зверь, ни птушечка. — *Лягушка.*

Какóва дитя мать не воспитает? — *Рыбу.*

Крылья есть, да не летает; ног нет, да не догонишь. — *Рыба.*

Не по рыбам, а сети расставляет. — *Паук.*

Один семерых полонил. — *Паук.*

А кто ткёт без станка и рук? — *Паук.*

Висит сито, не руками свито. — *Паутина.*

Утром ползет, в полдень недвижимо, а вечером летает. — *Бабочка в стадиях гусеницы, куколки и взрослого насекомого.*

Некий человек, прежде Адама сотворен, вознесся на колесницу, огнем освещен, водою окроплен, а облечеся в пестрые ризы, проживет второй век. — *Горшок глиняный.*

Родили меня в каменной горе, крестили меня в огненной реке, привезли меня на торжище, поставили к усторонищу. Пришла молода жена, побрякала златым перстнем: «Уж ты, чадо милое мое, твои кости рассыпущие, они во гроб некладущие, по тебе люди неплакущие». — *Горшок.*

Вот каков Иван Пятаков — сел на конь и поехал в огонь. — *Горшок.*

Родится — кружится, растёт — бесится, а смерть ему — ах! — *Горшок.*

Сидит курица на красных яйцах. — *Горшок на углях.*

Утка (щука) в море, хвост на воле. — *Ковш.*

Девочка внутри дома бегала-бегала, беременной стала. — *Веретено.*

Маленько, кругленько, а за хвост не поднять. — *Клубок.*

Бежит свинка, золотая спинка, льняной хвосток. — *Игла с ниткой.*

Два конца, два кольца, посредине — гвоздь. — *Ножницы.*

Поле водяно, огороды кожаны. — *Зеркало.*

Что в углу за медвежья лапа? — *Помело.*

Без рук, без ног Богу молится. — *Зыбка, люлька.*

На море на Окиане, на острове на Буяне сидит птица Юстрица, она хвалится, выхваляется, что все видала, всего много едала. Видала царя в Москве, короля в Литве, старца в келье, дитя в колыбели. И того не едала, чего в море не достало. — *Смерть.*

Что меньше Бога, а больше царя? — *Смерть.*

Сработан кафтан не для себя, куплен не про себя, кем изношен, тем не виден. — *Гроб.*

Корка деревянна, пирог мясной. — *Покойник.*

Текунчики текут, ревунчики ревут, сухо дерево несут: он не дышит, не пышет, и души в нем нет. — *Покойника несут.*

И долга, и коротка, а один одному не верит: всяк сам по себе мерит. — *Жизнь и смерть.*

Одного не знаю, другого не вижу, третьего не помню. — *Смерть, возраст и рождение.*

Летит птичка маленька, несет тафту аленьку; эта тафта самого Христа. — *Лампадка.*

Раскладу кострец, никому не скласть: ни попам, ни дьякам, ни чиновным людям, ни вам, жудрякам. — *Расщепать полено в лучину.*

Расстелю я золото — не собрать ни медникам, ни серебряникам. — *Лучина.*

Бела земля, черны семена, кто их сеет, тот понимает. — *Письмо.*

За морем дрова рубят, сюда щепки летят. — *Письмо.*

**Часть IV,
справочно-
библиографическая**

Комментарии

Здесь помещены сведения (если они имеются) о местах и времени записи публикуемых текстов, их исполнителях, а также ссылки на литературные источники, полное библиографическое описание которых содержится в Источниках текстов (с. 533).

Часть I. Про Солнце, про Машу да про заваренную ими кашу

Глава первая. Громовержец Перун, огнекудрых наш бог

Как появился крокодил. Миф племенного союза брагаи-це-ха. Записи 1916–1922 гг., Новая Гвинея. Перевод с нем. М. С. Харитонов. — Мифы и предания папуасов маринд-аним ... С. 92–93, № 35.

Дети Неба и Земли. По тексту, записанному в середине XIX в. в Новой Зеландии. Перевод с англ. Ю. Баранова. — Сказки и мифы Океании ... С. 561–566, № 225.

Златорогий Олень. Миф о Мяндаше — древнее родовое предание терских, то есть крайне восточных, саамов. — Саамские сказки ... С. 80–83.

Составлено по двум текстам сборника. Источник первого не указан, второй («Мяндаш-пырре») записан в 1936 г. в Мончегорске от Петра Васильевича Сорванова (ок. 1877–1943) — сказочника-профессионала, мастера сказа, носителя древних форм сказывания некоторых легенд.

Золотая яблонька. — Белорусские народные сказки ... С. 185–189.

Про Иванов цвет. Записано в г. Симбирске. — Сказки и предания Самарского края ... С. 246, № 75.

Про раков (об их происхождении). Легенда записана в 1908 г. в д. Семенки Вятского у. Вятской губ. от Петра Ивановича Власова, 34 лет, неграмотного. Свои сказки Власов выслушал главным образом во время военной службы. Рассказывает сказки, словно как заученные, четко. — Великорусские сказки Вятской губернии ... С. 333–334, № 107.

В литовской сказке девушка по имени Эгле подобным же образом выходит замуж за ужа, а после его убийства обращается в плакучую ель (эгле по-литовски «ель»). Старший сын ее — в дуб, младший — в ясень, а дочь — в осину¹. — Д. К. Зеленин.

Глава вторая. Мать Сыра Земля

«*Русалки-то? Да, слыхивала...*» Записано в д. Ивановское Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 55, № 172.

Сказание о Матери Сырой Земле. — Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах ... Кн. 2. С. 221–226.

Чудо на мельнице. Записано в Бобровском у. Воронежской губ. — Народные русские легенды ... С. 5.

Глава третья. Кто бабке не внук!

Как старуха сделала море. Записано в конце XIX в. на о-ве Аоба в арх. Новых Гебрид, Меланезия. Перевод с англ. М. Ирининой. — Сказки и мифы Океании ... С. 146–147, № 61.

Дева. — Саамские сказки ... С. 25–31.

По замечанию В. В. Чарнолуского, сказка не сохранилась. Им использованы фрагменты, рассказанные П. В. Сорвановым (см. комментарий к тексту о *Златорогом Олене*, с. 498), а также материалы этнографического характера и выдержки из Дюбена (Düben, «*La Laponie et les Lapons*»), приводимые Н. Н. Харузиным в книге «Русские лопари»².

Дунюшка. Сказка записана от крестьянки с. Красный Яр на р. Убе Томской губ. Анисии Богомоловой, 20 лет, неграмотной, православной. — [Герасимо]в Б. Г. Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая ... С. 48–49, № 17.

Ванюшка и скверна. Записано в 1908 г. от Натальи Ивановны Безруковой (урожд. Стрельниковой), 45 лет, неграмотной, в

¹ См.: [Роткирх В. А.] Литовско-языческие очерки : историческое исследование Теобальда [псевд.]. Вильна : Тип. О. Завадзкого, 1890. С. 67–72.

² См.: Харузин Н. Н. Русские лопари : (очерки прошлого и современного быта) // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Т. 66. М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. (Тр. Этногр. отд. ; кн. 10).

с. Отары Уржумского у. Вятской губ. Свои сказки Н. И. Безрукова выслушала в ранней молодости на посиденках. Теперь помнит их мало и плохо, хотя и рассказывала их прежде, когда служила «пестуней» (нянькой), детям. Кроме сказок, знает еще заговоры, и известна среди местного крестьянского населения в качестве лекарки. — Великорусские сказки Вятской губернии ... С. 357–360, № 115.

В другой сказке этого сборника — «Мальчик с пальчик» (№ 97) — мальчик катался в лодке по реке. Одно только заказывали старики мальчику — не ездить на три версты вверх по реке на другой берег: там жила Баба-Яга. Но как-то мальчик поднялся вверх по течению и увидел на другом берегу избушку. Стояла она в саду, а у ворот сада на цепи — медведь. Хотел было мальчик сорвать яблочко, но рев медведя разбудил старуху Ягу...

Глава четвертая. Посадил дед репку...

«Коли не было з'нещада света...» — Народные песни Галицкой и Угорской Руси ... С. 5, № 7.

Дорога птиц (Млечный Путь). Записано в 1967 г. от М. Казакбаева, 1924 г. р., в д. Абишево Хайбуллинского р-на Башкирии. Перевод с башк. Ф. А. Надршиной. — Башкирские предания и легенды ... С. 9, № 1.

Джелбеге. Рассказал Джоксум Бодогонунг, 73 лет, в центре сомона Заамар (Центральный аймак Монголии). Магнитофонная запись 1985 г. — Сказки и предания алтайских тувинцев ... С. 280–281, № 60.

Мальчик и дудочка. Перевод с португ. И. Тертерян. — Бразильские сказки и легенды ... С. 15–16.

Репка. Сказка записана в Архангельской губ. — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева ... Т. 1. 1913. С. 121, № 46.

Большая Медведица. Записано в 1960 г. в д. Каипкулово Александровского р-на Оренбургской обл. от У. Саитова. Перевод с башк. Ф. А. Надршиной. — Башкирские предания и легенды ... С. 10–11, № 3.

О работавшей в праздник молодежи. Записано в с. Котово Витебского у. Витебской губ. в 1862 г. — Простонародные приметы и поверья ... С. 305, № 2297.

«Умерла вот в Старой Руссе девочка...» Этот и следующий рас-

сказ записаны в д. Рукаты Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 30–31, № 46.

«Я вам расскажу, когда мой дед помирал...» — Там же. С. 29–30, № 42.

«Фараонами называют рыбы...» Архив Музея им. Ф. Р. Крейцвальда (г. Тарту, Эстония)¹, Ф. ERA, vene (далее: Муз. Крейцвальда). — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 57, № 191.

Черепаша и крокодил. Перевод с португ. И. Чежеговой. — Бразильские сказки и легенды ... С. 97–99.

«Жили мы тогда в Онисимове...» Записано в 1900 г. в Костромской губ. — Смирнов В. Клады, паны и разбойники ... С. 14.

Часть II. Звездочтец

История первая. Раскололся сырой дуб на четыре грани...

«Ныне же побеседуем...» По списку XVII в. — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков ... С. 430.

О небеси. По рукописи XVI в. — Ложные и отреченные книги русской старины ... С. 156.

Сладкие коренья. Сказка бушменов (коренного населения Южной и Восточной Африки). Перевод Н. Охотиной. — Сказки народов мира ... С. 425.

«Велми мало выкладується зодіак...» Из западнорусского сборника XVI в. — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков ... С. 412.

О степенях зодіаку. Из полууставной рукописи Троице-Сергиевой лавры, XVI в. — Памятники отреченной русской литературы ... Т. 2. С. 404–405.

Как звери укладывались спать. Накалякала Ирина Щукина, автор-составитель.

Зодиак и тело человека. По рукописи XVIII в. — Перетц В. Н. К истории Лунника ... С. 37–38.

Летучий огненный змей. Запись 1816 г. в рукописи Император-

¹ С 1990 г. — Эстонского литературного музея.

ской Публичной библиотеки¹. — Живая старина. 1895. Вып. 3/4. С. 493–494.

Как мужик на небо лез. Сказка записана в 1912 г. от Ивана Васильева, 26 лет, грамотного, жителя д. Уласково-Пахны Островского у. Псковской губ. — Русская бытовая сказка ... С. 477, № 280.

Каипора. Перевод с португ. И. Тыняновой. — Бразильские сказки и легенды ... С. 210–213.

История вторая. Яблочко катилось вокруг огорода...

О звездном течении. По списку XVII в. — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков ... С. 431–433.

О Луне. Из календарей 1-й половины XVIII в. — Перетц В. Н. К истории Лунника ... С. 117–119.

Рыба-Луна. Австралийская сказка. Перевод Т. Черниловской. — Сказки народов мира ... С. 571–572.

Чудовище. Рассказала Анна Петровна Салаткина, 75 лет, из пос. Непа Катангского р-на Иркутской обл.; запись 1952 г. Перевод с эвенк. В. А. Горцевской и В. Д. Колесниковой. — Эвенкийские народные сказки ... С. 112–113.

Семеро волков. Записано в 1959 г. в пос. Джугджа, расположенном по нижнему течению р. Тумнин (Хабаровский край), от колхозницы Евдокии Фёдоровны Кэнду, 64 лет, неграмотной. — Ороческие сказки и мифы ... С. 204–206, № 56.

О семи планетах, сиречь великих мощных звездах. По книге Рафли (списку конца XVII — началу XVIII в., надписанному: Творение Иоанна Рыкова). — Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли ... С. 319–321. Публ. в сокращении.

Заколдованный конь. — Японские народные сказки ... С. 198–200, № 59.

Как появился месяц. Сказка манден (Западная Африка). Перевод Д. Ольдерогге. — Сказки народов мира ... С. 495–496.

Почему ушел Маву. Сказка эве (Западная Африка). Перевод В. Вологдиной. — Там же. С. 457.

О двенадцать звезд, которые служат семи планидам. — Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли ... С. 317.

¹ Ныне — Российской национальной библиотеки (РНБ), г. Санкт-Петербург.

«Солнце, Месяц и Перун — существа живые...» — Сказки космогонические и культурные ... С. 7.

Что мужик на небе видал. Сказка записана в 1912 г. от Ивана Васильева (см. комментарий к сказке *Как мужик на небо лез*, с. 502)¹. — Живая старина. 1912. [Вып. 1/4]. С. 297–298.

История третья. По вечерам ежик ходил к медвежонку считать звезды...

Небо. — Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях ... С. 148.

Звездочтец. По рукописи XVIII в. — Памятники отреченной русской литературы ... Т. 2. С. 422–424.

Месяц с небесного чердака. Рассказал поморский сказочник Степан Григорьевич Писахов (1879–1960). — Северные сказки ... С. 153–155.

Сочинять и рассказывать сказки я начал давно, записывал редко. Мой дед был сказочник. Звали его сказочник Леонтий. На промысел деда Леонтия брали сказочником. Сказочник получал два пая: один за промысел, другой за сказки. Я не застал деда Леонтия и не слышал его сказок. С детства я был среди богатого северного словотворчества.

Чтя память безвестных северных сказителей — моих сородичей и земляков, — я свои сказки веду от имени Сени Малины. Жил Малина в деревне Уйме, в 18 километрах от Архангельска. В нашу единственную с ним встречу старик рассказывал о своем тяжелом детстве. На прощанье рассказал, как он с дедом «на корабле через Карпаты ездил» и «как собака Розка волков ловила». — С. Г. Писахов.

Купеческий сын. Записано в с. Перерост Гомельского у. Могилевской губ. — Сказки космогонические и культурные ... С. 26–28, № 22.

Первая водяная лилия. Сказка североамериканских индейцев. Перевод А. Ващенко. — Сказки народов мира ... С. 516–517.

Белая мука. Записано от дюрбюта² Баин-Цагана на горе Улангом. — Очерки Северо-Западной Монголии ... С. 352, № 89.

¹ Вариант сюжета см. в предании *Лопарь на небе*, с. 262.

² Монгольская народность.

Как один эвенк на небе побывал. Записано в 1955 г. от Л. С. Пикунновой в пос. Чемдалык Эвенкийского нац. окр. (Красноярский край). Перевод с эвенк. И. И. Суворова. — Эвенкийские народные сказки ... С. 110–112.

Уркер. Киргизское предание; записано в 1876–1877 гг. — Очерки Северо-Западной Монголии ... С. 124–125.

Клад на Актау. Записано в 1966 г. в д. Баишево Зианчуринского р-на Башкирии от З. Исхаковой, 1902 г. р. Перевод с башк. Ф. А. Надршиной. — Башкирские предания и легенды ... С. 259, № 250.

Небо и Земля. Предание бурят. — Хангалов М. Н. Балаганский сборник ... С. 187–189.

Часть III. Жизнь — отрада, умирать не надо

Предания, былички, рассказы

Мудренó сотворенó: легенды о творении, или откуда что

Первая чета. Со слов бурята Унгинского ведомства Шетинского ул. Башина Трубачеева, грамотного кузнеца, знающего русский язык. — Хангалов М. Н. Балаганский сборник ... С. 192.

«*По досюльному окиян-морю плавало два гоголя...*» Записано в Заонежье. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым ... Т. 3. 1910. С. 186.

«*Пёрши-на́-пириши была одна только вода...*» Записано в д. Паршино Полоцкого у. Витебской губ. в 1868 г. — Простонародные приметы и поверья ... С. 301–302, № 2292.

«*Бог сперва сделал землю...*» Нганасанский¹ миф. — Легенды и мифы Севера ... С. 122.

«*Сперва была только вода...*» Миф нивхов²; рассказала в 1952 г. Антонина Полдох из рода К'эвонгов, жительница пос. Чайво Ногликского р-на Сахалинской обл. — Там же. С. 288.

¹ Этноним «нганасаны» — небольшая народность (1 278 чел. на 1989 г., по данным переписи 2010 г. — 862 чел.), проживающая в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе Красноярского края, — введен в 1930-е гг. и образован от *нганаса* — человек, мужчина.

² *Нивхи* — крупная дальневосточная народность (4 652 чел. на 2010 г.). Нивх (нивнг) также означает человека.

«Из яра над рекой два комка земли обвалились...» Предание нганасан. Записано в 1957 г. в пос. Усть-Боганида Таймырского нац. окр. Красноярского края от Атакая Турдагина, сына известного шамана Монсеку, или Ивана Горнока. — Мифологические сказки и исторические предания нганасан ... С. 53–54, № 9. Публ. в сокращении.

О Ное Праведном. Записано, судя по тексту, в с. Куракино, в 280 верстах от Воронежа. — Народные русские легенды ... С. 48–53.

Два брата. Записано в д. Кандабаево Варнавинского у. Костромской губ. в 1915 г. — Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге-реке ... С. 27–28.

Бог и Дьявол. Записано в м. Молостовка Чериковского у. Могилевской губ. от крестьянина Михаила Мельникова, 23 лет, грамотного. — Сказки космогонические и культурные ... С. 154–155, № 2.

Люди из яиц. Записано от Татьяны Голуб в Бурсове. — Яворский Ю. А. Памятники галицко-русской народной словесности ... С. 3, № 1.

Мост Азамата. — Чувашские легенды и сказки ... С. 9–10.

Откуда взялись русские. Ирина Щукина, автор-составитель, сочиняет.

Легенда о начале хлебопашества. — Чувашские легенды и сказки ... С. 12–13.

Откуда знахари. Записано в м. Хотьславичи Мстиславского у. Могилевской губ. от знахаря. — Сказки космогонические и культурные ... С. 160, № 11.

Откуда поп. Записано в м. Жлобин Рогачевского у. Могилевской губ. — Там же. С. 22, № 16.

Смерть Адама и треплаженное древо. Записано в с. Хомутицы. — Малорусские народные предания и рассказы ... С. 93–94, № 4.

«Два Бога было...» Записано в д. Новая Скрибель Осташковского р-на Тверской обл. в 1992 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 108, № 415.

Бог дал, бог и взял: о кладях

В седьмом квартале. Записано в 1946 г. от Евдокии Евдокимовны Ярковой, 60 лет, в с. Поим Пензенской обл. — Песни и сказки Поимского района ... С. 39.

«Недалеко от Чердаклёв есть дуб; под ним лежит клад...» Записано от А. В. Чегодаева в Симбирске. — Сказки и предания Самарского края ... С. 361, № 112в.

«Пошли два старика за золотом — клады рыть...» Записано в 1935 г. на Самарской Луке, в с. Жигули от И. Н. Барабина, 68 лет. — Волжский фольклор ... С. 70–71, № 25.

«Есть клад такой: горшок вертится, а в руки не дается...» Архив Карел. фил. АН СССР (К. 134. Т. 156). — Легенды. Предания. Бывальщины ... С. 244.

«А в красном бору есть клад...» Записано в с. Вохтома Каргопольского у. Олонецкой губ. — Куликовский Г. И. Поездка в село Вохтому ... № 97 (16 дек.). С. 916.

«В восемнадцати верстах от деревни Горки...» Записано в Пудожском у. Олонецкой губ. — М[оисеев] А. А. Из преданий о кладах ... С. 3.

«Умираю богатый мужик...» Записано в Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. Санкт-Петербург, 1891. С. 164, № 100.

«Недалеко от деревни Заозерья есть небольшой остров...» Записано в ноябре 1905 г. по дороге из Шуи в Суну от возницы Фёдора. — Лосев С. А. В дороге ... № 83 (3 авг.). С. 2.

«Приехали мы с папой, с братцем коней пасти...», «Ишел раз муж мой в 12 часов по лесу...» Записано в 1971 г. в д. Грибиняй Зарасайского р-на Литвы; рассказчики — О. О. Дейнис, 81 года, и А. Ф. Дейнене, 70 лет. — Русский фольклор в Литве ... С. 352, № 180–181.

«Присніўся маладухи сон...» Записано в Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 165, № 103.

«Один человек на Кемчик, в тайгу на промысел пошел...» Записано от шорского рода Кой, р. Кубансу и верховье р. Мрассу (Горно-Шорский нац. р-н¹; записи 1925–1932 гг.). — Шорский фольклор ... С. 265, № 33.

Клад мертвой подушки. — Сказки и предания Самарского края ... С. 363, № 112к.

«Недалеко от Тагая мужик раз лошадь искал...» — Там же. С. 362, № 112ж.

Кафтан с золотом. Записано в 1906 г. от старушки Марьи Пет-

¹ Ныне — регион Горная Шория в южной части Кемеровской области, на юге Западной Сибири.

ровны, отличающейся религиозностью и строгим укладом жизни, — в д. Корельский Остров (расположена на середине Выгозера), Олонецкая губ. — Северные сказки Н. Е. Ончукова ... С. 455–456, № 188.

Вьется веревка, на конце — головка: о змеях

«Прежде было два солнца...» Записано в с. Ядреич Духовщинского у. Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 235, № 13.

Джельбегень. Записано от Почука, крещеного алтайца, в с. Ангудай на Алтае. — Очерки Северо-Западной Монголии ... С. 190, № 34а.

Арахы. Записано от Солдата, бурята Тункинского ведомства. — Там же. С. 193, № 34о.

Сотая змея. — Хангалов М. Н. Балаганский сборник ... С. 214, № 7.

О Змее, поедавшем хлеб. Записано в Хвойнинском р-не Новгородской обл. в конце 1980-х гг. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 101, № 381.

Погребение чудовища-змея. Записано в Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 124, № 56.

Кузьма-Демьян. Записано в Гомельском у. Могилевской губ. — Сказки космогонические и культурные ... С. 17, № 12.

Змей — носитель всякого богатства. Записано в Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 96, № 35. Публ. в сокращении.

Обреченная скотина на дворе не животина: об оборотнях

«Жила у аднэй дяреўни магучая жэніцина...» Записано в Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 288, № 56.

«Говоря, человек можа в медведя превратиться...» Записано в 1985 г. в д. Городец[к], бассейн р. Пинеги, Архангельская обл. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 88, № 336.

Жена медведя. Текст записал в 1959 г. в пос. Джугджа (Хабаровский край) колхозник Семен Павлович Акунка, 30 лет. —

Орочские сказки и мифы ... С. 188–189, № 39.

«Медведь женщину унес...» Предание рассказывали в шорском роду Кобый, верховье р. Мрассу и р. Кобырсу (Горно-Шорский нац. р-н; записи 1925–1932 гг.). — Шорский фольклор ... С. 277, № 43.

«У папы на глазах человек в медведя оборотился...» Записано в 1986 г. в д. Усть-Пеза Мезенского р-на Архангельской обл. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 89, № 339.

«Колдунья заколдует — и он оборотень...» Записано в 1990 г. в д. Ивановское Старорусского р-на Новгородской обл. — Там же. С. 88–89, № 337.

Вовколака. Записано в с. Марковичи Гомельского у. Могилевской губ. от крестьянина Филиппа Иванова. — Сказки космогонические и культурные ... С. 102–103, № 59.

Максим-соловей и Анюшка-кукушка. Записано в д. Бердибяки Ельнинского у. Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 277, № 39.

Щука. Записано от балаганских бурят. — Сказания бурят ... С. 82, № 26.

Селивановская свинья. Чувашская легенда. Сохранилась в составе дневниковых записей Спиридона Михайловича Михайлова за 1855 г., хранящихся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. — Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов ... С. 328.

Лягушки — старые люди. Записано в Гороховецком у. Владимирской губ. и Ветлужском и Варнавинском уездах Костромской губ. — Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге-реке ... С. 33–34.

Чертышко, он всяко прикидывается: русалки, лешие, водяные, черти...

«Нячистая сила во́ откуль...» Записано в м. Хотьславичи Мстиславского у. Могилевской губ. — Сказки космогонические и культурные ... С. 157, № 4.

«Русальная неделя? А, говорят, есть. Я не знаю...» Записано в д. Ивановское Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. —

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 55, № 173.

Хозяйка воды. Записано в шорском роду Калар, низовье р. Мрассу, в ул. Томазак (Горно-Шорский нац. р-н; записи 1925–1932 гг.). — Шорский фольклор ... С. 273, № 41.

«В водах живут утопиище фараоны...», «Русалка — черт. Она в воде живет...» Муз. Крейцвальда. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 57, № 187, 190.

«Чертышко, он в реке живет...», «У нас там росстани есь...» Записано в 1985 г. в д. Засурье, бассейн р. Пинеги, Архангельская обл. — Там же. С. 70–71, № 261–262.

«Шишки-то и есть черти...» Записано в д. Хорошево Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Там же. С. 72, № 271.

«Бабка рассказывала, видела она черта...» Записано в д. Гривы Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Там же. С. 70, № 257.

«Вот которы знаются с им, с бесом-то...» Записано в д. Харюшино Соликамского р-на Пермской обл. в 1989 г. — Там же. С. 91–92, № 346.

«Хто хоче мати з чортом справу і свою душу запродаати...» — Малорусские народные предания и рассказы ... С. 56, № 26.

Бочка с золотом. Предание рассказывали в с. Мегры Лодейнопольского у. Олонецкой губ. — Северные сказки Н. Е. Ончукова ... С. 498–499, № 229.

Чертовы коровы. Записано от жителей того же села. — Там же. С. 499–500, № 231.

Живем — хлеб жуем да думаем о горячих пирогах

Прабкино ученье. — Миролюбов Ю. [П.] Прабкино учение ... С. 32–36. Публ. в сокращении.

Как у нас молятся. Записано в 1991 г. в раб. пос. Шаранга Нижегородской обл. от Якова Андреевича и Анастасии Фёдоровны Шибаевых, 1926 и 1929 гг. р., и в д. Ширта Тоншаевского р-на Нижегородской обл. от Евфросинии Даниловны Ивановой, 1929 г. р. — Нижегородские марийцы ... С. 163–164, 158–159, 156.

«Шла однажды женищина по деревне...» Записано в д. Малое Борисово Бабаевского р-на Вологодской обл. в 1979 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 105, № 400.

«*Был у нас старичок...*» Записано в д. Глубокое Осташковского р-на Тверской обл. в 1993 г. — Там же. С. 109–110, № 417.

«*Жила старушка...*» Записано в д. Благовещенское Кирилловского р-на Вологодской обл. в 1979 г. — Там же. С. 107–108, № 410.

«*Мущина работув на поли, ды выронив крошку хлеба...*» Записано в Сенненском у. Могилевской губ. — Сказки космогонические и культурные ... С. 169, № 27.

Рассказ Матрёшки Антоненкавы а сваей жисти. Записано в Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 1. С. 45–68, № 4. Публ. в сокращении.

Перевозчик. Записано в ноябре 1905 г. по дороге из Шуи в Суну от возницы Фёдора. — Лосев С. А. В дороге ... № 84 (5 авг.). С. 2–3.

«*Гадали, на Новый год гадали...*» Записано в д. Заречье Череповецкого р-на Вологодской обл. в 1987 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 97, № 373.

«*А потом ходили еще камни кидали в пролубь...*», «*А еще гадали, знаете как? Кокору пекем...*» Записано в д. Рукааты Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Там же. С. 98, № 377, 376.

«*В Святки на ложках гадали...*» Записано в д. Малышево Пестовского р-на Новгородской обл. в 1986 г. — Там же. С. 100, № 378.

«*Потом еще гадали. Мололи, в жерна кидали иголку...*» Записано в д. Рукааты Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Там же. С. 97, № 375.

Настоящий ученый (о Брюсе). Легенду рассказывал в Москве в марте 1923 г. маляр Василий, фамилия его неизвестна. Рассказ происходил в чайной «Низок» на Арбатской площади, за общим столом. — Московские легенды ... С. 27–31.

Брюс Яков Вилимович (1670–1735) — сподвижник Петра I, происходил из старинного шотландского рода. Занимался математикой, физикой, астрономией, географией, переводил с немецкого и английского языков ученые книги.

Я. В. Брюс участвовал в Крымских и Азовских походах 1680–1690-х годов, дослужился до чина генерал-фельдмаршала. В 1717 году стал президентом Берг- (горной) и Мануфактур-коллегий. Участвовал в мирных конференциях со Швецией. За успешное заключение Ништадтского мира, положившего конец Северной войне (1700–1721), получил графский титул.

Я. В. Брюс принимал активное участие в составлении начавших выходить в начале XVIII века календарей гражданской печати и по праву может считаться основателем календарного дела в России. В 1709–1715 годах «под надзором» Брюса и «трудом и тщанием» библиотекаря Василия Киприянова выходил составленный из латинских и немецких книг календарь (6 изданных в разное время листов), за которым закрепилось название «Брюсов календарь».

Первый лист календаря «предлагал вступление Солнца в 12 зодий приближно, такожде восхождения и захождения Солнца... величество дней и ночей в царствующем граде Москве... яко на едино лето, тако и на прочие годы непременно», второй лист содержал святцы — христианские праздники, дни памяти святых угодников, третий — «предзнаменование времени по всякой год по планетам... по 112 лет», четвертый — «предзнаменование действий на каждый день по течению Луны в зодии», пятый лист излагал подробное содержание первых четырех, шестой — «употребление четырех предложенных таблиц».

Этот календарь был вторым по времени из напечатанных гражданским шрифтом. Первый — изданный в конце 1708 года календарь на 1709 год. Он содержал прогноз погоды на каждый день года («непрестанно является чистой воздух», «морозно», «туманно», «приятное сияние», «мокрая дождевая погода с громом», «солнечное сияние», «добрая летняя погода», «ныне есть прямое время, что пахотному человеку прилежну быти», «мокрота», «студено», «ветры великие», «карабелщик на мори ныне да бережется», «нечто получше», «зело студено»), информацию о моментах смены лунных фаз (новый месяц, первая четверть, полный месяц, последняя четверть) и наступления затмений, о благоприятных для кровопусканий днях¹.

Следующий годовой «Календарь, или Месяцослов христианский ... на лето ... 1710» (М., 1709) был дополнен святцами. Дни недели начали обозначаться знаками планет, стали указываться дни вступления Солнца в знаки Зодиака. Позднее издававшийся на год календарь был снабжен таблицами, «указующими такожде

¹ См.: *Календарь, или Месяцослов христианский по старому штилю, или изчислению на лето от воплощения Бога Слова 1709, от миробытия же 7217*. Напечатан в царствующем великом граде Москве, лета господня 1708, декабря в 28 день.

время солнечного восхождения и захождения, долгоденствие и долгоношие на всякий день». Содержали календари и иную, «к пользе и увеселению служащую», информацию.

Книжное собрание Я. В. Брюса, насчитывавшее более 1 500 томов (на 14 европейских языках, включая русский), вместе с коллекцией редкостей и картин после его смерти было передано в Петербургскую академию наук. Редкости и картины были направлены в Кунсткамеру, а книги поступили в Академическую библиотеку. Сегодня книги, ранее принадлежавшие Я. В. Брюсу, находятся в разных местах (они есть в библиотеках Московского и Хельсинкского университетов, Санкт-Петербургского горного университета), но большая их часть сохранилась в фондах Библиотеки Российской академии наук (БАН, Санкт-Петербург).

Умер Я. В. Брюс спустя 10 лет после смерти Петра I, и, как писал один из позднейших издателей Брюсовых календарей, «умер, как следует мирному христианину, покойно, без всяких адских ужасов»¹.

«Колдунья, она очень хитрая...» Записано в д. Ивановское Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера ... С. 80, № 304.

«Ведьмы есть, в пещерах живут...» Записано в д. Гривы Старорусского р-на Новгородской обл. в 1990 г. — Там же. № 303.

Добрейший поп. — Малорусские народные предания и рассказы ... С. 146, № 42.

Папа римский. — Там же. № 41.

Лопарь на небе. Записано летом 1907 г. на озере Имандра от старичка Василия из Белой Губы (Олонецкая губ.). — Северные сказки Н. Е. Ончукова ... С. 466, № 199.

Девичьи зори. — Сказания русского народа ... Т. 2, кн. 7. 1849. С. 62–63.

Зачарованный сад. Записано в 1945 г. от А. Г. Подлодчиковой на станции Пачелма (Пензенская обл.). — Песни и сказки Пензенской области ... С. 28–29.

*Зарастающие озера*². Из рассказов в селах Пухново и Беладино Велижского у. Витебской губ. до 1860 г. — Простонародные при-

¹ Брюсов календарь на 200 лет ... М. : Изд. В. В. Пономарева, 1883.

² Этот и два следующих сказания хотя и приурочены к местам, но они так общи и распространены, что с незначительными вариантами можно слышать их чуть ли не в каждом приходе, или волости. — Н. Я. Никифоровский.

меты и поверья ... С. 302, № 2293.

Зачарованный погреб. Из рассказов в с. Веляшковичи Витебского у. Витебской губ. летом 1862 г. — Там же. С. 303–304, № 2295.

Ушедшая в землю церковь. Слышано там же до 1860 г. — Там же. С. 304–305, № 2296.

Лев Толстой и американцы. Записано в Москве в марте 1924 г. от Николая Воеводина. Кроме газет, по его словам, ничего не читал; не прочитал ни одной книжки. — Московские легенды ... С. 291–292.

Николай Воеводин, парень 25 лет с огненно-рыжими волосами и веснушчатым лицом, довольно часто встречался мне в харчевне, но познакомиться нам как-то не удавалось вплоть до того момента, когда он и Гаврилыч, здоровенный мужчина лет 50 с черной кудлатой бородой и большим орлиным носом, прозванный Змеем Горынычем, не обратился ко мне как к «бывшему учителю» за разрешением вопроса о том, как надо правильно писать: «ездию» или «езжу». (Вместе они занимались перевозкой тяжестей на ручной тележке.)

Воеводин утверждал, что «самое верное будет „ездию“, потому что все так говорят», а Гаврилыч доказывал, что «правильнее правильного будет „езжу“ по той причине, что так говорят образованные люди, так и в книгах печатают».

Когда спор был разрешен мною в пользу Гаврилыча, Воеводин, приглаживая пятерней огнистые волосы, проговорил:

— Значит, мне еще надо мозгами поработать, чтобы правильно произносить слова.

— А как же иначе, голова садовая! — важно возразил Гаврилыч. — Мозги — первое дело. На то они и дадены, чтобы работать ими. Поработай — получишь мозговое развитие и не будешь наподобие истукана или скота бессловесного, но станешь вникать в каждый корень и докапываться, что и откуда взялось, но не вроде адиета разинуть рот и ничего не понимать. — *Е. Баранов.*

Песня быков с золотых гор. Предание записано от шорского рода Карга, низовье р. Мрассу, в ул. Акколь (Горно-Шорский нац. р-н; записи 1925–1932 гг.). — Шорский фольклор ... С. 287–289, № 59.

Без смерти не умрешь: о конце света

О конце света и страшном суде. — Малорусские народные предания и рассказы ... С. 109–110, № 17.

Кончина старой земли и наказание Сатаны. Рассказал крестьянин д. Бобахина Калязинского у. Тверской губ. Михаил Васильев[ич] Балдовкин. — Суворов В. Г. Религиозно-народные поверья и сказанья ... С. 394.

Ему [рассказчику] было 60 лет, сапожничал в Москве и любил ходить в Кремль во время споров, которые бывали там на Пасхе. Он был неграмотный, но с удовольствием слушал чтение, любил поговорить и рассказывать слышанное. — В. Г. Суворов.

Сказки

«Шел я мимо, видел диво...» — Сказки и песни Вологодской области ... С. 43, № 5.

Клубок первый, золотого царства

Марья-царевна — Лягушонка. Сказка записана от воронежской сказительницы Анны Куприяновны Барышниковой — Куприянихи, 1868 г. р. Всю свою жизнь она прожила в с. Большая Верейка (Землянский р-н Воронежской обл.), зарабатывая на жизнь крестьянским трудом. Из записей 1935–1936 гг. — [Барышникова А. К.] Сказки Куприянихи ... С. 129–136, № 25.

Орел-царевич и его сын. Сказка записана в 1915 г. от Натальи Осиповны Винокуровой — крестьянки с. Челпаново Верхотурского р-на (в 200 км от Иркутска); всю жизнь она работала в прислугах, «белье гладила». — Русская сказка : избранные мастера ... Т. 1. С. 377–390.

Уточка — золотой хохолок. — Сказки и предания Самарского края ... С. 108–110, № 22.

Царевна — золоты косы. Записано в конце 1920-х гг. в д. Шуньга-Бор (Заонежье) от Анны Антоновны Слепой, 68 лет. — Сказки и предания Северного края ... С. 10–11, № 2.

Своей избы у нее не было. Жила по чужим домам, где отработывала свое пропитание прядением и рассказыванием сказок. За зиму она обходила, из избы в избу, почти всю деревню. Про-

звище «Слепая» (она была слепа с 30 лет) стало ее фамилией, настоящей ее фамилии никто не помнил.

Глиняшка. Записано в 1957 г. в Варзуге, главном селении Терского берега¹, от Евдокии Дмитриевны Коневой, 59 лет. — Сказки Терского берега Белого моря ... С. 245–246, № 72.

О петухе красном и лисице прекрасной. Записано в 1846 г. от 90-летнего старика, отставного мастерового Мотовилихинского завода² Петра Сидоровича Казакова. — Пермский сборник ... Кн. 1. 1859. С. 127–128 (Отд. 2).

Своя радуга. Рассказал Степан Григорьевич Писахов (см. комментарий к сказке *Месяц с небесного чердака*, с. 503). — Северные сказки ... С. 109–110.

Яичко. Записано от Елизаветы Пантелеевны Чистяковой — бедной старушки, жившей подаяниями, в д. Покровская (Кирилловского у. Новгородской губ.), куда она пришла из соседней деревни домовничать к своим родственникам. — Сказки и песни Белозерского края ... С. 259, № 142.

Клубок второй, серебряного царства

Про Елену, прекрасную девицу. Записано в апреле 1901 г. от Василия Семеновича Нечаева, 55 лет, неграмотного, жителя с. Ивня Обоянского у. Курской губ. — Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии ... С. 209–226, № 2.

Записывание сказок происходило на гумне Василья у стога соломы, из которой он устраивал мне род кресла, а сам растягивался у моих ног. По временам Василий требовал: «Ну-ка, прочитайте, што вы там написали?..» Я прочитывала, и он делал какое-нибудь пояснение или же, оставшись доволен, говорил: «Ну, так», — и продолжал рассказывать.

Откуда Василий узнал свои сказки, я не могла добиться. Он отвечал уклончиво: «В разных местах... А больше сам выдумывал...» Рассказывал он их по большей части на ночном, во время пастьбы лошадей: «Всю ночь смеемся и не спим», — говорил он. — *Е. И. Резанова.*

¹ Терским берегом называется южное, лесистое побережье Кольского полуострова. Скандинавское «тре» означает землю, покрытую лесом. Когда-то и весь Кольский полуостров назывался Тренесом.

² Заложен в 1736 году как медеплавильный завод.

Про царевну. Рассказала в апреле 1901 г. 13-летняя Фрося Нечаева, дочка В. С. Нечаева, ходившая в воскресную школу Е. И. Резановой (см. предыдущий комментарий). — Там же. С. 233–237, [№ 4].

У Василия Семеновича эта сказка заканчивалась тем, что царевну «взяли, заклjali к етому господину. У бездну».

Иван злосчастный, мужик несчастный. Записано в начале XX в. в Архангельской губ., на Низовой Печоре, от Григория Ивановича Чупрова, жителя сел. Усть-Цильма. — Северные сказки Н. Е. Ончукова ... С. 53–56, № 12.

Низкорослый, плечистый, с копной густых волос и густой окладистой бородой, вечно на сторону, вдобавок кривой, Григорий Иванович, по-уличному «Калямич», вечно весел, никогда не унывает, вечно шутит и смеется, несмотря на свои полсотни лет.

Григорий Иванович хотя и небогатый, но хороший хозяин: маленький домик его стоит окнами на Печору и весь в порядке — крыша осмолена, дверь в сени не болтается, все прибрано и подметено, кадушки и ведра окрашены, в доме и вокруг него — чистота, все вымыто и блестит. Как и все устьцилемы, Григорий Иванович — старообрядец, но очень терпим ко всем, и кой-что в старообрядчестве кажется ему и дико. Он сам пришел ко мне и предложил рассказать сказку, а потом уже почти каждый день ходил, то рассказывать, то слушать других.

Я взял его ямщиком, когда поехал, по снегу еще, на реку Пижму. Когда в деревнях по утрам я, бывало, еще сплю, он уже обегает деревню, узнает, кто поет старины, позовет сказателей ко мне, уломает, если нужно; узнает, кто старинщики в других деревнях. — Н. Е. Ончуков.

Снегурушка. Сказка записана в 1948 г. в с. Ахлыстино Покровского р-на Башкирии от Е. И. Кононовой. — Русские народные сказки ... С. 71–73, № 26.

Дорогое имячко. Записал в 1936 г. по памяти П. П. Бажов, неоднократно слышавший этот сказ от старого горнорабочего Василия Алексеевича Хмелинина (дедушки Слышко) в 1894–1895 гг. в Полевском заводе Сысертского горного окр. (Среднее Зауралье). — Тайные сказы рабочих Урала ... С. 36–44, № 18.

В. А. Хмелинин перенял свои сказы от стариков. Он обижался, когда его просили рассказать сказку о девке-Азовке: «Сказка —

это про попа да про попадью, про курочку и протча. Это вот сказки. А тут совсем другое. По сурьезному делу сказ этот тайный. Его и говорить с опаской надо. Не всякому можно».

Лиса и волк. Записано в Псковской губ. от Ивана Васильева (см. комментарий к сказке *Как мужик на небо лез*, с. 502). — Живая старина. 1912. [Вып. 1/4]. С. 298, № 2.

Смерть. Записано в начале XX в. в Архангельской губ., на Низовой Печоре, от Василия Дорофеевича Шишолова, жителя д. Верхнее Бугаево. — Северные сказки Н. Е. Ончукова ... С. 103–105, № 40.

Веселый, разухабистый мужик 40–45 лет, очень похожий характером на Г. И. Чупрова-Калямича, только без его деловитости и практичности в жизни. Живет бедно, потому что постоянно навеселе. У него испорчена семейная жизнь, и Василий Дорофеевич постоянно жалуется на какое-то горе, которое его гложет.

С большим чувством и даже со слезами он спел мне былинку про «Чурилу и неверную жену», применяя, верно, ее содержание к своей доле. Но особенно хорошо Василий Дорофеевич рассказывает сказки. Беззаветная веселость и большой юмор так же рассыпаны в сказках Василия Дорофеевича, как и в сказках Г. И. Чупрова. Но рассказывает Василий Дорофеевич и серьезные сказки, с философским содержанием, как например, сказка № 40, «про смерть». — Н. Е. Ончуков.

Ворона и виноград. Записано в 1961 г. в Варзуге от Марины Поликарповны Дьячковой, 62 лет. — Сказки Терского берега Белого моря ... С. 310, № 90.

Клубок третий, медного царства

Как сажал мужик репу. Рассказал Павел Афанасьевич Петренко — лучший охотник Черемховского р-на Иркутской обл. — Русские сказки Восточной Сибири ... С. 166–167, № 24.

Про царя Гороха. Навыдумывала Ирина Шукина, автор-составитель.

Иван-царевич в Подсолнечном царстве. Рассказал Мануйло Петров из д. Морская Масельга (Выговский край, Олонецкая губ., лето 1906 г.). — Северные сказки Н. Е. Ончукова ... С. 412–416, № 166.

Мануйло Петров из Морской Масельги, так сказать, профессиональный сказочник и страстный любитель охоты, с детской душой. Стремится все бросить и уйти искать «пуп земли», но не может решиться и тоскует. — *М. М. Пришвин.*

Антошка, медведь и черт. Сказка получена от крестьянина с. Орловское Томской губ. Степана Павлова, 40 лет. Он неграмотный, единоверец, занимается земледелием и имеет немного пчел. — Г[ерасимо]в Б. Г. Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая ... С. 59–61, № 25.

Сердитая барыня. Рассказал крестьянин д. Тереховы-Малаховая Белозерского у. Новгородской губ. Григорий Ефимович Медведев¹, на момент записи ему было за 70, неграмотен. — Сказки и песни Белозерского края ... С. 69–70, № 45.

Несмотря на свой солидный возраст, сохранился Григорий Ефимович очень хорошо. Неграмотен. Женат и имеет 9 детей, из которых 7 дочерей и 2 отделившихся от отца сына.

Григорий Ефимович отличается значительной ленью, отчего хозяйство ведет неважно, что и вызвало отделение сыновей. В своих движениях крайне неповоротлив; курит, не выпуская изо рта трубку. Сварлив и любит поругаться. Не прочь и выпить.

Из всех крестьян у него оказалось во время нашей жизни в Терехове больше всего свободного времени, отчего от него и записано значительное количество сказок. Много знает сказок непристойных; рассказывает сказки не спеша. — *Б. и Ю. Соколовы.*

Поп Пахом. Записано от Семена Ивановича Семенова, псаломщика церкви с. Раменье Кирилловского у. Новгородской губ., — старика лет за 60. — Там же. С. 151–152, № 83.

Семен Иванович — страстный охотник и рыболов. Образование получил минимальное; в образе своей жизни мало отличается от крестьянина. Знает заговоры, а также немало сказок, но в большинстве случаев они совершенно неудобного для печати характера. Этим сказкам он, по собственному признанию, научился, еще будучи учеником духовного училища, от одного монаха. — *Б. и Ю. Соколовы.*

Рыбы головы. Архив Имп. Рус. геогр. о-ва (I, 57). — Северные

¹ Замечайте имена и фамилии, названия населенных пунктов. Они, как и то, что фамилия случайно не записана, — свидетельства того, что миф проникает собою все.

сказки Н. Е. Ончукова ... С. 190–191, № 72.

Петух и курица. Записано в Шуньге (Повенецкий у. Олонецкой губ.) от одной старушки; имени ее Н. Е. Ончуков, случайно, не записал. — Там же. С. 483–484, № 215.

«Я у их был, да мед пил...» Записано в Пермской губ. — Материалы для этнографии Закамья ... № 44. С. 224; Великорусские сказки Пермской губернии ... С. 429, № 94.

Песни

Сказка складка, песня — быль

«Не ясен-то ли сокол по горам летал...» Записано в Вологодской губ. — Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний ... С. 139–141, № 30.

«Калинку с малиною вода поняла...» Эта и две следующих песни записаны в Саратовской губ. — Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии ... С. 45–46, № 1.

«На степи-то, степи, на Саратовской...» — Там же. С. 61–62, № 12.

«Как бывало мне ясну соколу да времечко...» — Там же. С. 77, № 31.

«Ты, дуброва моя, дубровушка...» — Сказания русского народа ... Т. 1, кн. 3. 1841. С. 202, № 2.

«Стругал стружки добрый молодец...» — Там же. С. 202, № 4.

«Ты, рябинушка, ты, кудрявая...» — Там же. С. 203–204, № 8.

«Не спала-то я, младешенька, не дремала...» — Там же. С. 205, № 17.

Песни годового круга

Масленица, оклички весны

Масленица — гулёный праздник... Записано в 1967 г. в д. Купреево Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. — Традиционный фольклор владимирской деревни ... С. 129, № 16.

Несу свинью, эй да масляницу! Записи производились в начале XX в. во Владимирской губ.: в д. Исаково Гороховецкого у. (*«Тинька, тинька...»*), *«Прошли двory...»*), д. Илькино и д. Наседкино Покровского у. (*«Масляница, обманища...»*), *«Масляница-блиноеда...»*),

с. Ильинское Судогодского у. («*Масляница, масляница...*», «*Масляница загорела...*», «*Курва, курва-масляница...*») и д. Антонка Переяславского у. («*Ай, масляница, обманища!...*»). — Соболев А. Н. Детские игры и песни ... С. 36–40.

Хороним покойничка. Записано в Переславль-Залесском у. Владимирской губ. в начале 1920-х гг. — Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде ... С. 22–23.

«*Ты, пчёлынька...*» — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. 1898. С. 338, № 1181.

«*Весна красна!...*» Записано в Тимском у. Курской губ. от крестьянки Пелагеи Колышовой. — Там же. С. 337, № 1175.

«*Кулик-самарот...*» Записано в 1904 г. в д. Хитровка Суджанского у. Курской губ. — Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии ... С. 184.

«*Батюшка Егорей...*» Записано от солдата с. Палкино Галицкого у. Костромской губ. — Потанин Гр. [Н.] Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы ... Вып. 2. С. 177.

Сев

«*Пошли, Господи, в поле хлеба...*», «*Уроди, Господи, на продажу...*», «*Уроди, Господи, на всякую долю...*», «*Господи, благослови и уроди...*», «*Пророче божий Еремия...*» Записано в Переславль-Залесском у. Владимирской губ. — Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде ... С. 51–52.

«*Юрий, вставай рано...*», «*Святый Юрья, божий посол...*» — Барсова Е. В. Юрьев день ... С. 112–113.

«*Христос, полетишь на небеси...*» Записано в д. Михалево Дмитровского края (нынешний Дмитровский р-н Московской обл.) в конце 1920-х гг. — Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае ... С. 26.

Семик. Троица

«*Береза моя, березанька...*» Записано в 1974 г. в с. Ярки Черепановского р-на Новосибирской обл. от М. П. Ленковой, 1906 г. р. — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков ... С. 215, № 429.

«На Семик рядили березку, на Троицу — разряжали...» Записано в 1966 г. в с. Битюгово Муромского р-на Владимирской обл. — Традиционный фольклор владимирской деревни ... С. 131, № 23.

«На Троицу яичницу варили...» Записано в 1967 г. в с. Окшово Меленковского р-на Владимирской обл. — Там же. № 22.

«Терень-ту зеленой...» Архив Ин-та рус. лит. РАН (г. Санкт-Петербург). Рукоп. отд. Разр. V (далее: ИРЛИ). К. 69. П. 15. № 293. — Потешки. Считалки. Небылицы ... С. 260–261, № 575.

По лугам, по лугам разливалась вода... Песни записаны в начале XX в. во Владимирской губ.: в д. Ильинка Покровского у. («Во лесу, во лесочке...»), с. Бабаево Владимирского у. («На поляне, на лу-гу...») и в г. Суздале («По лугам, по лугам разливалась вода...»). — Соболев А. Н. Детские игры и песни ... С. 41–42.

«Березка, березка...», «Покумимся, кума, покумимся...» Записано в конце 1920-х гг. в с. Федоровское Дмитровского края. — Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае ... С. 26–27.

«Кукушечка ряба!..» Записано в д. Горбуновка Дмитровского у. Орловской губ. — Иваненко Н. Этнографические материалы из Орловской губернии ... С. 328.

«Уж вы, кумки...» Записано в Мещовском у. Калужской губ. — Ляметри П. Этнографический очерк Мещовского уезда ... № 27 (2 июля). С. 352, № 1.

«Кострома моя, Костромушка...», «Кострома, Кострома...», «Во поле было, во поле...» Песни с. Климово и Акиманской слободы Муромского у. Владимирской губ. — Добрынкина Е. П. Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде ... С. 101–102.

Купала

«Ноньча Купáлы, завтра Ива́ны...» Записано в Курской губ., в с. Козино. — Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии ... С. 151–152, № 135.

«Торóх, торóх по дорозе!..» — Малороссийские песни ... С. 166, № 8.

«Купала на Ивана!..» — Белорусские песни ... С. 43–44 (3-й паг.), № 78.

«У пана Ивана...» Записано в г. Гомеле Могилевской губ. — Там же. С. 46 (3-й паг.), № 82.

«*Марья Ивана в жито звала!..*» Записано в 1969 г. в г. Поречье Смоленской обл. от И. П. Казаковой, 1913 г. р., и Е. П. Емельяненко-ковой, 1906 г. р. — Поэзия крестьянских праздников ... С. 460–461, № 639.

Жатва

«*Уж мы вьем, вьем бороду...*» Записано от А. Л. Богдановой, 68 лет, грамотной, в д. Усть-Покшеньга Пинежского р-на Архангельской обл. — Обрядовая поэзия Пинежья ... С. 24, № 15.

«*Ты, Пречистая мать...*» Записано в 1938 г. в Ильинском р-не Смоленской обл. от Н. А. Забеллы. — Поэзия крестьянских праздников ... С. 523–524, № 729.

«*Яровая спорыня!..*» Записано в Смоленском у. Смоленской губ. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. С. 373–374, № 1273.

«*Ох, и слава Богу, что жито пожали!..*» — Там же. С. 375, № 1281; Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае ... С. 34.

Святки

Бабы глядят, а девки чудят... Записано в 1967 г. в д. Купреево Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. — Традиционный фольклор владимирской деревни ... С. 128, № 13.

«*Таусень, летел соколок...*» Записано в 1966 г. в д. Битюгово Муромского р-на Владимирской обл. — Там же. С. 129, № 15.

«*Как у нашего хозяина...*» Записано в 1967 г. в д. Купреево Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. — Там же. С. 128, № 14.

«*Овсей, Овсей шел по дорожке...*» Записано в Переславль-Залесском у. Владимирской губ. — Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде ... С. 15–16.

«*Государь ты наш, Сидор Карпович!..*» — [Чулков М. Д.] Новое и полное собрание российских песен ... Ч. 3. 1780. С. 129–130, № 127.

«*Пашоў казёл и ў гарод...*» Записано в д. Дунаево Бельского у. Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 4. Москва, 1903. С. 64, № 107.

«Проходила Коледа наперед Рождества...» Записано в Псковской губ. — Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. С. 305–306, № 1030.

«Пришла Коляда накануне Рождества...» Записано в Твери. — Там же. С. 306, № 1032.

«Как ходила Коляда накануне Рож[д]ества...» — Бессонов П. [А.] Детские песни ... С. 246–248, № 148.

«Ходить Ёлья на Василья...» Записано в 1904 г. в д. Хитровка Суджанского у. Курской губ. — Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии ... С. 184–185.

«Уроди, Боже, всякого жита...» Записано в Тульской губ. — Сказания русского народа ... Т. 2, кн. 7. С. 2–3.

«Ходить Илья на Василя...» — Калеки переходящие ... С. 32, № 533.

«Дева Мария по земле ходила...» Записано в 1976 г. в с. Озерно-Титово Карасукского р-на Новосибирской обл. от А. И. Казаковой, 1908 г. р. — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков ... С. 78–79, № 100.

«Ходит Илья на Василя...» Записано в с. Серафимовка Ольгинского р-на Владивостокского окр. от переселенцев из Суражского у. Черниговской губ. — Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке ... С. 31, № 5.

«Новый год пришел...» Записано в с. Дуброво Судогского у. Владимирской губ. в начале XX в. — Соболев А. Н. Детские игры и песни ... С. 29.

Подблюдные песни-гадания

«Летел соловей через житенку...», «Полно те, иголицька, в коробоцьке лежать...» Записано в д. Тереховы-Малаховая Белозерского у. Новгородской губ. от девицы Татьяны Адриановны Шарашовой, за 20 лет. — Сказки и песни Белозерского края ... С. 403, № 356–357.

«Плывет медведь по речушке...» Записано в Мещовском у. Калужской губ. — Ляметри П. Этнографический очерк Мещовского уезда ... № 28 (9 июля). С. 369, № 4.

«Ходит Микола по погребу...», «По горам хожу, полотно стелю...», «Стоят санки сонаряжены...», «Сидит воробей на Новом городе...» Записано в 1905 г. на Байкале, в с. Горячинское, от Александры Ивановны Прокушевой, старухи-крестьянки. Она известна

на селе как первая специалистка обрядовых и других песен и приглашается девицами для руководства при гаданиях. — Записки Антона Михайловича Станиловского ... С. 149–151 (2-й паг.).

«За рекой живут мужики богатые...», «Куручка-погребушечка...» Записано в Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ. от Авдотьи Алексеевны Мутовиной. — Макаренко А. [А.] Сибирский народный календарь в этнографическом отношении ... С. 43–44.

«Золотые ключи во пшеницу ушли...» Записано в Калужской обл. — Обрядовая поэзия ... С. 298, № 1632.

«Летел коршун с чужой стороны...» Записано в Вятской губ. — Песни Северо-Восточной России ... С. 245, № 15.

«Скидывай портки...» Записано в Калужской обл. — Обрядовая поэзия ... С. 295, № 1618.

«Висять скатирти на папирти...» Записано в с. Тесово Смоленского у. Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 4. С. 70, № 19.

«Идет Смерть по улице...» Записано в д. Сторожевая Чернского у. Тульской губ. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. С. 325, № 1136.

«Белю, побелю белó полотно...» Записано в 1959 г. в д. Бобылица Пыщугского р-на Костромской обл. от Т. У. Хариновой, 1893 г. р. — Поэзия крестьянских праздников ... С. 221, № 314.

«Везут бревно на семи лошадях...» Записано в 1959 г. от отдохавших в Крыму костромчан. — Там же. С. 227, № 333.

«Растворю я квашонку на доньшке...» — Для русских Святков : песни, музыка и гадания ... С. 20, № 4.

«Щука шла из Нова-города...» — Сказания русского народа ... Т. 1, кн. 3. С. 13, № 14.

«Как идет ли кузнец да из кузницы...» — Для русских Святков : песни, музыка и гадания ... С. 23, № 13.

«Сидять галубычки на пралубычки...» Записано в [д.] Бочарово Юхновского у. Смоленской губ. — Смоленский этнографический сборник ... Ч. 4. С. 73, № 66; Обрядовая поэзия ... С. 300, № 1638.

«Свился клен да с березою...» Эта и следующая песни записаны в Калужской обл. — Обрядовая поэзия ... С. 301, № 1643.

«Коровка ходит по ельничку...» — Там же. С. 298, № 1633.

«Лодочка от одного берега отстала...» Записано в 1959 г. в д. Голыши Пыщугского р-на Костромской обл. от Ф. И. Коврыжниковой, 1889 г. р. — Поэзия крестьянских праздников ... С. 205, № 269.

Свадебные песни

Заручины. Песни сватов

«С-под високога циряма...» Песня Городокского у. Витебской губ. — Белорусские народные песни ... С. 470, № 56.

«Уж вы гуси, уж вы лебеди...» Записано в 1937 г. в д. Кoryтово Кубенозерского р-на Вологодской обл. от Лидии Петровны Пи-меновой, 62 лет. — Лирика русской свадьбы ... С. 40, № 70.

«Уж вы соколы, соколы...» Записано в д. Утевка Утевского р-на Куйбышевской обл. от Александры Прокофьевны Клемановой, 38 лет. — Там же. № 71.

Причеты невесты

«Как при вечере, вечере...» Записано в с. Ахлебино Калужского у. Калужской губ. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 2. 1900. С. 593, № 1962.

«Мне нощь, молодешеньке, мало спалось...» Песню исполнила Елизавета Ивановна Денисова, 83 лет, жительница д. Крымкор Чердынского р-на Пермской обл. Запись 1960 г. — Чердынская свадьба ... С. 93–95, № 48.

«Ты прощай, прощай, красна девица!..» — Там же. С. 131.

«По морю, морю...» Записано в 1904 г. в Тобольской губ. — Ларионова М. Зырянская и русская свадьба в Обдорске ... С. 336–337, № 3.

Песни жениху

«Что не шáричѣк по горенке каталсы...» Записано в 1969 г. в д. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл. Исполнил песню хор женщин. — Традиционный фольклор Новгородской области ... С. 160, № 339.

«У сахарного древичка одна была веточка...» Записано в Красноуфимском у. Пермской губ. — Песни, собранные писателями ... С. 474, № 36.

«Не по сахару речка бежит...» Записано в 1972 г. в д. Куклино Солецкого р-на Новгородской обл. от И. Д. Каузовой, 75 лет. — Традиционный фольклор Новгородской области ... С. 160, № 340.

Застольные песни

«У Степана-то дом да на семи верстах стоит...» Записано в г. Кеми в 1963 г. Песню исполнили Александр Петрович Умбачев, 66 лет, Зинаида Михайловна Ломова, 56 лет, и группа женщин. — Русские народные песни Карельского Поморья ... С. 110–111, № 144.

«Как и по-саду, саду...» Записано на руднике Зигаза (Белорецкий р-н Башкирии) в 1938 г. Песню исполнили Фиона Степановна Авдеева, 63 лет, и хор. — Лирика русской свадьбы ... С. 161, № 319.

«У сизого голубя...» Записано в 1946 г. в д. Мелекса Новолодожского р-на Ленинградской обл. от Зинаиды Васильевны Игнатьевой, 55 лет. — Там же. С. 162, № 320.

«Окол Нового города...» Записано в 1964 г. в д. Гридино Кемского р-на (Карельское Поморье) от Зинаиды Киприяновны и Анны Самсоновны Мехниных, 60 и 46 лет. — Русские народные песни Карельского Поморья ... С. 116, № 154.

Хороводные, игровые песни

Наборные песни

«Уж ты верба, вербушка...» Записано в Крестецком у. Новгородской губ. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. С. 60–61, № 320.

«Я на камешке сажу...» — Сочинения П. И. Якушкина ... С. 704, № 85.

Игровые песни

Семь загадок. Записано в Вологодской губ. — Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний ... С. 5–6.

«Как по морю, как по морю...» — Александров В. Деревенское веселье в Вологодском уезде ... С. 187.

«Я по жердочке шла...» Записано в с. Околчино Тульской губ. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. С. 118, № 475.

«Между горочек шла...» Записано в Островском у. Псковской губ. — Там же. № 477.

«Гей у поли вышня, чому не черешня...» — Собрание русских народных песен ... Ч. 1. Л. 68, № 1.

«Заплетися, плетень, заплетися...» — Игры для всех возрастов ... Ч. 1. С. 152–153.

«Соловеечку, спадку, спадку!..» Записано в Купянском у. Харьковской губ. — Игры крестьянских детей в Купянском уезде ... С. 76–77, № 92.

«Как ты, утена...» Записано в с. Беловолжское Чебоксарского у. Казанской губ. — Магнитский В. Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии ... С. 106, № 20.

«Зайчик беленикай, ушки череники...» Записано в 1977 г. в с. Кутарбитка под Тобольском от Кристины Сергеевны Смирных, 1907 г. р., и О. А. Редькиной, 1927 г. р., русских. — Хороводные и игровые песни Сибири ... С. 22, № 16.

«Скочил козел в огород...» Записано в 1971 г. в с. Мереть Сузунского р-на Новосибирской обл. от М. С. Окороковой, 1902 г. р., русской, родом с Украины, в Сибири с 1907 г. — Там же. С. 20–21, № 14.

«Дома ль кум воробей?..» Записано в Тверском у. Тверской губ. в 1859 г. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах ... Т. 1, вып. 1. С. 105, № 449.

Разборные песни

«Свинья ходит по бору, по бору...», «Заяц белый, где был?..» Обе песни записаны в Бузулукском у. Оренбургской губ., первая — в д. Столбики. — Песни, собранные П. В. Киреевским ... Вып. 1 : Песни обрядовые. 1911. С. 316, № 1146.

«Что на тоненькой ледок...» Записано в Лужском р-не Ленинградской обл. — Русские народные песни, записанные в Ленинградской области ... С. 168, № 258; вариант: д. Кундыриха Вологодского у. Вологодской губ. — Александров В. Деревенское веселье в Вологодском уезде ... С. 175.

Частушки

«Ставь-ка, милка, самовар...» Записано в 1905 г. на Байкале, в с. Горячинское. — Записки Антона Михайловича Станиловского ... С. 154 (2-й паг.).

«Все бы я к тебе ходил...», «Не брани, мамо, меня...», «Машина к станции подходит...», «Хоть играй, хоть не играй...», «Цяй пила, баранки ела...» Записано от крестьянки Екатерины Васильевны Шарашовой, ок. 30 лет, и девицы Марьи Васильевны Шарашовой, ок. 20 лет, в д. Тереховы-Малаховая Белозерского у. Новгородской губ. — Сказки и песни Белозерского края ... С. 511, 508–509, 505.

«Мы с миленочком сидели...», «Слава богу, понемногу...» — Сказки и песни Вологодской области ... С. 193, 210.

Игры

Бык. — Игры крестьянских детей в Купянском уезде ... С. 47, № 53.

Змейка. — Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов ... Т. 7. 1911. С. 242.

Поймай за хвост дракона! — Шмаков С. А. Ее величество — игра ... С. 47.

Шука. — Онуфриев М. Детские игры у белоруссов ... С. 91, № 9.

Горелки. — Потешки. Считалки. Небылицы ... С. 199–200, № 470.

Утица. — Игры крестьянских детей в Купянском уезде ... С. 65, № 79.

Гуси и волк. — Потешки. Считалки. Небылицы ... С. 206–207, № 481.

Гуси-лебеди. — Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские ... С. 169.

У гуси. — Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии ... С. 182–183, № 14.

Заинька. — Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские ... С. 189–190.

Волк и дети (Медведь). — Там же. С. 172.

В волки. — Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии ... С. 186.

У медведя на бору. — Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские ... С. 172–173.

Костромушка. — Соболев А. Н. Детские игры и песни ... С. 15–16.

Каравай. — Потешки. Считалки. Небылицы ... С. 220, № 493.

Цепи кованные. — Там же. С. 211–212, № 486.

Гуськи. — Соболев А. Н. Детские игры и песни ... С. 16–17.

В мертвеца. ИРЛИ. К. 69. П. 12. № 12. Л. 9. — Потешки. Считалки. Небылицы ... С. 211, № 485.

Редька. — Детские игры в Симикаракорской станице ... № 19 (8 марта). С. 3, № 7.

У рэпу. — Онуфриев М. Детские игры у белоруссов ... С. 93–94, № 31; Игры народов СССР ... С. 115.

Молчанка. — Детские игры ... С. 11–12.

Ящер. — Терещенко А. [В.] Быт русского народа ... Ч. 4. С. 290–292.

Коришун. — Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии ... С. 184–185; Детские игры в Симикаракорской станице ... № 11 (8 февр.). С. 4, № 1.

Баба сеяла горох. — Потешки. Считалки. Небылицы ... С. 219–220, № 492.

Золотые ворота. — Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские ... С. 197–198.

По мнению немецких ученых, игра эта имеет очень древнее происхождение. Они думают, что она изображает собою поезд душ умерших людей, который идет, как то гласят сказания язычников, по дороге к обнесенному решеткой царству мертвых *Halja* через мост смерти. На этом мосту сидит судящая *Nodhgylha* и советуется со своим братом насчет вопросов, которые ей придется задавать, а черт затевает спор и драку с ангелами за обладание душ¹. — Е. А. Покровский.

В щуку. — Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии ... С. 179, № 7.

Вареная репка, Рипка, Колесо. — Игры крестьянских детей в Купянском уезде ... С. 48–49, № 56.

Загадки

Балов А. [В.] Народные загадки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии ...

Гос. Ист. музей (г. Москва). Отд. письм. источников. Ф. 450. Ед. хр. 50. С. 112.

¹ Wagner H. Illustriertes Spielbuch für Knaben. 1878. S. 19–20.

Загадки, приветствия при встрече, шутки и остроты крестьян Вологодской губернии ...

Загадки русского народа ...

Записки Антона Михайловича Станиловского ... С. 118–121 (2-й паг.).

Ляметри П. Этнографический очерк Мещовского уезда ... № 28 (9 июля). С. 367–369.

Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии ... С. 238–243.

Меткое слово : Песни, сказки ... С. 51–82.

Песни и сказки Пензенской области ... С. 97–110.

Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья ... С. 192–196.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым ... Т. 3. С. 209–211.

Попов Н. [А.] Народные предания жителей Вологодской губернии, Кадниковского уезда ... Вып. 1/2. С. 199–201.

Русский фольклор в Литве ... С. 106–117.

Рыбникова М. А. Загадки ...

Сказания русского народа ... Т. 1, кн. 2. С. 91–104.

Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях ... С. 173–175.

Шорский фольклор ... С. 351–355.

*

Принятые сокращения единиц административно-территориального деления и населенных мест:

вол. — волость

губ. — губерния

нац. окр. — национальный округ

нац. р-н — национальный район

обл. — область

окр. — округ

р-н — район

у. — уезд

г. — город

д. — деревня

м. — местечко

пос. — поселок

раб. пос. — рабочий поселок

с. — село

сел. — селение

ул. — улус

Старые меры

Здесь приводятся лишь те старые русские меры, что встречаются в тексте книги.

Меры длины

Аршин (16 вершков)	71,12 см
Верста (500 саженей)	1,0668 км
Вершок	4,45 см
Локоть	38–46 см
Поприще (около 20 верст)	21,2 км
Сажень (3 аршина)	2,1336 м
Четверть ($\frac{1}{4}$ аршина)	17,78 см

Меры веса

Пуд (40 фунтов)	16,38 кг
Фунт	409,51 г

Меры объема

Бочка (40 ведер)	491,96 л
Ведро	12,3 л
Мера	26,24 л
Осьмина ($\frac{1}{8}$ кади)	104,95 л
Четверть ($\frac{1}{4}$ ведра)	3,0743 л

Символы и знаки

Знаки Зодиака	Планеты	Восточный календарь
♈ Овен	♂ Марс	🐇 Заяц
♉ Телец	♀ Венера	🐲 Дракон
♊ Близнецы	☿ Меркурий	🐍 Змея
♋ Рак	☾ Луна	🐎 Лошадь
♌ Лев	☼ Солнце	🐏 Баран
♍ Дева	♃ Прозерпина	🐼 Обезьяна
♎ Весы	♄ Хирон	🐓 Петух
♏ Скорпион	♅ Плутон	🐕 Собака
♐ Стрелец	♃ Юпитер	🐗 Кабан
♑ Козерог	♄ Сатурн	🐭 Крыса
♒ Водолей	♅ Уран	🐮 Бык
♓ Рыбы	♆ Нептун	🐅 Тигр

Гипотетические планеты и Стражи Неба

♄ Вулкан	♄ Рази	♄ Шатаваэш
♄ Изиды	♄ Рапитвина	♄ Тиштар
♄ Озирис	♄ Аз(а)	♄ Хауранга
♄ Анупис	♄ Вакшья	♄ Вананд

Фиктивные точки

♄ Раху (Восходящий узел)	♄ Селена (Белая Луна)
♄ Кету (Заходящий узел)	♄ Лилит (Черная Луна)

В одной строке со знаками Зодиака — планеты, чьей обителью знак является, и годы восточного календаря, соответствующие прохождению Юпитера по этим знакам. Гипотетические планеты — предполагаемые планеты (см. с. 137), Стражи Неба — супруги Вакшья (см. с. 73). Фиктивные точки — точки пересечения орбиты Луны с плоскостью эклиптики (Раху и Кету) и апогей и перигей лунной орбиты (Лилит и Селена).

Источники текстов

Александров В. Деревенское веселье в Вологодском уезде : этнографические материалы // Современник. 1864. № 7. С. 169–200.

Арат. Явления // Небо, наука, поэзия : античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / пер. и коммент. А. А. Россиуса. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 24–61.

Арат пересказал стихами книги жившего столетием раньше Евдокса Книдского «Явления» и «Зеркало природы». Евдокс же пользовался еще более древними источниками, восходящими к передаваемой устно традиции. Звездное небо, описанное в поэме Арата, было таким за полторы тысячи лет до Евдокса (об этом можно судить по положению небесного экватора и тропиков, меняющих свои координаты из-за медленного перемещения среди звезд Полюса мира). Интересно, что широта, на которой велись наблюдения, определена (по границе южных звезд) как 36° сев. ш., что соответствует нынешним Криту, Кипру, северу Ирана.

Балов А. [В.] Народные загадки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 114–116.

Барсова Е. В. Юрьев день // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Т. 13, вып. 1. Москва : Унив. тип. (Катков и К^о), 1874. С. 110–114. (Тр. Этногр. отд. ; кн. 3, вып. 1).

[Барышникова А. К.] Сказки Куприянихи / запись сказок, ст. о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. [Воронеж] : Обл. книгоизд-во, 1937.

Башкирские предания и легенды / сост., вступ. ст., коммент. Ф. Надршиной. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1985.

Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями / сб. П. В. Шейна. Санкт-Петербург : Тип. Майкова, 1874.

Белорусские народные сказки / пересказ А. Якимовича ; пер. с белорус. Г. Петникова. Минск : Госиздат Белорус. ССР, Ред. дет. и юнош. лит., 1958.

Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / изд. П. Бессонов издержками О-ва любителей рос. словесности. Москва : Тип. Бахметева, 1871.

Бессонов П. [А.] Детские песни. Москва : Тип. Бахметева, 1868.

Бразильские сказки и легенды / пер. с португ. Москва : Гослитиздат, 1962.

Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов : в 11 т. Санкт-Петербург, 1910–1911.

Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. : материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 1, вып. 1–2 / Имп. Акад. наук. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1898–1900.

Великорусские сказки Вятской губернии / сб. Д. К. Зеленина. Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1915. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 42).

Великорусские сказки Пермской губернии / сб. Д. К. Зеленина. Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1914. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 41).

Волжский фольклор / сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. [Москва] : Сов. писатель, 1937.

Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке : в 7 вып. Вып. 4. Фольклор Приморья. Владивосток : Тип. Дальневост. гос. ун-та, 1929. (Тр. Дальневост. гос. ун-та. Сер. 3, [Краеведение]. № 9).

Г[ерасимо]в Б. Г. Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая // Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. Вып. 7. Семипалатинск : Электротиполитограф. торг. д. «П. Плещеев и К^о», 1913. С. 1–87 (5-й паг.).

Детские игры. Вып. 4. Москва : Олимп : АСТ, 1999.

Детские игры в Симикаракорской станице / сообщил В. Секретев // Донские областные ведомости. 1875. № 11, 14, 19 (8, 18 февр., 8 марта).

Для русских Святков : песни, музыка и гадания / изд. В. Алферьева. Москва : Тип. С. Селивановского, 1835.

Добрынкина Е. П. Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии

и этнографии при Моск. ун-те. Т. 13, вып. 1. Москва : Унив. тип. (Катков и К^о), 1874. С. 100–104. (Тр. Этногр. отд. ; кн. 3, вып. 1).

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов ; АН СССР. 2-е изд., доп. Москва : Наука, 1977. (Литературные памятники).

Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге-реке // Тр. Костром. науч. о-ва по изучению мест. края. Вып. 8. Кострома : Тип. Риттер, 1917. С. 3–40.

Загадки, приветствия при встрече, шутки и остроты крестьян Вологодской губернии // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 482–488.

Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. Санкт-Петербург : Тип. Н. А. Лебедева, 1875.

Записки Антона Михайловича Станиловского. С биографическим его очерком. Иркутск : Тип. Т-ва печ. дела, 1912. (Тр. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва ; № 7).

Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3. С. 15–52.

Иваненко Н. Этнографические материалы из Орловской губернии // Живая старина. 1910. Вып. 4. С. 326–338.

Игры для всех возрастов : в 2 ч. Санкт-Петербург : Тип. воен.-учеб. заведений, 1844.

Игры крестьянских детей в Купянском уезде / собрал П. Иванов. Харьков : Тип. К. Счасни, 1889. (Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва ; т. 2, вып. 3).

Игры народов СССР : сборник материалов / сост. В. Н. Всеволодским-Гернгросс, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. Москва ; Ленинград : Academia, 1933.

Калеки переходные : сборник стихов и исследование П. Бессонова. Ч. 2, вып. 6. Москва : Тип. Бахметева, 1863.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / сост., вступ. ст. и примеч. Ф. Ф. Болонева и М. Н. Мельникова ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1981.

Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии : этнографические материалы // Нижегородский сборник

/ изд. Нижегород. губерн. стат. ком. Т. 4. Нижний Новгород : Тип. Нижегород. губерн. правления, 1871. С. 167–238.

Куликовский Г. И. Поездка в село Вохтому // Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 96–97 (12, 16 дек.).

Ларионова М. Зырянская и русская свадьба в Обдорске (Тобольской губернии) // Ежегодник Рус. антропол. о-ва при Имп. С.-Петербург. ун-те. Санкт-Петербург : Тип. Э. Арнгольда, 1905. С. 327–354.

Легенды и мифы Севера / сост. В. Санги. Москва : Современник, 1985.

Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. Москва : Современник, 1989. (Классическая библиотека «Современника». Сокровища русского фольклора).

Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова ; АН СССР. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. (Литературные памятники).

Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. Санкт-Петербург, 1862. (Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко : в 4 вып. ; вып. 3).

Лосев С. А. В дороге // Олонецкие губернские ведомости. 1906. № 83–84 (3, 5 авг.).

Ляметри П. Этнографический очерк Мещовского уезда // Калужские губернские ведомости. 1860. № 26–28 (25 июня, 2, 9 июля).

Магнитский В. Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань : Унив. тип., 1877.

Макаренко А. [А.] Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1913. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 36).

Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. Москва : Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1827.

Малорусские народные предания и рассказы / свод М. Драгоманова ; Юго-Зап. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. Киев : Тип. М. П. Фрица, 1876.

Материалы для этнографии Закамья / из сб. П. А. Вологодина // Пермские губернские ведомости. 1863. № 32–33, 36–44.

Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2 : Народная словесность // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Т. 30, вып. 2. Москва : Типолитограф. С. П. Архипова и К^о, 1878. (Тр. Этногр. отд. ; кн. 5, вып. 2).

Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах : в 2 кн. Москва : Сов. Россия, 1984.

Меткое слово : Песни. Сказки : дореволюционный фольклор Прикамья / собрал В. Н. Серебренников. Пермь : Кн. изд-во, 1964.

Миролюбов Ю. [П.] Прабкино учение : сборник рассказов. Мюнхен, 1977.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Мифологические сказки и исторические предания нганасан / запись и подгот. текстов, введ. и коммент. Б. О. Долгих ; АН СССР, Ин-т востоковедения. Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. (Сказки и мифы народов Востока).

Мифы и предания папуасов маринд-аним / пер. с нем. Г. Л. Пермякова и М. С. Харитоновой. Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981. (Сказки и мифы народов Востока).

Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / выявл. и собр. П. Г. Григорьевым, подгот. к печ. В. Д. Дмитриевым ; предисл. и коммент. В. Д. Дмитриева ; Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1972.

М[oiseев] А. А. Из преданий о кладах // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 77 (9 окт.).

Московские легенды, записанные Евгением Барановым / сост., вступ. ст. и примеч. В. Боковой. Москва : Лит. и политика, 1993.

Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским. Санкт-Петербург : Тип. А. Бородина и К^о, 1841.

Народные песни Галицкой и Угорской Руси / сост. Я. Ф. Головацкий ; изд. О. М. Бодянский. Ч. 2 : Обрядные песни // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Кн. 1. Москва : Унив. тип., 1864. С. 1–176 (3-й паг.).

Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым / изд. Н. Щепкина и К. Солдатенкова. Москва : Тип. В. Грачева и К^о, 1859.

Нижегородские мари́йцы : сборник материалов для изучения этнической культуры мари́йцев / сост. Н. В. Морохин ; М-во культуры Респ. Марий Эл, Респ. центр нар. творчества. Йошкар-Ола, 1994.

Обрядовая поэзия : календарный фольклор / сост. Ю. Г. Круглов. Москва : Рус. кн., 1997. (Библиотека русского фольклора ; т. 3).

Обрядовая поэзия Пинежья : материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.). Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Онуфриев М. Детские игры у белоруссов (село Хоново Быховского уезда) // Могилевская старина : сборник статей «Могилевских губернских ведомостей». Вып. 3 : Годы 1902–1903. Могилев на Днепре : Тип. губерн. правления, 1903. С. 88–94.

Орочские сказки и мифы / сост. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1966.

Очерки Северо-Западной Монголии : результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Имп. Рус. геогр. о-ва чл.-сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. 2. Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1881.

Памятники отреченной русской литературы : в 2 т. / собр. и изд. Н. Тихонравовым. Москва : Унив. тип. (Катков и К^о), 1863.

Перетц В. Н. К истории Лунника. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1901. (Материалы к истории апокрифа и легенды : в 2 т. ; т. 2).

Пермский сборник : в 2 кн. Москва : Тип. Лазарев. Ин-та вост. языков : Тип. Грачева и К^о, 1859–1860.

Песни и сказки Пензенской области / сост. А. П. Анисимова. Пенза : Кн. изд-во, 1953.

Песни и сказки Поимского района / сост. А. П. Анисимова ; под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Пенза : Обл. изд-во, 1948. (Фольклор Пензенской области ; вып. 1).

Песни Северо-Восточной России : песни, величания и причеты / запис. А. Васнецовым в Вят. губ. Москва : Типолитогр. Д. А. Бонч-Бруевича, 1894.

Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья / сост. и авт. примеч. Т. М. Акимова и В. К. Архангельская. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия : в 2 вып. / О-во любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. Москва, 1911–1929.

Песни, собранные писателями : новые материалы из архива П. В. Киреевского / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1968. (Литературное наследство ; т. 79).

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 т. Изд. 2-е. Москва : Сотр. школ, 1909–1910.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские : (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Типолитограф. В. Ф. Рихтер, 1895.

Попов Н. [А.] Народные предания жителей Вологодской губернии, Кадниковского уезда (этнографический материал собран в 1857 г.) // Живая старина. 1903. Вып. 1/2. С. 188–224 ; Вып. 3. С. 361–384.

Потанин Гр. [Н.] Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 23–60 ; Вып. 2. С. 167–235.

Потешки. Считалки. Небылицы / сост., послесл. и примеч. А. Н. Мартыновой. Москва : Современник, 1997.

Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Ленинград : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витеб. Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск : Губерн. типолитограф., 1897.

Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии // Тр. Курск. губерн. учен. арх. комис. Вып. 1. Курск : Тип. Курск. губерн. земства, 1911. С. 172–249.

Русская бытовая сказка / отобрал из кн. и рукоп. В. Бахтин. Ленинград : Лениздат, 1987.

Русская сказка : избранные мастера : в 2 т. / ред. и коммент. М. Азадовского. Москва ; Ленинград : Academia, 1932.

Русские народные песни, записанные в Ленинградской области, 1931–1949 гг. / сост. В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева ; АН СССР, Ин-т рус. лит. Ленинград ; Москва : Музгиз, 1950.

Русские народные песни Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова ; АН СССР, Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971.

Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым // *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым* : в 5 т. Т. 4. Москва : Тип. В. Грачева и К^о, 1862. С. 3–111 (2-й паг.).

Русские народные сказки / сост. Э. В. Померанцева. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1957.

Русские народные сказки А. Н. Афанасьева : в 5 т. Изд. 4-е. Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913–1914.

Русские сказки Восточной Сибири / сб. А. Гуревича. Иркутск : ОГИЗ, 1939.

Русский фольклор в Литве / исслед. и публ. М. К. Митропольской ; М-во высш. и ср. спец. образования Лит. ССР, Вильн. гос. ун-т им. В. Капсукаса. Вильнюс, 1975.

Рыбникова М. А. Загадки. Москва ; Ленинград : Academia, [1932].

Саамские сказки / запись, пер. с саам., обраб., предисл. и примеч. В. В. Чарнолуцкого. Москва : Гослитиздат, 1962.

Северные сказки / сост. В. И. Вардугина. Саратов : Надежда, 1993.

Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.) / сб. Н. Е. Ончукова. Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1909. (Зап. Импер. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 33).

Сказания бурят, записанные разными собирателями / изд. на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева. Иркутск : Тип. К. И. Витковской, 1890. (Зап. Вост.-Сиб. отд. Импер. Рус. геогр. о-ва по этнографии ; т. 1, вып. 2).

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым : в 2 т. Изд. 3-е. Санкт-Петербург : Тип. Сахарова, 1841–1849.

Сказки и мифы Океании / пер. с зап.-европ. и полинез. яз. ; АН СССР, Ин-т востоковедения. Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1970. (Сказки и мифы народов Востока).

Сказки и песни Белозерского края / записали Б. и Ю. Соколовы ; Отд-ние рус. яз. и словесности Импер. Акад. наук. Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1915.

Сказки и песни Вологодской области. Вологда : Обл. кн. ред., 1955.

Сказки и предания алтайских тувинцев / собр. Э. Таубе ; авториз. пер. с нем. Б. Е. Чистовой. Москва : Вост. лит., 1994. (Сказки и мифы народов Востока).

Сказки и предания Самарского края / собр. и запис. Д. Н. Садовниковым. Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1884. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 12).

Сказки и предания Северного края / запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Москва ; Ленинград : Academia, 1934.

Сказки космогонические и культурные / собрал Е. Р. Романов. Витебск : Типолитогр. Г. А. Малкина, 1891. (Белорусский сборник : в 8 вып. ; вып. 4).

Сказки народов мира / сост. В. П. Аникин [и др.]. Москва : Дет. лит., 1995. (Библиотека мировой литературы для детей ; вып. 2, т. 9).

Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях И. И. Манжурою. Харьков : Тип. К. Счасни, 1890. (Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва ; т. 2, вып. 2).

Сказки Терского берега Белого моря / изд. подгот. Д. М. Балашов. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970.

Сказки Филиппа Павловича Господарева / запись текста, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова ; Науч.-исслед. ин-т культуры Карело-Фин. ССР. Петрозаводск : Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941.

Смирнов В. Клады, паны и разбойники : этнографические очерки Костромского края. Кострома, 1921. (Тр. Костром. науч. о-ва по изучению мест. края ; вып. 26).

Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде : по этнографическим наблюдениям // Старый быт и хозяйство переславской деревни. Переславль-Залесский : Гос. тип. № 12, 1927. (Тр. Пересл.-Залес. ист.-худож. и краев. музея ; вып. 1).

Смоленский этнографический сборник : в 4 ч. / сост. В. Н. Добровольский. Санкт-Петербург ; Москва, 1891–1903. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 20, 23 [вып. 1–2], 27).

Соболев А. Н. Детские игры и песни // Тр. Владим. учен. арх. комис. Кн. 16. Владимир : Тип. губерн. правления, 1914. С. 1–48 (4-й паг.).

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси

XIV–XVII веков : библиографические материалы. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1903.

Собрание русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оному второй части : в 2 ч. Санкт-Петербург : Тип. Шнора, 1806.

Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией и товарищескими о нем воспоминаниями / изд. Вл. Михневича. Санкт-Петербург : Тип. Ф. С. Сущинского, 1884.

Суворов В. Г. Религиозно-народные поверья и сказанья (записаны в Калязинском уезде Тверской губернии) // Живая старина. 1899. Вып. 3. С. 389–397.

Тайные сказы рабочих Урала / сост. Е. М. Блинова. Москва : Сов. писатель, 1941.

Терещенко А. [В.] Быт русского народа : в 7 ч. Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел : Тип. воен.-учеб. заведений, 1848.

Традиционный фольклор владимирской деревни (в записях 1963–1969 гг.) / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1972.

Традиционный фольклор Новгородской области : (по записям 1963–1976 гг.) : Песни. Причитания / изд. подгот. В. И. Жекулина [и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. лит. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. (Памятники русского фольклора).

Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 40 / АН СССР, Ин-т рус. лит. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. С. 260–344.

Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии : заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1904. (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук ; т. 76, № 5).

Хангалов М. Н. Балаганский сборник : сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Томск : Паровая типолитогр. П. И. Макушина, 1903. (Тр. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва ; т. 5).

Хороводные и игровые песни Сибири / вступ. ст., сост. и примеч. Ф. Ф. Болонева и М. Н. Мельникова ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985.

Чердынская свадьба : старинные свадебные песни и причитания / записал И. Зырянов. Пермь : Кн. изд-во, 1969.

Чувашиские легенды и сказки / пер. С. Шуртакова ; сост. Е. С. Сидорова. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979.

[Чулков М. Д.] Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий : в 6 ч. Москва : Унив. тип. у Н. Новикова, 1780–1781.

Шмаков С. А. Ее величество — игра : забавы, потехи, розыгрыши для детей, родителей, воспитателей. Москва : NB Магистр, 1992.

Шорский фольклор / записи, пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой ; Ин-т этнографии АН СССР, Фольклор. комис. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1940.

Эвенкийские народные сказки / сост., вступ. ст. и примеч. М. Г. Воскобойникова. Якутск : Кн. изд-во, 1960.

Яворский Ю. А. Памятники галицко-русской народной словесности. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1915. (Зап. Импер. Рус. географ. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 37, вып. 1).

Японские народные сказки / сост. и пер. с япон. В. Н. Марковой. Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991.

Литература

Сказок и песен издано — море разливанное. Облегчим труд ученого. Назовем здесь некоторые собрания¹. Это — издания источникового характера, первые обширные записи фольклора рубежа XIX–XX веков либо известные сборники сказок, песен, загадок, вобравшие в себя многое из разрозненных публикаций в периодике и книгах. Многие из этих книг неоднократно переиздавались.

Общие работы

Афанасьев А. [Н.] Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. Москва : Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869.

Белякова Г. С. Славянская мифология : книга для учащихся. Москва : Просвещение, 1995.

Коринфский А. А. Народная Русь : круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Москва : Изд. М. В. Клюкина, 1901.

Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия : в 4 ч. / собр. М. Забылиным. Москва : Изд. М. Березина, 1880.

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым : в 2 т. Изд. 3-е. Санкт-Петербург : Тип. Сахарова, 1841–1849.

Т. 1 : кн. 1 : Русская народная литература ; кн. 2 : Русское народное чернокнижие. Русские народные игры. Русские народные загадки и притчи. Русские народные присловья ; кн. 3 : Русские народные песни ; кн. 4 : Былины русских людей. Слово о полку Игоревом. Сказание о нашествии Батыя на русскую землю. Слово Даниила Заточника. Сказание о Мамаевом побоище.

Т. 2 : кн. 5 : Словари русского языка ; кн. 6 : Русские народные свадьбы ; кн. 7 : Русская народная годовщина ; кн. 8 : Путешествия русских людей.

¹ Подробная библиография русского фольклора содержится в серии библиографических указателей «Русский фольклор», издаваемой с 1961 г. Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР (после 1991 г. — РАН). К 2001 г. издано 10 выпусков, описывающих книги, брошюры, журнальные и газетные статьи, вышедшие в 1800–1855, 1881–1985 и в 1991–1995 гг.

Смоленский этнографический сборник : в 4 ч. / сост. В. Н. Добровольский. Санкт-Петербург ; Москва, 1891–1903. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 20, 23 [вып. 1–2], 27).

Ч. 1 : Тексты поверий, сказок, быличек.

Ч. 2 : Кстинные (крестильные) песни. Свадебные песни. Смерть, похороны. Очерки семейных нравов.

Ч. 3 : Пословицы.

Ч. 4 : Игрища. Колядные песни. Васильев вечер (гадания, приметы). Масленица. Возка навоза. Первый период весны. Благовещение (закливание весны). Второй период весны (продолжение веснянок). Песни игровые. Егорьев день. Велик-день. Зялёными святки. Купала-на-Йвана. Петровки. Жнивные песни. Пивные песни. Пирушечные (беседные) песни. Посиделочные песни. Любовные песни. Припевки, песни плясовые, вечериночные и карагодные. Детские песни и игры. Бытовые песни. Молодецкие и чумацкие песни. Солдатские песни. Тюремные песни. Разбойничьи и балладные песни. Исторические песни. Духовные стихи.

Терещенко А. [В.] Быт русского народа : в 7 ч. Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел : Тип. воен.-учеб. заведений, 1848.

Ч. 1 : Народность. Жилища. Домоводство. Наряд. Образ жизни. Музыка.

Ч. 2 : Свадьбы.

Ч. 3 : Времячисление. Крещение. Похороны. Поминки. Дмитриевская суббота.

Ч. 4 : Забавы : Игры. Хороводы.

Ч. 5 : Простонародные обряды : Первое марта. Встреча весны. Красная горка. Радуница. Запашка. Кукушка. Купало. Ярило. Обжинки. Бабье лето. Братчины.

Ч. 6 : Обрядные праздники. Неделя ваий. Пасха. Русальная неделя. Семик. Троицын день. Первое апреля. Первое мая.

Ч. 7 : Святки : Святочные обряды. Святочные увеселения. Святочные гадания и переряживания ; Масляница.

Календарь

Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии. Т. 7. Санкт-Петербург, 1877. С. 265–480.

Круглый год : русский земледельческий календарь / сост., вступ. ст. и примеч. А. Ф. Некрыловой. Москва : Правда, 1989.

Матвеева Н. П. Солнцеворот: праздники, обычаи, предания : (церковно-народный месяцеслов). Киев : Укр. центр дух. культуры, 1995.

Русские простонародные праздники и суеверные обряды : в 4 вып. / изд. И. Снегирева. Москва : Унив. тип., 1837–1839.

Селиванов В. В. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии. Рязань : Тип. губерн. правления, 1887.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX — начало XX в. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1979.

Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. Санкт-Петербург : Паровая тип. М. М. Розеноев, 1899.

Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков : очерки по истории народных верований. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия ; т. 40).

Сказки, рассказы

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева ; АН СССР, Ин-т рус. лит. Москва ; Ленинград : Наука, 1964. (Памятники русского фольклора).

Великорусские сказки Вятской губернии / сб. Д. К. Зеленина. Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1915. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 42).

Великорусские сказки Пермской губернии / сб. Д. К. Зеленина. Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1914. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 41).

Малорусские народные предания и рассказы / свод М. Драгоманова ; Юго-Зап. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. Киев : Тип. М. П. Фрица, 1876.

Романов Е. Р. Сказки. Могилев : Тип. губерн. правления, 1901. (Белорусский сборник : в 8 вып. ; вып. 6).

Русская сказка : избранные мастера : в 2 т. / ред. и коммент. М. Азадовского. Москва ; Ленинград : Academia, 1932.

Русские народные сказки А. Н. Афанасьева : в 5 т. Изд. 4-е. Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913–1914.

Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / изд. А. М. Смирнов. Петроград : Тип. Рос. Акад. наук, 1917. (Зап. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 44, вып. 1–2).

Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.) / сб. Н. Е. Он-

чукова. Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1909. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 33).

Сказки и песни Белозерского края / записали Б. и Ю. Соколовы ; Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1915.

Сказки и предания Самарского края / собр. и запис. Д. Н. Садовниковым. Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1884. (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии ; т. 12).

Сказки и предания Северного края / запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Москва ; Ленинград : Academia, 1934.

Сказки космогонические и культурные / собрал Е. Р. Романов. Витебск : Типолитограф. Г. А. Малкина, 1891. (Белорусский сборник : в 8 вып. ; вып. 4).

Песни

Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями / сб. П. В. Шейна. Санкт-Петербург : Тип. Майкова, 1874.

Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / изд. П. Бессонов издержками О-ва любителей рос. словесности. Москва : Тип. Бахметева, 1871.

Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. : материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 1, вып. 1–2 / Имп. Акад. наук. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1898–1900.

Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. А. И. Соболевским. Санкт-Петербург, 1895–1902.

Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова ; АН СССР. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. (Литературные памятники).

[Лукашевич П. А.] *Малороссийские и червонорусские народные думы и песни*. Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца и К^о, 1836.

Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. Москва : Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1827.

Песни для русского народа, с приложением куплетов : в 2 т. / собр. М. Смирдиным. Санкт-Петербург : Тип. Деп. внеш. торг., 1859.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия : в 2 вып. /

О-во любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. Москва, 1911–1929.

Песни, собранные писателями : новые материалы из архива П. В. Киреевского / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1968. (Литературное наследство ; т. 79).

Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Ленинград : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Игры

Игры для всех возрастов : в 2 ч. Санкт-Петербург : Тип. воен.-учеб. заведений, 1844.

Игры народов СССР : сборник материалов / сост. В. Н. Всеволодским-Гернгросс, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. Москва ; Ленинград : Academia, 1933.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские : (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Типолитогр. В. Ф. Рихтер, 1895.

Загадки

Загадки / изд. подгот. В. В. Митрофанова ; АН СССР, Ин-т рус. лит. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. (Памятники русского фольклора).

Загадки русского народа : сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. Санкт-Петербург : Тип. Н. А. Лебедева, 1875.

Рыбникова М. А. Загадки. Москва ; Ленинград : Academia, [1932].

Указатель произведений

Первая цифра обозначает страницу текста, вторая — страницу комментария к нему.

Астрологические тексты

- «Велми мало выкладується зодіак...» 132, 501
Звездочтец 164, 503
Зодиак и тело человека 136, 501
Небо 163, 503
«Ныне же побеседуем...» 130, 501
О двенадцять звезд, которы служат седми планидам 157, 502
О звездном течении 142, 502
О Луне 144, 502
О небеси 130, 501
О седми планетах, сиречь великих мощных звездах 152, 502
О степенех зодиям 133, 501
«Солнце, Месяц и Перун — существа живые...» 157, 503

Предания, былички, рассказы

- «А в красном бору есть клад...» 217, 506
«А еще гадали, знаете как? Кокору пекем...» 255, 510
«А потом ходили еще камни кидали в пролубь...» 254, 510
Арахы 224, 507
«Бабка рассказывала, видела она черта...» 238, 509
Белая мука 179, 503
Бог и Дьявол 209, 505
«Бог сперва сделал землю...» 199, 504
Большая Медведица 105, 500
Бочка с золотом 238, 509
«Был у нас старичок...» 246, 510
«В водах живут утопшие фараоны...» 236, 509
«В восемнадцати верстах от деревни Горки...» 217, 506
«В Святки на ложках гадали...» 255, 510
В седьмом квартале 215, 505
«Ведьмы есть, в пещерах живут...» 261, 512
Вовколака 230, 508
«Вот которы знают ся с им, с бесом-то...» 238, 509

- «Гадали, на Новый год гадали...» 254, 510
«Говоря, человек можа в медведя превратиться...» 227, 507
«Два Бога было...» 215, 505
Два брата 207, 505
Девичьи зори 263, 512
Дети Неба и Земли 16, 498
Джелбеге 92, 500
Джельбегень 223, 507
Добрейший поп 261, 512
Дорога птиц (Млечный Путь) 87, 500
«Есть клад такой: горшок вертится, а в руки не дается...» 217, 506
Жена медведя 227, 507
«Жила старушка...» 247, 510
«Жила у аднэй дярёўни магучая жэнщина...» 227, 507
«Жили мы тогда в Онисимове...» 126, 501
Зарастающие озера 265, 512
Зачарованный погреб 265, 513
Зачарованный сад 264, 512
Златорогий Олень 18, 498
Змей — носитель всякого богатства 226, 507
«Из яра над рекой два комка земли обвалились...» 201, 505
«Ишел раз муж мой в 12 часов по лесу...» 220, 506
Как появился крокодил 14, 498
Как у нас молятся 244, 509
Кафтан с золотом 222, 506
Клад мертвой подушки 221, 506
Клад на Актау 184, 504
«Колдунья заколдует — и он оборотень...» 230, 508
«Колдунья, она очень хитрая...» 261, 512
Кончина старой земли и наказание Сатаны 271, 514
Кузьма-Демьян 226, 507
Лев Толстой и американцы 267, 513
Легенда о начале хлебопашества 212, 505
Летучий огненный змей 138, 501
Лопарь на небе 262, 512
Люди из яиц 210, 505
Лягушки — старые люди 233, 508
Максим-соловей и Анюшка-кукушка 232, 508
«Медведь женщину унес...» 229, 508
Мост Азамата 211, 505
«Мущина работув на поли, ды выронив крошку хлеба...» 248, 510

- Настоящий ученый (о Брюсе) 256, 510
Небо и Земля 191, 504
«Недалеко от деревни Заозерья есть небольшой остров...» 218, 506
«Недалеко от Тагая мужик раз лошадь искал...» 222, 506
«Недалеко от Чердаклóв есть дуб; под ним лежит клад...» 216, 506
«Нячистая сила во откуль...» 235, 508
О Змее, поедавшем хлеб 224, 507
О конце света и страшном суде 270, 514
О Ное Праведном 201, 505
О работавшей в праздник молодежи 107, 500
«Один человек на Кемчик, в тайгу на промысел пошел...» 220, 506
Откуда взялись русские 212, 505
Откуда знахари 213, 505
Откуда поп 214, 505
Папа римский 262, 512
Первая чета 198, 504
Перевозчик 253, 510
«Пёрши-на́-пирши была одна только вода...» 199, 504
Песня быков с золотых гор 268, 513
«По досюльному окиян-моря плавало два гоголя...» 198, 504
Погребение чудовища-змея 226, 507
«Потом еще гадали. Мололи, в жерна кидали иголку...» 256, 510
«Пошли два старика за золотом — клады рыть...» 217, 506
Прабкино ученье 240, 509
«Прежде было два солнца...» 223, 507
«Приехали мы с папой, с братцем коней пасти...» 219, 506
«Присни́лся маладухи сон...» 220, 506
Про Иванов цвет 29, 498
Про раков (об их происхождении) 31, 498
Рассказ Матрёшки Антоненкавый а сваей жисти 248, 510
«Русалка — черт. Она в воде живет...» 236, 509
«Русалки-то? Да, слыхивала...» 39, 499
«Русальная неделя? А, говорят, есть. Я не знаю...» 235, 508
Селивановская свинья 232, 508
Сказание о Матери Сырой Земле 40, 499
Смерть Адама и треблаженное древо 214, 505
Сотая змея 224, 507
«Сперва была только вода...» 200, 504
«У нас там росстани есь...» 237, 509
«У папы на глазах человек в медведя оборотился...» 230, 508
«Умерла вот в Старой Руссе девочка...» 116, 500

- «Умираў багатый мужик...» 218, 506
Уркер 183, 504
Ушедшая в землю церковь 266, 513
«Фараонами называют рыбы...» 123, 501
Хозяйка воды 236, 509
«Хто хоче мати з чортом справу і свою душу запродаати...» 238, 509
Чертовы коровы 239, 509
«Чертышко, он в реке живет...» 237, 509
Чудо на мельнице 50, 499
«Шишки-то и есть черти...» 237, 509
«Шла однажды женщина по деревне...» 246, 509
Шука 232, 508
«Я вам расскажу, когда мой дед помирал...» 120, 501

Сказки

- Антошка, медведь и черт 363, 518
Ванюшка и скверна 74, 499
Ворона и виноград 340, 517
Глиняшка 291, 515
Дева 66, 499
Дорогое имячко 327, 516
Дунюшка 72, 499
Заколдованный конь 152, 502
Золотая яблонька 22, 498
Иван злосчастный, мужик несчастный 320, 516
Иван-царевич в Подсолнечном царстве 358, 517
Каипора 139, 502
Как звери укладывались спать 135, 501
Как мужик на небо лез 138, 502
Как один эвенк на небе побывал 181, 504
Как появился месяц 154, 502
Как сажил мужик репу 340, 517
Как старуха сделала море 63, 499
Купеческий сын 169, 503
Лиса и волк 336, 517
Мальчик и дудочка 94, 500
Марья-царевна — лягушонка 272, 514
Месяц с небесного чердака 166, 503
О петухе красном и лисице прекрасной 293, 515
Орел-царевич и его сын 278, 514

Первая водяная лилия 176, 503
Петух и курица 368, 519
Поп Пахом 366, 518
Почему ушел Маву 156, 502
Про Елену, прекрасную девицу 297, 515
Про царевну 315, 516
Про царя Гороха 351, 517
Репка 98, 500
Рыба-Луна 144, 502
Рыбьи головы 367, 518
Своя радуга 295, 515
Семеро волков 147, 502
Сердитая барыня 365, 518
Сладкие коренья 130, 501
Смерть 337, 517
Снегурушка 324, 516
Уточка — золотой хохолок 287, 514
Чаревна — золоты косы 289, 514
Черепаша и крокодил 124, 501
Что мужик на небе видал 157, 503
Чудовище 145, 502
«Шел я мимо, видел диво...» 272, 514
«Я у их был, да мед пил...» 369, 519
Яичко 296, 515

Песни

«Ай, масляница, обманщица!..» 384, 520
«Батюшка Егорей...» 388, 520
«Белю, побелю белó полотно...» 423, 524
«Береза моя, березанька...» 391, 520
«Березка, березка...» 395, 521
«Везут бревно на семи лошадях...» 423, 524
«Весна красна!..» 386, 520
«Висять скатирти на папирти...» 422, 524
«Во лесу, во лесочке...» 394, 521
«Во поле было, во поле...» 399, 521
«Все бы я к тебе ходил...» 459, 528
«Гей у поли вышня, чому не черешня...» 449, 527
«Господи, благослови и уроди...» 389, 520
«Государь ты наш, Сидор Карпович!..» 411, 522

- «Дева Мария по земле ходила...» 419, 523
«Дома ль кум воробей?...» 456, 527
«За рекой живут мужики богатые...» 421, 524
«Зайчик беленикай, ушки череники...» 454, 527
«Заплетися, плетень, заплетися...» 450, 527
«Заяц белый, где был?...» 458, 527
«Золотые ключи во пшеницу ушли...» 422, 524
«Идет Смерть по улице...» 423, 524
«Как бывало мне ясну соколу да времечко...» 374, 519
«Как и по́-саду, саду́...» 438, 526
«Как идет ли кузнец да из кузницы...» 424, 524
«Как по морю, как по морю...» 445, 526
«Как при вечере, вечере...» 429, 525
«Как ты, утена...» 453, 527
«Как у нашего хозяина...» 409, 522
«Как ходила Коляда накануне Рож[д]ества...» 415, 523
«Калинку с малиною вода поняла...» 371, 519
«Коли не было з'нешада света...» 85, 500
«Коровка ходит по ельничку...» 426, 524
«Кострома моя, Костромушка...» 397, 521
«Кострома, Кострома...» 399, 521
«Кукушечка ряба!...» 396, 521
«Кулик-самарот...» 387, 520
«Купала на Ивана!...» 402, 521
«Курва, курва-масляница...» 384, 520
«Куручка-погребушечка...» 425, 524
«Летел коршун с чужой стороны...» 422, 524
«Летел соловей через житенку...» 420, 523
«Лодочка от одно́го берега отстала...» 427, 524
«Марья Ивана в жито звала!...» 405, 522
«Масляница загорела...» 383, 520
«Масляница, масляница...» 383, 520
«Масляница, обманщица...» 382, 519
«Масляница-блиноеда...» 382, 519
«Машина к станции подходит...» 460, 528
«Между горочек ишла...» 448, 526
«Мне ночесь, молодешеньке, мало спалось...» 431, 525
«Мы с миленочком сидели...» 460, 528
«На поляне, на лугу...» 394, 521
«На степи-то, степи, на Саратовской...» 372, 519
«Не брани, мамо, меня...» 460, 528

- «Не по сахару речка бежит...» 436, 525
«Не спала-то я, младшенька, не дремала...» 378, 519
«Не ясен-то ли сокол по горам летал...» 370, 519
«Новый год пришел...» 420, 523
«Ноньча Купáлы, завтра Ива́ны...» 400, 521
«Овсей, Овсей шел по дорожке...» 410, 522
«Окол Нового города...» 439, 526
«Ох, и слава Богу, что жито пожали!..» 408, 522
«Пашоў казёл и ў гарод...» 412, 522
«Плывет медведь по речушке...» 421, 523
«По горам хожу, полотно стелю...» 422, 523
«По лугам, по лугам разливалась вода...» 394, 521
«По морю, морю...» 433, 525
«Покумимся, кума, покумимся...» 395, 521
«Полно те, иголючка, в коробоцьке лежать...» 426, 523
«Пошли, Господи, в поле хлеба...» 389, 520
«Пришла Коляда накануне Рождества...» 415, 523
«Пророче божий Еремия...» 389, 520
«Проходила Коледа наперед Рождества...» 413, 523
«Прошли двory...» 380, 519
«Растворю я квашонку на донышке...» 423, 524
«Свился клен да с березою...» 425, 524
«Свинья ходит по бору, по бору...» 458, 527
«Святый Юрья, божий посол...» 390, 520
Семь загадок 444, 526
«Сидит воробей на Новом городе...» 426, 523
«Сидять галубычки на пралубычки...» 425, 524
«Скидывай портки...» 422, 524
«Скочил козел в огород...» 454, 527
«Слава богу, понемногу...» 460, 528
«Соловеечку, спадку, спадку!..» 451, 527
«С-под високого циряма...» 427, 525
«Ставь-ка, милка, самовар...» 459, 527
«Стоят санки сонаряжены...» 426, 523
«Стругал стружки добрый молодец...» 376, 519
«Таусень, летел соколок...» 409, 522
«Терень-ту зеленой...» 393, 521
«Тинька, тинька...» 379, 519
«Торóх, торóх по дорозе!..» 401, 521
«Ты прощай, прощай, красна девица!..» 433, 525
«Ты, дуброва моя, дубровушка...» 375, 519

- «Ты, Пречистая мать...» 407, 522
«Ты, пчёлынька...» 386, 520
«Ты, рябинушка, ты, кудрявая...» 377, 519
«У пана Ивана...» 405, 521
«У сахарного древичка одна была веточка...» 435, 525
«У сизого голубя...» 439, 526
«У Степана-то дом да на семи верстах стоит...» 437, 526
«Уж вы гуси, уж вы лебеди...» 428, 525
«Уж вы соколы, соколы...» 429, 525
«Уж вы, кумки...» 396, 521
«Уж мы вьем, вьем бороду...» 406, 522
«Уж ты верба, вербушка...» 442, 526
«Уроди, Боже, всякого жита...» 418, 523
«Уроди, Господи, на всякую долю...» 389, 520
«Уроди, Господи, на продажу...» 389, 520
«Ходит Илья на Василя...» 419, 523
«Ходит Микола по погребу...» 421, 523
«Ходить Илья на Василья...» 417, 523
«Ходить Илья на Василя...» 418, 523
«Хороним покойничка...» 385, 520
«Хоть играй, хоть не играй...» 460, 528
«Христос, полетишь на небеси...» 391, 520
«Цяй пила, баранки ела...» 460, 528
«Что на тоненькой ледок...» 458, 527
«Что не шаричёк по горенке каталсы...» 435, 525
«Щука шла из Нова-города...» 424, 524
«Юрий, вставай рано...» 390, 520
«Я на камешке сижусь...» 443, 526
«Я по жердочке шла...» 448, 526
«Яровая спорыня!..» 407, 522

Игры

- Баба сеяла горох 484, 529
Бык 461, 528
В волки 470, 528
В мертвеца 476, 529
В щуку 486, 529
Вареная репка 486, 529
Волк и дети (Медведь) 469, 528
Горелки 462, 528

Гуси и волк 463, 528
Гуси-лебеди 464, 528
Гуськи 474, 529
Заинька 466, 528
Змейка 461, 528
Золотые ворота 485, 529
Каравай 473, 528
Колесо 487, 529
Коршун 480, 529
Костромушка 471, 528
Молчанка 478, 529
Поймай за хвост дракона! 462, 528
Редька 476, 529
Рипка 487, 529
У гуси 464, 528
У медведя на бору 471, 528
У рэпу 477, 529
Утица 463, 528
Цепи кованые 473, 529
Щука 462, 528
Ящер 478, 529

Оглавление

От автора-составителя	4
Часть I, философическая. Про Солнце, про Машу да про заваренную ими кашу	5
Предисловие	6
Глава первая. Громовержец Перун, огнекудрый наш Бог . . .	8
Глава вторая. Мать Сыра Земля	37
Глава третья. Кто бабке не внук!	59
Глава четвертая. Посадил дед репку...	84
Послесловие	128
Часть II, астрологическая. Звездочтец	129
История первая. Раскололся сырой дуб на четыре границы...	130
История вторая. Яблочко катилось вокруг огорода...	142
История третья. По вечерам ежик ходил к медвежонку считать звезды...	163
Часть III, вивлиофическая. Жизнь — отрада, умирать не надо	197
Предания, былички, рассказы	198
Мудренó сотворенó: легенды о творении, или откуда что	198
Бог дал, бог и взял: о кладях	215
Вьется веревка, на конце — головка: о змеях	223
Обреченная скотина на дворе не животина: об оборотнях	227
Чертышко, он всяко прикидывается: русалки, лешие, водяные, черти...	235
Живем — хлеб жуем да думаем о горячих пирогах	240
Без смерти не умрешь: о конце света	270

Сказки	272
Клубок первый, золотого царства	272
Клубок второй, серебряного царства	297
Клубок третий, медного царства	340
Песни	370
Сказка складка, песня — быль	370
Песни годового круга	378
Свадебные песни	427
Хороводные, игровые песни	440
Частушки	459
Игры	461
Загадки	488
Часть IV, справочно-библиографическая	497
Комментарии	498
Часть I. Про Солнце, про Машу да про заваренную ими кашу	498
Часть II. Звездочтец	501
Часть III. Жизнь — отрада, умирать не надо	504
Старые меры	531
Символы и знаки	532
Источники текстов	533
Литература	544
Указатель произведений	549

Литературно-художественное издание

У медведя на бору

Книга сказок

Астрология. Метафора. Миф

✱

*Текст, составление, общая редакция,
подбор иллюстраций*
Ирина Щукина

Дизайн обложки
Фёдор Щукин

В оформлении обложки использованы репродукции картин
Уильяма Блейка («Адам и Ева в райском саду», 1808)
и Виктора Васнецова («Кощей Бессмертный», 1926
и «Георгий Победоносец», 1919).

Графическое оформление титула, шмуцтитулов, концовки глав
выполнены шрифтами Zodiac01, Zodiac03.

Подписано в печать 22.06.2021.

Формат 60 × 90/16. Бумага Colotech. Гарнитура PT Serif.
Печать цифровая. Объем 35 усл. печ. л. Тираж 20 экз.

Издательство «Эдитус»
125565, Москва, Ленинградское ш., д. 80, стр. 1, оф. 13.

Отпечатано в типографии «П-Центр»
129515, Москва, ул. Академика Королева, д. 13, оф. 902.

